

4

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ

ISSN 0206-8680

КИНОСЦЕНАРИИ

1988

ИЗДАЕТСЯ
С 1973 ГОДА

КИНОСЦЕНАРИИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

Сценарии

- 4 *Г. Бокарев*
ПЕРЕД РАССВЕТОМ
- 22 *Р. Тюрин*
ПРЕДПОЛЬЕ
- 39 *Н. Толмачева*
ЗЯБЛИКИ
- 60 *С. Волченко*
**ШАСТИН-ХАН,
ИЛИ ЛИНИЯ ЖЕЛЕЗНОГО ПОЗВОНКА**
- ТАНЦУЕТ ДОКТОР ГЛОТОВ**
- ОСЛЕП МЕДВЕДЬ**
- 75 *А. Бизяк, О. Родионов*
НИ К СЕЛУ, НИ К ГОРОДУ
- 86 *А. Усов*
КОМДИВ ЖУКОВ. ХАЛХИН-ГОЛ. 1939 ГОД
- Точка зрения**
- 174 *Н. Рюрикова*
Конкурсы на лучший сценарий
- Информация**
- 187 **«ПОЛКА»**
- 192 **Наши авторы**

4

1988

ГОСКИНО СССР
МОСКВА • 1988

Главный редактор **Е. ГРИГОРЬЕВ**

Редакционная коллегия:

**О. АГИШЕВ, Ю. АРАБОВ, Е. ГАБРИЛОВИЧ,
В. ГОЛОВАНОВ, Р. ИБРАГИМБЕКОВ, Б. МЕТАЛЬНИКОВ,
В. СОЛОВЬЕВ, В. СЫТИН, В. ТРУНИН, В. ЧЕРНЫХ**
Ответственный секретарь **А. ЛОКТЕВ**

Выпуск подготовили к печати:
**О. ГОРБАЧЕВА, Н. РЮРИКОВА,
Т. ПОКРОВСКАЯ, М. СЕРГИЕНКО**

Технический редактор **Л. МАРКОВА**
Корректор **И. АВETИСОВА**
Мл. редактор **Т. ЕРМОЛОВА**

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

© В/О «Союзинформкино»

Сдано в набор 13.09.88. Подписано к печати 20.10.88. А01666.
Формат 70×100¹/₁₆. Усл. печ. л. 15,6+0,32. Уч.-изд. л. 22,11.
Усл. кр.-отт. 796,0 тыс. Печать офсетная. Бумага типограф. «Сыктывкар»
Гарн. таймс. Тираж 92 000 экз. Заказ № 2207. Цена 1 р. 20 к.

Всесоюзное объединение «Союзинформкино»
109017, Москва, Б. Ордынка, 43. Тел. 231-11-33.
Адрес редакции: 103006, Москва, Воротниковский пер., д. 12.
Телефон 299-47-74.

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат В/О «Союзполиграфпром»
Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
142300, г. Чехов Московской области.

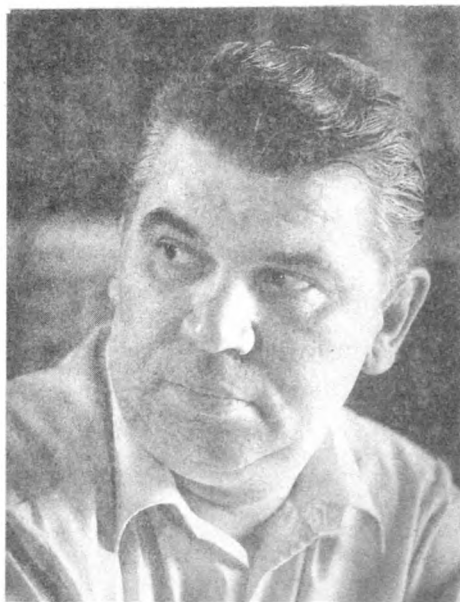
ИТОГИ

Подведены итоги очередных сценарных конкурсов. Состоялся еще один выпуск сценарного факультета ВГИКа.

Кинодраматурги разных поколений в художественном и документальном кино вглядываются в ЧЕЛОВЕКА. С ним, с его судьбой связаны наши надежды...

К сценарию «Комдив Жуков.
Халхин-Гол. 1939 год»

Победитель конкурса на лучший сценарий художественного фильма о советской молодежи

**Геннадий
БОКАРЕВ**

ПЕРЕД РАССВЕТОМ

*Может быть, это было.
Может быть, этого не было.
Но это могло быть.*

Был теплый летний вечер. Вечер после душного дня. И он, этот вечер, был бы вполне ласков и тих, если бы на западе не ворочались тяжело черные тучи да не доносился бы из-за их горбатых спин ровный глухой гул — так обычно долгая и великая сушь сменяется обвальнoй грозой.

Но это была не гроза. Это было гораздо страшнее. Это было настолько страшно, что лица сотен людей, сбившихся в плотную массу на грузовой железнодорожной площадке, были отмечены крайней степенью ужаса — серой паутиной обреченности.

Здесь были только женщины, дети и старики. Одетые кто во что, явно не по погоде, а так, как одеваются в далекую и неведомую дорогу, с баулами, котомками и чемоданишками, понуро стояли они перед нечастой цепью красноармейцев с винтовками, приставленными к ноге. За спинами красноармейцев, у рампы грузовой площадки, стоял длинный товарняк, составленный из разнокалиберных побитых теплушек, платформ и пульманов. Двери вагонов были закрыты наглухо, а на платформах, под брезентом, угадывались очертания каких-то громоздких предметов — похоже, станков. На платформе, прицепленной к паровозу, стояла пулеметная зенитная установка — счетверёнка. А на предпоследней — обыкновенный «максим», под-

нятый на деревянные козлы и приспособленный для стрельбы по воздушным целям.

И было вокруг очень тихо. Ни возгласа, ни шепота. Только несмолкающий грозный гул на западе да неровное, частое дыхание паровоза. Но когда он вдруг коротко и тревожно вскрикнул, раз и другой, толпа отозвалась сразу. Сначала колыхнулась туда-сюда, потом загудела. Все сильнее и сильнее. Послышался пока еще негромкий детский и женский плач.

Какой-то мужичок в старом зимнем махлае, продираясь сквозь толпу к цепочке охраны, взвыл неожиданно громко:

— Граждане-и! Это, значит, что жа? Железу всякую увозют, а людям тут пропадать?! Лезь на поезд, граждане! Баб, детишков сажай!

— Куда тебя несет, шалопут? — хватала его за рукав женщина в теплом платке. — Они — вот они, с ружьями-то! Как раз сядешь!

— Небось! Не стрельнут! Свои, чай!

— Мало что свои! А как стрельнут?

— Все едино, от кого смерть примать? Что от тех, что от этих! Садись, граждане! Не бойсь!

Толпа глухо взревела, качнулась к вагонам. Красноармейцы тревожно закрутили головами. Некоторые нерешительно взяли винтовки наперевес. Запокрикивали:

— Стой! Назад! Назад, говорю!

Толпа с опаской, медленно, но приближалась. Лица красноармейцев становились все растерянее. Кое-где щелкнули затворы. И почти тотчас взлетел над толпой чей-то надорванный голос:

— Стой! Стрелять буду! Стой! Эшелон специального назначения! Вас вывезут через два часа! Назад! Осади назад! Стрелять буду!

Кричал пожилой военный с капитанскими петлицами. Кричал и отчаянно размахивал рукой с зажатым в ней наганом.

Толпа приостановилась было, но сзади нажали, и стена испуганных женских и детских лиц придвинулась ближе.

— Взво-о-д! — протяжно прохрипел капитан, подняв руку с наганом. — На прицел!..

Красноармейцы частью подчинились, а частью недоуменно уставились на страшно искажившееся лицо капитана.

Вдруг гвалт, крики и плач разом стихли, будто на них дунули. Все головы повернулись к въезду на грузовую площадку. А там, у въезда, замаячила большая и круглая туша. Мерно покачиваясь, поднялась на площадку. И все увидели, что это — слон. Самый настоящий, самый обыкновенный, и в то же время совершенно необыкновенный, до странного странный на этой пыльной площадке, ограниченной с одной стороны замершей от изумления толпой, с другой — бесконечной шеренгой железнодорожных вагонов.

Капитан медленно опустил руку с наганом да так и остался стоять с открытым ртом. Красноармейцы расслабились, опустили винтовки и повернулись к толпе спинами. А слон шел и шел следом за усталым маленьким проводником, осторожно ступая на забинтованную ногу.

— Извините, товарищи, — монотонно повторял проводник, щупая толпу воспаленным взглядом. — От самого Минска пешком идем. Извините, товарищи. Он устал и ранен. Больше идти не может. Извините, товарищи! Из-под Минска пешком...

Слона провожали взглядами. Изумленными, любопытными, восхищенными. Кое-где появились робкие улыбки. Послышались голоса:

— Мама, кто это? Слон, да?

— Слон, детка, слон...

— А почему у него ножка завязана?

— Болит...

— Зоопарк где-нибудь разбомбили. Или цирк, — произнес мужской голос.

— Надо же, — вздохнула женщина в теплом платке. — И этакая животино в отступ пошла...

— Она-то пошла! — отозвался мужичок в малахае. — Она-то жить останется! А мы все тут погнем!

— Будет тебе! — оборвали его несколько голосов. — Вишь, сколько пешком шел! Пускай прокатится!

Из толпы начали высовываться детские замурзанные ладошки с корочками хлеба, мелкими яблоками, комочками слипшихся карамелек... Слон по ходу аккуратно принимал это нехитрое угощение добрым замшевым хоботом и благодарно покачивал головой...

Хвостовая теплушка эшелона, сцепленная с пулеметной платформой, была тоже охвачена полукольцом охраны. Но очень плотным. Точнее, это была не охрана даже, а конввой: внутри этого полукольца стояла шеренга скучных людей, одетых в тюремные клифты и ботинки. Только один из них, молодой, с непонятно как сохранившейся шевелурой и франтовскими усиками, был одет в наимоднейший по блатным понятиям костюм и такие же «корочки».

Поодаль стояли майор и лейтенант войск НКВД. По команде майора заключенных вводили внутрь теплушки. Одного за другим.

Майор, должно быть, человек бывалый и научившийся ко всему относиться с юмором, был откровенно весел и жизнерадостен, а лейтенант, которому было лет двадцать или чуть за, был мрачен не по годам и смотрел на тех, кого отправляли в теплушку, с нескрываемой ненавистью.

— Зека Терещук! — в очередной раз провозгласил майор. — Милости просим!

Очередной заключенный взобрался в теплушку.

— Зека Анисимов! Будьте любезны!

К теплушке зашагал следующий.

— Нарушаем, товарищ майор, — негромко сказал лейтенант. — Вагон для транспортировки опасных преступников не приспособлен. Не имеем права.

Майор искося глянул на него. Усмехнулся.

— Мы с вами, коллега, тоже для этих операций не приспособлены. Нас учили решать другие задачи. А что делать?

— Эй, граждане начальники! — подал голос усатый. — Кончайте из нас, приличных воров, фраеров делать! Увозите вон баб с пацанятами, а нам дайте по винту и — туда!

Он кивнул головой на запад, где все так же тяжело гудело.

— Молчать! — крикнул лейтенант, а майор сказал ласково:

— Твое дело, дружок, на нарах загорать. Там такие, как ты, не требуются. Тем более с винтами. В спину ведь стрелять начнешь!

— Я?! Обижаеть, начальник! Не взяли бы меня вчера, я бы сегодня там был!

И воевал!

— Молчать! — еще громче крикнул лейтенант. — Марш в вагон!

Усатый насмешливо передернул плечами и двинулся было к теплушке, но тут внимание майора и лейтенанта было отвлечено появлением еще трех человек — двух конвоиров и одного сопровождаемого. Остановился и усатый.

— Товарищ майор! Задержан в прифронтной полосе! — кивнув на сопровождаемого, человека средних лет в телогрейке, суконых, кое-где прожженных брюках и ношеных, но крепких сапогах, отрапортовал один из конвоиров. — Приказано доставить к вам для отправки в тыл!

Он протянул майору плотный пакет. Майор взял, надорвал, вынул лист бумаги, быстро прочел. Остро глянул на человека в телогрейке.

— Слава богу! А мы вас ждем-ждем!.. Добро пожаловать, голубчик!

Тот не реагировал. И майор сказал лейтенанту:

— Пятьдесят восьмая. Из спецлага ушел. Месяца два назад. Большой специалист! Всю Россию протопал. А здесь влип... — И обратился к задержанному: — Куда поспешать изволили? К освободителям?

Человек в телогрейке молчал и, казалось, даже не видел ни лейтенанта, ни майора.

— Отвечать! — жестко сказал лейтенант.

— Не торопитесь, коллега. Ответит. На все вопросы, которые ему зададут. Кто устроил побег, кто помог до линии фронта добираться. Ну и прочие мелочи... Грузите этот сибирский фрукт с богом! И — по домам!

Лейтенант рванул из кобуры «ТТ». Ткнул стволем в обтянутую телогрейкой спину.

— Вперед!

Спина качнулась. Человек пошел. Поднялся в теплушку.

— Порядок! — сказал усатый. — Политику погрузили, слоника тоже. Теперь, выходит, моя очередь?

— Твоя, милый, — подтвердил майор. — Резвись. А то зверинец неполный.

Усатый прыгнул в теплушку.

— Теперь полный! — сказал он. — Будьте здоровы, гражданин начальник!

— Счастливого пути, дружок!

Дверь теплушки с грохотом захлопнулась. Брякнула щеколда. Один из конвоиров вставил в ее проушину толстый стальной болт. Стал накручивать гайку. А лейтенант вернулся к майору.

— Примите документы, — сказал майор.

Лейтенант принял, начал аккуратно укладывать их в планшетку. А майор добавил:

— Ваша задача — доставить их в город. Там вас встретят. Сдадите товар по пре-

скуранту. Смежникам. А этого землепроходца примут наши... В случае малейшей опасности — ликвидировать немедленно!

Лейтенант понимающе кивнул. Майор облегченно вздохнул и улыбнулся.

— Ну, лейтенант, давайте прощаться! Вам — туда, а мне — туда! Наконец-то настоящая работенка подвернулась! Лоб в лоб! Надоело пустяками заниматься!

— Что значит пустяками, товарищ майор? — преувеличенно бесстрастно спросил лейтенант.

— Это значит, настоящего врага не терпится за слабое место пощупать! Что тут непонятого, лейтенант?

— По-вашему, враги — те, которые там?

— А по-твоему, везде?

— Эти — тоже враги! И еще неизвестно, которые страшнее!

Майор помолчал и спросил:

— Давно в органах?

— Пятый месяц! — с вызовом ответил лейтенант.

— Попал как?

— Доброволец!

— Партийная ячейка направила?

— Комсомол!

— А меня — партия. В двадцать девять том...

Майор помолчал еще. Потом опять улыбнулся.

— Ну, будь здоров, лейтенант! Мы с тобой, конечно, вряд ли встретимся. А жалы.. Годиков через пять-шесть мы бы с тобой славно поговорили! Было бы о чем!..

— Мы обязательно встретимся, товарищ майор. Обещаю, — твердо сказал лейтенант. — И поговорим.

Майор крутнулся на каблуках, скомандовал конвою:

— Становись!

Конвой мгновенно построился.

— За мной шагом — марш!

И зашагал впереди колонны, насвистывая что-то чрезвычайно веселое.

Почти в то же мгновение, лягнув буферами, тронулся и эшелон. Трое конвоиров, оставшиеся с лейтенантом, вскочили на тормозную площадку, где уже сидел пожилой человек в форменной тужурке и фуражке. Последним встал на подножку лейтенант. Он все еще пристально смотрел туда, где скрылся в наступающих сумерках маленький отряд майора.

Была самая середина светлой летней ночи. Теплушку сильно болтало. Железнодорожник, положив одну руку на барьер площадки и уместив на ней голову, дремал, не спуская другой руки с рукоятки тормоза. Двое конвоиров спали на полу у его ног. Третий конвой и Лейтенант сидели на под-

ножках по обе стороны площадки и время от времени поглядывали на закрытые двери и заколоченные досками окна теплушки.

Внутри теплушки царил такой мрак, что почти не видно было даже силуэтов ее обитателей. Они едва угадывались и были неподвижны: все спали. Только Политический лежал на спине и, закинув руки за голову, неотрывно смотрел в потолок.

Скрипела теплушка. Стучали колеса.

Так же торопливо стучали колеса. Тормозную площадку все так же качало и встряхивало. Теперь по бокам ее на подножках сидели два других конвоира. Третий спал. Спал и Лейтенант, крепко прижимая к груди планшетку с документами. А над горизонтом уже проклюнулся краешек солнца.

В теплушке было по-прежнему темно и по-прежнему все спали. Только Политический, отыскав щель пошире между закрывавшими окно досками и прижавшись к ним лицом, жадно вглядывался в пронсящие мимо поля и перелески. И по лицу его почему-то стекал пот...

Но вот впереди истерично закричал паровоз. Теплушка как-то странно дернулась. Спящие начали один за другим просыпаться. А паровоз все кричал и кричал.

Вдруг совсем рядом, за передней стеной теплушки, оглушительно ударил пулемет. Заключенные оцепенели. И почти тотчас в задней стене начали стремительно появляться круглые дыры. С жестяным скрежетом снаряд расплосовал крышу теплушки. Несколько человек, нелепо взмахнув руками, повалились на пол. Кто-то закричал. Остальные, прикрывая голову, попадали на пол, полезли под нары, отталкивая друг друга и задыхаясь. А над теплушкой дико провыл самолетный двигатель и послышался грохот быстро удаляющихся взрывов.

Короткая пауза — и снова затрещало дерево, заскрежетало железо, полетели щепки, и в задней стене опять стали стремительно появляться дыры, через которые узкими лучами врывалось яркое солнце...

На тормозной площадке железнодорожник сидел в той же покойной позе и так же держал правую руку на рукоятке тормоза. Только форменной фуражки на нем уже не было да по седоватой голове и согнутой спине растекались темные пятна.

Конвоиры, присев за тонким дощатым барьерчиком, не отрываясь смотрели на заходящий с хвоста эшелона самолет. Только Лейтенант, стоя во весь рост и подняв руку с пистолетом, ждал.

Треск дерева за спиной у Лейтенанта. Несколько раз дернулась его рука с

пистолетом. Один из конвоиров мешком вывалился с площадки, покатился с крутой насыпи.

— Товарищ лейтенант, товарищ лейтенант! — всполошно крикнул один из оставшихся конвоиров. — Там!.. Там!.. Смотрите!

Лейтенант глянул и увидел чистое утреннее небо, покрытое серыми нарывами парашютов. Некоторые из них успели обмякнуть на земле, по обе стороны насыпи, и оттуда уже доносился на удивление слабый треск автоматных очередей.

Лейтенант опустил руку с пистолетом. Выбросил стреляную обойму, вставил новую.

— По десанту противника беглый — огонь!

Конвоиры вскинули было винтовки, но теплушка вдруг затормозила так резко, что всех, кто был на площадке, живых и мертвых, с размаху швырнуло на стенку. А паровоз впереди кричал и кричал...

В теплушке те, кто был еще на ногах, паниковали. Молча, остервенело ломались в двери. Только Политический все еще смотрел в щель.

Вот он отшатнулся, сорвал с себя телогрейку, обмотал ею кулак и ударил по доскам. Раз, другой. Одна из досок затрещала и подалась.

К окну тотчас бросились остальные.

— Давай, политика, навешивай! — одобрил Усатый. — Вижу — можешь!

Еще удар. Еще — и одна из досок вылетела. За ней — вторая. И Усатый восхищенно покрутил головой:

— В пятый побег иду и, похоже, опять в хорошей компании!

А на нары уже карабкался щупленький человечек со сморщенным личиком.

— Сынки! Дозвольте первому, а! Пожалейте старика! Сынки!

Политический подхватил его за руку. Усатый нажал сзади.

— Сыпь, папаша! Старикам везде у нас дорога!

Папаша сунулся было к окну, но его опередил здоровенный детина. Вынырнув из-под нар, он разметал всех, протиснулся в окно по пояс, потом — до бедер. Но тут ноги его дернулись и обвисли.

— Один готов! — сказал Усатый и поехал. — Кто следующий!

— Берись! — сказал Политический.

Они вдвоем вытолкнули тело наружу.

— Папаша! — скомандовал Усатый. — На выход! С вешами!

Тот заматал головой и попятился.

— Сявки! Кто из вас фартовый?

Ни один из оставшихся даже не шелохнулся. Усатый переглянулся с Политическим, махнул рукой.

— Фраера! Причем мелкие!

И нырнул в окно головой вперед.

Он упал на четвереньки. Быстро вскарабкался по откосу насыпи, юркнул под вагон. Прилег, быстро и цепко огляделся.

Десантники охватывали эшелон с двух сторон. Их сдерживал огонь снятого с козел и поставленного между задними колесами «максима». Стреляли и два конвоира — с каждой стороны по одному, но этот редкий винтовочный огонь был десантникам не очень страшен. Они, хоть и медленно, но приближались.

Еще Усатый увидел, что Лейтенант лежит к нему спиной, рядом с конвоиром. Второй конвоир лежал неподалеку от Усатого и, положив винтовку на вещешок, тщательно целился.

Усатый подполз к нему. Легонечко дернул за рукав.

— Дядя, дай выстрелить!

Тот молча продолжал целиться.

— Тогда сам стреляй, что ли!

Тот не отвечал и не двигался.

— Ты чего, дядя?

Конвоир молчал. Тогда Усатый заглянул ему в лицо, увидел посреди лба аккуратную дырку, вздохнул:

— Эх, дядя, дядя!..

Осторожно взял у него винтовку. Щелкнул затвором. Прицелился, выстрелил, улыбнулся. Глянул через плечо на Лейтенанта, позвал:

— Гражданин начальник! Поздравьте уркагана с почином!

Лейтенант рывком обернулся, замер на мгновение, потом вскинул было пистолет, но Усатый, успев подмигнуть, снова припал к винтовке. А стрелять в спину Лейтенант, должно быть, еще не научился.

Но Усатый вдруг вытянул шею, даже привстал и, снова обернувшись, позвал растерянно:

— Начальник, гляди! Гляди, начальник! Это они чего?!

Лейтенант метнулся к нему, глянул. Увидел, как от насыпи навстречу десанту бегут двое в тюремном с высоко поднятыми руками.

— Сволочи! — сквозь зубы сказал Лейтенант и вскинул пистолет.

— Погоди, начальник, — сказал Усатый. — Далеко. Не возьмешь.

Он прицелился. Выстрелил. И попал. Второй беглец опустил руки, пригнулся и, петляя, помчался вскачь. Теперь Усатый ловил его на мушку довольно долго. И все-таки свалил. У самой кромки густого кустарника, откуда потрескивали автоматы.

— Как в тире: рубль — пара! — сказал он Лейтенанту и опять подмигнул. — С тебя, начальник, пачка папирос!

Лейтенант не успел достойно отреагировать: пулемет под колесами внезапно

смолк. Автоматчики сразу поднялись и беглым шагом стали приближаться к эшелону. Лейтенант после короткого замешательства бросился к пулемету. Но его определили: кто-то уже возился у пулемета. И этот же кто-то, схватив пулемет за скобу, развернул его и, выдернув из-под колес, побежал по железнодорожному полотну прочь от вагонов.

— Да это же Политика! — ахнул Усатый. — Куда это он? Не по наши ли души?

Лейтенант выстрелил. Но силуэт Политического был перечеркнут задней осью и какими-то металлическими штангами, и пуля с визгом ушла в сторону. Лейтенант хотел выстрелить снова, но затвор пистолета так и остался взведенным — кончились патроны.

А Политический, похоже, и впрямь собирался открыть огонь по тем, что укрылись под вагонами. Он присел за пулеметом, и теперь ему оставалось только нажать гашетку.

Лейтенант лихорадочно менял обойму. Усатый причитал:

— Все, начальник! Кончит нас сейчас эта контра! Хана!

И он уткнулся лицом в шпалы. А Лейтенант, вставив наконец обойму, поднял голову и увидел, что Политический, развернув пулемет, заставил лечь атакующих справа, потом, перекинув ствол, положил тех, что атакowali слева. И так, стоя на коротких, перебегая то влево, то вправо, он окончательно прижал атакующих к земле.

Лейтенант опустил пистолет, а Усатый окровавленно восхитился:

— Артист! Прямо звезда эстрады! Сразу видно — враг! Махровый!

Вдруг, словно о чем-то предупреждая, орывисто засигналил паровоз.

— Чего такое? — удивился Усатый. — Поехали, что ли?

Но еще больше удивился он, а вместе с ним и Лейтенант, когда колеса вагона дрогнули и провернулись едва заметно. Но не вперед, а назад.

— Точно поехали! Только куда?! Пора уходить, начальник!

Они выкатились из-под вагона, глянули вперед и увидели, что паровоз с частью вагонов, набирая ход, удаляется, а другая их часть остается неподвижной.

— Вот так номер! — догадался Усатый. — Не смогли на подъеме весь состав взять и бросили половину!

Вагоны ускоряли ход. Автоматы затрещали гуще.

— Все, начальник! Отвоевались! Когти рвать надо! Хоть куда, только подальше отсюда! Здесь — концы!

Он подхватил винтовку, вещмешок, догнал тормозную площадку, влез. Следом за ним — Лейтенант.

Политический все еще держал десантников на земле. А когда теплушка приблизилась к нему почти вплотную, отсоединил ствол пулемета от станка, поднял его над головой, швырнул о рельс и схватился за барьер площадки. Тоже влез.

Вагоны катились все быстрее и быстрее...

Они остановились там, где колея прорезала густой, залитый уже высоким солнцем лес. Трое теньями соскользнули с площадки, упали в густую траву. Вглядывались и вслушивались. Но все вокруг было так безмятежно, зелено и светло, стояла такая березовая и сосновая тишина, что ее не могли нарушить ни самозабвенное пение птиц, ни стрекот безумствующих кузнечиков. Наконец Усатый встал.

— Похоже, без шухера, — сказал он и, повесив винтовку на плечо, подошел к теплушке. Лейтенант и Политический подошли тоже.

Оглядев теплушку, Усатый только сплюнул и покрутил головой — так была она издырявлена и исхлестана пулями. Потом изучил запор, усмехнулся и начал свинчивать гайку. Свинтил. Лязгнула откиннутая щеколда. С протяжным скрипом отъехала дверь.

В теплушке, насквозь просвеченной солнечными лучиками, было мертво и абсолютно тихо.

Усатый прыгнул внутрь. Обвел теплушку долгим взглядом и вздохнул:

— Спи спокойно, гражданин начальник. Эти уже никуда не побегут...

Спрыгнул на землю и спросил:

— Ну, а дальше как жить будем? Вместе или врозь?

— Сдайте оружие, — негромко сказал Лейтенант.

— Что? — не понял Усатый.

— Сдайте оружие, — так же тихо повторил Лейтенант.

— А ты мне его давал? — помолчав, еще тише спросил Усатый.

— Приказываю сдать оружие! — повысил голос Лейтенант и положил руку на кобурку. — За непослушание — расстрел на месте!

— Не лапай свой шпалер, мальчик, — пропел Усатый и, не поднимая приклад к плечу, навел ствол винтовки на Лейтенанта. — Я тебе раньше заделаю...

Пауза была недолгой, но такой, что, казалось, на мгновение смолкли и пение птиц, и пронзительный стрекот кузнечиков.

— Отдай, — сказал Усатому Политический.

— Чего? — заартачился Усатый.

— Что тебе, жалко, что ли!

Усатый сплюнул, бросил винтовку на землю, повернулся к Лейтенанту спиной и заложил руки профессиональным жестом заключенного со стажем. Политический проделал то же самое и не менее профессионально.

Лейтенант поднял винтовку, проверил магазин, повесил ее на плечо. Вынул пистолет из кобуры, сунул за ремень. И командовал:

— Вдоль железнодорожного полотна шагом — марш! Не оборачиваться! И не разговаривать!

— Не пройдем, — не оборачиваясь, сказал Политический. — Впереди — река. И мост. А он наверняка захвачен.

— Ты откуда знаешь? — удивился Усатый.

— Знаю...

— Здешний, что ли?

Политический не ответил.

— А где пройдем?

— Надо как можно скорее сообщить в город. О десанте.

— Это как же? Тут тебе ни почты, ни телеграфа!

— Дом отдыха недалеко. Километров семнадцать. Там телефон.

— Тогда веди!

Политический пожал плечами. Лейтенант, конечно, слышал все и все понял, но не переставал колебаться.

— Так что, начальник? — не оборачиваясь, спросил Усатый. — Будем стоять, пока не возьмут, или-таки покажем от греха?

— Ведите, — сказал Лейтенант. — Но предупреждаю: шаг влево, шаг вправо — считается побег.

Усатый снова сплюнул, а Политический зашагал к лесу. Усатый было тоже, но тут же остановился так неожиданно, что Лейтенант едва не уткнулся в его спину. Мгновенно отскочил и схватился за пистолет.

— Начальник! — по-прежнему не оборачиваясь, сказал Усатый. — Я сидор в купе за был. Позвольте захватить?

— Нет.

— А почему?

— Я вам мародерствовать не позволю. Теперь Усатый повернулся к нему лицом. Улыбнулся сожалеюще.

— Зря, начальник! Зря я тебя не шлепнул.. Ты мне чужую масть не клей. Я мародером никогда не был. Я — вор! Вором и помру... В солдатском сидоре ничего, кроме чистых портянок и кое-какой жратвы, не бывает. Жратва мертвым ни к чему. А мы без нее далеко не уедем... Ну, брать или тут оставить?

Лейтенант понимал, что оставлять вещмешок глупо, но и сдаться не мог.

— Бери, — сказал Политический.

Усатый усмехнулся. Подошел к площадке, взял вещмешок, демонстративно надел его на плечи. И скоро все трое скрылись в лесу.

Они шли осторожно, но быстро. Впереди — Политический, следом — Усатый с вещмешком за спиной, последним — Лейтенант с винтовкой на плече и с пистолетом за поясом. Шли, видимо, довольно давно, потому что солнце уже начинало садиться, а сами они выглядели изрядно уставшими. Особенно Лейтенант. Однако он шел и шел, стараясь не отставать.

Вот Политический круто остановился и поднял руку. Усатый и Лейтенант замерли тоже. И слышали не очень далекий и не очень спешный рокот мотора и чей-то до крайности веселый, захлебывающийся смех. Это было так странно, что все трое недоуменно переглянулись. Потом, не сговариваясь, двинулись на эти звуки. Добравшись до опушки, залегли, продвинулись еще чуть и...

Перед ними открылось широкое поле. На краю его, ближе к опушке, стояли два боевых мотоцикла с пулеметами в колясках. А чуть поодаль, обезумев от ужаса, метался какой-то человек явно русского обличья: его лениво преследовал третий мотоцикл с помиравшими со смеху водителем и колясочником. Они не пытались догнать беглеца и сбить его. Они потешались, гоняя его по полю, как гончая — зайца. Человек явно изнемогал от усталости и страха, а зрители и участники травли тоже изнемогали — от смеха. И кричали по-немецки что-то оскорбительное.

Трое смотрели на все это и дышали едва ли не тяжелее, чем загнанный человек на поляне.

— Встань! — скрипел зубами Усатый. — Встань, паскуда! Остановись! Не будь фраером!

Но человек бегал и задыхался, а те, другие, хохотали.

— Дай! — сказал Политический, протянув руку к Лейтенанту и не сводя глаз с творившегося на поляне. — Винтовку дай!

Лейтенант не ответил, а с поляны доносились всхлипывания и раскаты смеха.

— Дай! — повторил Политический.

Лейтенант разлепил пересохшие губы.

— Заключенным доверять оружие не положено.

— А там, на насыпи, было положено?! — едва не в полный голос крикнул Усатый. — Тогда стреляй сам!

— Нельзя. У них мотоциклы и три «МГ». А я должен доставить вас по назначению.

— Эх! — замотал головой Усатый. — Чего ж я, дурак, вовремя тебя не завалил! Сто бы грехов мне сразу простилось!

Он хотел добавить еще что-то, но умолк на полуслове: человек на поляне встал. Остановился. В десятке метров от него остановился и мотоцикл, и водитель крикнул весело:

— Беги, рус, беги! Шнель, шнель!

Человек, едва стоявший на ногах, сделал определенный жест и ответил:

— А это ты видел? Ты скоро сам от меня побежишь, сволочь! Вместе со своим Гитлером!

Мотоцикл бешено взревел, рванулся, с полного хода ударил коляской. Человек взлетел в воздух и рухнул.

На поляне стало тихо. Все три мотоцикла съехались в кучу. Мотоциклисты, не покидая колясок и седел, закурили, все еще оживленно переговариваясь и пересмеиваясь.

Усатый прямо-таки стонал от ярости и бессилия, а Политический закрыл глаза ладонями и уткнулся лицом в траву, когда над ними прогремел первый выстрел. Они вскинули головы и увидели, что Лейтенант стреляет из пистолета, как в тире по мишеням, стоя во весь рост. Один за другим прогремели еще несколько выстрелов.

Кто-то из водителей повалился на бензобак, кто-то крикнул испуганно, кто-то от боли, прежде чем послышалась ответная автоматная очередь.

Все трое разом кинулись в чащу. Вслед им заревели пулеметы и мотоциклетные моторы. Пули бешено рвали землю, срезали ветки и листья, тупо ударяли в древесные стволы, а трое бежали...

Они устало брели по ложу небольшого лесного ручья. Лейтенант — из последних сил. Увидев на берегу уютный лужок, окруженный со всех сторон деревьями и кустами, он хрипло выдал:

— Стой! Привал на сорок минут...

И первым повалился на траву, но так, что за спиной у него был лес, а перед ним — лужок, ручей и оба сопровождаемых. Оперся спиной о дерево, положил винтовку рядом и с наслаждением вытянул ноги.

Политический прилег почти у самого ручья, а Усатый снял вещмешок и, встав на колени, принялся изучать его содержимое. Сначала достал полотенце и обнаружил в нем хлеб и сало. Потом изыск банку мясных консервов и завернутые в чистую портянку котелок, кружку, ложку, а в котелке обнаружил початую пачку чая.

— Что я говорил! — обрадовался он. —

Вот вам портянки, а вот вам и шамовка! Запасливый был солдатик. Спасибо ему... И вечная память!..

Он отложил мешок и оживленно вскочил на ноги.

— Сейчас дровишек соображу — чайком побалуемся!

— Всем оставаться в пределах видимости, — сказал Лейтенант. — Иначе буду вынужден применить оружие.

Политический словно не слышал. Но Усатый, конечно, не мог не откликнуться.

— А если по нужде? — прищурившись, спросил он.

— В том числе.

— Не противно будет наблюдать?

— Потерплю.

— Ну, а если уснешь — а ты ведь точно уснешь, вон и глазками уже чуть лупаешь — как тогда бдительность проявлять будешь?

— Свяжу. И положу на землю.

— Ладно! — сплюнул Усатый. — Я пока, что ли, шишек наберу...

И начал собирать шишки. Политический присоединился. Лейтенант, положив руку с пистолетом на колени, исподлобья наблюдал за ними. Но неожиданно для себя все-таки вздремнул, потому что как-то вдруг увидел Политического, лежащего на прежнем месте, Усатого, стоявшего на коленях с консервной банкой в руках, и уже взявшийся парком котелок, подвешенный на рогульке над маленьким жарким костерком.

— Гражданин начальник! Спишь, что ли? — видимо, не первый раз окликнул его Усатый. — Режущего инструмента случаем не имеется?

Лейтенант переложил пистолет в левую руку, достал из кармана перочинный нож, бросил Усатому. Тот на лету поймал, раскрыл, попробовал большим пальцем лезвие, покачал головой.

— А ты, однако, не трус!

И вспорол консервную банку. Потом, нарезав большими ломтями хлеб, начал сооружать огромные бутерброды. И не переставая говорил:

— А лихой был малый там, на поляне!.. Какого парня загубили, суки!.. Я бы с таким — хоть куда!.. Сначала он, похоже, скисовал чуток — ну, да это с каждым хоть раз да бывает, — зато потом!.. Я вот вообще-то паренек не самый тухловатый. И думаю, а смог бы я так? Один, с голыми кулаками, против трех пулеметов?.. Не знаю...

Он подал один бутерброд Политическому, второй положил рядом с Лейтенантом. Третий взял сам. С наслаждением откусил. Политический занялся своим. Только Лейтенант, развернув планшетку, просматривал

какие-то бумаги и делал в них пометки химическим карандашом. И глотал голодную слюну.

— Кончай свою бухгалтерию, начальник! — сказал Усатый. — Ешь! Чтобы быстро бегать, надо хорошо питаться. А нам теперь, похоже, бежать и бежать...

Лейтенант подумал и взял бутерброд. Какое-то время ели молча. Потом Усатый спросил:

— Слушай, Политика, а где ты так грамотно пулеметом работать навострился? В гражданском, что ли?

Политический не ответил. Но Усатый не обиделся, а вдруг улыбнулся.

— Знаешь, когда ты там, на насыпи, пулемет из-под вагона вынул, я подумал — все. Отгулял свое по веселому белому свету фартовый мальчишечка Вася Штырь. Сейчас эта контра первой же очередью всех, сколько нас под вагоном есть, добудет. А ты — не по нам. Ты — по ним... И никак я не пойму, с чего бы это! Ты же — контра!.. Может, объяснишь?

— Чего тут объяснять? — пожал плечами Политический. — Война...

— Да... — вздохнул Усатый. — Война... Война-войнишка... Нас — пинком, а мы — ползком... Ну да мне не привыкать! Я и без войны всю жизнь согнутый, как в окопе жил. Ты тоже, думаю, приучен. А вот гражданину начальнику привыкать придется. То гоголем ходил, а то — на карачках! Однако, привыкнет. Никуда не денется!

— Наше дело правое, — сказал Лейтенант. — Мы победим!

— Наше с тобой теперь дело не правое и не левое. Наше дело — молчком, бочком да по кустикам... — И Усатый снова переключился на Политического: — Ну я — понятно. В конце концов, что те, что эти — один черт. Власть! У меня с властями с детских лет мира нет. Ссоримся мы с ними. Чужое делим. И потому мне при любой власти камера наготовлена. А ты-то чего развевался?

Политический не ответил.

— Я вашего брата, контрреволюционера, досыта нагляделся, — продолжал Усатый. — В тюрьмах, на этапах, в лагерях. И, смех сказать, все до единого клялись, что страдают безвинно... Если ты — тоже безвинно, то зачем тебе такая власть, которая тебя без вины на лагерные муки определила? Я бы такой власти по гроб жизни не простил! И думаю, самое тебе было время эту власть на другую сменять. Авось та, другая, ласковее оказалась бы...

— Прекратил антисоветские разговорчики! — крикнул Лейтенант и, отшвырнув недоеденный бутерброд, встал. — Иначе буду вынужден применить крайнюю меру! По

закону военного времени!

Усатый покосился на него и процедил:

— А пошел ты, гражданин начальник! Тут тебе не камера. И не лагерь. Тут ты с нами на равных.

— Я с такими, как вы, никогда на равных не был и не буду!

— Это точно! Тебе до нас еще топтать и топтать!

— Встать! — вне себя крикнул Лейтенант.

— Перестаньте валять дурака. Вы, оба, — вмешался наляонец Политический.

— Встать! Обоим — встать! Иначе стреляю!

Усатый и Политический медленно встали. Над лужайкой повисла до предела натянутая пауза.

— Ну, стреляй! — сказал Усатый. — Или стесняешься? В безоружных? Привыкай! На старости лет — кусок хлеба!

— Мне и привыкать не надо, — задыхаясь, сказал Лейтенант. — Я врагов Родины и народа расстреляю без малейшего сожаления. И буду спать спокойно!

— Большое ты, однако, дерьмо, гражданин начальник! — сказал Усатый и презрительно сплюнул.

— По врагам народа, именем Российской Советской... — начал торжественно Лейтенант, поднимая пистолет. Но закончить не успел — из кустов щелкнул неожиданный выстрел.

Лейтенант выронил пистолет и схватился за плечо. Пошатнулся. Прислонился к дереву. И увидел, как на лужайку вышли три солдата в чужой форме. Один взял на прицел Лейтенанта, двое других, повесив карабины на плечи, подошли к Усатому и Политическому. Дружелюбно улыбаясь, заговорили, кивая на Лейтенанта. Те слушали, вникали.

Лейтенант выпрямился, насколько мог. Высоко вздернул подбородок. Презрительно усмехнулся. И вдруг увидел, как Усатый и Политический, быстро переглянувшись, бросились на своих визави. Лейтенант, оттолкнувшись от дерева, бросился на своего.

Крики, хрипы, выстрелы. Мелькание лиц, рук, ног, травы, неба. Потом — внезапная тьма и тишина...

Лейтенант открыл глаза. Увидел низко над собой сосредоточенное лицо Усатого — тот, стоя на коленях, черпал ладонями воду из небольшого бочажка и осторожно лил ему на лоб.

Лейтенант покачал головой и попытался сесть, но Усатый придержал его.

— Лежи, лежи, начальник! Нельзя тебе! Ишь, засуетился!

Лейтенант лихорадочно зашарил здоровой рукой по поясу. Усатый поймал его руку и положил на заткнутый за ремень пистолет. Потом — на планшетку рядом.

— Здесь, здесь твой багаж! Лежи.

Лейтенант полегал немного, потом поискал глазами и спросил еле слышно:

— А... где?

— Контра твоя драгоценная? — понял Усатый. — На шухере стоит. Чтобы снова не засекали.

Чуть погода Лейтенант спросил снова:

— Почему темно?

— Потому что вечер.

— А-а... А я думал, в глазах...

— У всех у нас в глазах теперь ночь темная... — вздохнул Усатый и тут же весело улынулся: — Здоров ты, однако, воевать, начальник! Даже с дыркой в плече своего так уработал, что хоть за деньги показывай! Видать, хорошо вашего брата учат! На нашу голову...

Потом показал Лейтенанту перочинный ножик и сунул его в карман.

— Вот твое холодное оружие. Возвращаю. Правда, попачкал я его чуть, но ничего, отмоем...

Лейтенант улынулся было тоже, но увидел неслышно возникшего из сумерек Политического и перевел глаза на него.

— Как он? — тихо спросил тот.

— Дышит! Значит, и дальше дышать будет. Пока не перестанет... А там как?

— Тихо...

— Тогда пошли?

Они взялись за носилки, сооруженные из двух карабинов. Подняли.

— Не надо! — слабо запротестовал Лейтенант. — Я сам!

— Лежи! — шепотом прикрикнул на него Усатый. — Не мешай!

Лейтенант подчинился.

Еще недавно это был роскошный загородный особняк, превращенный в дом отдыха. Над входом в небольшой парк до сих пор красовалось традиционное «Добро пожаловать». И сюда пожаловали. В проломе парковой ограды намертво застрял сгоревший танк с черно-белым крестом на башне, посреди остатков клумбы перед портиком с колоннами припала на бок подбитая «сорокапятка», а сами колонны и фасад особняка были густо ислеваны пулями и покрыты язвами от разрывов гранат и снарядов.

— Вот тебе и телефон! — негромко сказал Усатый.

Они с Политическим стояли в тени леса и внимательно наблюдали. Но тишина была в буквальном смысле мертвой, потому что перед ними белело здание — труп.

— А что дальше? — поинтересовался Усатый.

— Пойдем посмотрим...

— Туда? Зачем?

— Если тихо, здесь и заночуем. До утра сюда никто не сунется.

— А начальник как же? Одного его оставлять нельзя. Переживать будет. Подумает, что в побег ушли...

— Я тоже пойду. С вами. Сам пойду...

Они разом обернулись и увидели Лейтенанта. Он изо всех сил старался не качаться и стоять прямо.

Помаргивал крошечный огонек под пристроенным на кирпичах котелком, скупо освещая угол огромного и абсолютно пустого подвала. Лейтенант лежал чуть поодаль на подстилке из какого-то тряпья и, похоже, спал. Политический сидел у стены, смотрел на огонь и думал о чем-то своем.

Вот из темноты появился Усатый с каким-то громоздким и пыльным пакетом в руках. Брякнул его на пол и, переводя дух, сказал.

— Тут без топора даже щепки не добудешь. Только вот это нашел. Постучал — вроде дерево. Будет на чем чаек вскипятить...

Он развязал шпагат, содрал картонную обертку и действительно обнаружил под ней стопу аккуратно сложенных фанерных прямоугольников. Поднял верхнюю. Глянул сначала с одной стороны, перевернул и ахнул.

— Э! Да это портреты какие-то! Ну-ка, что тут за фигуры? — он поднес портрет поближе к огню. — Очень серьезный дядя! В очках! Что твой прокурор! Глянь-ка...

Политический глянул, рывком встал и сказал:

— Дай!

Но сказал это так, что Усатый молча протянул портрет. Политический бережно стер пыль и так же бережно поставил портрет к стене. Быстро перебрал другие и медленно, даже торжественно как-то, поставил в ряд с первым.

Усатый с любопытством наблюдал за ним. Потом спросил:

— Кто такие? Знакомые, что ли?

— В общем, да...

— Свои ребята?

— Были свои...

— Как зовут?

— Егоров, Уборевич, Блюхер, Тухачевский...

— Как же, слышал! Враги народа!

Политический коротко глянул на него, но промолчал. Усатый присел на корточки, всмотрелся.

— Вот они, значит, какие... А как они сюда попали?

— Здесь дом отдыха военных был. Когда-то они на стенах висели...

— А потом их, стало быть, сняли... Кто ж их сохранил-то? Да еще в таком месте? За это дело свободно срок схлопотать

можно. И не маленький!

— Значит, нашлись люди...

— А ты тоже из их компании? — и Усатый кивнул на портреты.

— Нет, как видишь, — горько усмехнулся Политический. — Я же пока живой...

— Все мы пока, — усмехнулся и Усатый. — Ну и что мы с ними, с твоими корешами, делать будем?

— Пусть постоят. Потом в лесу спрячу. Жив буду — найду...

— Это зачем? На память, что ли?

— На память... Их еще повесят на стены, как раньше. Такое время придет.

— Ну, мы с тобой до него вряд ли доживем! — беспечно сказал Усатый. — Однако без чайку сегодня вполне обойдемся.

Он встал, подошел к Лейтенанту, нагнулся, прислушался, снова вернулся к огню, сел.

— Спит наш начальник. Умаялся, бедолага. Да и кровь ему хорошо пустили... Однако, думаю, к утру полегчает... — Он помолчал и улыбнулся. — А он у нас ничего, начальник-то! С характером! Дурной только. По молодости. Всё норовит на манер взрослой собаки гавкать. А через раз на щенячий визг срывается... Как думаешь, поумнеет?

— Не знаю...

Оба помолчали, потом Усатый сказал неожиданно:

— Слушай, ты как знаешь, а я на ту сторону не пойду. И тебе не советую. Нам с тобой на той стороне ничего интереснее тюремной камеры не покажут. А то и — именем Российской Советской, по законам военного времени...

Политический молчал.

— Нет уж, я лучше здесь останусь, — продолжал Усатый. — Соберу ребят, которые смерти не боятся — а такие тут есть, сам видел, — и начну по здешним лесам этих фраеров поганых гонять. Всю жизнь от других бегал. Теперь хочу, чтоб от меня побегали! Даже если и на пулю наскочу, то все-таки на воле. И пошустрить успею напоследок... Оставляйся со мной, а? Мне такие неразговорчивые во как нужны! Особенно те, которые на пулемете «цыганочку» исполнять могут!

Политический впервые улыбнулся. Едва заметно, впрочем. И сказал:

— Что-то не пойму я тебя... Тебе же все равно, что те, что эти. Камеры ведь везде одинаковые. А ты там, под вагоном, уже знал, куда стрелять. Теперь вот в поход собрался...

Усатый насупил и ответил:

— Это верно, что камеры везде одинаковые. И что власть — везде власть. И что я вор — тоже верно... Только я — русский вор! Русский! Понимаешь?

— Понимаю, понимаю! Только тише шуми. Разбудишь...

Но Лейтенант не спал. Он лежал на спине, смотрел в потолок и слушал.

А Усатый сразу отмяк.

— Начальника-то? Едва ли. Детский сон крепкий!

Но на всякий случай прислушался. И услышал вдруг какой-то странный звук. Не то плач, не то стон. И спросил шепотом:

— Слышишь?

Политический кивнул. Они еще послушали. Звук не усиливался, но и не смолкал.

— Пошли?

И они, вооружившись, пошли. Стоящие у стены портреты смотрели им вслед.

Ощупью добрались до конца подвала, проникли в узкий коридорчик. Теперь звук доносился словно бы из-под земли. Они встали на колени и начали шарить ладонями по полу.

— Есть! — приглушенно сказал Политический.

Поднатужившись, откинул тяжелый железный люк. Звук сразу стал громче. Теперь это был отчетливый детский плач.

Усатый тотчас нырнул в темноту. Утвердившись на ногах, чиркнул спичкой. Плач тут же смолк. Усатый осторожно двинулся вперед. И почти тут же наткнулся на оцинкованную детскую ванночку. Глянул в нее, озадаченно присвистнул.

— Да тут не один малец-то, а целых два!

Политический тоже глянул. Увидел две зареванные мордахи, тарашившиеся на свет, — детям было едва по году — и сказал:

— Ну вот, теперь мы с тобой совсем многодетные!

А Усатый, сделав ребятишкам «козу», шумно вздохнул:

— Эх вы, уголовнички, что ж мы с вами делать-то будем?

Солнце еще не собиралось всходить, и лес стоял в тумане. Чуть проступала из тумана крайняя изба небольшой деревни. За ней-то и наблюдали укrywшиеся за деревьями Усатый и Политический. Ванна со спящими детьми стояла неподалеку. Рядом сидел Лейтенант.

Было тихо. Ни звука, ни огонька. Даже птицы не пели.

— Я пошел, — сказал Политический. — Если что — немедленно уходите!

— Может, не надо, а? — сказал Усатый. — Пропадем ведь мы без тебя. И ребятишек погубим.

— Молока не найдем — еще вернее их погубим...

— Я пойду с вами, — сказал Лейтенант и встал. — В случае чего — прикрою.

— Ты? С одной-то клешней? — возмутился Усатый. — Тогда уж лучше я!

— Ждите здесь, — сухо сказал Политический. — Одному с детьми не уйти. Только вдвоем.

И неслышно двинулся вперед.

Он тенью возник у избяного оконца. Заглянул. Перебрался к другому. Осторожно стукнул в стекло. Какое-то время спустя оконце приоткрылось и женский голос негромко спросил:

— Чего тебе, милоч?

— Молочка бы немного, мамаша!

— Сейчас нацēju кружечку. Жди.

— Мне не в кружку. Мне в бутылку лучше.

— Ай к другой посуде не привык, сердешный?

— Я не один. Со мной дети. Двое.

— Господи! В экую-то злую пору да с детьми! Ступай на зады, горемычный. Вынесу. А то хозяин мой, неровен час, проснется — беда!..

Политический скользнул в туман.

Он остановился у плетня, огораживающего усадьбу. Очень скоро из тумана возникла сухонькая старушка с большой бутылкой молока и аккуратным узелком.

— Бери, милоч. Тут вот пирог с картошкой. Самому-то ведь тоже надо...

— Спасибо, маты! Большое тебе спасибо!

И Политический двинул было к лесу, но его остановил чей-то густой бас.

— Ты, маты, с кем тут?

— Да так я, Ефимушко, так! — испугалась старушка. — Прохожий вот...

— Эй, прохожий! Погоди-ка! Да не беги, все равно не убежишь! — сдерживая голос, позвал старик. — Я вот возьму да шум подыму. А в соседней избе гости. Штук десять их там, и все с автоматами. В дальних — еще пятьдесят наберется... Подь сюда! По-хорошему...

Политический остановился. Подошел. Старик, всмотревшись, неожиданно рассмеялся. И сказал старухе:

— Говоришь, прохожий, маты? А ты, значит, ему милостыню подала?

— Как не подать, Ефимушко? Чай, человек...

— Он-то? Человек? А ты погляди-ка на него получше. Гляди, гляди! Это ведь он в тридцатом году нас кулачил! Помнишь, как со всей оравой нас в сани поклали — да в Сибирь? Как кровных своих деток мы с тобой схоронили? Парня — в дороге, девку — там, где нас середь тайги бросили?

Старушка всхлипнула, махнула рукой и поплелась прочь.

— Так-то вот, Коля, — продолжал старик. — Видно, крепко ты мне тогда на душу пал, раз я тебя вон когда признал. Через

десять годов... Сильно, однако, ты заматерел! А в те годы молодой, тощий да горластый был. Всё про мировую революцию кричал, про какое-то общее братство... Ты-то меня помнишь ли?

— Помню. Ты, дядя Ефим, кровосос известный был...

— Это конечно,— согласился старик.— У меня хозяйство было не другим чета. И я вас, голопупых, отродясь при месте держал. И что ты меня кулачил — то понятно, то правильно... А вот скажи, по какой злобе ты Тимофея Криулина, Степана Филкина да Васюку Зюзю с родных мест согнал и обездолил? У них ведь по паре ледащих лошадеков было да по три коровенки. А едоков — по десятку и боле. За что ж ты их-то так, Коля?

Какой-то шорох за спиной заставил Политического резко обернуться. И он увидел Лейтенанта, пытающегося зубами оттянуть затвор пистолета, зажатого в левой руке. Увидел его и старик.

— Ты, служивый, лишнего не балуй,— сказал он.— Уговори его, Коля.

— Не стреляй. В деревне немцы...

И старик заговорил снова:

— Ты за то их казнил, Коля, что они с тобой несогласные были. Спорили они с тобой потому что. Ты хотел, чтоб всё только по-твоему было, а если кто спорил, ты сильно обижался и врагом народа называл. А разве ты — народ, Коля?

— Да ведь и ты — не народ, дядя Ефим...

— А я за народ никогда и не говорил. Я за себя только... Знаешь, чего мне сейчас желается, Коля? Шум поднять. Однако я тебя жить оставлю. Чтоб ты кусок моего хлеба съел и не подавился.

Политический разжал руку. Узелок упал на траву.

— Гордый! — усмехнулся старик.— А мы вот чего сейчас сделаем, Коля. Ты сейчас на коленочки передо мной встанешь, поклонисься, а я тебя на волку пушу. Нет — гостей кликну... А, Коля?

Словно в ответ из тумана что-то громко спросили по-немецки. Все замерли. Вопрос повторили, уже тревожнее. Тут же послышался лязг взведенного затвора.

— Я это, я! Староста! — громко отозвался старик.— Племяш ко мне пришел! Родственник! В полицию хочет!

В ответ послышалось удовлетворенное ворчание. И снова — тишина.

— Ты бы на колени не встал, знаю,— усмехнулся старик.— И я не встал бы... Ну, иди, племяш! Иди, Коля! Живи, пока живется... Ты от меня потому живой уходишь, Коля, что жизнь твоя будет куда как горше смерти. Все от тебя будто от чумного отшатнутся и останешься ты один, как волк бешеный. Вот тогда ты всех нас

и вспомнишь. Меня, Тимофея, Степана, Васюку Зюзю, других обиженных. И сам себя проклянешь... Прощай, Коля! Больше, похоже, не свидимся...

— Я всех помню, дядя Ефим. У Степана, Тимофея, Василия Зюзева и у других я и сейчас готов прощения просить. Только не у тебя. А свидеться лучше не мечтай. Не будет тебе добра от нашей встречи...

Лейтенант и Политический быстро зашагали к лесу. А вслед им неслось:

— Беги, Коля! Быстро беги! Тебе теперь далеко бежать! До самой Сибири!

Они расположились на дневку в неглубоком, густо заросшем овраге. Снова ярко светило солнце и снова казалось, что нет и не может быть в жизни ничего горького, страшного, несправедливого.

Политический лежал на краю оврага, наблюдал. Лейтенант ничком лежал на траве. А Усатый пристроился рядом с детьми. Наблюдал за тем, как они пытаются поймать солнечных зайчиков, как довольно и весело улыбаются. И сам улыбался, но не очень весело...

— Вот жизни! — наконец сказал он.— Ни папки, ни мамки, и неизвестно где, а им на все пловаты! Наелись — и море по колено!

Он поиграл с ними немного, потом вздохнул:

— Лежат в одном гнезде, и делить им пока нечего. А вырастут — в догонялки играть начнут. Один — убегают, другой — ловить... А, гражданин начальник?

Лейтенант не ответил. И Усатому ничего не осталось, как утешить самого себя.

— Ну да авось после нас другая жизнь будет. Тогда вместе побегут. Рядышком...

Политический подал тревожный знак. Усатый тотчас проворно вскочил, взобрался по склону, прилег рядом.

— Что? Шухер?

Политический показал взглядом, и Усатый увидел кучку солдат, идущих прямо на них. Они были еще далеко и явно ни о чем не подозревали: их автоматы висели на ремнях, воротники мундиров были расстегнуты, каски болтались у пояса. Они весело переговаривались и смеялись.

— Суки! — сказал Усатый.— Гуляют, как у себя дома! Эх, пулеметик бы! Ты бы им живо панихиду устроил!

— Уходите,— сказал Политический.— Берите детей — и вдоль оврага. Тут километрах в двух — болото. Но пройти можно. Давай!

— А ты?

— Я догоню. Если обнаружат — задержу.

— Не выйдет. Уйдешь ты, а я останусь.

Мне давно с ними потолковать не терпится.
— Не дури. Я здесь все места знаю. Мне легче уйти.

— Вот потому я и останусь! Пропадут ведь они без тебя. Все трое. И я вместе с ними. А ты мужик надежный. Выведешь.

Политический глянул на Лейтенанта, на детей. Потом — на Усатого.

— Ты только на рожон не лезь,— сказал он.— Больше головой работай. И ногами. Не давай себя убивать по-глупому. А то я вас, фанфаронов, знаю...

— А я вас, контриков, в упор не видел. За людей не держал. Однако если вы все такие, то, значит, неладно что-то в жизни устроено.

Он глянул на солдат. Те все еще были далеко, но направления не меняли.

— Успею еще. Надо гражданину начальнику «до свиданья» сказать...

Они скатились в овраг. Лейтенант сел, увидел их лица и понял, что случилось что-то серьезное.

— Идут? — спокойно спросил он.

— Они-то идут, а мы сейчас побежим. В разные стороны,— сказал Усатый и осторожно похлопал Лейтенанта по здоровому плечу.— Будь здоров, начальник! Бог даст, после войны встретимся. Хотя вряд ли! Я ведь не по твоему ведомству прохожу...

Он проверил магазин винтовки.

— Всего четыре патрона... Маловато!

Политический протянул ему свой карабин.

— Держи. Здесь — пять.

— А вы?

— У меня теперь руки не тем заняты будут...— и Политический кивнул на ванну с веселящимися детьми.

Усатый взял карабин и винтовку. Улыбнулся.

— Ну, пускай нам всем повезет! В этом деле, похоже, как в воровском — без удачи нельзя!

Он неслышно скрылся в кустах, но Политический успел сказать ему вслед:

— Не торопись! И не гусарь! Может, еще отсидимся!

А сам метнулся вверх по склону. Залег. Лейтенант — за ним.

Солдаты были уже близко. Но теперь они явно забирали в сторону от оврага. И они наверняка прошли бы мимо, если бы... Если бы в овраге не подали голоса дети. Они не заплакали, нет. Просто они были сыты, а день был такой солнечный, и жить поэтому было так хорошо, что молчать они просто не могли. И от счастья заливались на два голоса.

Солдаты разом остановились. Взяли автоматы наизготовку и, рассыпаясь в цепь, пошли на голоса.

— Уходим! — скомандовал Политический.

Они скатились в овраг и тут услышали разбойничий свист Усатого. Потом — выстрел. Потом — гвалт голосов и автоматные очереди.

Но они уже бежали по дну оврага. Впереди — Политический с детьми в руках. За ним — Лейтенант. А за их спинами сквозь грохот стрельбы время от времени слышался всё тот же разбойничий свист. Он заметно удалялся. И глух понемногу стук автоматов...

Политический и Лейтенант спали, лежа ничком у самого края болота, с ног до головы перепачканные подсохшей уже болотной жижей. Спали и дети. И длинные вечерние тени деревьев ложились на них.

Но вот среди неподвижных теней появились две живые, человеческие. Они двигались до тех пор, пока не дотянулись головами до спящих. Замерли. Потом медленно перетекли через них, потекли дальше. Снова замерли. И свежий женский голос сказал:

— Ой, мама! Да с ними же дети! Значит, наши это!

— Все сейчас наши, доченька,— отозвался другой голос, посуше.— Все, кто наг и бос, кто голодный или увечный — все наши...

Из небольшой каменки с шумом вырвалась тугая струя пара, и в тесной баньке сразу стало темнее.

Лейтенант лежал на полке и стеснялся, потому что возле него хлопотала дородная женщина средних лет. На ней был легкий летний сарафан, а на Лейтенанте — только толстая неумелая повязка на правом плече, и он всячески старался лечь так, чтобы спрятать самые неприличные, с его точки зрения, места, или, по крайней мере, отвести глаза, а женщина, запаривая в котле роскошный березовый веник, ласково приговаривала:

— Да не жмись ты, не жмись! Ишь, стеснительный какой! Я ж тебе в матери гожусь! Сейчас вот плечико тебе отпарю и травкой попользую. Ласковая она у меня. Травка-то. Враз дурнину вытянет и жар снимет...

А Лейтенант все равно стеснялся.

Политический в грязном, пропотевшем нижнем белье сидел в крошечном предбаннике и, кажется, дремал...

Лейтенант открыл глаза. В чисто убранной горнице резвилось такое веселое солнце, постель, на которой он лежал, была такой чистой и мягкой, по желтому крашеному полу бродили такие веселые тени, а за тщательно промытыми окнами так отчаянно неистовствовали птицы, что не улыбнуться

было просто невозможно. Он и улыбнулся по-детски счастливой улыбкой. И на мгновение стал тем, кем по сути и был: обыкновенным доверчивым и восторженным мальчишкой.

Когда он, одетый в чистую, отглаженную форму, вышел в соседнюю комнату, его уже ждал чугунок разваренной, вкусно парящей картошки, каравай домашнего хлеба и запотевшая кринка молока. А у стола хлопотала девушка примерно его лет, такая свежая и ладная, что Лейтенант опять улыбнулся. Теперь уже смущенно.

Девушка тоже улыбнулась.

— Доброе утро! — сказала она так ласково и певуче, что Лейтенант поклонился неловко и даже шаркнул ножкой.

— Садитесь завтракать!

Лейтенант сел, а из кухни павой выплыла давешняя женщина в сарафане с шипящим самоваром в руках.

— Проснулся, сынок? Ну, как твоя рученька? Болит?

— Спасибо, ничего... А... где?

— Товарищ-то ваш? — догадалась женщина. — А вон, на дворе топором тюкает. Хозяинственный!

Политический с таким вкусом орудовал топором, что сосновые и березовые чурки разлетались, кажется, еще до того, как острие топора коснется их. Он был так поглощен этим занятием, что не замечал серенького невидного мужчину в затертом плаще, стоявшего метрах в тридцати и внимательно наблюдавшего за ним.

Во дворе появилась хозяйка с большой кружкой молока. Улыбаясь, сказала:

— Испей-ка, работничек. Утреннего удою...

Он выцедил кружку. Тоже улыбнулся.

— Хорошо у вас. Тихо...

— Хозяин мой меня сюда затащил. Лесником работал. А после него я вот работаю...

— Он где? Воюет?

— Отвоявал. Еще в финскую. Там и схоронили...

— Извините...

— Ничего! Я уж привыкла... Так вот с дочкой и живем. Раньше нас жизнь стороной обходила. Теперь смерть обходит... Только надолго ли?

На крыльце появились Лейтенант и девушка. Вынесли большую корзину, куда были усажены чистенькие веселые дети. Поставили корзину под куст сирени. Сели около. Девушка играла с детьми и приговаривала ласково что-то, а Лейтенант смотрел на нее, как на чудо, и отводил глаза только тогда, когда встречался с ней взглядом. Тут же мучительно краснел, а девушка тихо улыбалась...

— Хорошая была бы парочка... Кабы не

война... — вздохнула хозяйка и так глянула на Политического, что было не очень ясно, какую парочку она имеет в виду. Он схватился за топор, и еще один чурак расселся надвое. Потом выпрямился и спросил:

— Скажите, тут в лесах никого наших нет?

— Каких «ваших»?

— Ну, наверняка же остался для работы в тылу кто-нибудь! Или, скажем, окруженный отряд... Не слышали?

— А у него вон спроси. Он, может, чего и скажет. А я не ведаю, — хитровато улыбнулась хозяйка.

Политический только сейчас увидел невидного мужчину. Бросил топор, пошел к нему.

Они стояли почти вплотную друг к другу, разделенные только пряслом.

— Здравствуй, Николай, — сказал мужчина.

— Здравствуй, Иван...

— Вот, значит, какие гости у нас появились... — протянул мужчина. — Бежал?

— Бежал...

— Оно понятно... Таких, как ты, на фронт не пускают. Даже в штрафную роту не берут...

— Потому и бежал...

— Воевать захотелось?

— Ты ведь воюешь...

— Я — другое дело. Я ни партии, ни Родины не изменял.

— А я, по-твоему, изменил?

— Не изменил бы, мы бы с тобой в одной компании сейчас были.

— Ошибки не допускаешь?

— Не допускаю. Наши органы не ошибаются.

— Погоди, Иван... Ты ведь меня знаешь. Я же тебя в партию принимал!

— А я тебя исключал.

— Не веришь, значит?

— Не верю. У меня всем таким, как ты, веры нет. И никогда не будет.

Политический помолчал и сказал тихо:

— Сволочь ты, Ваня...

Тот сделал шаг назад.

— Я, может, и сволочь. А ты — предатель Родины и народа. И я тебя имею полное право казнить. Без суда и следствия. По закону революционного самосознания.

Он распахнул плащ. Под плащом на коротком ремне висел немецкий автомат.

— Стреляй! Из-за таких, как ты, гибнут лучшие люди. Настоящие большевики. Из-за таких, как ты, немцы пришли сюда и пойдут еще дальше. Вы — настоящие предатели партии и народа. Стреляй!

Мужчина побледнел и медленно стал поднимать автомат. Они молча и ненавидяще смотрели в глаза друг другу.

Автомат замер на уровне груди и уже готов был плюнуть огнем, когда раздалось жесткое:

— Не стрелять!

И оба они увидели Лейтенанта. Он шел к ним, сжимая пистолет в левой руке и держа на прицеле мужчину с автоматом. Шел четким строевым шагом и выглядел очень внушительно.

Мужчина опустил автомат.

— Кто такой будете?

Лейтенант, не опуская пистолета, подставил ему левый карман гимнастерки.

— Здесь мои документы. Возьмите. Сам не могу. Ранен.

Мужчина достал документы, изучил, положил обратно.

— Все ясно, товарищ лейтенант. А вы знаете, кто это?

— Да. Сопровождаю арестованного к месту назначения.

— Далековато сопровождать придется! Не лучше ли в расход? Хлопот меньше. А его за побег все равно расстреляют.

— Это решать не вам. И не мне.

— Тоже верно... Ну, желаю удачи, товарищ лейтенант! Да смотрите за ним как следует! А то уйдет!

— От меня не уйдет.

Мужчина глянул на Лейтенанта и поверил. Помахав рукой, запахнул плащ и быстро зашагал к лесу.

Политический и Лейтенант провожали его взглядом.

— Извините...— сказал наконец Лейтенант.

— Спасибо,— сказал Политический.

Вечером они уходили. Прощались у того же прясла.

— Остались бы...— говорила хозяйка.— Отдохнули бы денька два-три. Я бы ему руку поправила...

— Нельзя. Надо идти,— отвечал Политический.

А девушка и Лейтенант молча смотрели друг на друга.

— Может, подумаете? Война от вас не уйдет...

— Нет,— твердо сказал Политический.— Надо идти...

Помолчали.

— Спасибо за всё,— сказал Политический.— Особенно за детей...

— Спасибо...— эхом откликнулся Лейтенант.

Хозяйка поклонилась. Лейтенант покраснел и тоже поклонился.

И они ушли.

Женщины, как водится, смотрели им вслед...

Они шли по темнеющему лесу. Впереди — Политический, за ним — Лейтенант. Но вот Лейтенант опередил его и загородил дорогу. Вынул из-за пояса пистолет, протянул Политическому.

— Возьмите. Я с левой стрелять не умею.

Тот помедлил и взял.

— Только патронов маловато,— словно извиняясь, сказал Лейтенант.

Политический нажал кнопку. Обойма выпала на ладонь. В ней было три патрона.

— Нам хватит,— сказал он и вставил обойму на место.

— Только меня — первого,— сказал Лейтенант.

Политический не ответил. Только улыбнулся ободряюще. И они пошли дальше.

Город был черен, безлюден и тих. Только иногда мерно звенели подковки сапожного патруля да проносился на бешеной скорости мотоцикл или автомобиль.

Прячась в тени домов, скользили по пустынным улицам два силуэта. Вот они нырнули во двор, из него — в другой, потом — в третий. Остановились неподалеку от большого, совершенно темного дома. Через какое-то время неслышно скрылись в подъезде.

Политический и Лейтенант остановились на широкой лестничной площадке у одной из дверей. Политический постучал легонько. На стук никто не отозвался. Тогда он постучал снова, уже сильнее. Тот же результат. Тогда он изо всех сил заколотил по двери кулаками.

Внезапно приоткрылась дверь напротив. Показался тусклый огонек самодельной коптилки. И чей-то испуганный голос спросил:

— Кто там? Кого надо?

Политический шагнул на голос. Спросил:

— Вы не знаете...

Договорить он не успел. Человек с коптилкой вдруг всплеснул руками и воскликнул:

— Николай Петрович! Вы?!

Тот всмотрелся. Но не узнал.

— Не узнали? Значит, здорово я изменился! Неволин я. Валентин Сергеевич.

Теперь ахнул Политический.

— Валентин Сергеевич! Вас и правда не узнать!

— Да вы заходите, заходите! Там и поговорим!

Лейтенант тоже шагнул к двери. Неволин, увидев его форму, попятился и забормотал:

— Ах, так вы... Извините... Я болен. Я очень болен и никого видеть не могу.

Думаю, что это — тиф. Так что извините, ко мне нельзя...

Он хотел было уже захлопнуть дверь, но Политический не дал.

— Успокойтесь, Валентин Сергеевич! Ради бога, успокойтесь! Это не опасный человек.

— А-а... А я, знаете, с некоторых пор, как такую форму увижу, едва в обморок не падаю...

И он пропустил их в квартиру.

Они сидели в большой, затопленной мраком комнате. Лейтенант — поодаль, а Политический и хозяин — у коптилки.

— Когда ее взяли? — после паузы спросил Политический.

— Погодите-ка, дайте вспомнить... Через неделю после начала войны. Точно — тридцатого июня. И квартиру опечатали.

— На другой же день... — пробормотал Политический.

— Что?

— Нет, ничего...

Опять замолчали было, но хозяин вдруг заговорил торопливо и сбивчиво:

— Это просто невозможно понять! Совершенно невозможно! Один удар — и мы начали разваливаться, как гнилой пень! А как же — «малой кровью и на чужой территории»?! А как же мудрость и прозорливость вождя?! Этот мирный договор, наконец? Для чего вся наша борьба, муки, кровь? Зачем эти дурацкие процессы, травля, прямое уничтожение? Неужели всё — блеф?

— Успокойтесь, — сказал Политический. — Сейчас не время предъявлять счета. Сейчас у нас один счет. Общий — фашизм. Товарищей начнем считать после победы.

— А вы уверены, что она будет? Я, например, очень сомневаюсь! Пойдет ли наш многострадальный народ на новые жертвы только затем, чтобы снова восторжествовала та несправедливость, тот произвол, которые собрали такой страшный урожай в предвоенные годы?

— Не сомневайтесь. Пойдет.

— И это говорите вы? Вы, кто на себе испытал всю тяжесть, как принято говорить, карающего меча революции? Всю боль несправедливости? Ведь вы же — честный, преданный делу партии человек!

— Да, вы очень сильно изменились. Вас просто не узнать.

— Я и сам это знаю...

— Кто-нибудь из наших в городе остался?

— Не знаю! — испугался хозяин. — Я ничего не знаю! Не хочу вмешиваться ни во что! С меня хватит! Я ни в чем не участвую и ни во что не вмешиваюсь!

— Возьмите себя в руки! — жестко сказал Политический. — Перестаньте скулить

и отвечайте коротко и толково! Где Седлицкий?

— Взяли... В тридцать восьмом...

— Антощенко?

— В тридцать девятом...

— Вырубович?

— Этот, слава богу, на фронте...

— Лотарев?

— Взяли... Меня тоже. Но выпустили. Перед самой войной...

— Кустовой?

— Мобилизован... Впрочем, вы знаете, я его недавно видел! Ну да! Здесь, в городе! Только почему-то с тросточкой и в усах. Я удивился, конечно, но не подал виду, что знаком. Он — тоже. И быстро ушел...

— Найдете его и сведете нас с ним.

— Я?.. Нет, нет, я не могу! Я дал себе слово! Я отстраняюсь!

— Найдете и сведете. Это — приказ.

— А вы мне не имеете права приказывать! Я — вне партии! Я исключен! И вы, кстати, тоже!

— Вы сделаете всё, что я вам скажу. Если не как честный человек, как патриот, то как трус. Если не сделаете...

— Сделаю! Завтра же! Я непременно его найду! Только, умоляю, больше не впутывайте меня ни во что!

— Успокойтесь. Кому вы нужны? Такой...

Вдруг за окном ослепительно полыхнуло и чуть спустя донесся тяжкий гул близкого разрыва. Дом содрогнулся. Зазвенело стекло.

Все вскопили.

— Наши! — уверенно и радостно сказал Политический. — Наши работают!

— Боже! — простонал хозяин. — Они начали! Они все-таки начали! Безумцы! Зачем?! Опять кровь, опять гибель... Уходите! Быстро уходите! Сейчас будет облава! И если вас найдут у меня...

— Мы уходим, — сухо сказал Политический. — Скажите, где вас завтра ждать. И когда. И мы уйдем.

— Городской парк знаете? Там напротив недостроенный дом. Настоящий лабиринт. Очень много выходов, в том числе в парк. А из парка — в лес. Ждите! Я обязательно приду!

— И приведете немцев, — сказал Лейтенант.

— Что вы, что вы! Никогда!

— Я знаю таких, как вы, и какой ценой они спасают свои шкуры.

— Вы не поняли, не поняли! Я действительно трус. Я не был им. Но теперь стал... Я не приведу немцев просто потому, что знаю: стоит оказать одну услугу, как тотчас же потребуют другую, потом — третью... Это судьба всех провокаторов. Я знаю... Ждите!

Но их уже не было.

Город был заполнен ревом автомобильных моторов, криками, командами на чужом языке, женским и детским плачем, частым топотом сапог, звуками беспорядочной стрельбы. Метались в ущельях улиц лучи автомобильных и мотоциклетных фар, ручных фонарей. И вставало над городом огромное багровое зарево.

И опять резвилось в чистом небе утреннее солнце.

Политический и Лейтенант расположились у противоположных окон на одном из этажей недостроенного дома. Напротив дома помещался городской парк. Он был безлюден и тих.

— Может, уйдем, пока тихо? — спросил Лейтенант. — Он продаст. Я уверен.

— Будем ждать, — сказал Политический. — Это единственная возможность связаться с подпольем.

— Ну, что ж. Будем ждать...

— Какого человека сломали! — сказал Политический. — Кремень был! Теперь — мразь...

— Кто не хочет ломаться, того не сломашь.

— Он был прекрасным конспиратором. Его выдал провокатор, и он попал в белый застенок. Выдержал все. Мы освободили его за час до расстрела.

— Никогда не поверил бы!

— Представь себе. Но там было другое. Там были враги. И он знал, чего от них ждать. Здесь — свои. Это выдержать гораздо труднее...

Лейтенант не ответил. А минуту спустя в тишине возник и начал приближаться гул моторов.

Они переглянулись. Приникли к оконным проемам. Увидели, как на небольшую площадь перед входом в парк вылетели несколько мотоциклов с пулеметами. Потом — грузовик с солдатами.

— Что я говорил?! — крикнул Лейтенант. — Уходим!

— Спокойно! — сказал Политический. — Смотри...

Лейтенант выглянул снова. Мотоциклисты развернули свои машины стволами на вход в парк. Солдаты, спрыгивая с грузовика, быстро рассыпались в цепь, но тоже лицами к парку. Замерли. И почти тут же слышался какой-то странный шелест.

Но очень скоро этот безобидный шелест явил свою страшную суть: к воротам парка начала вытягиваться молчаливая колонна женщин, детей и стариков, сопровождаемая солдатами. Вытянулась, сжалась в плотную испуганную толпу у самого забора, сплошь заклеенного плакатами и афишами, изображавшими очаровательных наездниц и танцовщиц, меднотелых богаты-

рей и загадочных фокусников, грустных белых клоунов и веселых рыжих.

Все стихло. А потом внутрь полукруга, составленного из мотоциклов и солдат, взявших автоматы наперевес, вплыла большая штабная машина. Из нее вышли дородный оберст, еще пара офицеров и человек в штатском, переводчик.

Оберст остановился в нескольких шагах от толпы. Обвел ее взглядом. Не глядя на переводчика, кивнул. Тот заговорил:

— Сегодня ночью был совершен диверсионный акт. Погибли двадцать девять германских солдат и офицеров. По распоряжению господина коменданта были немедленно взяты заложники, по десять человек за каждого погибшего и по пять — за каждого пострадавшего. По местному радио было сделано заявление немецкого командования, что все они будут расстреляны, если виновники не будут найдены или не сдадутся сами... Через полчаса, если никто из вас или жителей города не укажет имен и фамилий диверсантов, будет расстрелян каждый пятый. Через полчаса — каждый второй. И еще через полчаса — остальные.

Толпа глухо вздохнула. А потом в гущу ее возник и начал шириться негромкий нутряной вой.

— Молчать! Немедленно замолчать! — заголосил переводчик. — Вы раздражаете господина коменданта! Он прикажет стрелять! Вой не усиливался, но и не умолкал. Тогда оберст коротко скомандовал. Тотчас ударили пулеметы. Пока поверх голов. Стало мертвенно тихо.

Оберст глянул на часы. Закурил.

— Держи, — сказал Политический и протянул Лейтенанту пистолет. — Возвращайся на кордон. К лесничихе. Дорогу найдешь. Она свяжет с отрядом. Тебя возьмут.

Лейтенант растерянно взял пистолет. А Политический улыбнулся.

— Воюй, лейтенант, до победы! Остаешься жив — расскажешь. А нет — тоже не беда...

И легко поднялся на ноги. Лейтенант рванулся было к нему.

— Сиди! Увидят...

Лейтенант потерянно опустился на пол. Потом рывком приник к оконному проему. Он видел, как Политический вышел на улицу и неторопливо начал пересекать ее. Его заметили не сразу. А когда все-таки заметили, офицеры и переводчик сразу обернулись к нему. Солдаты провожали его стволами автоматов, а он шел прямо на офицеров. Шел обычным размеренным шагом, и лицо его было абсолютно спокойно.

Они стояли друг перед другом — оберст и Политический — и смотрели друг на

друга. Один — с нескрываемым любопытством, другой — с полнейшим равнодушием. Насмотревшись, оберст открыл было рот, но из недостроенного дома ударил выстрел, особенно неожиданный и громкий в полной тревоги и ожидания напряженной тишине.

Офицеры и переводчик попадали на асфальт, солдаты частью — тоже, частью припали на колено и начали шарить стволами автоматов, ища стрелка.

Остались стоять лишь оберст и Политический. Они видели, что Лейтенант стоит в оконном проеме первого этажа во весь рост и стреляет в воздух.

— Не стрелять! — властно приказал по-немецки оберст.

Израсходовав последний патрон, Лейтенант с силой швырнул пистолет об асфальт, спрыгнул и зашагал той же дорогой, которую уже прошел Политический. Подошел и встал рядом.

— Почему в воздух? — спросил Политический. — Мог бы и по цели.

— Мог бы, — согласился Лейтенант. — Но, думаю, они тогда всех расстреляли бы. — Пожалуй...

Оберст повернулся к толпе и начал выталиковать короткие рубленые фразы. Переводчик торопливо переводил:

— Германская нация — нация солдат. Смелость противника — хороший пример для настоящего солдата. Эти люди — настоящие солдаты. Они не будут повешены. Они будут расстреляны. Ценой своей жизни они спасли вашу. Помните: каждая акция, направленная против рейха, будет караться быстро и беспощадно...

Политический и Лейтенант стояли рядом. Сотни глаз — женских, детских и стариковских — не отрываясь смотрели на них.

В камере было темновато. Горевшая под самым потолком крохотная тусклая лампочка едва освещала узкие нарты по бокам, столик между ними и маленькое оконце с толстой решеткой в нем.

Политический лежал на нарах, привычно заложив руки за голову и глядя в потолок. Лейтенант сидел на соседних, тоже привычно привалив спиной к стене и глядя в пол.

— Ничего не успел! — вдруг с досадой сказал он. — Ни влюбиться как следует, ни напиться... Даже курить и то не научился! А сейчас бы закурить...

Политический глянул на него. Встал. Подошел к его нарам. Пошарил с внутренней стороны нар. Нашупав, отодвинул небольшой кусок доски. Потом протянул ладонь Лейтенанту. На ладони лежала тоненькая папироса, пара спичек и кусочек спичечного коробка.

Лейтенант удивленно взглянул на него.

— Откуда вы?.. А-а, понятно... Вы здесь не в первый раз...

Политический молча лег. Снова уставился в потолок. Лейтенант неумело возился с папиросой и спичками. Наконец закурил. Закашлялся. Смял папиросу.

— Почему ты вышел? — спросил Политический. — Почему не ушел? Кому это надо?

— Мне, — сказал Лейтенант.

— Зачем?

— Я перестал верить. А без веры жить не хочу. Просто работать, есть, пить и спать?

— Зря. Ты еще молодой. У тебя в руках была целая жизнь.

— Зачем она мне? Без веры?

— Вера и фанатизм — не одно и то же.

— А для меня между ними разницы нет. Так уж я устроен.

— Жаль... Ты многое смог бы...

— Я и так делал все, что мог...

После паузы Политический все-таки улыбнулся.

— Ничего! Мы с тобой сегодня сделали хорошее дело. Может быть, главное. То самое, для которого родились...

Лязгнул дверной замок. Дверь камеры открылась. На пороге появились два силуэта в касках и с автоматами.

— Уже? — растерянно спросил Лейтенант.

— Пора, — ответил Политический. — Скоро рассвет...

Они шли по коридору. Впереди покачивались спины, сзади грохали сапоги конвоиров. Перед ними распахнулась дверь, и за ней открылось такое чистое утреннее небо!

Обычный современный город жил своей обычной будничной жизнью. Катили по улицам грузовики, трамваи и троллейбусы. Спешили по своим делам люди. А этих дел было так много и так они были непросты, что никто из идущих и едущих не обращал внимания на очень скромный памятник на одной из небольших площадей. Не потому, что все поголовно были равнодушны и ни о чем не желали помнить, а просто потому, что привыкли. Привыкли приходить сюда по торжественным датам. И привыкли не замечать, если не было дат.

Но вот вышелушился из толпы старичок с палочкой и в самой обыкновенной кепчонке. Подошел. Стянул кепчонку. Постоял.

Старичку было очень много лет. Так много, что он был даже не сед. А бел. Но и сейчас в нем можно было узнать Усатого.

Постояв, он медленно надел кепчонку и скоро растворился в толпе.

Победитель конкурса на лучший сценарий художественного фильма о современной Советской Армии и Военно-Морском Флоте

**Рудольф
ТЮРИН**

ПРЕДПОЛЬЕ

Двор школы. Весна. Каре школьников в униформах. Праздник «последнего звонка». День, когда выпускники, оставляя родную школу, уходят в жизнь.

Торжественная клятва и прощание происходят перед бюстом летчика-испытателя у баскетбольной площадки. Каменное лицо, каменные плечи, каменный гермошлем. Когда-то он учился в этой школе и погиб недавно, испытывая новый современный самолет.

— Где бы мы ни были, где бы мы ни работали, клянемся всегда помнить нашу школу, наших учителей, наших товарищей, нашу юность!

— Клянемся!

С покрытого кумачом стола первокласснику подадут школьный колокольчик — такова традиция «последнего звонка».

Названная в него сколько есть сил, он бежит вдоль выстроенных шеренг школьников. Предстоит обежать по периметру почти весь двор. От волнения и спешки первоклашка вдруг падает, роняет колокольчик, но подымается, бежит дальше...

Надев приготовленные с вечера штанишки, чулки и ботинки, я достал новую холщовую сумку, сшитую мамой к школе, сложил в нее букварь, карандаш, кусочек магнита и стеклянные камушки — это были мои иг-

рушки, сел возле постели и стал ждать рассвета.

За окном была ночь. Стучали на стене ходики, удары маятника ходили взад и вперед, приближались к лицу, вновь отходили и вновь возвращались. Казалось, время идет вспять, я тарашил глаза на окно, оно оставалось по-прежнему темным. Когда же наступит утро? Мама, пробудившись, сказала, чтоб я ложился спать, потому что до утра еще далеко. Сняв башмаки, я снова забрался под одеяло.

Проснулся оттого, что меня ласково тормошила мама. Стояло позднее утро. Солнечные зайцы качались на полу и стенах. Но мне так не хотелось вставать! Школа? Какая еще школа?! Зачем мне идти туда, когда так хочется спать? Я тарашил глаза и вновь без сил валился на подушку.

Поплескавшись под умывальником студеной водой с иголками осеннего льда, я наскоро проглотил картофельную котлету с молоком. Мама сама надела на меня крашенный нитяной свитер, вытряхнула из сумки мои игрушки, оставила только букварь с карандашом и тетрадку, сшитую из разносортных кусков бумаги, сунула туда теплую, пачкающую мукой лепешку, поцеловала в глаза и в лоб, вывела меня на крыльцо дома.

Школа стояла за мостом. Обмелевшая за лето река дымилась в лучах холодного осеннего солнца, и оттого школа казалась совсем близко, рядом. Я шел, прижимая к себе сумку, и лепешка грела меня через бок. У моста я оглянулся. Мама все еще стояла на крыльце и, прикрывшись рукавом от низкого солнца, глядела вслед.

Сценарий «Предполье» разделен I и II премиями со сценарием М. Кураева «КУГ» («Корабельная ударная группа»).

За дощатым мостом простиралась заболоченная низина; штабеля леса громоздились на отмелях и берегах. Железнодорожная насыпь вела к лесопилке и терриконам древесных опилок; все пространство было оцеплено колючей проволокой и охранялось. Часовой, собиравший и евший возле проволоки какие-то корешки, при моем приближении утер испачканный рот, перекинул винтовку и, отвернувшись, зашагал вдоль ограды.

На аэродроме летно-испытательной станции готовили к полету экспериментальную скоростную машину. Инженеры, механики облепили ее со всех сторон. Подъезжали и отъезжали кислородные и топливные автозаправщики. В ожидании высокого начальства стояли пилоты-испытатели, представители КБ, группа технического обеспечения, уполномоченные всякого рода ведомств и члены Государственной комиссии.

Въехавший прямо на территорию черной лимузин высадил группу высших авиационных офицеров во главе с командующим Главного управления тактической авиации. Кивком поздоровавшись с присутствующими, генерал направился прямо к самолету и, только налюбовавшись мощным, стремительно вытянутым телом машины, повернулся к пилотам.

— Товарищ генерал! Военный пилот первого класса капитан Юргин к показательному полету и участию в воздушном параде готов!

Задержав тяжелый и умный взгляд на лице пилота, генерал промолчал. Взглянул на свои часы-браслет и снова промолчал.

Вернувшись из школы, я кинул сумку с букварем в угол и молча уселся за стол.

— Мыть руки,— приказала мать.— Что вам сказали в школе?

— Сказали сделать и принести десять палочек.

— Вернется отец, сделает.

— Сказали, чтоб каждый — сам.

После еды я взял с печи полено, сушившееся на растопку, столовый нож и вышел на крыльцо. Через полчаса я набил на ладони кровавую мозоль, которая тут же прорвалась, и мама завязала руку чистой тряпичей. Подошли соседские ребята, мои приятели. Тоже построгали полено, тоже набили мозоли и бросили.

— Возьми полено в школу. Покажешь учительнице. Скажешь — не получается.

— Ага, все принесут палочки, а я — полено?

— Какая разница? Между прочим, на пальцах тоже можно считать: раз, два, три,

четыре, пять... Как раз — десять...

— Айда лучше на чердак,— предложил Петька Опарин.— Там Муром и Шурка Брагин секретную книжку читают. Прячутся, никого не подпускают...

Это было чрезвычайно интересное предложение, и мы, бросив злосчастное полено, тут же отправились к бараку: именно там находился чердак и ребята с таинственной, запретной книжкой...

Расписавшись в документах полета, я забрался в машину, закрыл фонарь и включил двигатель. Механики знаком показали, что я не загерметизировал кабину. Повернув краник герметизации, я услышал слабое шипение воздуха, это означало: кабина загерметизировалась.

Подрулив к месту старта, развернулся носом на взлетную полосу, поставил машину на тормоза и прогнал на всю мощь обороты турбины. Машина рвалась вперед, тормоза с трудом удерживали ее; включив радиосвязь, я попросил взлета. Руководитель полета не вправе открытым текстом, в эфир, желать удачного полета. Он связан жесткими правилами радиобмена и может лишь вложить эмоции в свой голос, говорящий сухие уставные слова:

— Второй, я — Земля, взлет разрешаю.

Спущенный с тормозов перехватчик как выстреленный устремился вперед. Плиты бетонки слились в сплошную ревущую полосу. Включил форсаж, из сопла с ревом ударило пламя.

Члены Государственной комиссии стоят у взлетной полосы, в том месте, где самолет, по расчетам, должен оторваться от земли. Тяга и рев турбин достигают пределов, нос машины начал задираться, затем легкое движение вверх. Самолет — в воздухе!

Набрав высоту, я отключил форсаж, но обычного тормозящего толчка, показывающего уменьшение тяги, не последовало. Контрольная лампочка «форсаж включен» продолжала гореть. Попробовал отключить еще раз: безрезультатно! Сбавил обороты двигателей, машину сразу забило в тряске. Форсажная камера продолжала работать. Снова сбавил обороты, встал на круг, доложил на землю.

— Сделайте разворот на вираже и проследите, есть ли за машиной дымный след?

— Дымного следа нет.

— Включите форсаж и выключите тумблер «форсаж максимал». Должна прерваться электросеть управления форсажной камерой.

— Команду исполнил. Форсаж не отключается.

— Второй, вам снижение,— сказала Зем-

ля.— Пройдите над нами бреющим, покажите хвостовое пламя.

Вышел на малую высоту, прошел над аэродромом бреющим несколько раз в разных направлениях, чтоб с командного пункта могли видеть форсажное пламя из сопла.

— Второй, вам посадка,— спокойно приказала Земля.

— Вас понял. Приказ выполняю.

Еще издали я нацелил нос машины на посадочную полосу, выпустил закрылки, скорость упала, но была все еще слишком велика для посадки. Ушел на второй круг, но работающий форсаж не дал возможности сбить скорость до посадочной, и попытка вновь оказалась безрезультатной.

— Земля, я Второй. Садиться на такой скорости не считаю возможным. Разрешите выжечь горючее?

— Выжигайте.

Снова ушел на высоту, встал на круг, сделал несколько попыток отключить форсажную камеру, доложил на Землю:

— Температура газов растет. Обесточил машину. Прошу разрешения выйти за звуковой барьер. В качестве попытки отключения форсажной камеры.

— Попробуйте,— сказала Земля.

На большой высоте бросил машину вразгон. Скорость близка к звуковой. Удар! Громоподобный, раскаляющий небо взрыв. Звуковой барьер позади! Теперь скорость начнет стремительно расти, пока не достигнет трех сверхзвуковых величин.

Смотрю на лампочку «форсаж включен». Она погасла! Снял электроблокировку. Ни малейшего намека на помпаж и вибротряску. Сделал несколько фигур высшего пилотажа. Нормально!..

Доложил обо всем на землю.

— Пройдите бреющим,— приказала Земля.

Прошел.

— Включите форсаж.

Включил.

— Отключите форсаж.

Отключил.

— Все нормально,— сказала Земля.— Как себя чувствуете?

— Чувствую хорошо. Разрешите следовать в район парада?

— Наберите высоту. Встаньте на круг и ждите ответа.

Снова залез на высоту, начал ходить по кругу в ожидании, каково-то будет решение Государственной комиссии?! Не сложно представить, какое ожесточенное столкновение двух взаимоисключающих точек зрения происходит сейчас там, внизу, на Земле!

Шурка Брагин и Муромы были уже под-

ростки. Они курили, ругались стыдными словами, сплевывали сквозь зубы и почти не ходили в школу, презируя учение. Нас, мелюзгу, впустили на чердак слушать их секретную книжку только за мзду: Лексюткин отдал им кокарду с боевой фуражки морского офицера.

— С одним условием пускаю,— предупредил Муромы.— Сболтнете кому, чего мы тут с Шуркой читаем, покалечу. Вести себя тихо. Вопросов никаких не задавать — выгнать.

Брагин, прицепив якорь к своему ватнику, приказал Муромы продолжать чтение с того места, где остановились.

Муромы раскурил махорочную сигарку, сплюнул и продолжал читать:

— «...Пройдя два раза взад и вперед за углом дома и попав несколько раз ногою в лужу, Нехлюдов опять подошел к углу девичьей. Лампа все еще горела, и Катюша опять сидела одна у стола, как будто была в нерешительности. Только что он подошел к окну, она взглянула на него. Он стукнул. И, не рассматривая, кто стукнул, она тотчас же выбежала из девичьей, и он слышал, как отлипла и потом скрипнула выходная дверь...»

— Он шпион, да? — шепотом спросил Лексюткин.

— Тише ты! — шикнули на него.

— «...Он ждал ее уже у сеней и тотчас же молча обнял ее. Она прижалась к нему, подняла голову и губами встретила его поцелуй...»

— Здорово описывает!

— «...Они стояли за углом сеней на стаявшем сухом месте, и он весь был полон мучительным, неудовлетворенным желанием. Вдруг опять скрипнула дверь, и послышался сердитый голос Матрены Павловны: «Катюша!» Она вырвалась от него и вернулась в девичью. Он слышал, как захлопнулся крючок. Вслед за этим все затихло, красный глаз в окне исчез, остался один туман и возня на реке... Нехлюдов вернулся в дом с парадного крыльца, но не заснул. Он снял сапоги и босиком пошел по коридору к двери Катюши, рядом с комнатой Матрены Павловны...»

— Зачем босиком?

— Слушай, зачем...»

— «...Сначала он слышал, как спокойно храпела Матрена Павловна, и он хотел уже войти, как вдруг она стала кашлять и повернулась на скрипучей постели. Он замер и простоял так минут пять...»

— Испугался, да?

— Спужаешься!

— «...Когда опять все затихло и послышался спокойный храп, он, стараясь ступать на половицы, которые не скрипели, пошел

дальше и подошла к самой ее двери. Все было тихо. Она очевидно не спала, потому что не слышно было ее дыхания. Но как только он прошептал: «Катюша!» — она вскочила, подошла к двери и сердито, как ему показалось, стала уговаривать его уйти: «На что это похоже? Ну, можно ли? Услышат тетеньки,— говорили ее уста, а все существо говорило: «я вся твоя».

— Чья?

— «Твоя». Бестолочь!

— А какое существо заговорило? — продолжал уточнять Лексюткин.

— Не, в такой обстановке читать не могу,— сказал Муром.— Шурка, гони их отсюда к ёжиной матери!

Брагин пристально поглядел на нас, мы враз замерли и притихли.

— Читай! — сказал Брагин.

— «...Ну на минутку отвори. Умоляю тебя,— говорил он бессмысленные слова. Она затихла, потом он услышал шорох руки, ищущей крючок. Крючок щелкнул, и он проник в отворенную дверь. Он схватил ее, как она была, в жесткой суровой рубашке с обнаженными руками, поднял ее и понес...»

— Куда?

— На горшок!

— «...Ах, что вы?» — шептала она. Но он не обращал внимания на ее слова, неся ее к себе.— «Ах, не надо, пустите»,— говорила она, а сама прижималась к нему...»

— Далее многоточие,— сказал Муром, значительно поглядел на Шурку и закрыл книгу.

— Она не схотела, да? — спросил Лексюткин.

Шурка с видом полнейшего горького разочарования взглянул на нас, затем на Мурому. Тот презрительно сплюнул, сказал:

— Им, б..., про колобок надо, а мы...

Брагин свирепо оглядел наши наивные лица и угрожающе поднялся; мы сразу бросились к лестнице.

— И чтоб больше ни ногой сюды, ёжкины сопляки! — гремел Шурка Брагин.

Толкаясь, наступая друг дружке на руки, мы спустились с чердака, когда Муром вдруг сказал:

— Шурк! А тут в конце еще продолжение есть!

Мы затаились под лестницей, боясь пропустить хоть словечко, уж очень хотелось узнать до конца про самое главное.

Муром дочитал про Катюшу, однако Лексюткину и тут не терпелось с вопросами:

— А зачем она отдалась? А как?

— А пошел ты! — шикнули на него.— Заткнись и слушай!

Муром заканчивал наверху чтение:

— «...Так случилось это страшное дело. Но ведь, собственно, не случилось ничего страшного, случилось самое обыкновенное

дело, то соединение мужчины и женщины, от которого произошли все мы, и от которого продолжается род человеческий...»

— Ага! — завопил Лексюткин.— Теперь знаю б..., откуда ёжкины дети берутся!

С победоносным визгом и топотом мы кинулись прочь из барака.

Земля спросила, считаю ли я выполнение задания возможным.

— Задание выполнить готов. Машина ведет себя нормально.

Помолчав, Земля приказала:

— Следуйте в район парада.

— Понял. Выхожу на курс. Связь временно прерываю.

Утром, когда я проснулся, на моем стуле стояли десять новеньких, сверкающих мелкокалиберных патронов.

— Отец тебе вместо палочек оставил,— сказала мама.

В школе, на зависть всем ребятам, я выстроил патроны в шеренгу на своей парте. Вошла учительница, увидела патроны, испуганно замахала руками.

— Убери и немедленно! Упадут, взорвутся!

Спорить с ней было бесполезно, я чувствовал это. Патроны пришлось убрать. На перемене я раздарил их ребятам.

Учительница дала мне свои палочки.

Я катал снежную бабу. Молодой снег был мягок, хрустел, как капуста. Когда на быстро растущий ком начинали налипать лежащие под снегом трава и листья, я останавливался, дыханием грел озябшие красные руки и начинал катать следующий.

Подошел живущий в соседнем бараке Петька Опарин. Снега на лужайке почти не осталось. Испещренная иероглифами следов, зигзагов и спиралей, она походила теперь на какой-то странный зашифрованный рисунок; разбросанные по плоскости снежные шары делали пейзаж еще более причудливым и ирреальным.

Сложив туловище бабы, мы обобрали с ее боков налипшую землю и листья, приставили снежную голову, вместо глаз и губ втягли самоварные угли. Широкие ноздри, покатым низким лобом, косо поставленные глаза и мощные плечи делали ее похожей на идола.

— Давай мочальные волосы сделаем,— предложил Петька.— Айда, у нас в чуланчике есть.

...Мы побежали в барак. Приземистый, с провалившейся тесовой крышей, он врос окошечками в насыпную завалину. В длинном

и темном коридоре мы увидели женщину. Она не имела возраста и была чудовищной, неправдоподобной толщины. Хватаясь руками за стены и фанерные двери, она со стоном передвигалась нам навстречу на слоновьих, распухших ногах, закутанных в лохмотья и тряпки. Прижавшись к стене, мы с ужасом переждали, когда она минует нас.

— От водянки доходит,— зашептал мне Петька.— Мама сказывала, жрать неча, пустой кипяток пьют.

...Переждав женщину, мы проскользнули в комнату Петьки. Печь, лавка, сундук, ведро воды с ковшом на грубом рубленом столе — больше в комнате ничего не было. Другая половина ее была отгорожена ситцевой занавеской, оттуда струился слабый свет.

— Ба! У нас руки зашлися,— пожаловался Петька.

Старуха в подшитых валенках, с головой накрытая юбками, дремала на сундуке. Поднявшись, она зачерпнула из ведра воды, поставила ковш на лавку, у занавески. Этот ковш мы с Петькой, обливаясь, с жадностью выпили.

— Пошто так-то,— сказала старуха,— запалились?

Старуха зачерпнула и поставила второй ковш. Шапку я снял еще раньше и теперь не знал, куда ее деть, чтоб опустить в воду горящие, разламывающиеся от боли руки.

— Шапку-то надень, не в церкви,— сказала старуха и, забравшись на сундук, снова свернулась в калачик, накрылась юбками.

Ледяная вода казалась теплой, но боль в суставах пальцев понемногу стихала. Через минуту Петька вытащил руки, зашептал:

— Я в чуланчик за мочалой, а ты стой тут, а то она догадается! — Страхнул воду с рук, выскользнул в коридор.

Я остался один. Мне ужасно хотелось взглянуть за висевшую перед моим лицом ситцевую занавеску — там кто-то находился, — но я все не решался. Наконец, сдвинув край ситца, я приблизил лицо к щелке. В отгороженной клетушке сидела за столом молодая черноволосая женщина и ела молоко с хлебом. Горел фитиль в плошке, освещающая ее лицо, руки и кофточку теплым золотым светом. Подняв глаза, она встретилась с моим взглядом, я испуганно спрятался за занавеску. Я держал руки в ковше, но меня неодолимо тянуло взглянуть на женщину еще раз. Я опять сделал щелку, приблизился к ней взглядом и женщина, уже ждавшая этого, сказала:

— Иди сюда...

Вытащив из ковша мокрые руки и неловко держа их перед собой, я вошел. Здесь, за ситцевой занавеской, оказалась крохотная, чистенькая, оклеенная розовыми обоями каморка. В переднем углу перед фольговой

иконкой теплилась лампадка. Под ней, на табуретке, стоял убранный бумажными кружевами гробик с мертвым ребенком.

— Шапочку-то сыми,— сказала женщина.— Покойники уважение любят.

Стянув шапку, я смотрел на лежащую в гробу девочку. Она походила на куклу. Крохотные черные губки, тень в переносье и провалившихся височных впадинках, сложенные ручки с голубыми коготками. На одной ручке было шесть пальчиков: шестой, совсем крохотный, как бы не настоящий, рос из большого пальца. Я пересчитал еще раз, пальчиков на руке было, точно, шесть.

— Присядь,— сказала женщина.

Не смея послушаться, я взобрался на свободную табуретку, ноги мои не доставали пола. Отломив хлеба, женщина достала из выреза кофточки голую круглую грудь, отдоила из нее молока в кружку и начала есть. Перехватив мой взгляд, она, не прерывая своей страшной еды, спросила:

— Молочка с хлебом хочешь?

Я испуганно замотал головой: нет! нет! не хочу!

— В школу уже ходишь?

— Хожу.

— Мама у вас, как, все болеет?

— Болела, теперь нет.

Женщина помолчала и спросила:

— Отец-то все пьет?

— Он не пьет. Он хороший.

— Хороший-то хороший, когда б все такие-то были, как ваш отец. А выпить любит, не ври...

Я промолчал.

— Ладно, погрелся, иди,— сказала женщина.

Я слез с табуретки, надел шапку и вышел.

— Ты чего с нею, дурачок! Она же дурочка сумасшедшая! — отчаянно зашипел на меня Петька, косясь на занавеску и держа пук мочалы в руках.

...Мы выбежали на улицу, к снежной бабе. Длинные волокна желтой пахучей мочалы втапли в ее плоский череп. Спускаясь от самых глаз до земли, волосы облепили ей бок, плечи и спину, словно косматая конская грива. Чуть выше живота Петька прилепил бабе еще снежный ком.

— Пусть будет голая титька,— сказал он.

Смеркалось. Мы разбежались по домам.

Перед окном, прижавшись лбом к обледенелому ночному окну, я глядел на лужайку. Там, в неживом свете зимних звезд, стояла снежная баба. Ее загадочное, жуткое лицо сфинкса глядело прямо на меня. Ветер шевелил мочальную гриву, над животом, соском вперед, торчала одна-единственная голая грудь.

Мне даже показалось, что перед нею, у ног ее, в снегу, стоит маленький кружевной детский гробик.

Отца забирали на фронт. Спокойный, какой-то по-особенному родной, ласковый и грустный, он сидел посреди комнаты, дратвой, напоследок, подшивал наши ребячьи валенки. Я подошел, потерся щекой об его теплую руку. Он бросил дратву, притянул мою голову, подышал в затылок. Сестры висели на его спине и плечах, и хотя было время спать, мать не гнала нас в постель. Она на швейной машинке пристрачивала к дорожному отцову мешку новую лямку взамен старой, потертой.

— Ну, будем мужчинами,— сказал отец, легонько шлепнул меня ниже спины и вновь принялся за валенок.

Я отшел к застланной одеялом лежанке, стал разглядывать вещи, которые лежали здесь и которые должны были ехать с отцом на войну. Стопка белья и новых портянок, подрубленных по кромке шелковой нитью так красиво, что было жаль обувать в сапоги. Бритва в футляре, помазок, кружка, моток ниток с иглой, буханка хлеба, банка консервов, кусок серого мыла. Каждую вещь я внимательно осмотрел и потрогал: на белье были истертые пуговицы, из эмалированной кружки япил молоко, она считалась моей, «рябенькой», кружкой. Я подул в нее губами и носом, уколол палец об иглу в нитках.

— Отойди, не трогай,— сказала мать.

Я оставил нитки в покое, послунил палец и потер мыло: оно мылилось и было изрезано голубыми шрамами, потому что отец натирал им дратву. Бритву трогать запрещалось, поэтому я обнюхал буханку хлеба, откусил в уголке поджаристую корочку, не оттого, что был голоден, а просто так, из интереса. Потом возвратился к отцу. Он уже кончил подшивать мой валенок, перекусил дратву, сказал:

— Примерь, не жмет?

Валенок чуточку жал, но я знал, что он скоро разносится, и сказал, что не жмет. Отец прошупал через валенок мою ногу и тоже остался доволен. Убрав остатки материала, шило и дратву, сказал:

— Что, мать, начнем собираться?

Мама поднялась, встряхнула и вывернула готовый мешок наизнанку, обобрала прилипшие к мешковине нитки и принесла из кухни две сырые картофелины. Отец помогал ей. Заложив в оба нижних угла мешковины по картошке, мать ловко перехватила их лямкой, сделала петлю, потянула ее на себя, и обе картофелины каким-то непостижимым чудом оказались завязанными в углах, а мешковина превратилась в котомку. Фокус был проделан отцом и матерью с такой ловкостью, что поразил меня.

Отец сложил в котомку свои вещи, сунул завернутую в полотенце буханку хлеба, затянул горловину мешка и поставил в угол лежанки.

— Все. Теперь давайте ложиться, утром рано вставать.

Нас уложили. Но прежде чем погасили свет, я спросил:

— А картошка в мешке останется?

— В мешке,— ответила мать.

Сестренка захныкала, потребовала, чтоб отец погладил ей спинку. Отец погладил, затем поцеловал нас в головы, мама задула свет, и они ушли в кухню.

Снежным, очень ранним утром — было еще темно — мы с мамой проводили отца на станцию. Сестренка оставили дома.

На путях, в свете качающихся фонарей, стояли эшелоны с разбитой техникой: раздавленные орудия, обломки самолетов, машин, груды обгорелого, искореженного металла — все это гнали сюда, в тыл, на металлургические заводы, в переплавку. Закутаные женщины лопатами гребли снег с путей и узловых стрелок.

Отец снял с плеча свою тощенькую котомку, стал прощаться. Поднял меня на руки, уткнулся своим лицом в мое, подержал и поставил на землю: Потом быстро обнял мать, подхватил мешок и побежал к тронувшемуся составу. То был попутный товарняк, которым отец должен был добраться до района и военкомата. Мы видели, как, догнав тормозную площадку, он забросил в тамбур котомку, затем вспрыгнул на ступеньку сам, и, обернувшись, махнул нам рукою.

Мама держала меня за руку, я стоял, глядел на побитую, изуродованную технику, лафеты и тягачи, громоздящиеся на платформах эшелона.

И вдруг в ту сторону, куда уехал отец на войну, вздымая снежную пыль, сотрясая станцию, вокзальчик и землю, как буря, прошел сквозной литерный эшелон с танками. Бешено работая шатунами, состав влекла мощная сцепка из трех скоростных локомотивов. На платформах, рядом с новенькими, закутанными в брезент танками, стояла вооруженная охрана в тулупах.

Наступил день моего рождения.

Мама застала стол свежей скатертью. Вечером зажгли заправленную керосином лампу с ярким, вычищенным жгутами газет стеклом, и мы, празднично умытые, сели за стол.

— С днем рождения, тебя, сынок! Будь умным, послушным, учишься старательно,— мама расцеловала меня в глаза и в щеки, вручила большое красное яблоко.

Волшебной, сказочной красоты яблоко сияло теплым золотым светом, тонкий нежный аромат наполнил всю комнату. Сестренки и близнята, очарованные, потрясенные божест-

венным видением, усталились на мать, надеясь получить такой же подарок, но мать ласково упрекнула:

— Что ж вы не поздравите братика?

Сестренки рассеянно чмокнули меня в щеку, взгляды их вновь обратились к яблоку, оторваться от созерцания его было выше их сил.

— Сынок,— робко сказала мать.— Может, отрежешь малышам половину? Не возражаешь?

Мысль разрушить и съесть столь совершенную красоту показалась мне дикой, но я промолчал. Появился нож, и яблоко стало двумя половинками. Одну возвратили мне, другую, почистив и поделив, еще на две равные части, мать отдала близняшкам. Тонкие спиральки ароматной кожицы получили старшие сестры.

— Ему целое яблоко, а нам очистки?!

— У него день рождения,— сказала мать.

— Ну и что?! — девочки заплакали.— Все только ему, своему любимчику! И яблоко! И день рождения! А нам ничего?

— Господи! Милые мои, где же всем взять? Рада б душой!

— Ага, радал.. — И поняв, что яблока им не будет, заплакали так горько и безутешно, что я растерялся.

— Сынок,— еще более робко сказала мать.— Может, отрежешь им по кусочку?

Я затравленно глядел на мать, видел, как ее глаза наполнились слезами, губы и подбородок задрожали, и уже готов был согласиться, как мать вдруг опустилась на табурет, из ее груди послышались звуки, похожие на рычание.

Мы еще никогда не видели, чтоб наша мама при нас рыдала. Побросав дольки яблока, близнята басом заревели. Старшие сестренки, взвизгнув, как от чего-то непоправимо ужасного, с ревом бросились целовать ее голову и руки. Я тоже заревел...

Нам не нужно было никаких золотых и волшебных яблок, только б наша мама, самая добрая, самая красивая и родная, не билась бы так страшно головою об стол, рассыпав по скатерти свои прекрасные русые волосы.

Наш перепуганный рев помог ей оправиться. Вскочив, она ушла в кухню: мы слышали, как она умывает лицо. Вернувшись смущенная, с виноватой улыбкой, сказала:

— Отметим, сынок, твой день рождения...

Тут же улыбнулась еще, глаза ее просяли.

— Сейчас будем пить чай, готов морковный пирог.

Мы утирали зареванные лица и были так счастливы! Яблоко поделили на всех, съели как-то незаметно, и в тот же вечер все было забыто.

Через день, возвращаясь из школы, я уви-

дел на путях эшелон с ранеными. В сгущающихся зимних сумерках слабо светились его окна. Вдоль классных вагонов бежали медсестрички в марлевых косынках, в запятнанных йодом халатах. Даже на морозе от эшелона смрадно и тяжело несло бинтами и гноящейся человеческой плотью.

Возле одного из вагонов толпились и выли бабы с закутанными в тряпье чугунами — станционные торговки картофелем. В тамбуре топтался на костылях солдат в бязевых исподниках и рубахе. Бабы снизу, с перрона, совали ему квашеные огурцы и дымящуюся, в мундирах, картошку. Подпершись костылем, прыгая на здоровой ноге, как воробей, солдат ковшиком подставлял ладони, не поспевая принять всего, что совали, и картофелины выскакивали из его горстей и катились по рубчатому железному полу тамбура.

Потом эшелон с ранеными ушел. Ушли и торговки греться в станционное здание, и я увидел состав товарняка, стоящий на соседнем пути. Узбек в стеганом халате, кожаных остроносых галошах, обутом на сапоги, в тубетейке на маленькой стриженной головке, откатив дверь, подметал пол теплушки. Из вагона пахло дынями, топилась железная печка.

Увидав меня, узбек бросил мести, разогнулся, подержался за натруженную поясницу, поманил к себе. Я подошел. Достав большое красивое яблоко — точь-в-точь такое, что дарила мне мать! — узбек подал его мне.

— Возьми, пожалуста.

Я зубами стащил с руки варежку и принял подарок. Увидев, что я пытаюсь запихнуть яблоко в тесный карман пальтишка, узбек сказал:

— Кушай, пожалуста. Здесь кушай...

Я надкусил яблоко, начать есть, но делал это как-то подневольно. Я даже не обтер яблоко, потому что узбек все время смотрел на меня, и я постеснялся. Все яблоко я съел на его глазах, и оно не показалось мне таким уж сладким.

В августе школьников младших классов мобилизовали на поля собирать колоски. Я, в числе нескольких ребят, напросился работать на току. Там что-то платили, а мне так хотелось купить акварельные краски!

— Где их купишь,— сказала про краски мать.— Шел бы, как все, на колоски. А на току, сынок, тяжело.

— Зато платят,— сказал я.

Утром собрались на току семь или восемь мальчишек. Бригадир, однорукий небритый мужик в заплатанном пиджаке, подняв свой прокуренный палец и бухая надсадным махорочным кашлем, объявил:

— Работать на совесть. Сырое зерно не жрать. Вздует брюхо, подохнете. Замечу, кто в карман сыплет, домой, на кашу унести, башку оторву. И ничего мне за это не будет, я контуженый, справку имею, прокуроры меня не пугают. Теперь вопрос про мышей. Их тут до ёлкиной мать, и больше. Мыша хлебу — враг. Догнал, бей лопатой насмерть, безжалостно... нечего тут... политику разводить... Все. Приступайте.

Устрашенные речью бригадира, мы лопатили зерно, но жалея силенок. Выскакивала перепуганная мышь, начиналась охота. Прикончив, выбрасывали мышь за ток и возвращались к работе.

Женщины, закутав платками лица, работали у грохочущих веялок в облаках хлебной пыли, половы и ости. Дважды они резко одергивали нас за беготню и крик, но напрямую гонять мышей не запрещали: мышь для женщины всегда почитается существом нечистым и страшным.

Приходил бригадир, хвалил за мышей и за усердие в работе. Сулился пустить в обеденный перерыв на речку и в хлебный амбар, чтоб мы выгнали оттуда воробьев, жрущих государственное зерно.

Наконец ударили в подвешенный кусок рельсы. Обеденный перерыв! Забыв про усталость и речку, мы бросились в крытый соломой амбар. Там высились бурты чистого провеянного зерна. Стаи воробьев летали и чирикали под стрехами крыши.

Шурка Брагин влез под стропила, оседлал поперечную балку, снизу подали ему лопату.

— Гони их, б..., на меня! — приказал он.

Перелезши через кучи зерна, мы вспугнули воробьев с одного края. Стремительным серым дождем они понеслись в другой конец амбара, мимо Брагина. Он с легу ударил по воробьиной стае лопатой — мимо!

Вспугнули снова, с другого конца. Шурка ударил лопатой, плашмя, теперь точно по цели. Пять или шесть воробьев, попавших под удар, упали вниз, на кучи зерна, с переломанными крыльями, с окровавленными клювами и головами.

Мы гоняли воробьев с одного конца амбара в другой, Шурка с маху бил лопатой по пролетающим мимо стаям, изувеченные воробьи сыпались вниз, ползали, трепыхались, пачкали зерно кровью и умирали.

Нам было жаль воробьев. Мы чувствовали, что из безобидной ребячьей игры переступили в жестокое преступное боище, но Шурка был старше и сильнее любого из нас, мог избить, унижить, и мы подчинялись ему. Угрюмо и молча, едва сдерживая слезы, мы лазили по зыбким кучам зерна, гоняя поредевшие воробьиные стайки. Крик, смех, шум, столь обычные в мальчишеских играх, исчезли. Должно быть, именно эта подозрительная тишина и возня привлекла внима-

ние одной из женщин с веялки, Авершиной.

Вошедши в амбар, она все поняла с первого взгляда:

— Ах ты ж, зараза! А ну, слазь оттудова, оглоед! — Схватив горсть зерна, хлестнула Шурку по глазам.

Потеряв лопату, спасаясь от разъяренной Авершиной, Шурка выкатился за дверь. Подоспел бригадир, Авершина со всей яростью набросилась на него:

— Что ж ты, кобель, детей-то бессовестным делам научаешь? Не стыдно тебе, твоя, тварь ты калеченая!

— Во-первых, не ори,— сказал бригадир.— Начальник тут я. И я не позволяю казенный хлеб птице скармливать, когда его людям досыта не хватает!

— Да много ли он, воробушек, скушает?!

— А давай посчитаем! Их, воробушков-то, сколь, ну-к, прикинь? Сотни! А может, и тыщи! По зернышку, и то это пуд иль два! А если по десять? Тут уж центнер! А может, и тонна!

— Сосчитал? Да ах ты ж, подлюга!

Авершина сбила бригадира с ног, запрокинула на кучу зерна, схватила за лицо и начала набивать его мычащий, рвущийся в сторону рот горстями зерна.

— Жри! Мало тебе? Еще жри! Гадючка! Воробушке пожалел, сам теперь жри!

Бригадир вдруг хрюкнул. Выгнулся на дугу и быстро-быстро забил ногами. Это начался приступ контузии. Авершина завyla, кинулась держать ему ноги. Бабы бежали на помощь с водой. Мы, мальчишки, испуганно стояли в сторонке. Крики, вой баб, бьющееся на зерне тело бригадира.

Старуха, одиноко сидящая у веялки, нажевывая деснами корку хлеба, сказала:

— Страдает нынче народ, ох, страдает!..

— «...Одиннадцать же учеников пришли в Галилею, на гору, куда повелел им Иисус, и, увидевши его, поклонились ему; а иные усомнились. И приблизившись, Иисус сказал им: дана Мне великая власть на небе и на земле; итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и святого Духа, уча их соблюдать все, что я повелел вам...»

Крещение происходило дома. Кроме меня и младших сестренек, крестили четверых ребяташек из семьи отцова брата, дяди Коли, и одного соседского мальчика. Батюшка прибыл из дальнего прихода на чьи-то похороны, попутно его подрядили и на другие требы.

С тайным волнением и любопытством глядели мы, как он святит воду и масло, достает большой серебряный крест и Евангелие. Облачившись в широкую, шитую галунами ризу, батюшка, уже старик, выпростал руки и длинные седые волосы. Босых, в белых ру-

башках, нас по росту выстроили на тщательно, с песком, в нескольких водах мытом полу.

Мать и дядя Коля, худой, желтый, горбоносый, похожий одновременно на Ивана Грозного и татарского мурзу, с висящей на перевязи рукой, только что получил отпуск на поправку после ранения, стояли рядом с соседками, глядели на нас со стороны. Старшая сестренка креститься наотрез отказалась — она состояла в совете пионерской дружины, носила значок и нашивку на рукаве; теперь она глядела на нас исподлобья от двери.

За окном шел мелкий снег, скакала по ветке синица.

Батюшка уже прочел из Евангелия, помазал наши лбы, руки-ноги и животы маслом; до этого ставил в таз, обливал из ковша подогретой освященной водою. Теперь, насухо вытертые, с взъерошенными влажными волосами, снова одетые в рубашки и построченные в рядок, мы слушали из Апостола:

— «...Итак, мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы как Христос из мертвых восстал славой Отца, так и нам ходить в обновленной жизни. Ибо если мы соединены с Ним подобием смерти Его, то должны быть соединены и подобием воскресения...»

Слушая чтение, я наблюдал стоящих у окна взрослых. Соседки с умиленными, растроганными лицами то и дело крестились. Сестра глядела исподлобья круглыми упрямыми глазами и по давней дурной привычке грызла ногти. Одна из близняшек, окрещенная по болезни еще раньше, стояла возле мамы, наблюдая обряд испуганными глазами.

— «...Любовь да будет непритворна. Отвращайтесь злу, прилепляйтесь к добру; будьте братолюбивы друг к другу с нежностью; в усердии не ослабевайте; духом пламенейте; Господу служите; утешайтесь надеждою; в скорби будьте терпеливы; в молитве постоянны; благословляйте гонителей ваших, а не проклиняйте. Радуйтесь с радующимися и плачьте с плачущими; не высокоумствуйте, но последуйте смиренным; не мечтайте о себе; никому не воздавайте злом на зло; не пекитесь о добром пред всеми человеками. Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте мсть гневу Божию, ибо написано: отмщение мне, и аз воздам...»

Когда, завершая обряд, батюшка начал обносить нас ложечкой красного вина, причащая жертвенному телу и крови Спасителя, я, будучи болезненно брезгливым с рождения, сжал зубы и ложечку, только что побывавшую в других губах, не принял. Мать смутилась, подошедши, быстро зашептала батюшке на ухо. Он строго взглянул на меня, выпил вино с ложечки сам, утер ее об рукав ризы и налил мне в другой раз. Я опять отказался. Мать легонько шлепнула

меня по лбу, чтоб не упрямялся, но это не помогло. Приобщив к таинствам стоящих за мною, батюшка налил мне ложечку в третий раз. Я успел сжать губы, но он сунул ложечку так жестко, что пробил меня. Я поневоле проглотил. Вино оказалось сладким и неожиданно приятным. Несколько капель упали с подбородка на мою рубашку.

— «...Итак, отдавайте всякому должное: кому подать, подать; кому оброк, оброк; кому страх, страх; кому честь, честь. Не оставайтесь должными никому ничем, кроме любви, ибо любящий другого исполнил закон. Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога ustanovleny. И как по данной нам благодати имеем различные дарования, то имеешь ли пророчество, пророчествуй по мере веры; имеешь ли служение, пребывай в служении; учитель ли, в учении; увещатель ли, увещевай; раздаватель ли, раздавай в простоте; начальник ли, начальствуй с усердием; благотворитель ли, благотвори с радушием...»

Приложившись к большому кресту, я получил маленький, латунный на шелковом шнурке. Батюшка сам надел его на меня. Моим крестным отцом стал дядя Коля.

— «...Ночь прошла, и день приблизился: отвергнем же дела тьмы и облачимся в оружие света...»

Закончив, батюшка снял с себя золотканое одеяние, уложил в докторский саквояж с Евангелием и другими предметами культа. Перед уходом, встретив мой взгляд и, видимо, вспомнив, как я отказался от ложечки, спрятав улыбку в реденькую седую бородку и тронул мою голову рукой.

Земля вдруг спросила, как ведет себя машина.

— Нормально, — ответил я. — На больших оборотах турбины легкое кабрирование. Компенсирую без труда.

— Связь держать постоянно...

— Понял.

— Не отключайтесь! Второй! Говорю, не отключайтесь! Это приказ.

— Понял. Вас понял. Не отключаюсь.

Война шла к концу. Москва ежевечерне гремела салютами: залпы транслировались по радиопрепродукторам.

Пришел из госпиталя родственник Петьки Опарина, Дмитрий, привез трофейный перламутровый ножичек с множеством блестящих лезвий, наган с патронами и пригоршню немецких крестов, снятых на фронте с убитых и пленных. Несколько штук мы нацепили на ошейник приبلудному кобелю по кличке

Филия; теперь он лазил по помойкам в фашистских офицерских крестах.

Майским полднем Дмитрий, босой, в равной майке и галифе, выскочил из барака, начал палить в воздух из трофейного пистолета и бить в окошках стекла.

— Выходи! Все на улицу выходи, м-мать вашу!

Изрезанный осколками, с окровавленными руками и грудью, он бежал вдоль барака и бил стекла. Его настигли, но он таскал на себе мужиков и палил в воздух, пока не кончились патроны. Потом, безоружный, плакал, скрипел зубами и все не давал перевязывать изрезанные в кровь руки.

— Вот она, водка-то, чего с людьми делает,— говорили наблюдавшие в стороне бабы.

— Не пьяный он. Победу по радио объявили. Капитуляция Германии...

Так мы узнали, что пришла Победа.

Вся наша начальная школа состояла из одного классного помещеньца. Ученики второго и третьего классов сидели за партами в левом ряду. Четвертого и первого — в правом. Учительница была одна на все классы. Она ходила в мужском пиджаке с подкладными плечами и в валенках, зато на запястье, под рукавом, у нее тикали дамские часики: редкость по тем временам невиданная. В классе она переобувалась в старенькие, на каблукках, туфли, искусно залатанные и тщательно начищенные.

Дисциплина у нее была железной.

Почти всегда в классе было холодно, и мы сидели в пальтишках, ватниках, варежках, отцовых пиджаках. Чернильницы притаскивали из дома; оставленные на ночь в школе чернила замерзали. Но каждое утро дежурные по классу — строжайший, неподкупнейший контроль! — наблюдали гигиену и чистоту. Вставши в дверях, заставляли демонстрировать чистоту ушей, ногтей, шеи. Что-нибудь оказывалось не в порядке, и неряха выскакивал во двор, искал снег или дождевую лужу, а то и слюной наскоро оттирал шею, руки и спешил на повторный досмотр.

Входила учительница. Класс, грохнув крышками, вскакивал. Учительница открывала журнал, и дежурные всех четырех классов докладывали о наличии учеников.

— Присутствуют девять, отсутствуют двое. Долганов — по неизвестной причине, Таругина — не в чем прийти, нету ни ботинок, ни валенок. Дежурный первого класса Вася Васюков...

— Присутствую в полном составе,— лениво объявил третъякклассник Панкратов, не поднимаясь с парты.

— Встань.

— Ну, встал.

— Сядь.

— Ну, сел.

— Без «ну», ты меня понял?

— Ну, понял,— бубнил Панкратов и вальяжно разваливался на своей просторной парте.

Дело в том, что Панкратов был единственным учеником третьего класса, поэтому в одном лице представлял и дежурного, и самого себя, Панкратова, и весь свой коллектив. Это обстоятельство давало ему множество поблажек и преимуществ, и Панкратов мастерски пользовался ими. Например, приходил с грязными ушами. На замечание санитарной дружины реагировал снисходительно:

— Цыц, кишкалда! Я сам себе проверяющий...

И санитары вынуждены были пропускать его, потому что, не пусти, будет отсутствовать сразу весь третий класс.

Отметив отсутствующих, учительница начинала урок. Первоклашкам задавалось рисовать в тетрадках крестики-нолики; Панкратов вызывался к доске решать арифметику; четвертый класс писал под диктовку из грамматики, второй класс рисовал. Затем все менялось. Панкратов, «схватив» очередную двойку: «ну и пусть»... — отдыхал на своей парте, малыши читали вслух или рисовали все ту же вечную неизменную композицию из березы и прилетевших скворцов. Таким образом, все и всегда были заняты.

В конце последнего урока, предчувствуя близкую свободу, мы сгораем от нетерпения, ерзаем, путаем ответы, ждем, когда наконец учительница взглянет на свои часики под рукавом пиджака. Вот — взглянула! Класс напрягается, глаза горят. Сейчас — конец, свобода, улица: там можно вытворять, что угодно. Дать волю мышцам, сердцу и горлу. Бегай, кричи, ходи на голове, ори от избытка неосознанного, беспричинного восторга, а еще можно гоняться друг за другом, «жать масло», делать «кучумалу», играть в «жостку», в перышки, в пристенок на деньги. Да мало ли существует на свете прекрасных занятий и развлечений!

Властный взгляд учительницы приковывает нас к местам. Затем властный жест заставляет нас дружно вскочить. Мы знаем, сейчас для всей школы, от первоклашек до старшекласников, предстоит последнее задание, завершающее учебный день: песня.

Учительница делает знак. И Панкратов запекает, он всегда запекает, у него талант. А мы звонкими детскими голосами подхватываем:

С одним желаньем и думою одною
Со всех концов родной своей страны
Мы собрались дружною семьею,
Мы все учиться мастерству пришли!

Учительница поет с нами.

Пройдут года, настанут дни такие,
Когда советский трудовой народ
Вот эти руки...

(Тут мы должны дружно поднять руки).
Руки молодые
Руками золотыми назовет!

С последним куплетом учительница берет со своего стола звонок и трезвонит... Свобода!!! Едва не сбив учительницу с ног, устремляемся в дверь. Ликующий ор, топот, крик, визг девчонок. И мы клубком выкатываемся на улицу. Звонок трезвонит нам вдогонку...

— Да что, маманя, стыдно сказать, до чего дожили,— говорила мать приехавшей в гости бабушке.— Малышей в садик не пускаем, мол, большие морозы. Берем их обед на дом да всей семьей едим. Ни хлеба, ни сахару детям, ни крупы. В школу сходить не в чем, пара валенок на троих. Куда это годно?

Мать молола бутылкой соль, слоем насыпанную на столе. Топилась печь. Толкли в деревянной ступе пшено, привезенное бабушкой. Готовились печь блины. Бабушка сидела на табуретке. Малыши, укутанные в пальтишки и платки, тихо играли в углу. В другом углу сидел и молчал отец. Мы слушали разговор старших.

— Зарплата пятьсот десять в месяц, а мук на рынке девятьсот за пуд. Чем кормить такую ораву?

Мать смахнула слезу, с ожесточением продолжая катать по столу бутылку. Соль хрустела под ней, измельченную мать отсеивала в сторону, крупную продолжала мельчить дальше. Я сидел рядом, отбирал серые, наиболее крупные кристаллы, намереваясь бросить их потом в печку, посмотреть, как соль стрельнет.

— А в том месяце вовсе ничего не принес, всех рабочих без денег оставили. Выписали в конторе два кило меду да цинковое ведро, новое, блестит, в нем и принес всю зарплату.

Мать промокнула от слез глаза, высморкалась в платочек. Отец, виноватый и отчужденный, сидел молча. Слова матери относились к нему, возражать тут не приходилось, потому что все, что говорила мать, было правдой. Но и молчать в присутствии издали приехавшей бабушки было бы в корне неверной тактикой. Следовало ободрить, успокоить, придумать и нарисовать женщинам какие-нибудь радужные перспективы на будущее, которые бы примирили их до поры до времени — пока будут готовы блины — с ожесточающей, скудной действительностью. Но перспективы, тем более радужные, в голову отца сегодня как-то не приходили, и это его угнетало.

Выбежала из-под печки мышь, безбоязненно начала катать у подтопка холодный уголек, думала, хлебная корочка. Отец и мы, не занятые работой, наблюдали ее игру. Потом я надел варежку, подкрался и ловко поймал глупую мышь за хвост. Она трепыхалась в воздухе голыми розовыми лапками, черные бусинки глаз глядели на меня с отчаянием. Малышки, подбежав, с ужасом уставились на невиданного зверька.

— Брось,— сказала мать.— Займись делом. Помоги вон толочь пшено...

— А ее куда?

— Кинь, холеру, на мороз,— сказала бабушка, но я ждал, что скажет отец, зная, что он решит окончательно.

— Выпусти,— сказал отец.— Пусть живет. Я выпустил мышь на пол, и она тотчас убежала под печку.

— Ты б.детей своих так жалел да жену,— сказала отцу бабушка.— Посмотри, на кого она у тебя похожа стала! Для того я ее, красавицу да рукодельницу, за тебя отдавала, чтоб ты ее в гроб вогнал да ребятишек осиротил?

Бабушка всхлипывает стареньким добрым лицом.

Отец, сурово и виновато крикнув, решает, что самое время заняться печью. Присев к топке, открывает дверцу, шевелит сгоревшие поленья, подбрасывает еще. Я высоким деревянным пестом толку в ступе пшено. Оно крошится, превращается в теплую белую муку, ее отсеивают ситом, обсевки с порцией свежего зерна засыпают и толкут дальше.

Увидев, что я устал, мать отстраняет меня и сильными, энергичными ударами начинает толочь сама.

— Куда это годно, с такой ордой ребятишек по белу свету мотаться? — корит отца бабушка.— Чего искать? Жили бы на одном месте, как люди. А теперь угла своего нет. Все по чужим дворам, по квартирам, как цыгане, с таким-то табором, легко ли!

Мать бьет пестом, и ее удары как бы приколочивают бабушкины слова, делая их еще более весомыми и неопровержимыми.

— Все размотали! Рук помыть нечем! Куда это годно? И чего ты только своей лысой башкой думаешь?!

— Не пил бы, жили б как все, на одном месте,— говорит мать.— Он ведь, маманя, золотой работник! Ведь его на всех работах как уважают!

— Да разве я не знаю! — в тон восклицает бабушка.— Из всех зятьев его одного люблю! Всего господь дал: грамотный, обходительный, светлая голова, с любым человеком поговорить может, душевный, не характер у мужика — клад! А втемяшится ехать куда-нибудь, и пропало! До каких пор будешь с эдакой семьей ездить и меня, старуху, за собой таскать?!

— Все, бабуленька! Все... — отвечает оживший отец. — Переживем зиму, уедем в какие-нибудь теплые края, и конец!

— Куда еще, дьявол, куда?! — стонет бабушка. — В какие еще теплые края?

— Там видно будет, — отвечает отец. — Здесь что? Морозы, зима, вечное ярмо. Одних валенок сколько надо! А там бегай босиком, фрукты, персики, абрикосы, круглый год лето...

— Да где такое, дьявол, где?! — сердится бабушка.

— Знаем, где, — загадочно отвечает отец и, уже воодушевившись, бросив кочергу, рисует перед нами удивительные картины сытой, счастливой жизни. Чудесные, волшебные видения зримо встают перед нашими глазами, и нам уже хочется ехать туда, рвать растущие прямо над головой яблоки и виноград, буханками есть белый хлеб, бегать босиком и купаться в синем море, которого мы никогда в жизни не видали.

— И вот, бабуленька, приезжаешь ты в гости, — рассказывает отец, — покупаю тебе на всю зарплату фруктов, сажаю за стол и говорю: ешь, бабуленька! кушай, бабуленька!.. Поставлю твою кровать у окошка, на балконе, и скажу: вот тебе, бабуленька, вид на море, живи!.. Ведро вишни — рубль!.. Чего еще надо?!

Умиленная, растроганная волшебными грезами бабушка плачет. Отец целует ее в голову. Целует и мать. И бабушка, уже примирившись с возможностью нового переезда, твердит только одно:

— Красавицу-то мою, рукодельницу-то мою береги!..

Под шумок я бросаю в печь горсть крупной соли, закрываю дверцу и остаюсь ждать на корточках: что-то сейчас будет? Но тут мать, стряхнув с себя чары нарисованных отцом прекрасных видений, говорит:

— Отец! Что ж печь-то? У меня тесто готово!

Отец отстраняет меня, берет кочергу и, присев перед топкой, начинает ворошить жар. В то же мгновение залпы рвущейся в топке соли бьют в его лысый лоб: летят искры, угли, гарь, хлопья дыма. Схватившись за лоб, отец отскакивает:

— Едрит твою! Что такое?!

Я испуганно гляжу на него: откуда я знал, что соль так скоро взорвется?

— Ты чего туда бросил? — спрашивает мать и по ее тону я понимаю, что наказания мне не миновать. — Соль, что ли?.. А если б отца без глаз оставил?..

Взглянув на отца, она вдруг смеется. Смеется и бабушка. Вид у отца действительно комический. И вот мы уже все смеемся. Шлепнув меня по затылку, отец поднимает кочергу и, держась за ошпаренный солью лоб, смеется вместе с нами.

Земля приказала доложить обстановку.

— Докладываю. Прошел две контрольные точки. Впереди, по курсу, Тушино. Высота три с половиной. Скорость две двести. Ощущаю легкую тряску и небольшое кабрирование. Компенсирую высотными рулями. Продолжаю выполнять задание...

— Обстановку докладывать каждые две минуты!

— Вас понял...

Мы, дети, все пятеро спали в комнате, на полу, укрываясь двумя одеялами. На день постель убиралась, а ночь стлалась опять.

В тот вечер мы разыгрались и расшумелись: возня, хохот, щипки и щекотки, бой подушками. Мать выглянула из кухни, строго спросила:

— Спать собираетесь?

Мы на время притихли, но вскоре забылись и открыли возню с еще большим азартом и шумом. Мать выглянула опять и резко прикрикнула:

— Кому сказали?.. Сталин болеет!..

Мы враз притихли, полезли под одеяла. Ночью, уже засыпая, я слышал, как вернулся с работы отец. Мать кормила его в кухне, и они тихо разговаривали. Потом отец прошел к нам в комнату, негромко включил черный бумажный репродуктор, и я услышал очередной бюллетень здоровья Сталина.

Состояние его ухудшилось. Сталин находился в глубоко бессознательном состоянии; нервная регуляция дыхания и деятельность сердца резко нарушены; пульс 120 в минуту; дыхание 36; давление 160 на 120; температура 37,6; лейкоцитоз 21 000. Второй, очень тяжелый коллапс, который настиг его утром, был с трудом ликвидирован.

С рассветом завyla в сенях хозяйская собака. Я проснулся. В кухне горел свет. Отец, с ведрами, собравшийся за водой, сказал:

— Вставайте. Сталин умер.

Одевшись, я вышел на крыльцо. Было темно. Над осевшими мартовскими сугробами стоял сырой туман. С неба сыпала изморось. Лед на пруду был затоплен. Столб с уличным репродуктором торчал среди черной, взблескивающей воды, и оттуда невидимый в ночи репродуктор передавал правительственное сообщение:

— «Центральный Комитет КПСС и Советское правительство с чувством великой скорби извещают партию и всех трудящихся Советского Союза, что 5 марта в 9 часов 50 минут вечера, после тяжелой болезни скончался Председатель Совета Министров Союза ССР и Генеральный Секретарь Комитета Коммунистической партии Советского

Союза, генералиссимус Иосиф Виссарионович Сталин...»

Слова таяко падали, гремели над темными домишками, эхом отдавались от земли и морозящего неба.

— Весть о кончине товарища Сталина глубокой болью отзовется в сердцах рабочих, колхозников, интеллигентов и всех трудящихся нашей Родины, в сердцах воинов нашей доблестной Армии и Военно-Морского Флота, в сердцах миллионов трудящихся всех стран мира...

Подошла, села в ногах собака, завывала в небо. Я шлепнул ее, она перестала. Вдруг два реактивных истребителя бесшумно, как тени, скользнули над прудом. Они прошли низко, над самым столбом, и сразу исчезли. На селенье обрушился немислимый рев их мощных турбин. Слова репродуктора утонули в свистящих раскатах грома: реактивная авиация только начала появляться, такое я видел впервые. Ушли. Смолкли раскаты турбин, и снова стал слышен репродуктор. Передавали концовку сообщения — призыв соблюдать твердость и бдительность.

— Да здравствует наша могучая социалистическая Родина! Да здравствует наш героический советский народ! Да здравствует великая Коммунистическая партия Советского Союза!

Истребители вынырнули опять, теперь с другого, обратного конца. Снова, столь же устрашающе низко и стремительно, прошли над поселком, сотрясая округу своей сумасшедшей мощью, и скрылись.

От столба и репродуктора в черной воде полилась органная музыка Баха. Огромная, скорбная мелодия не вмещалась в тесное пространство, шла верхом над крышами затаившегося поселка, как волны океана.

Тускло горела над репродуктором маленькая электролампочка. Дома стояли молча. Только над всем поселком, в каждом дворе и, казалось, во всем мире, на всей земле были в предрассветное небо собаки.

Осенью мы переехали в маленький районный городок Нечерноземья. Полукаменные дома, торговые ряды под железом, резные крылечки, кладбище, церковь, река, пароходные гудки над водой, деревянные тротуары, рынок, огороды, заборы и печное отопление. Вдали от железных дорог, окруженный тишиной и лесами, бывший купеческий городок как заколдованный жил еще в прошлом веке.

Сняли комнату на окраинной улочке. Спали, как прежде, впокат, на полу. Сразу за огородом начинался лес, стояло синее озеро в окружении древних елей: при перелете еще садились сюда дикие птицы. У хозяйки, не старой, но больной женщины, водился полон дом прилудных собак. Под-

бирая их где ни попадя, из жалости, она тащила их на свой двор. Голодные, тощие, драные, шелудивые псы устраивали несусветную грызню. Время от времени они пропадали. На их место являлись другие, еще более драные и несчастные. Убитых или сведенных со двора псов хозяйка по два и по три дня поминала, оплакивала. Обливаясь слезами, пила вино, ела помидоры, макая их в горку сахара, насыпанного на столе, и причитала:

— Извели тебя, Васька, ой! Да извели и тебя, Трезорка, ой! Не видеть тебе больше своей мамочки и своо дружка Шарика, ой! Отбегали твои резвые ноженьки, позакрылись ясные глазыньки, и на кого ж ты меня, б..., горькую сиротину кинул, ой!..

Отец, сочувствуя, выносил рюмку водки. Хозяйка выпивала, а захмелев, начинала плясать под частушки:

Я б на горку пошла,
Я б Егорке дала,
Не подумайте плохого,
Я б махорки дала!

Наплакавшись и наплякавшись, ослабев от вина и переживаний, ложилась на сундук в окружении верных собак. Иногда ее начинали мучать страшные головные боли. Тогда, распустив волосы и обхватив руками череп, она часами сидела во дворе под снегом ли, под дождем, раскачивалась, как маятник, глухо стонала и не хотела идти в дом, причитая на все голоса, что квартиранты, то есть мы, окончательно ее выселили из ее же жилья.

Жить у нее нам становилось все тяжелее. Отцу, как многодетному коммунисту, дали нежилой чердак в бывшем особняке миллионера — купца Бадаева: его еще после революции выслали в Сибирь.

Я отправился с отцом посмотреть новое жилье. Дом стоял в центре городка. С улицы имел три ряда роскошных венецианских окон, балконы и фасад, облицованный по фронтому изразцами и мрамором: все здание занимали конторы. Со двора оба крыла здания уходили под гору, к ручью; вся территория двора была занята складами сена, дров, конюшней конного двора и кочеваркой.

Железная винтовая лестницей мы поднялись со двора наверх, откинули крышку люка, точно это была подводная лодка, и очутились в нашем 14-метровом чердаке. Фонарь осветил глухие каменные стены, груды битого кирпича и ворох конторских книг под слоем пыли.

Окон, печи, электричества и воды не было. К одной из стен крепилась железной балкой каменная площадка. Там можно было поставить еще одну кровать, как на антресолях, и это открытие взбудило отца. Заколоченная дверь с антресоли вела непосредствен-

но на крышу; другая, внизу, в крохотный темный чуланчик с вытяжной трубой в потолке. В бетонном полу чуланчика зияла дыра, за ней ощущалось какое-то черное гулкое пространство, оттуда тянуло ледяным холодом. Отец опустил в дыру фонарь и вдруг глухо сказал:

— Там еще одна комната...

Взяли в конюховке старые вожжи, спустились в таинственную комнату. Отец высветил фонарем стены. Незабываемое зрелище представило глазам: вся комната была выложена сверкающими изразцами, мрамором и живописью.

Это была ванная комната.

На стене была изображена Аврора, богиня утренней зари. Впряженные в золотую колесницу лебеди несли ее по облакам. Крылья их, казалось, трепетали. Царственно изогнутые шеи завершались змеиными головками и были украшены маленькими золотыми венцами. Внизу, в волнах моря, в белоснежной морской пене вскипали и трубили в изогнутые раковины нимфы, наяды, нероиды и тритоны, приветствуя вздымающуюся из ночных пучин предвещницу дня.

Вторая стена изображала Венеру. Порхающие над лугом бабочки и мотыльки влекли ее украшенную цветами колесницу. Стилизованные деревья, звери, птицы и плоды обрамляли картину.

На третьей стене юная купальщица готовилась сойти в бассейн. Распушенные по плечам волосы, трепещущая у груди рука, пальчик ноги, трогающий воду, тень смущенных ресниц, теплая, мерцающая белизна кожи и вся ее земная, чувственная красота — волновали.

У четвертой стены валялись осколки зеркала, расколота ванна и клеозет.

— Тут где-то зарыт клад,— сказал отец.

Мы обстучали пол, стены, потолок и никакогоклада, конечно, не нашли.

— Ладно, никуда он от нас не денется,— сказал отец с таким видом, будто чугун с золотом был нами уже найден.

Поднялись наверх, заделали дыру досками, чтоб из нее не дуло. Отец нацарапал на западной стене квадрат, будущее окно. Сменяя друг друга, мы начали рубить толстую, крепостной твердости стену, пробиваясь к свету.

Переезжали весело. Одолжив у соседей двухколесную тележку, покидали в нее сквороды, одеяла, чугуны и подушки; увязали в матрац драгоценную швейную машинку; сверху, на узлы, усадили близняшек.

Хозяйка, в окружении всей своей псарни, вышла проводить за ворота. Кланялась в пояс, просила не забывать, начала причитать и вопить на всю улицу, на кого ж мы ее,

сироту, покидаем, лучших квартирантов ей уже в жизни не видать. Собаки, по обыкновению, лаяли, скакали, от избытка чувств грызлись, устроили свару. Соседи с любопытством глядели на все это из окон.

Запрягшись с отцом в оглобли, мы с грохотом покатали на новое место жительство. Собаки бросились следом, лаем сопровождая нас на протяжении двух кварталов. Прохожие на тротуарах останавливались...

Жили тесно. Малышки пошли в школу, и на каждый уголок стола установилась жесткая очередь: стол был один, на нем ели и пили, делали уроки, гладили, шили, чертили. Вечером, когда вся семья бывала в сборе, свободного местечка в комнате не существовало. На ночь меня клали на раскладушку в проходе, утром будили и переключивали досыпать на освободившуюся постель: иначе не пробраться к крышке люка и через него к двери, чтоб поднять снизу, на высоту 64-х ступенек уголь, дрова, воду.

Отец выписал центральную газету, вечерами читал ее на пороге, чтоб не простыть,— в шапке. Мать таскала через него ведра, кастрюли, готовила ужин. Наконец, не выдержав, просила:

— Отец! Ты б пересел куда-нибудь!

Отец пересаживался. Его опять поднимали и пересаживали; кому-то требовалось чертить, готовиться к школьному вечеру, гладить платишки, мыть голову и т. д. Наконец отец устраивался прямо на крышке люка. Садился по-азиатски, подвернув калачом ноги, разворачивал газету. Мать просила:

— Отец, ты б почитал вслух что-нибудь! Что там на свете делается, ничего ведь не знаю!

Отец начинал читать: про международное положение, про разоружение; но многого и тут не успевал. Снизу, в крышку люка, стучали. Возвращалась с вечерних занятий старшая сестра, и отцу приходилось слезать с крышки люка, чтоб она могла подняться через него в комнату...

— Отец! Иди-ка лучше за ширму спать,— говорила мать. Вздыхнув, отец откладывал газету прочь.

Командно-диспетчерский пункт аэродрома.

— Земля! Я — Второй! Мощный помпаж. Вибрируется вся машина. Отказал авиагоризонт и автоматика...

— Второй! Я — Земля! Задание не выполнять! Немедленно возвращайтесь обратно!

— Прошел последнюю контрольную точку. Нахожусь в черте города. Обороты падают. Включаю форсаж. Выполнение задания продолжаю.

— Капитан! — с динамика командного пункта гремел уже голос не руководителя полета, а генерал-лейтенанта. — Немедленно

покинуть черту города! За нарушение приказа пойдете под суд!

— Машина обесточена. Не работает гидравлика. Возможности маневра не имею. Могу лететь только прямо. Ответственность за безопасность города беру на себя.

В динамике ругнулись, заспорили громкими, резкими голосами, последовал приказ:

— Связь не отключать. Весь радиообмен записывается на пленку. Тумблер радиосвязи поставьте в положение «постоянно». Как поняли?

— Хорошо понял.

Внутренний голос летчика: «Да, это почти закономерность, что наиболее каверзные ситуации возникают в воздухе при выполнении самых что ни на есть ерундовых заданий,— пролететь над Тушиным без всяких виражей, фокусов, перегрузок, просто по поводу воздушного парада — чего проще? И вот почти аварийная ситуация. Только бы не пожар! Хуже пожара ничего не бывает...»

Перед ноябрьскими праздниками, ранним утром, по темноте, в дверь нашего бункера застучали и хриплые, простуженные голоса прокричали:

— Эй, хозяйка! Отпирайте!..

Меня подняли с раскладушки, освободили проход, дверь открыли. В комнату задвинулся угол огромного транспаранта, написанного мелом на кумаче; за ним появились рабочие в ватниках, рукавицах и сапогах.

— Нам на крышу,— объявили они.— Люминацию к празднику весить приказано.

Наскоро оделись, сдвинули с прохода стол, шкаф, кровати. Не успевших одеться девочек загнали за ширму, завесили одеялом. Перешептываясь и прыская смехом, они принялись напяливать там свои платья и фоточки.

Рабочие топорами сорвали с гвоздей дверь чердака, потащили через всю комнату и антресоль на крышу щиты, плакаты, лозунги и транспаранты наглядной политгазации.

Мать пыталась спасти чистоту наглаженных к празднику занавесок, но цепляли острыми углами щитов штукатурку стен, потолков, осыпая на постели меловую крошку и пыль извести.

«Да здравствует годовщина Великого Октября!»

«Народ и партия — едины!»

«Вперед — к победе коммунизма!»

Буквы «КПСС» были вырезаны из фанеры в рост человека и утыканы крашеными электролампочками. Каждую букву, взвалив на спину, тащил вверх отдельный рабочий. Запах кумача, клея и отсыревших ватни-

ков наполнил комнату, в воздухе повисла меловая пыль от плакатов, гремело под сапогами железо крыши. Отец, принявший вторжение бригады как должное, немедленно подключился к их хлопотам. Начал даже командовать, как проташить через комнату особо громоздкий щит, а подав очередную идею, немедленно бросался приводить ее в исполнение, покрикивая на рабочих, безжалостно царапая стены и обрывая мамины занавески. Когда щит с помощью веревки начали наводить с крыши на фасад, отец, полуодетым, выскочил на улицу, кричал «майну» и «виру», полностью приняв на себя все руководство работами. Потом забежал домой взять стакан, луковичу и хлеба, выпил с рабочими водки. Мать сердилась:

— Разъело в ноздрях-то! У, дьявол! — и кричала вдогонку: — Оденься!

Весь день таскали через комнату щиты, доски, мотки электрошнура, портреты вождей, инструмент, гвозди, веревки. Отец еще два или три раза прибежал взять огурцов и хлеба, а взявши, торопился к бригаде, ссылаясь на важность и ответственность работы.

Наш разоренный чердак был выстужен и затоптан. Мать, глядя на свершившийся погром, уже не ворчала и не сердилась, только сказала:

— Мамай прошел... А к вечеру и отец у нас будет хорошим...

И правда, к вечеру отец был пьян. По-пьяному же глуп, несправедлив и обидчив. Упрекал мать в том, что она своим низким образовательным цензом подкосила его, отцово, социально-политическое значение в обществе, опутавши детьми, кухней, тряпками. И вот теперь, с подрезанными крыльями, он должен тянуть бесконечную и бессмысленную ляжку бытия, а ведь его, отцова, судьба могла быть такой необыкновенной и высокой, что матери даже не снилось.

Мать, чтобы не обострять, грустно и ласково соглашается. Но отца это вовсе не устраивает. Ему, наоборот, нужны конфликтные возражения, разбивши и опрокинувши которые, можно идти спать за ширму. Однако мать не возражает, и отец, призывая нас в свидетели, трагическим шепотом объявляет, что наша мама — «поповская дочка». Мы слышим это всякий раз, когда отец пьян. Знаем и то, что в 30-е годы отцу из-за принадлежности нашей мамы к семье бывшего священнослужителя пришлось оставить нарождавшуюся советскую авиацию и Балашовское авиаучилище.

Но чем же виновата мать в тех обстоятельствах и годах?

— Гордыня! Гордыня паче уничижения! — говорит отец. — У них вся семья такая!

Мать очень не любит, когда задевают ее семью и память покойного дедушки.

— Вино да широкая глоточка тебя погубили,— со спокойным достоинством отвечает она и тут же приводит неотразимый аргумент: — Ты в этом месяце два раза деньги на свои партвзносы брал, а они до сих пор не уплачены.

Тут отцу крыть нечем. Он грустно качает плешивой головой и, обращаясь к нам, рассказывает, как привел нашу маму, еще в девичестве, в вечернюю школу — повышать политический уровень и образовательный ценз. Взявши перо, мама не изволила даже снять бывших на ней модных белых перчаток. Когда ей сделали справедливое замечание и предложили либо оставить класс, либо снять мелкобуржуазные перчатки (учитель был в нее влюблен, и она, по словам отца, тоже строила ему глазки), — то наша мама лишь поджала свои хорошенькие девичьи губки и без всякого сожаления оставила класс...

И эту грустную повесть мы тоже давным-давно знаем. Смотрим на маму. Она молча шьет. И отец, чувствуя, что взял в некотором роде реванш за свои пропиты партвзносы, отправляется спать.

Мать остается сидеть грустной. Ее прекрасное, увядающее лицо покорно и задумчиво. Как всегда, она что-то перешивает и перекраивает из нашей старенькой одежды: труды и заботы ее бесконечны. Безропотно, самоотверженно, как муравей, тащит она на себе весь дом. Сейчас мы особо остро чувствуем, как незаслуженный упрек задел ее, и переживаем. Близнецы, ласковые и хорошенькие, как две телочки, обнимают, целуют ее в висок.

— Ма!.. Ну, ма!.. Кисанька наша, хорошая наша,— ласкаются к ней, и мать, утерев набежавшие слезы, говорит:

— Поставьте, девочки, чайник.

Ну вот, все хорошо! Значит, мама не сердится на отца. Ну выпил, ну наболтал лишнего... Но ведь и ему нелегко тащить столько лет немалую семью, не имея ни отдыха, ни отпусков, ни даже костюма...

Мать украдкой вздыхает, и мы понимаем, как она любит нас всех.

Утром отец тих, прост, виноват и покорен. Как я люблю его в эти минуты! Поднявшись раньше всех, он уже натаскал снизу воды, дров, угля, растопил печь, разделал и нарубил для праздничных пирогов мяса. Мать еще не забыла ему вчерашнее и, когда выговаривает за неточные ножи мясорубки, тон ее холоден, сух и спокоен.

Дело матери — пироги, тесто. Силовая работа — обязанность отца. Но сегодня он допускается к мясорубке не сразу. Однако,

добившись усердием разрешения поделить с матерью хлопоты по приготовлению праздничного обеда, понимает это как шаг к негласному примирению и враз оживает, веселеет, начинает тормошить нас в постелях. Приставив ладони к губам, трубит сигнал побудки:

— Подъем!

Бесполезно. Уже проснувшись, мы додремываем последние сладкие минутки перед тем, как покинуть уютное тепло постели.

— Слышишь, мать, оркестр уж на площади!

Эта его хитрость так же повторяется всякий раз и всякий раз действует на нас безотказно. Участие в праздничной демонстрации — лучшее, что есть в нашем городишке. Проспать это?! Ни за что!...

Поднимаемся.

Девчонки, отворачиваясь, натягивают платочки, шепчутся, помогают друг дружке застегнуть и оправить ляпочки лифчиков. Потом бегут умываться. Кой-как проглотив чай, рассчитывая после демонстрации на горячие пироги, спешим на улицу. Отец вдогонку наказывает:

— Мы с мамой будем махать, вы отвечайте!

Празднично убранные колонны демонстрантов двинулись по центральной улице городка к Красной площади местного, разумеется, значения, но именно так она и называлась. Вымощенная булыжником, она вела к зданию горкома и Доске почета.

Расцветенные флагами, бумажными цветами и транспарантами колонны текли к углу сквера, здесь, растягиваясь, ломая ряды и переходя на рысь, сворачивали на площадь и, уже подровнявшись, под громы оркестра и приветствий, во всей своей красе проходили перед разрисованной под мрамор трибуной.

Когда наша школа и я вместе с колонной, держа в руке палку с голубем мира, приблизились к завороту, стали явственно слышны транслируемые по радиосети приветствия, раскаты духового оркестра и крики «ура!».

— Земля! Я — Второй! Обороты и температура газов растут, тряска уменьшилась. Не исключаю возможности пожара. Из сопла — язык пламени. Через двадцать секунд — Красная площадь.

— Живой или мертвый выходите за черту города!

Комната командного пункта. Здесь инженеры, руководитель полета, авиационный генерал, члены Государственной комиссии, операторы пультов. Идет запись всего, что говорится на земле и в воздухе.

— Включите воспроизведение, — приказывает генерал.

Операторы переводят запись магнитолен-

ты на канал вещания.

В динамике вдруг начинает четко стучать пульс летчика, за сотни километров отсюда проходящего над Москвой.

...Тук-туки, туки-тук, тук-туки, туки-тук...

— Что это?

— Сердце.

Генерал берет микрофон:

— Юргин, слышишь меня?

— Слышу, товарищ генерал! Прохожу над Красной площадью!

Внутренний голос летчика: «На той демонстрации в районном городке нашего детства мы шли такими же колоннами и пели «Катюшу», «По долинам и по взгорьям», хвост колонны старался перекричать нас, там плясали, а там запевали «С чего начинается Родина»... Я тяну из колонны шею и никак не могу увидеть своих...»

Колонны демонстрантов. На тротуарах толпится народ, не вошедший в праздничное шествие. Иные, сгорая от желания пройти перед трибунами и поорать досыта «ура!», перебегают с тротуара к знакомым, в колонны. Другие переговариваются с демонстрантами, здороваются, обмениваются приветствиями, репликами, шутками: в городке все знают всех.

Наконец я вижу своих. Мать — красивее всех. Стоит в пуховом платке, который так идет к ее сияющим глазам. Отец рядом с ней выглядит простецки. Щупленький, неввысокий, в дешевом пальтишке, в кепчонке. Но у него такое пронзительно родное лицо! С ними стоят близнецы. Я кричу им, машу бумажным голубем на палке. Меня замечают и тоже кричат, тоже машут.

Передние колонны проходят мимо трибуны. Радио доносит слова приветствий:

— Слава ударному труду и завершенной навигации советских речников — ура!

— Ура-а-а!!! — ревет уже с утра пьяная колонна речников.

А вот и наша очередь. На трибуне отцы города в черных шляпах, оркестр, литавры, чудовищное уханье главного барабана и сорванный, охрипший голос по микрофону.

— Да здравствует наше славное подрастающее поколение и его героический, орденосный комсомол — ура!

И мы, во всю мощь своих сильных, молодых глоток восторженно подхватываем:

— Ура-а-а!!!

Голос летчика:

— Земля! Я — Второй! Задание выполнил. В кабине пожар. Высота и обороты падают. Иду в направлении Люблино.

Генерал хватается микрофон:

— Юргин! Оставь машину! Это приказ!

— Катапультироваться не могу. Иду в черте города.

— Все... это конец... — сказал кто-то.

Генерал свирепо оглядывается на толпящихся в помещении летчиков, офицеров, техников, инженеров, на остальных, кому по уставу не положен вход в эту комнату.

— Почему на командном пункте посторонние?!

Ему не отвечают. Да и сам он, даже сорвавшись, понимает: иначе в эти минуты быть и не может.

Вдруг голос летчика:

У домика синяя крыша
И желтая стена.

Подсолнух, выше дома,
Растет подле окна.

По обе стороны дома
Из крестиков забор.

И на пригорке у сосенки

Красный растет мухомор.

Солнышко по небу ползает,

Лапки как у жука.

Рядом с ним синие полочки,

Может быть, то — облака...

Над домиком, точно веник,

Виднеется дым в трубе,

За этот хороший рисунок —

Большое спасибо тебе...

Генерал в микрофон:

— Юргин! Ты чего там?..

— Горю, товарищ генерал. Синим огнем! — неожиданно веселым голосом отвечает Юргин. — Стишок этот с дочкой учили. Тоже про домикл..

...Тук-туки, туки-тук, тук-туки, туки-тук...

Сердце в динамике.

Потом динамик принес эхо далекого взрыва. Зеленая точка, обозначающая машину Юргина на телеэкранах, расплылась и погасла.

— Все... — сказал генерал и поднялся.

За ним поднялись в молчании все, кто был в комнате. Оператор выключил приборы и тоже встал, отдавая последнюю память погибшему.

И вдруг в оглушающем молчании и тишине из динамика идут удары несуществующего уже сердца:

...Тук-туки, туки-тук, тук-туки, туки-тук...

Оператор щелкает тумблером.

— Простите, товарищ генерал... Забыл отключить запись...

Выключает прибор.

— Включи, — говорит генерал. — Включи обратно.

Оператор включает.

...Тук-туки, туки-тук, тук-туки, туки-тук...

Школьный двор пуст.

Но первоклассник в белой рубашонке продолжает бежать, оглашая тишину звоном школьного колокольчика.

Наталья
ТОЛМАЧЕВА

ЗЯБЛИКИ

Э то был небольшой поселок. Из деревни он вырос, но городком еще не стал. Станция на центральной железнодорожной магистрали, на которой делают минутную остановку поезда и каких несчетное число по всей Сибири.

Три улицы поселка тянулись параллельно железной дороге. Прямо от вокзала, через разбитую площадь для рейсовых автобусов, карабкалась в гору извилистая улочка, пересекая остальные, и упиралась в двухэтажное здание школы, за которой начинались овраги и холмы. На этой улице собрались все административно-общественные дома: два магазина — продовольственный и промтоварный, больничка, садик-ясли, клуб, почта, общежитская столовая и пожарная часть с одной машиной под навесом; здесь же находился кабинет участкового милиционера, чуть в стороне — небольшой, для нужд округа, маслозаводик.

По другую сторону железнодорожных путей, в низине, притулились друг к другу десяток домов первых поселенцев. Рядом выросли три пятиэтажки для рабочих небольшого солеварочного завода, что дымил в полкилометре от домов.

Вокруг поселка лоскутами тянулись поля и луга с околками березовых рощиц. У самого горизонта темной полосой начиналась тайга.

Шел октябрьский затяжной дождь. Тополь под окнами неохотно расставался с послед-

ними ржавыми листьями. Пустырь и забор маслозаводика слились в один гнетущий серый цвет.

Окна находились почти у самой земли, с крыши лились струйки воды, разбивались о землю и отлетали в стекло, отчего окно понизу было сплошь забрызгано грязью.

— Ты когда последний раз топила? — спросила женщина лет сорока девочку, лежащую в постели лицом к стене. — Сырость какую развела.

Девочка не ответила. Женщина вздохнула, пошла на кухню и стала выгребать из печки золу.

Квартира состояла из небольшой комнаты и еще меньшей кухни. В комнате — кровать с деревянными спинками, стол с радиолой, два стула и старый шифоньер, закрывающийся на деревянную самодельную вертушку, круглое зеркало над столом, две полки под ним, на одной из них аккуратная стопочка запыленных учебников. На стене приклеена картинка из цветного настенного календаря — липовый парк, пронизанный солнечными лучами.

На кухне — стол, три табурета, полка для посуды, стиральная машинка, лавка, на которой стояли ведра с водой.

— Опять нет на растопку сухих дров, — констатировала без раздражения женщина. Из коридора донесся недовольный женский голос:

— Когда же этот дом развалится ко всем чертям! Опять полный коридор воды! Мужики, сделайте хоть что-нибудь!

В ответ кто-то забубнил.

— Что ты зимой будешь делать? Замерзнешь по своей лени,— сказала женщина.

— Мое дело.

— Ты не огрызайся, а давай подымайся и приберись маленькó. Вон всю подушку испачкала. Краситься принялась, что ли? Не рано? Вставай, я ужин буду готовить.

Женщина накинула платок, плащ, подняла ведро с золой и вышла из квартиры.

Девочка перевернула подушку, углом пододеяльника тщательно протерла щеки, собрала разбросанные по кровати журналы и кинула их на стол, где так же были разбросаны книги. Потом она метнулась к сумкам и стала рыться в них.

Это был пятнадцатилетний подросток с тощими и длинными конечностями, темно-лобый, с серыми насмешливыми глазами.

Когда женщина вернулась с охапкой сухих дров, девочка была одета в новые брюки, даже этикетку не оторвала, в свитерке, босиком, и ела без хлеба кусок колбасы.

— Подождала б горячего,— укоризненно сказала женщина.— Обуйся, застудишься. Девочка нетерпеливо мотнула головой.

Дождь разошелся вовсю. Сумерки тяжело привалили к окнам. Огня в квартире не зажигали. За стеной работал телевизор — были слышны крики и пулеметные очереди. В печи пылал огонь. Женщина и девочка сидели перед печью и смотрели на пламя.

— После нового года, может, вырвусь,— тихо говорила женщина.— Привезу что-нибудь на весну. А ты учись, а то жалуются — компании собираешь, вино, поди, хлещете.

— Эта, что ли, жалуется? — девочка презрительно кивнула на стену.— Пусть мясорубку вернет. Ты вот замок купила, а у нее такой же. Заходит, что хочет, то и цапает. Наглая такая! Еще и жалуется! Мы просто в карты играли, а кто проиграл — петухом кукарекает. И вина никакого не было!

— Чего кричишь? — Женщина чувствовала себя неважно, согнулась и прижала руки к животу.— Смотри сама, взрослая уже... Как там тетя Тоня поживает?

Девочка хмыкнула:

— Опять замуж за «химика» вышла с сользавода. Два года ему пахать...

— Не вздумай к ней перейти жить. Свой угол есть, свой. Мало ли что может в жизни случиться.

Некоторое время они молча смотрят на огонь.

— Mam,— вдруг тянет девочка,— не хочу я тут одна, скучно.

— А что я могу поделывать? Занимайся как следует, вот и некогда будет скучать. Я с двенадцати лет одна, не пропала, как

видишь. Замуж только рано не выскакивай...

— Ну, это мое личное дело,— отодвинулась девочка,— ни у кого спрашивать не буду.

— Ох и наплачешься ты со своим характером.— Женщина устало поднялась и пошла в комнату.

— Тебе зато, ох, как весело жить.— Девочка уставилась на огонь, хмуро сдвинув брови.

— Люба,— вдруг простонала женщина.— Достань из сумки мои таблетки, опять прихватило.

Девочка кинулась в комнату, включила свет, глянула тревожно в мокрое от пота лицо матери, что сидела согнувшись на стуле, стянула постель на пол, помогла матери улечься.

— Может, за врачом? — испуганно спросила девочка.— Я мигом.

— Дай таблетки. Отлежусь.

Люба достала баночку с но-шпой, высыпала две таблетки, набрала в ковшик воды и присела возле женщины. Та проглотила их и, лежа на правом боку, то подбирала ноги к животу, то вытягивалась. Девочка вытирала полотенцем пот с ее лица, шеи...

— Ма,— по-детски скулила она,— давай я сбегаю за врачом. Боюсь. Давай...

Женщина отрицательно двинула головой. Девочка никак не могла решиться, бежать ей за врачом или нет, то поднималась с места, то опять опускалась. Все гримасы боли на лице матери отражались и на ее лице.

Наконец боль отпустила, женщина глубоко вздохнула, ее стал бить озноб. Девочка накрыла ее одеялом и своей курточкой.

— Mam, лучше тебе? Может, еще какую таблетку?

— Подохнуть бы скорее,— тихо сказала женщина, не открывая глаз.— Как все надоело... Всем я должна, обязана, а мне...

— Ничего я у тебя не прошу,— глаза девочки налились слезами, она отвернулась.— За меня не беспокойся... Я ж не виновата, что мне деньги нужны. Вот пойду работать... В школе вон материал нужен на труд, спортивная форма... Двойки же ставят...

— Как мне все надоело,— повторила тихо женщина.

Серенький рассвет застал женщину уже собравшейся в дорогу.

— Люба,— позвала она девочку, та лежала укрытая одеялом с головой.— Запри дверь. Девочка не шелохнулась. Женщина грустно обвела комнату глазами, вышла и плотно прикрыла за собой дверь. Девочка отбросила одеяло, прислушалась к удаляющимся шагам. Когда они стихли, она включила на

полную мощность радиоприемник. Что-то щемяще нежное запел Джо Дассен.

В стену заколотили, девочка не обратила на это внимания.

Поселок потемнел от дождя, последние листья с деревьев под окнами опали, и от этого дома, казалось, еще больше припали к земле, распластавшись дворами и огородами.

Люба в школьной форме, курточке, резиновых сапогах, со свернутой в трубку общей тетрадь вышла из дома.

Свернула на улицу, ведущую к школе. Проходя мимо пожарной части, встретила глазами с милиционером, который стоял на крыльце. Он поманил ее пальцем. Девочка подошла, но остановилась поодаль.

— Мамаша приехала? Пусть ко мне обязательно зайдет. Ясно?

Девочка пошла, оглянувшись.

— Ой, как страшно! — И показала, как у нее от страха задрожали колени.

Участковый хмыкнул.

Уроки уже шли, стояла тишина. Люба вприпрыжку заскочила в раздевалку, кинула свою курточку поверх других и побежала к лестнице. По ней спускались парни-десятиклассники, они весело переговаривались и перебрасывались футбольным мячом. Девочка посторонилась и долго смотрела им вслед — пока они одевались и шли к выходу. Вернее, она видела только одного — Вовку Ковалю, высокого, темноглазого паренька. Он, на ходу что-то рассказывая, глянул на лестницу и встретился глазами с девочкой. Она тут же отвернулась, улыбнулась, словно ее желание исполнилось, и побежала...

...Бросив поводья, раскинув вольно руки, она мчалась на золотистом коне по ромашковому лугу туда, где под жарким солнцем плавилось бирюзовыми бликами море. Золотая грива щекотала ей лицо, шею. Ей было очень хорошо, как бывает только в юности, когда все будущее видится в потрясающе очаровательном виде, когда нет еще за спиной жизненного опыта с его неперменной усталостью и опаской...

Она налетела на свою классную руководительницу Анну Петровну, плотную женщину лет тридцати восьми-сорока, с круглыми, вечно настороженными глазами, — она как раз вышла из учительской.

— Здравьете, — выдохнула девочка.

— Наконец-то появилась. Я уж думала, ты у тетки загуляла — замуж вместе с ней вышла, — она погладила девочку по плечу,

чтобы придать своим словам оттенок шутки.

Люба отстранилась:

— С чего вы взяли? Нечего сочинять.

— К тебе приходишь, а ты двери не открываешь, тут всяко можно подумать...

— А у меня сон странный стал, — противно улыбнулась девочка. — Я вот фантастику читала — там один человек мог отключать свой мозг и включать, когда надо. Вот отключать я научилась, а с включением беда, в школу просыпаю. Да и вы не беспокоитесь, замуж я вовремя выйду...

— Ладно, ладно, не ершишь, — примирительно сказала Анна Петровна. — Зайдем-ка на минутку.

Они вошли в пустую учительскую. Женщина достала откуда-то снизу из шкафа сверток и протянула девочке:

— Несколько дней лежит, тебя ждет. Поздравляю с днем рождения, помни: ласковый теленок двух маток сосет. — Она шлепнула растерявшуюся девочку пониже пояса и легонько выставила за дверь. — Беги, у вас сейчас труд.

— Спасибо, — запоздало сказала девочка, неловко держа пакет.

В коридоре она его развернула: гольфы, четырехцветная ручка и ношенные, но вполне приличные туфли. Девочка оглядела их и машинально сунула в мусорную урну, любясь ручкой.

Мастерская состояла из двух комнат: в одной стояли плиты, по полкам разложена всякая кухонная утварь. В другой комнате красовались четыре швейные машинки и большой стол для раскроя тканей.

На этот стол накрывали, когда вошла Люба, — самовар, только что испеченное печенье, варенье. Девочками руководила румяная пожилая толстуха.

— Ну ты, Ханюкова, всегда вовремя приходишь, — сказала она с упреком.

Девчонки засмеялись, но это не испортило настроение Любе. Она шустро под села к столу и придвинула к себе чашку с чаем.

— Когда сам сваришь, не тот аппетит. А так — в самый раз.

И одарила всех улыбкой.

— Мать надолго приехала? — спросила Любу соседка справа.

— Уехала уже. Ну деревня, не успеешь чихнуть, говорят — померла...

— Люб, я у отца список видела. Тебе от школы вырешили помощь — двадцать рублей, — сообщила черноглазая девочка слева.

— На конфетах проем, — беспечно улыбнулась Люба девочке напротив, что неприязненно смотрела на нее.

Та опустила глаза.

— А еще вон Ивановой отдам долг за ее печенье, а то она так радостно смотрит на меня, что подавиться можно,— с вызовом добавила Люба.

— Ханюкова,— обратилась к ней учительница,— ты думаешь что-нибудь сдавать? Девочки уже по сарафану сшили...

— Так ведь зима скоро. А летом другая мода будет. Не могу я так роскошничать, когда полшарика голодает, вон по телику...

— Я посмотрю, как ты скоморошничать будешь, когда останешься на второй год.

— Рыдать буду,— согласилась девочка, уминая печенье.

После уроков Люба, обе ее соседки по столу — Галка и Лена и парнишка из их класса Сережка Шангинов жгли на пригорке, с которого был виден весь поселок, костер и курили. Вернее, учились курить, давились дымом и кашляли.

— Ленка,— закривлялась Люба,— увидел бы тебя отец, вальтанулс б! И Анька обложила б нас всяко: такая хорошая девочка Леночка, умница! Это все они, негодяи, виноваты, сбили отличницу с пути. Как теперь папе в глаза своим подчиненным смотреть?

И она, схватившись за сердце, упала на сырую землю.

— Да ладно тебе,— отмахнулась Ленка.— Можно подумать, что тебе хорошо без родителей, ждать подавания от школы, от отца.

Люба села, хмуро глянула на нее, но сдержалась, ничего не сказала. Галка до сих пор молчала и косо поглядывала то на Лену, то на Сергея.

— А знаете, я вчера прочитала,— вдруг сказала она,— одному старому человеку сделали пересадку сердца. А сердце было двадцатилетней девушки, ну, в катастрофу она попала. И старик стал омолаживаться. Сердце больше не болело, все нервные окончания пресечены, и ничего не доходит до него. Злишься, радуешься — сердце бьется нормально.

— Он что, дебилom стал? — спросила Люба.

— Почему? Все по-прежнему у него, только сердце не болит.

— Ну и что? — пожалала плечами Ленка.— Свое все равно лучше.

— А я бы сделала,— вздохнула Галка и коротко взглянула на парня.— Чтоб оно ни о ком не болело.

По магистрали промчались два встречных поезда.

— Интересно, куда столько людей едут? — проводил их глазами Сережка.

— Туда на море и оттуда с моря. Там еще тепло и фруктов полно,— вздохнула Ленка и бросила сигарету.— Пальмы, гранаты, гре-

ки, музыка! А ночью море светится. Замуж выйду только за моряка, у моря хочу жить! У Черного. Все чтоб было, и обязательно из окна море виделось.

— Да-а,— протянул парень, отводя от ее лица глаза, и взглянул на поселок.— Это не наша глушь деревянная... Какой бы костер получился из нашего поселка, представляете? — с ожесточением закончил он.

— Ну и подожди,— посоветовала Люба.— Слабо?.. Ребята, «химиков» везут!

По дороге к сользаводу неслись два милицейских фургона.

— Бежим! — Люба сорвалась с места.

Галка побежала за ней, под мостом она оглянулась — Лена и Сергей остались у костра, парень что-то горячо говорил девочке.

Люба и Галка сидели в мокрой пылини, разросшейся среди строительного мусора, — ржавых железяк и огромных кусков железобетонных плит с вылезавшей из них черной изогнутой арматурой. Они смотрели в щели забора, который огораживал хозяйство сользавода.

Во дворе стояли два милицейских автофургона. Несколько милиционеров лениво переговаривались и курили. Был тут со своим неизменным мотоциклом «Урал» с коляской и участковый. Потом один из милиционеров подошел к машине и отомкнул дверцу.

На землю один за другим спрыгнули пятеро мужчин с наголо остриженными головами, в одинаковой робе. Они сбились в одну кучу и с любопытством озирались.

Из другой машины вышло несколько женщин, одеты они были разнообразнее — платки, телогрейки, кто в брюках, кто в юбках. Вышли и тоже стали оглядываться, перебрасываясь словами с мужиками.

Участковый просматривал бумаги, милиционеры продолжали курить и лениво переговариваться, не обращая внимания на вышедших из машин.

Из маленького, сложенного из силикатного кирпича дома с решетками на окнах вывели двоих, руки они держали за спинами. Приезжие с интересом уставились на них. Длинный, сутулый мужик послушно забрался в фургон, а молодой, обросший кудрявой шевелюрой и бородой, возле машины заартачился, стал вырываться из рук молоденького милиционера.

— Не хочет назад в тюрьму,— прокомментировала Галка.

На помощь молоденькому кинулся участковый. Парень стал уже безрассудно отбиваться от них, с отчаянным ожесточением наносил удары направо и налево, что-то отрывисто выкрикивая. Наконец участковому удалось двинуть ему со всей силой под дыха-

ло. Парень согнулся, хватая открытым ртом воздух. Ему завернули руки, закинули в машину и захлопнули дверь.

— Жаль, что он не знает никаких приемов,— сквозь зубы процедила Люба.— Дать бы участковому, чтоб зубы зашатались.

— Нечего их жалеть.

— Я не жалею, просто его ненавижу.

Парень колотил в двери машины...

Девочки лежали в темноте на двухспалке с огромными подушками. Из соседней комнаты доносилась возня Галкиных братишек — визг, смех, пыхтенье.

— Вот я сейчас тряпку возьму, всех успокою,— донесся с кухни сердитый голос Галкиной матери.— В школу их не доудишься, вечером не уложишь!

Возня в спальне на минуту прекратилась, потом возобновилась.

Люба лежала с краю и смотрела на иссохшего старика, который стоял освещенный из кухни у своей узкой кровати в проходной комнате, что-то бормоча себе под нос.

— Он что, боговерующий? — шепотом спросила Люба.

— Это теперь он молится. А такой злой был. Мать рассказывала — двух жен забил. Цыгана за паршивое колесо кнутом засек.

— Такой сморчок?

— Тогда они все маленькие были... Люб, как ты думаешь, Ленке нравится Сережка? По-настоящему?

— Не знаю. Ленка как-то безразличная... А ты так Шангинова глазами ешь, прямо неудобно становится, все видят. Ладно не знала б его, а то как облупленного.

— Ничего ты не понимаешь. Как же тогда замуж выходят, если любить незнакомо-го? — Галка обиженно отвернулась к стене.

Мальчишки совсем расшались. Из кухни мимо старика в спальню прошла женщина, оттуда послышались шлепки, всхлипывание. Потом все стихло, женщина тоже легла.

А старик все бормотал и бормотал что-то, покорно опустив голову.

— Разве его можно простить? — горячо зашептала Люба.— Какая же это будет справедливость? Людей же не вернешь... А может, он чувствует что-то, а?

Галка сделала вид, что спит.

Старик пел голосом целого русского хора что-то бесшабашно веселое и кланялся девочке, испуганно жавшейся к окну, из занесенного снегом угла избушки без дверей, с закрытыми ставнями. В щель она видела липовый парк, пронзенный жаркими лучами солнца. Ей так хотелось вырваться туда, в зеленую кипень пахучего лета, она шарилась по окну в надежде найти выход отсюда

и со страхом чувствовала за своей спиной поющего старика, стерегущего каждый ее шаг...

Люба открыла глаза. По радио шел концерт русской песни. В дверь настойчиво стучали. За окном было бело — все плотно прикрыл снег. Девочка вскочила, качнулась, подошла к двери и откинула крючок. Хлынул клубом морозный воздух.

— Привет,— вошла покрасневшая от ветра Галка.— Заболела, да?

Люба силилась уловить смысл сказанных слов, вяло махнула рукой и забралась под одеяло.

— Я тебе домашней колбасы стибрила из дома, наши чушку закололи... Хочешь, я печь затоплю, холодно у тебя.

Люба с трудом проглотила слюну, поморщилась и махнула рукой — делай, дескать, что хочешь...

И опять старик пел что-то о Волге густым мужским голосом и следил за девочкой огромными черными впадинами глазниц. Она ела снег с подоконника, краем глаза наблюдая за ним, и обдумывала, как ей вырваться отсюда туда, где цвели липы...

В квартире потеплело. На стуле у кровати дымилось в кружке горячее молоко. За столом сидела в пальто, как пришла с улицы, Анна Петровна.

— Я лучше дома предупрежу и сразу вернусь, поживу здесь,— говорила учительнице Галка, наводя порядок в комнате.

— Надо постель сменить и переодеть ее,— заметив, что Люба не спит, сказала учительница.— Дикость какая — столько лет советской власти, а люди так зверями и остаются. Что говорить о чужих, когда родные не жалуют.

Галка шустро достала из шифоньера простыни, рубашку. Анна Петровна уверенно и мягко сняла с ослабевшей девочки брюки, свитер, майку. Галка сменила простыни.

— Лучшее станет, перейдешь жить в общежитие. Все-таки под присмотром будешь... Неужели твоей матери ничего не чувствуется?

У Любы побежали слезы, которые она пыталась сдержать. Но болезнь, слабость, одиночество ослабляли ее волю.

— У меня сын палец ушибет, я уж с ума схожу от боли.— Женщина обмотала девочке шарфом шею и накрыла одеялом.— Ничего, все будет хорошо... Мать, называется. Зверь и тот детеныша не бросает.

— Они только своих детей любят,— плакала Люба.— Их только жалко, а я что?..

Теперь они там все родные...

— Мать же вроде неплохо здесь устроилась.

— Устроилась. Поругалась с ними, вот мы и приехали. А потом проведать поехала и осталась, отчим с бабкой не пустили... Им даже лучше, если я... Да уж лучше помереть, так все надоело.

Учительница погладила ее по голове.

— Не бойся, государство не даст тебе пропасть, поможет. Ну успокойся, не надо так плакать, тебе же хуже будет...

— Нужна мне такая помощь,— сквозь слезы сказала девочка и заплакала еще безутешнее и горше.

Общежитие для школьников представляло собой одноэтажное вытянутое здание. Длинный коридор делил его на две равные половины. С одной стороны расположились умывальная комната и спальни для мальчиков. В центре другой половины находилась небольшая комната отдыха, где стояли столы, стулья и телевизор. Сюда же выходили две двери из спален девочек. В общежитии жило около тридцати человек.

Был вечер. Двое парней терзали гитары, что-то разучивая по самоучителю. Третий, Вовка Коваль, наблюдал за игрой в «уголки», в которую играли Люба и пожилая женщина с азиатскими чертами лица, двумя не тронутыми седinou косами, в синем халате технички.

— У всех выигрываю, а с тобой... Давай еще раз,— сердито предложила женщина. Они расставили шашки.

— Да, это тебе не чужую квартиру шмонать, думать надо,— высокомерно сказала девочка.

— А что у тебя брат? Хлам один. Зачем тебе мясорубка? Что будешь крутить?

Девочка сделала длинный ход.

— Она для меня как память о прекрасном. Вот мне одну вещь сделают — кто без меня войдет, получит по башке. Тогда вообще очумеет, про шашки, сплетни забудет.

— Ты кому это, желудивая собака, говоришь? — прорвало женщину.— Зубы скалит! Я в матери тебе гожусь, а ты так со мной разговариваешь!

— Знаешь, где я такую мамашу видела?

— Это она тебя там видела,— поднялась женщина и смешала на доске шашки.— Пригреют нищету... Таких топить надо маленькими...

— Мальчишки! — Из спальни выскочили две девочки.— Включайте телик, сейчас кино начнется.

Невидящим взглядом Люба проводила женщину, собрала шашки, стараясь не смотреть в сторону Вовки, и поднялась.

Включили телевизор, со всех комнат потянулись школьники.

В умывальной Люба споласкивала лицо под краном. Не услышала, как вошел Коваль и прикрыл за собой дверь. И не дал ей выйти. Несколько секунд они молча стояли друг перед другом. Потом он неуверенно обнял ее и поцеловал в щеку. Девочка замерла. Он осмелел и поцеловал ее губы, потом еще. Хлопнула входная дверь, они отпрянули друг от друга, постояли, переживая.

— К-как все лягут, приходи ко мне. Я сейчас один. И не обращай внимания на эту дуру, не расстраивайся, ну их всех... Придешь? — он наклонился к ее лицу.

Она кивнула, он ей улыбнулся и вышел. Она недоверчиво потрогала свои губы.

Когда она, сияющая и счастливая, вошла в спальню, трое девочек, среди них и ее одноклассница Иванова, сидели за столом и вокруг банки с водой рисовали мелом по очереди крестики, что-то мысленно произносили.

— А что вы делаете? — подседа к ним Люба.

Самая старшая из них загадочно посмотрела на нее и серьезно ответила:

— Гадаем на женихов. Сегодня как раз такой день.

— А мне можно?

Старшая оценивающе оглядела ее и кивнула:

— Можно, если хочешь. Нужно этой заговоренной водой умыться, а ночью присниться жених. Только надо в темноте. Умыться и думать о том, кого хочешь увидеть во сне. Понятно?

Люба кивнула, не заметила злорадный блеск в глазах конопатой Ивановой.

— Гасите свет,— приказала старшая.

Иванова вскочила и щелкнула выключателем.

— Прямо так поливать или можно из рта? — спросила в темноте Люба.

— Как хочешь, только лицо хорошо промой.

Слышно было бульканье воды.

— А чё она такая соленая? Ничего, если я глоток нечаяно проглотила?

Никто ей не ответил, раздавались какие-то шорохи.

— Все!

Тотчас вспыхнул свет. И девчонки покапались от хохота. Лицо, рот, руки Любы были вымазаны в густых чернилах. В комнату стали заглядывать любопытные. Девочка схватила полотенце, мыло и помчалась, сопровождаемая смехом, в умывальную.

...Домывалась она дома. Безжалостно терла лицо мочалкой над тазиком с горячей

водой и тихо поскуливала от боли.

...Она перестаралась — лицо покрылось красными пятнами и царапинами.

В общежитии все еще спали. Она тихо пронесла банку с чернилами в спальню и включила свет. Подошла к той, что руководила ворожкой, и потрясла ее за плечо. Та проснулась и села. Люба молча плеснула ей чернилами в лицо.

— Большая?! Это же старый розыгрыш, — отплеывалась облитая.

Люба так же облила и двух других участниц. Поднялся шум. Остальные обитательницы комнаты спросонья ничего не могли понять. Та, что руководила ворожкой, оглядела свою кружевную рубашку, безнадежно испорченную, подушку, простыни.

— Всё, дурица, запачкала, ведь не отстираешь! — И она в ярости бросилась на Любу.

Девочка увертывалась от ударов и хохотала — так смешны были злые фиолетовые лица. Она бегала вокруг стола, прыгала с кровати на кровать и, наконец, выскользнула за двери. Люба поддразнивала девочонок, стоя в коридоре, кривляясь и приплясывая на месте.

— Вы что, шуток не понимаете? Ну дайте! Я сейчас, так и быть, по дружбе, принесу наждачку — за полчаса отскребется. А ты, Иванова, так красивее, конопушек не видно...

В общежитие вошла женщина в черной шубе и белом пуховом платке.

— Что случилось? Кто-то заболел? Почему так рано поднялись? — сыпанула она вопросами.

Девочка неопределенно пожала плечами.

— А что у тебя с лицом?

— Знаете, — доверчиво округлила глаза девочка, — у меня проказа начинается, разновидность сибирской аллергии. Пережиток рахитичного детства. От умственного одичания... Ученые предсказали... на стыке двух тысячелетий... У меня уже... В Москву, что ли, махнуть? А вдруг отстану, как вы думаете, и не переведут? Нет, вот уже спать тянет, пойду-ка лягу в летаргический сон от аллергии. Как в Сальвадоре, да?

Женщина ошалело смотрела ей вслед.

Поселок словно провалился в сугроб по окна, только тропинки от дорог вели к избам.

От школы во все концы расходились школьники. Вот проехала подвода. Люба оторвалась от своей компании, догнала подводу и запрыгнула в нее. Старик-возница покосился на нее, а Люба помахала рукой оставшимся одноклассникам.

Возле одного из домов соскочила с саней и пошла по тропинке к воротам. Пересекла

двор. Погладила морду низкорослой лошаденке, запряженной в сани и покрытой инеем.

Прошла в дом. Ей навстречу поднялся Сережка Шангинов. Он занимался с братишкой-первоклассником. В коляске рядом копошился, играл кубиками второй братишка с ярко выраженным лицом дебила.

— Чего ты? — недовольно буркнул парень.

— Так, в гости зашла.

И она присела возле коляски, загулюкала с малышом.

Обстановка в доме была такая же добротная, как и сам дом, всего хватало, но везде царили беспорядок и запустение.

— Чего рот разинул? — набросился Сережка на брата. — Сиди пиши, идиот.

Прозвенел будильник.

— Может, ему рано учиться? — покривила душой девочка.

— Ты хоть дуру не корчи. Всю жизнь людям испортили! — зло сказал парень, помчался в спальню и закричал: — Пора на ферму ехать, чего дрыхните?

— Не ори, — сказал женский голос. — Сейчас. Дай воды.

— Сама сходишь, не царица! — отрезал сын.

— Вась, а, Вась, — заканючил женский голос. — Вставай, на работу надо.

— Отвали, в гробу я видел твою работу, — ответил нетрезвый мужской голос.

— Я на улицу хочу поиграть, — взял за руку Любу первоклассник и прижался к ней.

— Одевайся да иди, если хочется, — присела перед ним девочка.

Сережка вынес чем-то набитую дорожную сумку и сунул ее под стол.

— Вы поедете на работу или нет?! — опять закричал он и стал одеваться.

— Сейчас, сынок, поставь чай, — откликнулась мать.

— Сама поставишь!

Сережка оделся, достал сумку и тихо сказал:

— Я смываюсь. Пойдем, у тебя пересяжу. — И показал братишке кулак: — Сиди, занимайся!

Они вышли в сени. На столе лежали нарубленные куски свинины. Парень завернул пару кусков и кинул в сумку.

— А как же пацаны, если ты смоешься? — спросила девочка.

— А что я им, отец-мать? — обозлился опять парень. — Не пропадут.

Они вышли на улицу.

— Займи десятку, — попросила девочка. — Мне от школы обещали, а Анька купила на них разных маек и панталон до колен. Пусть теперь сама их носит.

Парень вынул десятку.

— Положишь на дверь сверху, — протянула ему ключ девочка. — Мне в общагу надо.

В общежитии стояла тишина. Они сидели на кровати. Одни в комнате. Проносившиеся поезда освещали комнату. Они молчали.

Наконец Вовка решил. Поднялся, подошел к двери тумбочку.

— Ты раздевайся и ложись.

Он стянул через голову свитер и бросил его на стул. Люба отрицательно мотнула головой:

— Страшно.

— Да ничего в этом страшного нет.— Он обнял ее.— Это счастье, понимаешь, счастье!

Девочка поежилась. Вовка стал стягивать с нее свитер, она с силой прижала руки к груди.

— Чего ты ломаешься? — обиделся парень.— Видно ведь, что ты стреляный воробей. Я ж никому не стану трепаться, железно, так что не бойся.

Девочка рванулась уйти, он задержал ее и крепко прижал к стене.

— Ну люблю я тебя, люблю. Останься, я ж прошу.

— Пусти, а то я кричать начну,— выдохнула девочка.

Он нехотя выпустил ее. Лег на кровать лицом к стене. Она подошла к двери, отодвинула тумбочку, постояла минуту, сиюсь что-то сказать, но так ничего и не произнесла.

Тихо прошла по коридору. Осторожно открыла дверь спальни. Тут на нее набросили одеяло, в тишине послышалось сопение, посыпались удары, потом легкие быстрые шаги.

Люба отбросила одеяло, включила свет. Девчонки все «спали». Она взяла со своей постели полотенце и приложила к разбитому носу. Села к столу и оглядела «спящих». Никто не шевельнулся.

— Вот дуры трусливые. Плевать я на вас хотела с высокой вышки без передышки. Да никого я вас не боюсь,— монотонно высказалась она.

Потом не выдержала, вскочила и сдернула с одной постели одеяло. Иванова лежала в кофте, чулках и теплых носках.

— Тебе что от меня надо? Объела я тебя? Корову украла?

— Отстань, я спать хочу,— дернула та одеяло.

Люба в ярости рывком подняла ее на ноги.

— Выспишься! Я хочу знать — за что? Или я из тебя сейчас котлету сделаю, отбивную.

Та вдруг заплакала:

— Я к директору пойду, житья от тебя нет. Ненавижу! Еще выделываешься тут, корчишь из себя независимую. Ненавижу тебя!

Люба отпустила ее. Иванова забралась под одеяло и продолжала плакать.

— Я тебя тоже не терплю, но не пинаю же... Да еще сворой... Скоты, тусы,— беззлобно добавила она.— Общага не твой личный дом, так что терпи.

Она разобрала свою постель и оглянулась. Той, что руководила воровкой, не было. Люба легла лицом к стене.

Через некоторое время кто-то поднялся, тихо прошел к выключателю и погасил свет. Сразу закрипели кровати, все стали переворачиваться.

Столовая представляла собой простой деревянный дом с пристройкой для кухни.

Целая орава общежитских ввалилась в столовую. Люба остановилась у крыльца, пропуская парней, среди которых был Коваль. Постояла, потом вошла. В раздевалке стала оглядывать пальто. Кто-то забегал, раздевался, одевался. Наконец она нашла то, что искала. Достала из кармана шоколадку и опустила её вместе с неподписанной открыткой в карман мужского пальто. Облегченно вздохнула и побежала к раздаче. Получила свой завтрак и под села к той — больше мест не было,— что руководила воровкой. Незаметно обвела взглядом зал.

— Вы что своим мальчишкам решили подарить? — спросила Любу соседка.

— Книжки. А что еще? Они ведь не солдаты.

— А мы торт испекли, танцы будут.

— Слушай, а кто у Ковалья родители?

— У Вовки? Отец бригадир, а мать зоотехник. Его после школы отправляют учиться на агронома, со стипендией. Как отличника. А тебе зачем?

Люба оглянулась. Вовка встретился с ней глазами и подмигнул. Сидящие с ним за одним столом обернулись и засмеялись.

— Болваны какие-то,— буркнула смутившаяся девочка.

Падал снег мягкими пушистыми хлопьями. Окна школы были освещены, оттуда глухо долетала музыка.

Люба с Галкой сидели в детсадовском дворике под грибом и провожали глазами шумные стайки ребят, покидавших школу.

— ...Хорошо, ладно, пусть твой дед выжил из ума, хотя это не доказано,— говорила задумчиво Люба.— Я пока в здравом уме. Ты мне объясни тогда — кто ответит за смерть всех убитых на войне, за смерть, например, Маяковского, за тех, кого замучила инквизиция, гестапо? Кто? Если человек просто умирает и с его смертью кончается все? Наделал в жизни гадостей, умер и сгнил. Так, что ли?

— Ну, Маяковский сам с собой покончил,

а инквизиция и гестапо просто политика такая...

— Ну да, от нечего делать он взял и застрелился! Ты вот попробуй — не получится, жить охота. А ему, значит, что-то сильно осточертело. А ведь знаменит был.

— Ему просто очень в любви не везло, вот и комплекс неполноценности. Для мужиков это важно.

— Чихня! Есенин же красавец был. Нет, тут что-то другое... У тебя никогда не было такого — все, ничего не интересно, пусто?.. У меня бывало... Понимаешь, я не могу просто думать: убил Дантес Пушкина, пожил в свое удовольствие и умер себе спокойно, сгнил. Где ж справедливость? Значит, все можно, главное, чтоб не поймали. Так, выходит?

— Нашла чем мозги сушить, — фыркнула Галка. — Ты о своей жизни думай, ту не вернешь. Вроде легче оттого, если б он в свой срок умер. Ничего не изменится, вон сколько людей помирает каждый день и разных. Если б вечно жить.

Мимо прошла, гомоня, группа общежитских.

— Если б ты знала, как мне домой неохота идти, — вздохнула Галка. — Поступить бы после восьмого в медучилище. И уехать.

Люба ничего не сказала, стала ловить снежинки.

И все терялось в снежной мгле,
Седой и белой.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

— Сама сочинила?

— С ума сошла?

Мело, мело по всей земле,
Во все пределы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

И снег летел мягкими пушистыми хлопьями, приглушая все звуки поселка, заставляя печально задуматься о его молчаливой и чистой красоте...

В общежитии царил отголосок празднования — бегали, смеялись, смотрели концерт по телевизору.

Люба сидела на своей постели и что-то писала в обложку тетрадь с черной обложкой. Она не заметила затишья в комнате отдыха, не услышала голоса воспитательницы.

В комнату заглянула та, что руководила воровбой:

— Иди, тебя зовут.

— Кто зовет? — насторожилась Люба.

— Увидишь.

Люба вышла, все с любопытством уста-

вились на нее. Воспитательница, как всегда, в шубе, подняла брови.

— У Сергиенко пропали деньги из пальто... В столовой.

Люба непонимающе взглянула на нее и перевела взгляд на розовощекого Сергиенко, который всегда был рядом с Ковалем, — дружки.

— Мы все понимаем, что тебе нелегко... Надо вернуть деньги... Ребята сбросятся по рублю, если они так нужны тебе. Правда?

Девчонки закивали. Тут только до Любы дошло, в чем ее обвиняют, она поёжилась и опустила голову.

— Не брала я ничьих денег, честное слово.

— Понимаешь, тебя многие видели в раздевалке. Что ты там искала?

— Не ваше дело, ничего не искала, — она невольно глянула на Вовку — он что-то шептал Сергиенко на ухо — и обозленно добавила: — Не брала я ничьих денег, ясно?!

— Подумай. Мы решили не выносить это чепе из коллектива...

— Не буду думать. Не брала, и все!

— Ну хорошо. Придется мне из своей зарплаты отдавать. Спасибо тебе, Люба, за такой подарок...

Девочка развернулась, вбежала в комнату, схватила куртку, тетрадку и, спотыкаясь о чьи-то ноги, пересекла комнату отдыха.

— Надо было обыскать ее, — услышала она вслед и хлопнула дверью.

Снег все еще шел. Она остановилась, не зная, в какую сторону податься. Потом побежала по улице, свернула в узкий проулок и выскочила на другую улицу.

Прошла через низкую калитку, поднялась на крыльцо и постучала в стекло веранды. Дверь в дом отворилась, осветив голубые занавески, и испуганный голос Анны Петровны спросил:

— Кто там?

— Я.

— Ханюкова? Люба?

— Я.

— Чего ты хотела?

Девочка помолчала и упавшим голосом сказала:

— Надо... поговорить просто.

— Мы уже спим. Давай завтра в школе.

Хорошо?

Девочка не ответила.

— Поздно уже... Ты здесь?

Девочка быстро отошла от дверей.

Бегом вернулась той же дорогой к общежитию. В окнах все еще горел свет. С улицы было видно, как воспитательница, так и не снявшая шубы, ходила по комнате и с кем-то,

кого не было видно, разговаривала. Девочка не спускала с нее глаз и покусывала губы.

Над поселком стояла тишина, нарушаемая только лаем собак да пронесившимися поездами.

Наконец девочка оторвалась от светящегося окна и заспешила в конец улицы. По дороге подобрала из груды возле строящегося дома кирпич.

В трех окнах старой пятистенки было темно. Девочка осторожно прошла в ограду. На дверях висел замок. Она оглядела ветхий навес над крыльцом, потом вернулась и осмотрела козырек над воротами. Под ногами у нее путался щенок, радостно повизгивающий человеку. Она шуганула его. Поднялась на поперечную планку забора, скинула с козырька снег, положила кирпич перед собой и стала ждать. Щенок сложился комочком возле забора.

Последние огни поселка погасли. Сквозь падающий снег слышался за магистралью глуховатый гул сользавода. Над его шахтами горели прожектора — по небу шло едва заметное желтое свечение.

Девочка шмыгала носом, терла замерзшие колени, руки и прислушивалась к улице. Не выдержала, спустилась на землю, попрыгала на месте, согревая застывшие ноги, и вышла на улицу.

Окна общежития были черны. Дрожа от холода, девочка набрала охапку дров возле котельной общежития и поспешила домой.

Рассвет застал ее у потухшей печи. Она дремала, уткнув лицо в колени.

Днем к ней стучали. Она же, в курточке, шапке, рукавичках — как была на улице, — лежала лицом вниз на кровати и ни на что не реагировала.

И с сумерками ничего не изменилось.

Из окна небольшой конторки хорошо просматривался весь обширный двор зернохранилища, весы, на которых взвешивались машины, склады. Негромкий ровный гул работающих транспортеров, вентиляторов, сушилок стоял в морозном воздухе.

— Сколько тебе лет? — оглядел плотный мужчина стоявшую перед ним Любу.

— Шестнадцать скоро.

Мужчина опять оглядел ее с ног до головы.

— Ну какую я тебе работу дам? У меня вон какие бабы здоровые не выдерживают,

а тебе еще рожать надо...

— И не собираюсь... Я понемногу, но быстро.

— Вот что, съезди в сельсовет, дадут направление — возьму. Лады?

Девочка вяло кивнула, смяла заявление.

— Ты еще в колхоз попробуй, у них вечно нехватка рук...

— Ага, разбежалась, — грубо ответила девочка. — Своих детей туда посылай.

Грохнула дверь и тут же приоткрыла:

— Вот такие на войне только и выживали.

И снова грохнула дверь.

В сумерках она пришла к тетке. Девчушка лет пяти повисла у нее на шее.

— Люба, Люба, пошли в кино или костер разводить.

— Тетя Тоня, займи рублей двадцать. Мать отдаст, я ей написала.

Тетка, женщина лет тридцати трех, все время улыбалась — была под градусом, — обняла девочек:

— Ах вы мои зяблики-перезяблики. Конечно, дам. У нас небольшой сабантуй — у моего Семена день рождения. Ты иди, я Татьянку уложу спать.

— Я с Любой хочу, — захныкала девочка.

Люба прошла в комнату. Обстановка в доме была разнокалиберной, приобретали ее, когда были деньги и что попадалось в магазине.

Стол с незамысловатой закуской стоял посреди комнаты. Беззвучно работал телевизор. Крутился кассетный магнитофончик. Десятки раз переписанная пленка с голосом Владимира Высоцкого. За столом сидели двое мужиков. Один — худой, при полном параде — вяло жевал капусту, упершись взглядом в центр стола. Второй — крепкий, широкогрудый, сидел в немыслимо пестрой рубахе и ел старательно, с аппетитом.

— Поздравляю тебя с днем рождения, — пожала девочка руку этому мужику. — Всего тебе хорошего. Чтоб твоя «химия» благополучно закончилась, ну, словно вагон пряников съел.

Мужик засмеялся.

— Садись, рубай. Налить маненко?

Девочка отрицательно мотнула головой и набросилась на еду.

— А что я могу? — вдруг вскрикнул худой. — Какая с меня помощь?

— Кончай, инженер, занудство свое тянуть, — приказал хозяин. — Пришел ко мне, лови кайф и не стони.

— Вот ты, — поднял худой голову, — сердце у тебя, как у быка племенного, а жизнь... — он презрительно сплюнул. — Вот смог бы ты стоящему человеку его уступить, облагородить, так сказать, свое низменное, травояд-

ное существование? — и в голосе его зазвучала агрессия.

— Может, его выкинуть, а, Тонь? — спокойно спросил именинник у прижавшейся к его плечу хозяйке. — Трезвый — человек человеком, а чуть за ворот — дерьмо сплошное.

Худой снял. Тут хлопнула входная дверь, кто-то затопал, стяхивая с ног снег, и в комнату вошли двое. Невысокий живчик с нахальными, все замечающими глазами и длинный белокурый парнишка лет двадцати двух-четырех.

— Во, шеф, отыскал я Барашка. Сто грамм — он что угодно покажет. Артист!

Белокурый застенчиво улыбнулся.

— Давай за стол, — приказал хозяин и обратился к женщине: — Где у тебя пластинки с цыганами?

Женщина кинулась к тумбочке. Мужики за столом выпили. Белокурый сунул в рот кружочек лука и вопросительно взглянул синими глазами на хозяина.

Во всю мощь грянул хор цыган. Белокурый поднялся, отошел к стене, дождался нужного момента, поправил несуществующие рукава, провел рукой по кудрям и пошел по кругу. Это действительно было великолепно! Все прихлопывали в такт ладонями, и такое напряжение было в позах, казалось, что вот-вот зрители сами пустятся в пляс, что и им такое под силу. Только худой не участвовал в этом.

Когда танец кончился, хозяин налил полный стакан водки и, растроганный, протянул танцору:

— Пей, браток, мало будет — еще достанем. Для тебя из-под земли возьму!

— Я же говорил, говорил — артист! — захлебываясь радостно шустрый и подставлял свой стакан.

Белокурый в несколько глотков все выпил.

— А этот, — хозяин неопределенно крутил руками, — испанский можешь?

Белокурый прямо от стола, пристукивая каблуками, пошел танцевать в ритме одному ему слышимой мелодии. Все затаили дыхание.

— Чему радуетесь, недоноски? — сказал в тарелку худой.

Хозяин накрыл ему рот огромной ручищей и толкнул. Худой упал вместе со стулом. Девочка помогла ему подняться, он даже не обиделся.

— А ему под дышало, под дышало. Ну и хлебайте свое дерьмо, — тихо сказал он девочке.

Белокурому опять налили стакан водки, и он в три глотка, как воду, выпил.

— Ты садись, перекуси, — приказал хозяин.

Белокурый согласно кивнул и опять пошел

танцевать. Это уже было какое-то попури из латиноамериканских танцев. Запнувшись, он упал и затих — заснул.

— Киньте его на диван, — с досадой сказал именинник.

Тетка с шустрым перенесли белокурого на диван. Хозяин ткнул в клавишу магнитофона.

Я когда-то умру,

Мы когда-нибудь все умираем.

Как бы так угодить, чтоб не сам,

Чтобы в спину ножом...

Худой вдруг как-то по-детски заплакал. Хозяин плюнул на ладонь, наткнулся на настороженный взгляд девочки, скрипнул зубами:

— Уберите с глаз, зашибу!

Люба с теткой увели покорного всхлипывающего худого в спальню и уложили на кровать с голым матрасом. Тетка ушла, а девочка задержалась у дверей, оглянувшись, подошла к худому, села на табурет.

— Слышь, мужик.

Худой открыл один глаз и неожиданно быстро положил ей на колено руку. Она резко отбросила ее.

— Ты о ком тут плакался? О Высотине?

— Ну.

— Чё там такое с ним, сердце больное?

— Уже раз побывал на том свете. Болит, черт бы вас всех побрал!

— Не лайся. Там что, никого у него нет — друзей, родных?

— Каких друзей, киса? У таких людей друзья далеко, а рядом только пивявки, воры... Обжирают, обмарывают. А ты кто?

— Дет пихто, — поднялась девочка. — Спи давай.

Совсем поздно она возвращалась домой. На перекрестке стоял «Урал», участковый дымил сигаретой.

— Ты почему так поздно шатаешься? Тоже зацарапалось?

Девочка обошла его.

— «Жаль, сады берегут и стреляют без промаха в лоб», — пропела она и лихо что-то отплясала, отбив ладонями по коленкам и тарелку.

— Пьяная, никак?

Девочка не ответила, пошла своей дорогой и заорала на всю улицу:

— За хлеб и воду, и за свободу спасибо нашему советскому народу...

Участковый завел двигатель мотоцикла. Девочка сорвалась с места и во весь дух помчалась по улице...

Девочка в тишине сидела за столом и писала письмо. Она хмурилась, смотрела то

в потолок, то в окно, чесала лоб, зачеркивала и снова писала, рисовала сердце и снова что-то быстро писала...

Потом пошла на кухню, подбросила в печь дров и усталилась на пламя. Огонь пылал, выплескивая желтые горячие языки, мягко обтекаемая березовые останки, рождая какую-то свою вечную песнь-загадку, песнь-жизнь, песнь-печаль...

Она проснулась по звону будильника. Вскочила, включила радио, сделала зарядку, поставила чайник — все делала весело и легко.

В коридоре слышалось какое-то движение. Девочка прислушалась и вышла. Из третьей квартиры выносили мебель. Люба пнула в дверь к соседке, той, с которой в общежитии играла в шашки.

— Тазик верни, — потребовала она.

— Еще раз пнешь, палкой отхожу. — И высунулась в коридор.

— Тазик!

Женщина сходила куда-то в глубь квартиры, вынесла эмалированный тазик и силой сунула его в руки девочки.

— Эх, ты, — презрительно сузила та глаза.

Тут из той квартиры, откуда выносили мебель, вышла молодая женщина со связкой книг и вязальной машины.

— Все, заняли квартиру. Пусть только тронут! Нам сразу должны были дать благоустроенную, а не этот погреб... Вот.

Дверь в квартиру осталась открытой, на полу валялся мусор, старое ведро.

— Скоро и я — тю-ю, — радостно сообщила девочка и нырнула к себе.

Стоял солнечный день. Снег был крупнозернистый после недавней оттепели.

Весь класс стоял на лыжах на холме и хотел над очередным неудачником. Учитель физкультуры стоял внизу и призывно махал рукой. Ребята дружно сталкивали очередную «жертву», и дружный хохот сопровождал очередное падение.

— Галь, — обернулась Люба к подруге, — что еще проверяют, когда делают пересадку сердца?

— Группу крови, резус. Тебе зачем?

— А затем! — закричала Люба. — Эй! Беригись!

И она сорвалась вниз...

Держась за золотую гриву, она легко бежала рядом с конем, сбивая босыми ногами ромашки. Так же легко вскочила на коня и, разбросав руки, упиваясь своей легкостью, скачкой, неслась к далекому морю с бирюзовыми бликами...

Сломанная лыжа прокатилась мимо. Ладони и колени — брюки порвались — были содраны до крови о сухой наст. Она с трудом улыбнулась:

— Как фанера по крыше.

Мальчишки внизу гоготали. Рядом упала Галка. Люба поднялась и вдруг повалила подружку снова в снег. Они хохоча барахтались.

А сверху светило уже более ласковое солнышко, и небо наливалось весенней синевой.

В печи гудел огонь. Люба сидела на своем излюбленном месте — перед открытой дверцей — и смотрела на пламя. В коридоре что-то поскрипывало, да иногда взывал ветер.

На коленях у девочки лежала раскрытая общая тетрадь. Люба протягивала к огню растопыренные пальцы и любовалась алым контуром...

— Вы обязательно поселитесь в липовом парке. В Сибири их правда нет, но я читала, что это здорово и полезно. И красота.. И еще там живут гномы. Не верите? Ну и зря. Они на зиму сушат цветки, потом чай заваривают и кисели делают. Вот кто к ним в гости приходит, сразу выздоравливает. Только они теперь боятся людей, редко кого зовут. Они такие маленькие, добрые. Может, они вас когда-нибудь позовут. Только вы не отказывайтесь, а то они расстроятся, подумают, что на них за что-то сердятся. И перестанут цветы собирать, а без цветов они могут погибнуть...

Она вздрогнула от стука в окошко. Отдвинула штору, взглядела в темноту и махнула рукой.

Сережка внес чемодан и сумку.

— Салют. Пусть у тебя постоит. Разведаю, что дома, и заберу.

— А что там?

— Бизнес. Кроссовки, книги.

Сережка старался держаться солидно, видно, кому-то подражая, но хвастливое мальчишество так и звучало в его голосе.

— Торговать будешь?

— Даром, детка, и чиряк не садится. Чем больше у тебя карбованцев, тем веселее тебе жить. Запомни это. Школа тут не причем. Смотри, что оторвал.

Он жестом фокусника опустил руку в карман и вытащил серенькую книжечку — шоферские права. Девочка развернула ее и пробежала глазами.

— А ты сможешь машину водить? — восхищенно спросила она.

— Запросто. Вот получу в колхозе трудовую, паспорт и махну отсюда. Дружок обещал на торгбазу устроить — золотое дно. Будут гроши, обращайся ко мне.

— Здорово! Сереж, ты знаешь поэта Высотина?

— Конечно, кто его не знает. У тебя есть что почитать?

— Я ему письмо написала.

Он удивленно поднял на нее глаза.

— Дура, что ли? Он больше года, как умер.

— Умер?

— Чего ты у него просила?

— Ничего не просила... Может, ты не про него слышал?

— Ты что, меня за лапотника держишь? — Он шарил в кухонном столе. — Хлеб только? Ну и живешь ты! Рядом же маслозавод. Кто сегодня там дежурит?

Девочка пожалла плечами. Сережка отыскал пустую банку.

— Я тебе один лаз покажу, будешь сливки тыбзить, а то с голодухи загнешься.

Он накинуд полушубок и вышел.

Дрова догорали, редко вспыхивали языки пламени и тут же исчезали. Девочка невидяще смотрела на них.

Недалеко от поселка находились карьеры, в которых летом брали глину для сезонного кирпичного заводика. То там рыли, то там — целое поле изрыто, все в буграх. В одной яме заржавел небольшой экскаватор с отломанным ковшем, скособоченный и полузанесенный снегом.

Люба сверху посмотрела на него и побрела к другой яме. Постояла над ней и вдруг прямо с кромки упала вниз, на лету стреляя из воображаемого автомата по воображаемым врагам. Упала лицом вниз в сугроб, откатилась влево и снова стала стрелять по врагам. Делала прыжки, зарывалась в снег, подкарауливала и уничтожала врагов. Но вот и ее стали наступать пули. В ногу, в руку, потом в голову, в грудь. Она хваталась за рану, стонала и, собрав последние силы, снова кидалась в сугробы и стреляла.

С трудом ползком поднялась по склону, и тут ее в спину настигла еще одна пуля. Она поднялась, упала на спину и съехала вниз.

Кто-то заплакал. Она повернула голову. Наверху стоял маленький человек, непонятно — девочка или мальчик лет четырех-пяти, в шапке, шубе, валенках.

— Ты чего? — спросила Люба. — Я ж играю. Чего реवेशь?

Малыш, не переставая реветь, развернулся и побежал в сторону поселка. А девочка опустила в снег и уставилась в хмурое небо, с которого посыпались крупные снежинки.

ручьи. Солнце нестерпимо для глаз отражалось в них.

Шел урок математики. Полная молодая учительница с замысловатой прической писала на доске уравнения, по ходу делая объяснения.

Люба сидела на предпоследней парте у окна. Перед ней лежала раскрытая тетрадь без единой записи. Вокруг девочки словно вакуум — тишина. А за окном старик в ушанке с деревяшкой вместо ноги долбил ломом канаву, чтобы по ней утекала вода со школьного двора. Возле домов преподавателей, вернее, немного в стороне от них, над помойкой кружилась стая ворон.

«Ла-ла...ла... Мело, мело по всей земле, во все пределы... Свеча горела на столе, свеча горела... ла-ла... Зачем вороне триста лет, когда она лишь падаль ест? А попугай лишь повторяет, зато до тыщи лет летает... Мело, мело... ла-ла... Бывает ли зимой тепло, когда нетоплено давно?»

В классе было битком народу — несколько парней дрались. Их разнимали, кричали...

«Не ноют раны, да и шрамы не болят... Как там сначала?.. А, не помню... Куда уходит поезд и как кончается тоска?.. Зачем хорошая мысль всегда приходит опосля? Ла-ла... Но как ни кричи, не приходят обратно. Но как ни желай, все уходит туда... Ла-ла... ла...»

Девочки с жадным любопытством рассматривали какие-то фотографии, смущенно переглядывались, смеялись, поглядывали на дверь и тут же совали фотографии в стол, как только кто заглядывал в класс. Ленка призывно махнула Любе рукой, та отвернулась к окну.

«...Ла-ла... Мело... мело весь месяц в феврале... ла-ла... свеча горела на столе... ла... ла-ла...»

Девочка встрепенулась. На нее смотрели ребята и Анна Петровна. У ее стола стояли трое, подтянутые, с яркими комсомольскими значками на груди — парень и две девушки: Коваль, та, что руководила ворожкой, и наспившаяся Лена.

— Ну что ты скажешь, Люба? — обратилась к ней Анна Петровна. — Я думаю, тебе это небезынтересно.

Девочка пожалла плечами и взглянула на Галку.

— Она даже не слышала, о чем идет речь, — укоризненно сказала классная. — Света, повтори, пожалуйста, специально для Ханюковой.

Та, что руководила ворожкой, откашлялась.

— Многие сельские школы откликнулись на призыв партии, и мы тоже решили откликнуться. Предлагаем ребятам помочь нашему колхозу. Надо создать бригаду животноводов и полеводов, чтобы помочь молодыми

Весна была в разгаре — кругом лужи,

силами и комсомольской энергией поднять колхозное хозяйство, стать преемниками наших старших товарищей, наших родителей. Колхоз обеспечит жильем, техникой.

И все почему-то устали на Любу.

— А ты в какую? — спросила она Светку.

— Мы едем учиться на колхозных специалистов. Тут же будем потом работать.

— Командовать, конечно. А я не комсомолка, как тогда?

В класс заглянул директор, ребята поднялись, он протестующе замахал рукой:

— Сидите, сидите. Мне Анна Петровна нужна.

— Ребята, дело государственное, и надо отнестись к нему по-государственному, — сказала назидательно классная и вышла за директором.

— Будешь хорошо работать, с удовольствием примут, — высказалась Светка.

— С каким удовольствием, если я не хочу!

— Ладно, хватит базар разводить! — обозлился Вовка. — Ты же не на улице. Работать тебе все равно надо будет, а тут почетный набор, организованная комсомольско-молодежная бригада — внимания вам больше будет, райком курировать будет...

— Ты думаешь, у меня две извилины всего, чтобы твой колхоз за счастье посчитать? И не указывайте мне. «Тебе небезынтересно должно быть», — передразнила она. — Всё дурнее себя ищите!

— За такие слова ты на педсовете ответишь! — сказала сурово Светка. — Индивидуалистка. Ешь государственный хлеб, за счет государства учишься. Да таких, как ты, надо гнать поганой метлой за границу, не то что из школы...

— Ха, запугала! Ты тоже трескаешь государственный хлеб, а твоя мамашка кормит личных свиней на продажу. Пробовала я это сало — не соломой кормите. Вот ее сагитируй в доярки родного колхоза, пусть она подымает хозяйство. Не хочу, и останьте от меня! — И она демонстративно устала в окно.

— Ну, кто еще выступит? — спросила Ленка. — Ребята, ну давайте поактивнее.

Вернулась классная.

— Люба Ханюкова, выйди-ка.

Девочка скривилась, посмотрела на Галку, взяла свою тетрадку, вынула из парты какую-то книгу и, сопровождаемая взглядами ребят, вышла из класса.

У окна в коридоре стояла девушка лет двадцати восьми в джинсах, в ярком свитере. У ног ее притулилась дорожная сумка.

— Возьмешь на пару недель квартирантку? — весело спросила она Любу.

Та оглядела ее и подозрительно покосилась на классную.

— Не держим, хлопотно. Я нервная... И печь топить не люблю, — и она противно улыбулась.

— Во напугала. Топить печку — моя давнишняя мечта, — засмеялась девушка и обняла Любу за плечи. — Да мы с тобой так подружimsя, скучать потом будешь.

— Надежда Григорьевна из института усовершенствования учителей. Так что смотри, не подведи школу.

Девочка опять покосилась на нее.

— А я воспитателей плохо переношу, аллергия прямо начинается...

— Да ты просто прелесть! Какое совпадение. Я сама из дома удрала, чтоб не воспитывали.

Девочка, не зная, что сказать, почесала в затылке.

— Ну вот мы и договорились, — жизнерадостно воскликнула приезжая. — Она мне очень нравится. Только у нее буду жить. Мы пойдём?

Анна Петровна кивнула и проводила их глазами.

В квартире царил порядок: книги аккуратно расставлены по полкам, появилась еще одна кровать, кругом самодельные коврики, на столе перед зеркалом целый арсенал парфюмерии, на стуле поблескивал перламутром аккордеон. Будильник показывал далеко за полночь.

Надя что-то читала. В доме стояла тишина, изредка долетали свистки проносившихся поездов.

Люба перелистывала весь в пятнах от сырости Военный энциклопедический словарь, разглядывала фотографии, читала краткие биографии.

Вдруг девочка ударила в стену и тут же, отбросив книгу, забарабанила кулаками. И встретила изумленный взгляд Нади.

— Что с тобой?

В стену ответно бабахнули, видно, ногой, и кто-то недовольно выругался. Девочка смущенно улыбулась.

— Я забыла, что ты здесь. Не выношу тишины. Тебе никогда не казалось, что все вдруг исчезло куда-то и ты одна на всей земле? Вот начиналась... Представляешь, жили люди и нет их. Как-то не по себе... Эта лает, — она кивнула на стену, — а мне спокойнее делается — есть еще в доме кто-то.

Она под села к столу, взяла помаду и провела по губам.

— А что у вас еще есть в библиотеке? — спросила девушка.

— Все есть. Никто не берет. Стихи особенно, листы надо разрезать. Берут про преступников там, разные роман-газеты, а другие, зарубежные, вообще не читают...

— Ну-ка, — Надя подняла девочке чел-

ку.— Чуть подщипать брови — красавицей станешь.

Она вынула маленькие щипчики.

— Больно?

— Терпимо. А если книгу не вернешь, что делают?

— Ругают, в школу сообщают. А так ничего.

Под ойканье девочки Надя подщипывала ей брови.

— А ты сможешь мне кое-какие книги взять? Так, чтобы без возврата?

— А какие? — подумав, спросила Люба.

— Я тебе список дам. И денег оставлю — заплатишь. Все равно их никто не читает, а мне они, ох, как нужны.

Девочка кивнула. Надя расчесала ей волосы, накрашила ресницы, навела румянец.

— Уши еще проколоть бы.

Девочка оглядела свое незнакомое лицо в зеркало, поднялась и выходящей походкой прошла по комнате, куря воображаемую сигарету. Надя засмеялась, достала из сумки бордовое платье, расшитое блестками.

— На, надень. Фигура у тебя, что надо.

Девочка охотно влезла в платье, оно ей было немного великовато, и пошла, пританцовывая, по комнате.

— Знаешь, на кого ты сейчас похожа? — смеялась Надя.— На Барбару Стрейзанд, американскую кинозвезду.

— Как? Барбара Стрейзанд?

Девушка хохоча кивнула. Взяла аккордеон и заиграла. Девочка танцевала, воображая себя где-то в другой жизни.

В стену заколотили, но ни та, ни другая не обратили на это никакого внимания.

Примерно в километре от школы, возле дороги, на подсохшей поляне, приспособленной для игр в футбол — даже столбы врыты для ворот, — лапты и просто велосипедных гонок, было полно детворы. Одни, самые маленькие или осторожные, сидели на кромке небольшого обрывчика, остальные убегали от голубого грузовика, перекидываясь мячом. За рулем машины сидел Сережка Шангинов. Он направлял грузовик на того, у кого находился мяч, тот перебрасывал мяч кому-нибудь из игроков, и машина гналась за ним. Для форса державший мяч не спешил и ускользал чуть ли не перед радиатором машины. Мальчишки вешались по бортам, кто-то на ходу запрыгивал и спрыгивал с подножки. Небольшие ушибы в счет не шли. Иногда Сережка взбирался по более отлогому склону вверх и спускался под писк и визг сидящих на кромке обрыва в опасном месте. Среди детворы крутилась очумевшая от множества людей, криков и мельтешащего мяча собачонка. Кое-то из самых рискованных ложился перед ма-

шиной, Сережка осторожно проезжал над ним.

Среди играющих была и Люба, ее тоже обуюло безумство игры с машиной, пьянила опасность.

Сережка стоял одной ногой на подножке, другой давил на газ. Под колесо попала собачонка, раздался визг, Сережка затормозил резко, ударился головой о дверцу и на несколько секунд потерял сознание. Машина проползла несколько метров и остановилась. Все кинулись к ней. У Сережки лицо было залито кровью. Кто-то из малышей, видно, хозяин собачонки, отчаянно заревел. На него цыкнули, но он, не переставая реветь, побежал к поселку.

Галка тряпкой перевязала парню голову, и они уехали — Сережка уже смеялся.

— Эх, — сказал мальчишка лет четырнадцати, — дурацкая собака. Так хорошо играли.

Многие потянулись в поселок, оставшиеся стали гонять в футбол.

Люба брела домой. На крыльце пожарной сидел участковый — грелся на солнышке. Равнодушно скользнул взглядом по девочке.

— Дяденька, я больше не буду, честное слово, — девочка притворно всхлинула и мелко поклонилась ему.

— Жаль, не я твой отец, — сказал участковый. — Порол бы каждый день как сидорову козу. Ничего, выпросишь еще.

— Спасибо, дяденька, что не ты мой отец, — опять поклонилась девочка и пошла к себе.

Возле ее дома стояла колымага — лошадь с телегой, с которой старик-возница скидывал вещи: ведра-тазики. На земле же стояла клетка с пятью полубошпанными от неволи курами. Две старушки, удивительно похожие друг на друга, в одинаковых телогрейках, платках, суконных сапогах, занесли вещи в дом.

Девочка оглядела их, их добро и стала помогать переносить все в дом — мешки с гремящей посудой, постелью и старьем, сундучок, разобранные, с облупившейся голубой краской спинки кровати...

Подошла Надя, поставила свою сумку у двери и тоже стала помогать.

— Кто дрова заготавливать будет? — на ходу поинтересовалась девочка у старух.

— Дак дом завалился, — растерянно оставилась одна из них. — Крыша нужна.

— Я про дрова говорю.

— А-а, — протянула равнодушно вторая. — Нам недолго осталось, проживем как-нибудь с божьей помощью. Вот без огородика скучновато придется.

Старик-возница, не обронив ни одного слова, словно он был на всех сердит, уехал. А старухи, с горшками герани в руках, с березовыми прошлогодними вениками подмышками, вошли в свое новое жилище.

Надя с Любой постояли в дверях и, не сговариваясь, пошли к себе.

Надя машинально перебирала клавиши аккордеона и о чем-то думала. Люба лежала на постели и смотрела в потолок. Вдруг девушка отставила инструмент.

— Что-то устала я сегодня.— Она взглянула на девочку и ее словно прорвало: — Вот, вот, смотри на этих старух, смотри и соображай, как жить на белом свете! Каждый раз смотри, чтоб не забыть, что тебя ожидает, если ты драться за себя не будешь, разленишься, будешь верить чьим-то правдам, которым только дураки следуют!

Она поднялась, заходила по комнате.

— Да, подумай, божья птичка! Все это... школы там и им подобное — ерунда все, правила игры. Ничего общего с жизнью. Надо только знать эти правила и умело ими пользоваться. Подвиги, доблесть... кому они нужны? Никому!.. Я уверена — эти старухи честно горбатились всю жизнь, копейки не взяли чужой. И что же? Так и помрут, ничего хорошего не вкусив на этом свете! Кто-то их долгу прикарманил... Занюханная школа, перестраховщики-учителя — убожество сплошное! Лет двадцать дается, чтобы обеспечить себя, потом поздно будет. А жить придется... как этим старухам... Ладно, напала тут на тебя, извини. Устала сегодня очень. И было б отчего! Глупости выслушиваешь, все хотят хорошими показаться..

Она легла на кровать. Некоторое время они молчали.

— Надя,— тихо позвала девочка,— я тебе свою тайну открою. Для тебя одной. Я зимой чуть не угрохала воспитательницу из общаги. Ждала ее чуть ли не всю ночь, а она ушла ночевать к свекрухе. Сегодня собаку задавили, Сережка башку разбил — столько крови, чуть не вырвало... А тогда, наверное, с ума сошла. А может, и нет, так я её ненавидела. Понимаешь, деньги пропали, а на меня свалили. Даже не искали, а сразу на меня...

— Подтверждение правил — были б деньги, укради еще — никто на тебя не подумает. Ну их всех. Поставь, пожалуйста, чайник.

Люба с готовностью кинулась на кухню. А Надя взяла аккордеон и заиграла что-то очень грустное.

Они лежали на своих кроватях в темноте и разговаривали.

— У меня вообще-то подруг мало было. Сначала после смерти отца я жила с бабушкой, потом с тетей Тоней, пока она замуж не вышла и сюда не уехала, у матери как раз двойня родилась. Вот пришлось школу менять... Я в начальных классах мечтала стать геологом, у нас сосед геолог был, рассказывал очень интересно. Ну, думаю, завалю страну всеми ископаемыми. И обязательно столько золота найду — все за границей купим. А в пятом классе как посмотрела на карту — всюду кружочки, квадратики, треугольнички, прямо палец некуда вставить — все открыли — и пропала охота. Сейчас с самолета, со спутников все открывают... Потом летчиком хотела, а меня в автобусе укачивает. А сейчас... не знаю, кем хочу, ничего не тянет. Люди работают просто так, деньги зарабатывают — есть, одеваться...

— А я думала,— приподняла Надя голову,— ты учителем хочешь стать, книги вон какие читаешь — «Педагогическая поэма», Сухомлинского...

— Ну, тут институт надо закончить, а меня и в училище не примут — сплошные тройки, а пение — пара.

— Сама виновата.

Девочка обреченно вздохнула.

— И кто меня содержать будет? Мать ждет не дождется, когда я сама зарабатывать начну.

— У меня есть предложение,— сказала Надя.— Но все будет зависеть от тебя самой. Первое, и самое главное, надо подтянуться в учебе — никаких троек. Закончить десятилетку. Так твердо и скажи матери. Я тебе помогу поступить в педагогический. Делай какую-нибудь общественную работу, для характеристики. На лето будешь приезжать ко мне, вместе в пионерском лагере будем подрабатывать. Хорошо? Вот там малышей будешь воспитывать, сказки им про гномиков рассказывать.

Девочка во все глаза смотрела на белевшее в темноте лицо Нади и сказала осевшим голосом:

— Сказки я очень люблю, вот только трудно их доставать...

Шел мокрый снег, последнее напоминание о прошедшей зиме.

На платформе несколько человек дожидались поезда, среди них Надя с дорожной сумкой и Люба. Девушка нетерпеливо поглядывала в ту сторону, откуда должен был вот-вот появиться поезд, что-то коротко говорила Любе, смотревшей себе то под ноги, то в снежную завесу над низиной с той стороны магистрали.

Подожел поезд. Надя коротко обняла Любу и поднялась в тамбур. Поезд тут же тро-

нулся. Надя махнула рукой, девочка не отвела.

Когда мимо простучал последний вагон, девочка вдруг побежала за ним. Поскользнувшись, упала. Поднялась, перебежала прямо в колею и по шпалам помчалась за ускользящим в снежную пелену поездом.

На столе в банке осыпались многоцветики, а верба выпростала клейкие листочки.

— Квадрат суммы двух чисел равен квадрату первого числа плюс удвоенное произведение первого на второе, плюс квадрат второго числа, — зубрила девочка, зажав уши, потому что в окно доносились крики детворы, играющей на пустыре в лапту.

Почтальонша отрицательно мотала головой и разводила руками. Девочка вздыхала и бежала домой...

За окном в сумерках лил дождь. Люба с учительницей по математике занималась в пустом классе. Она исписала всю доску уравнениями с синусами, косинусами, тангенсами, котангенсами. Учительница терпеливо объясняла, девочка внимательно слушала. Иногда она шутила, и обе смеялись.

А за окном шумел щедрый майский дождь.

Во дворе кучками собирались нарядные парни и девушки, десятиклассники и восьмиклассники — все, кто сдал очередной экзамен.

У ворот приткнулся голубой грузовик. Сережа лежал на сиденье и поглядывал на подъезд школы, на лбу у него розовел ровненький шрамчик.

Вот дверь распахнулась, вывалилась группа школьников, среди них Люба и Лена. Они увидели машину и кинулись к ней.

— Серега, поехали на озеро!

— Ну и как? — Парень включил зажигание.

— Пятерки! — Девчонки забрались в кабину.

— Эй! — закричал Сережка. — Кто хочет купаться — давай в машину!

Кто-то завопил: «Ура!»

Вскоре машина, до отказа набитая ребятами, проехала мимо школы.

— «Не плачь, девчонка, пройдут дожди. Солдат вернется, ты только жди...» — неслось над притихшим от жары поселком.

Белые фартуки, рубашки завесили кусты

вокруг небольшого озера. Встревоженное купающимися, оно сверкало солнечными бликами.

Над озером стоял визг девчонок, крики парней.

Люба выбралась из воды, упала на траву, с удовольствием прижимаясь к мягкой шелковистой прохладе изумрудных травинков, и закрыла глаза.

Рядом, почти вплотную, кто-то еще упал. Девочка открыла глаза.

— Привет, — сказал Коваль. — Как дела?

Девочка помолчала, улыбнулась, разглядывая его лицо, потрогала кончиками пальцев его щеки.

— Бреешься уже?

— Давно, с восьмого... Скоро разъедемся... Хочешь, в гости приду?

Девочка несколько секунд опять с улыбкой смотрела на него, поманила к себе пальцем. Он придвинул лицо. Она поцеловала его в щеку. И отрицательно мотнула головой.

— А деньги я правда не брала. Ты знаешь это.

Вскочила и с разбега кинулась в воду. Вовка задумчиво посмотрел ей вслед.

Грохотал гром, молния освещала огороды и луг за ними. Там паслись кони. Дождь поливал, как из ведра.

Люба лежала на сеновале с односкатной крыши и смотрела на луг.

Внизу возле дома раздался стук пустого ведра.

— Галка, ты? — крикнула Люба.

— Сейчас придет, никуда не денется, — сердито ответил женский голос. — А ну, проклятушая, стань на место!

Тяжело ступая по скользким доскам настила, корова прошла под навес. Женщина доила и что-то бубнила себе под нос.

— Что вы говорите, тетя Зоя? — крикнула девочка вниз.

— Девки ранние пошли, говорю, — отозвалась женщина. — Сопли утирать не научились, а с мужиками валандаются. Не боишься в подоле принести?

Девочка озадаченно помолчала и крикнула:

— Не боюсь, тетя Зоя!

Грохотал гром, дождь висел завесой.

Галка неслышно поднялась на сеновал, легла рядом с Любой лицом в подушку и затряслась в плаче.

— Ты чего? — Люба накрыла ее одеялом.

Во дворе послышалось движение, брякнула цепь, собака радостно заскулила. Галка лихорадочно зашептала:

— Меня кто-то с Сережкой видел, отцу донесли. Он ударил меня. Я сказала, что это ты с ним дружишь... и ночью на озере с ним была.

— В общем, правильно сказала,— подумав, ответила Люба.— А это правда?

— В больницу заставляет идти, убить обещается,— с новой силой заплакала Галка.

— Подумаешь, сходи.

— Ты что, вообще ничего не понимаешь или притворяешься?! Я люблю Сережку.

— Как? — села Люба.— Ты с ним по-настоящему, как с мужем? А Ленка?

— А как еще? А с Ленкой он ходит, чтоб позлить ее отца.

Люба устала на нее.

— Ну давай я за тебя схожу в больницу.

Галка перестала всхлипывать, повернула к ней лицо.

— В районную поедем, здесь нас знают.

Люба кивнула, легла на живот и устала в темноту. Молния уже сверкала где-то в стороне, туда же уполз гром.

— Странно все,— тихо сказала Люба.— А Шангинов любит тебя?.. Странно как-то, такое случилось, и ничего в мире не изменилось... странно, однако...

Галка опять заплакала.

Люба погладила ее по волосам и крепко, крепко обняла:

— Галка, я твой друг, ты ничего не бойся, ладно? Не переживай. Хочешь, я с ним разберусь? А то где-то читала, как обманутые девушки что-нибудь над собой делают. Ты ничего не выдумывай, ладно? Я все для тебя сделаю... Можно к Наде на все лето махнуть, вот только письмо получу... А то просто на море съездить, хоть на один денек. Посмотреть на него...

— А деньги где?

— Сообразим что-нибудь,— бодро сказала Люба.— Деньги это такая ерунда, заработаем.

А дождь, то усиливаясь, то замирая, убаюкивающе барабанил по крыше.

День пообещал быть солнечным, жарким. Над низиной поднимался легкий утренний туман.

Люба вприпрыжку бежала вдоль сонных домов. На другом конце улицы пастух щелкал кнутом, собирая коров на пастбище. Девочка остановилась у околицы. Здесь, у крайней брошенной избы, с затянутыми полиэтиленом окнами, сидела возле крохотного костерка старуха-цыганка и курила трубку. Ее пышные седые волосы были стянуты красной выцветшей косынкой.

Девочка с опаской прошла мимо, старуха даже не шевельнулась. Потом девочка бежала через низину, шлепая по воде и подымая каскад брызг, криком вспугнула пакущихся коней. Влетела на насыпь, перебежала железнодорожный путь, мимо вокзала, вверх, налево...

Возле общественной бани она перевела дух и забарабанила в дверь. В окно показалось испуганное лицо тетки. Она впустила девочку и заперла за ней дверь. Баня готовилась к ремонту — в углу стопкой до потолка высились тазики, сдвинуты к стене шкафчики, сложены лавки.

— Смотрю — замка нет. Чем это воняет? — принялась девочка.

— Лекарством. Хорошо, что заглянула. Я у тебя спрячу банки, сейчас кругом самогон шмонают.

— Опять замуж выходишь? — засмеялась девочка.— Барашек не появлялся?

— Пропал, забрали, наверное, за бродяжничество. И не смейся. Вот станешь бабой, нахлебаешься и начнешь рвать куточками. Дома будешь?

— У меня соседка пасется.— Девочка протянула ей ключ.

— Свой замок захвачу,— зевнула тетка.

— Да, тетя, я к тебе по огромному делу. Возьми нас с Галкой на работу, все равно тебе рабочие нужны на ремонт. Вместе будем самогонку гнать,— засмеялась девочка.— А нам деньги очень, очень нужны. Может, ты еще что-нибудь придумаешь? А я тебе осенью всю картошку выкопаю и крышу отремонтирую.

— Ладно, подумаем. Не болтай смотри.

Она заперла за девочкой дверь.

— Ключ наверху оставь! — крикнула Люба и побежала.

Почтальонша развела руками — ничего нет. Люба с сожалением проводила ее взглядом и побежала в клуб, взглянув на афишу, какое кино, — «Старое ружье».

Вышла из клуба со стопкой книг под мышкой. Зажмурилась от яркого света. Увидела выворачивающий с параллельной улицы голубой грузовик, вышла на дорогу и приняла картинную позу.

Машина подъехала и остановилась.

— Привет! — высунулась из кабины Ленка.— А я тебя с утра ищу. Поехали купаться?

Люба в упор посмотрела на Сережку.

— Давно не видела? — спросил он.

— Жениться не собираешься?

— На тебе? Не тянет.

— Не ломайся, я все знаю.

— А что такое? — то на одного, то на другого смотрела Ленка.

— Чего искали? Купаться? Некогда, на работу с Галкой устраиваемся. Отец ее все знает, обещал голову ей свернуть.

Люба глянула на Сережку, махнула им рукой и пошла.

— Люба, вчера педсовет был. У нас всего один девятый класс будет. Анька выступила против тебя.

Люба обернулась, сузила глаза.

— А я тут при чем? — подняла брови Ленка. — Припомнила, что ты про колхоз говорила, что циник, клоун... Мать твою, тетку приплела. Сказала, что ты школу все равно бросишь, только средства на тебя переводить, ну и все такое...

— Ну, Анька наша еще не бог, посмотрим еще, — Люба повернулась идти.

— Слушай, Люб, а это правда, будто ты чуть воспитательницу не кокнула? — прыгнула на землю Ленка.

Люба развернулась, несколько секунд растерянно смотрела на нее:

— Кто сказал?

— Анька всем сообщила.

— Я пошутила, а она... а они раздули. Ну, козлы! Ну, ублюдки!

— Я тут при чем? — Ленка поднялась в кабину. — Чего на меня кричишь? Я просто спросила.

— И вы, и ваши родители! Ясно?

Она быстро пошла по улице.

— Чего на меня-то психовать? — буркнула обиженная Ленка. — А тебе-то она на что намекала?

Сережка неопределенно пожал плечами и включил скорость.

Солнце стояло в зените, все живое пряталось в тень. Возле складов у запасных путей полуголые мужики загружали мешками с солью вагоны.

Тронувшийся было от вокзала пассажирский поезд завизжал тормозами. Проводники махали красными флажками. Из одного вагона два проводника — мужчина и женщина — вытолкнули Любу. Она с земли покрутила им у своего виска. Мужчина показал ей кулак, она — фигу.

Поезд ушел. Дежурная по вокзалу что-то крикнула девочке, та не обратила на нее внимания. Она пересекла площадь и столкнулась с худым, что был на дне рождения у тетки.

Он заглянул ей в лицо и спросил:

— У тебя телефон есть?

— Откуда?

— С центром связаться надо. Понимаешь, у меня выкрали чертежи нового корабля. Надо сообщить, а то... — он нажал указательным пальцем на воображаемый курок пистолета.

— Вон на почту иди, свяжут.

Худой кивнул и пошел. Возле поленницы дров он остановился, резко присел и кинулся что-то ловить. Девочка подошла к нему, присмотрелась — что же он ловит?

— Вон побежал!

— Кто?

— Черный такой, не видела?

Девочка стала внимательно исследовать щели.

— Сейчас я им устрою, — хихикнул худой и постучал палкой по дровам, потом сунул ее девочке. — Ты их посторожи, а я лампу паяльную принесу.

Он поскакал по улице.

Девочка с размаху зло стукнула палкой по дровам, потом яростно стала молотить ею, пока она не разлетелась в щепки. Откинула обломок и решительно двинулась вверх по улице.

Рывком открыла голубую дверь, прошла веранду, заставленную цветами в горшочках, и остановилась на пороге дома — дверь из-за жары была открыта.

Анна Петровна кормила с ложечки пятилетнего мальчугана. За столом в одних трусах хлебал крошку шустрый — тот, что приводил Барашка, супруг учительницы.

Женщина обернулась.

— Ты — провокаторша! Подлиза! Вруша! — с тихой ненавистью заговорила девочка, не сводя потемневших глаз с испуганного лица женщины. — Ты меня кормишь? Одеваешь? Я твои тряпки в мусор выкидывала...

— Что случилось? Люба, давай спокойно все выясним...

— Как ты ей позволяешь так с собой разговаривать? — вскинулся шустрый.

— А ты заткнись, — прошипела девочка. — Лопай вон сиди!

Шустрый кинулся к ней, схватил за шиворот — затрепала рубашка — и потащил через веранду. Она брыкалась, опрокидывала цветы, книги ей мешали. Он выпихнул ее за низенькую калитку на улицу.

— Научись разговаривать со старшими, потом приходи.

— Ты сам, пристебай гороховый, научись, — вытирала невольные слезы девочка, собирая книги.

Под руку ей попался камень, и она швырнула его в веранду. Звякнули осколки. Мужик вылетел с ружьем.

— Миша! — закричала в окно Анна Петровна. — Опомнись! В одних трусах! Иди домой! Миша!

— Ну, стреляй, козел вонючий, попросайка, стреляй! — Люба держала наготове обломок кирпича.

— Катись по-хорошему отсюда, не доводи меня, — процедил мужик.

— Не-а!

— Миша! Родной, иди домой. Не пугай ребенка!

— Чего орешь на всю улицу! — приглу-

шенно гаркнул на нее шустрый.— Нужна она мне.

Он оглядел улицу в оба конца и пошел домой.

Девочка побрела по улице.

Из крайнего, недавно построенного нарядного дома вышла женщина.

Возле нового «Жигуленка» стояла с осколком кирпича Люба. Женщина раскрыла было рот, чтобы шугнуть девочку, но ничего не сказала. Что-то было такое в ее облике, что женщина испугалась.

Она попятилась и быстро исчезла за воротами.

Девочка отбросила кирпич и побрела за поселок.

В ночи у озера пылал костер. Двое десятилетних мальчишек цыганят пасли коней. Один из них лежал на спине возле костра и играл на самодельной свирели.

Искры костра летели к звездному небу и, не долетев до своих сородичей, гасли в бесилии.

Люба подошла и присела возле костра. Цыганенок скосил на нее глаза, продолжая играть на свирели. Подошел второй пацан и тоже молча уселся возле костра.

— А почему вы теперь не кочуете? — спросила Люба.

— Дай рубль, скажу,— показал в улыбке крупные зубы пацан.

— У меня нет.

— А ты домой сходи.

— Не хочу я домой. Хочу улететь далеко, далеко. А долго учиться, чтобы ездить на коне?

— Давай пятерку, за ночь научу,— опять показал свои белые зубы пацан.

— А бесплатно ты что-нибудь делаешь?

— Ты музыку слушаешь, у костра сидишь. Мало тебе? Тащи деньги, на коне научим ездить, станцуем.— Мальчишка сделал стойку на руках.— У матери возьми.

— У меня родители в Москву за наградами уехали. Они геологи, что-то там открыли, кажется, золото. Премию огромную дадут, машину. Мне отец обещал мотороллер купить и на море свозить. Он меня очень любит. А в Москве у нас родич жил, поэт. Он сейчас умер, но родня осталась.

Пацан скосил на нее хитрые глаза.

— Давай я в долг тебя буду учить. Потом отдашь. Ты где живешь?

— Передумала, не хочу. Гордые, гордые... Зобар...

— Хочешь, станцую?

Девочка отрицательно мотнула головой. Мальчишка больше ничего не мог предложить, задумался.

— А хочешь, мы тебе свирель продадим, слышь, как звучит?

Тот, что играл, показал ему кукиш. Девочка засмеялась.

— Не надо ничего продавать, я тебе так подарю потом десятку.

Удовлетворенный этим, мальчишка разгреб костер, выкатил обугленные картофелины.

— Налетай!

Девочка стала очищать картофелину. Второй продолжал играть, глядя в звездное небо, что-то очень грустное, рожденное долгими дорогами, тоской по счастливой доле, непонятной жалобой...

Домой девочка возвращалась, когда чуть забрезжил рассвет. Над сонным поселком шла перекличка редких петухов. Она медленно брела по улице, тонувшей в легкой дымке тумана.

Из дверей ее дома выскользнула женская фигура, укутанная шалью, и двинулась навстречу девочке. Это была Анна Петровна.

— Я давно тебя жду,— приветливо сказала она.— Нам надо поговорить, только спокойно...

Девочка тараном пошла на нее, та попятилась.

— Ты можешь минуту спокойно меня выслушать?

— Исчезни.

— Я тебе как человеку предлагаю, давай поговорим спокойно, посоветуемся, как быть дальше,— проговорила она в спину девочке.

Та, проходя мимо темного окна соседки, буркнула:

— Эта еще... зажилила мясорубку.— И ногой пнула в окно.

Стекло рассыпалось.

— Точно говорят, яблоко от яблони недалеко падает,— устало сказала учительница.

Девочка резко повернулась в ее сторону. Тут за углом, у пожарки, завелся мотор мотоцикла. Девочка на секунду замерла, потом вошла в дом.

Заперла дверь на крюк. Швырнула книги на стол.

— Эта тоже,— она изо всех сил двинула ногой по кровати, на которой спала Надя.

Кровать сдвинулась, раздался легкий щелчок — разбилась две большие бутылки, спрятаные за спинкой, и по полу потекла жидкость. А девочка стала швырять о металлические прутья кровати бутылочки с лосьоном, шампунем, духами — только брызги летели.

— Ну-ка, открой! — стукнул в дверь участковый.

— Ага, разбежалась,— буркнула девочка

и включила на всю мощь радиоприемник.

Достала из шкафа бордовое платье с блестками и безжалостно разодрала его.

Оглядела погром, пошла на кухню и срезала бельевую веревку. И стала искать, к чему бы ее прикрепить. Тут она о чем-то вспомнила. Достала из-под матраса черную общую тетрадь и стала вырывать листы. Подумала, принесла спички, чтобы сжечь их. Уронила недогоревшую страницу. Вспыхнула разлитая по полу жидкость, мягким синим пламенем поползло по половичкам, по занавеске на дверях, по покрывалу на пустой кровати...

Девочка, не сводя изумленного взгляда с огня, забралась на свою кровать, втянула голову в плечи и замерла.

Над всем этим гремел духовой оркестр.

От вокзала тащила две тяжелые сумки мать Любы. Солнце уже взошло и растопило туман. Женщина свернула на улицу, увидела возле дома участкового, учительницу, соседей, охнула, опустила на землю сумки, тут же их подхватила и чуть не бегом заспешила к дому.

На кухне уже полыхали возле печки дрова, табуретки. Квартира была полна дыма. Ему некуда было выходить, плотными клубами он сгущался под потолком.

Девочка, укутанная с головой в одеяло, лежала на кровати.

— Люба, открой! Это я! — раздался голос матери из коридора.

Девочка высунулась из-под одеяла, прислушалась и зашлась кашлем. Под одеялом кашель не проходил.

— Люба! Это что за фокусы? Открой сейчас же! — опять застучала мать в двери.

Девочка решительно откинула одеяло, села и стала с ожесточением втягивать в легкие воздух. Но спасительное забытие не приходило. Кашель заставил ее согнуться, глаза слезились.

— Мама! — вдруг невольно закричала она и кинулась было к двери, но жар преградил ей путь.

— Ма-моч-ка! — Ее рвало, хотелось вдохнуть хоть глоточек свежего воздуха.

Она рванулась к окну, кулаками стала выбивать стекла и протискиваться сквозь узкие переплеты рамы, в кровь раздирая руки о торчащие осколки. Так и повисла на переплете...

Золотистый конь поднялся на дыбы. Девочка долго-долго падала в сиреневую траву, глядя с отчаянием вслед ускользающему, тающему в малиновом, охватившем весь горизонт закате, золотистому коню...

1988 г.

Сергей
ВОЛЧЕНКО

Шастин-Хан, или Линия Железного Позвонка

Зимним утром к остановке подъезжает битком набитый автобус. Раздается слитный металлический шелест: гармошки дверей складываются и из автобуса не выходят, а скорее вываливаются пассажиры.

Мы последуем за одним из них — невысоким пожилым человеком, с виду ничем не отличающимся от остальных. Некоторое время он будет быстро идти вперед по ходу автобуса, затем свернет в зеленые ворота. Все это время за кадром будет звучать его голос: «Выйдешь на остановке «Больница Русакова» и пойдешь прямо на восток, затем на север, увидишь зеленые ворота, проходишь через них и на юге заметишь девятый корпус, идешь на север вдоль его стены...»

Вдруг странная речь пожилого человека оборвется: наверняка он кого-нибудь по дороге встретит, и мы сразу узнаем, каков он в общении. Подобная сцена вполне вероятна: вдоль стены 9-го корпуса идут двое здоровенных парней в рабочих телогрейках. У одного в руках разводной ключ.

— Здорово, отец! — говорит один из них.

— Здорово, Толик! Как жизнь?

— Вот, посмотри, что у меня с пальцем?

— Ну-ка, дай взгляну. Что там у тебя засело?

— Стекло.

— Стекло... Заходи!

— Ну да! Вам, хирургам, только доверься — сразу палец отхватите!

— А знаешь, что... Щас по шее дам!

— Да?! Ну, тогда я побежал!

Все трое весело смеются и расходятся в разные стороны.

— Дальше, — вновь говорит за кадром пожилой человек, продолжая свой путь, — заходишь в корпус и поднимаешься на 6-ой этаж. — (В вестибюле несмотря на то, что ему явно некогда, он, возможно, возьмет из рук какой-нибудь женщины пальто и подаст ей). — Выйдя из лифта, сворачиваешь на север и на восток — дверь в ординаторскую.

На стенах кабинета висят монгольские национальные маски каких-то чудовищ, на полках курильницы, многорукие божки...

— Это я специально на монгольский лад рассказал, как тебе меня найти, — скажет Павел Николаевич, обращаясь к Цевел Сурэн, монгольскому режиссеру фильма, — а вообще, по правде говоря, я не хотел бы, чтобы ты про меня делала фильм. Иной раз так расхвоят, что людям в глаза потом стыдно бывает смотреть. Например, когда я еще работал у вас в Монголии, приезжал ко мне корреспондент, а потом в газете о себе читаю примерно такое: врач Шастин мигом

откликнулся на вызов из далекого кишлака, проскакал туда сорок километров верхом на лошади, сорок километров обратно в больницу с ребенком на руках — ребенок был спасен! А я этих лошадей боюсь! Я близко к ним боюсь подходить! Один раз только решил сфотографироваться верхом, так меня усаживало пять человек и как только сфотографировали, я с этой лошади свалился! Потом все, кто меня знал, при встрече смеялись: «Шестин, расскажи, как ты на лошади скакал!» «Ребенка-то спас, но жива ли лошадь?»

— Нет,— скажет Сурэн,— мы ничего о вас выдумывать не будем. Вернее, даже так, мы о вас вообще ничего говорить не будем. Вы сами расскажете.

— Я даже не знаю... что и рассказать. Ничего такого особенного в моей профессии нет. Что столяр у верстака, что слесарь у станка, что хирург у стола... Ну, что, встаю в семь утра, спешу на автобус, иногда бегу, чтобы не опоздать, как и все.

Далее голос Шастина продолжает звучать за быстросменяющимися кадрами, которые соответствуют тому, о чем он говорит: «В половине девятого я в ординаторской, здесь у меня 30 секунд на то, чтобы переодеться».

— Внимание! Детей сегодня не кормить: будет операция,— скажет Шастин в ординаторской в микрофон у пульта (несмотря на спешку, Павел Николаевич все же успевает со всеми поздороваться, в ординаторской, отдавая заведующей какие-нибудь бумаги, приложиться к ее ручке или чмокнуть в щечку медсестру за то, что она принесла ему из столовой чашку молока). И вновь его голос за кадром: «100 секунд, чтобы пробежать по коридору и поспеть на летучку, а в девять уже начинается обход».

— Так, здесь есть мой?— говорит Шастин, сверяя список фамилий в своем блокноте с тем, что висит на двери в палату.— Ага, Зубков Коля.

— Здорово, братцы! — Шастин уже в палате.— Колька где здесь у меня? Ты Колька? Идем, будем знакомиться, я твой доктор. Меня зовут Павел Николаевич. А вы зачем? — оборачивается он к двум ребятишкам, заглянувшим в палату из коридора.— Помощники не нужны. Сейчас я вам покажу! — Шастин встает перед ними в боксерскую стойку — те с веселым визгом убегают. В это время Колька затеял возню со своим приятелем.

— Эй-эй,— кричит Павел Николаевич, не оторви ему ногу! Так, иди сюда, Николай. Покажи язык. Язык давай на улицу! Сильней, как будто мороженое хочешьлизнуть. Молодец. Витек, как дела? — оборачивается он уже к другому.— Я по тебе соскучился. Ну-ка, что это у тебя? — Павел Николаевич

чуть дотрагивается до плеча Витьки. Тот скашивает глаза, пытаясь посмотреть, что у него на плече, в тот же миг Павел Николаевич хватается Витьку за нос:

— Эээ! Соплей на сто рублей!

Мальчишка весело смеется.

Внезапно его смех становится эхом, и вся узкая и длинная — что не видно конца — галерея, вдоль стен которой мы сейчас медленно движемся, наполняется многократно отраженным эхом детских радостных криков и смеха. Вдруг за бетонной стойкой мы замечаем Шастина. Он стоит в белом халате и задумчиво смотрит в окно. Вид у него невеселый. За окном — день. Здесь, в галерее, Павел Николаевич один со своими мыслями. Мы услышим их за кадром на фоне детского смеха:

— Я вот всегда учу молодых врачей: пусть тебе дома жена устроит истерику, теща опрочинет на голову кастрюлю щей, а в транспорте оторвут все пуговицы, но в палату ты должен войти веселым, чтобы каждое твое появление для детей было праздником в их скучной больничной жизни.

— Это кто, Джам Царам? — спросит Сурэн, указывая на одну из самых страшных масок на стене.

— Да,— ответит Павел Николаевич,— я до семи лет жил у вас в Монголии, эта маска все время висела у меня над кроватью. И дед мне все время говорил: если ты не будешь стричь ногти и умываться, то Джам Царам придет и тебя съест. И я всегда поэтому стриг ногти и умывался. Дед еще в двадцать третьем году приехал к вам, медицины у вас тогда в общем-то не было,— голос Шастина продолжает звучать за кадрами ритуальных, висящих на стене его кабинета монгольских масок,— было шаманство и знахарство. В лучшем случае тибетская медицина. В землю у вас тогда не хоронили. Земля считалась священной. Покойников сжигали. И был обычай сжигать вместе с юртой. А юрта стоила больших денег. Для бедняка сжечь юрту — значит разориться.

Мы видим, как медсестра берет из кровати уже раздетого, подготовленного к операции ребенка, кладет его на каталку и вывозит в коридор. Дежурившая в палате мать ребенка с тревожным видом провожает его до лифта. Железные двери с грохотом захлопываются и мать остается перед ними одна.

— Поэтому,— продолжает Павел Николаевич,— если знахар или шаман предрекали, что больной умрет, родственники вывозили его в так называемую Пустыню Смерти и оставляли там умирать, чтобы не сжигать вместе с ним юрту.

Голос Шастина звучит на фоне далекого пустынного свиста ветра.

Мы в лифте с ребенком поднимаемся на последний этаж. Двери открываются: снаружи стоит медсестра. Лицо ее закрыто стерильной марлей, на голове чепец, на ногах бахилы. Она вывозит ребенка. И вот он уже лежит один в предоперационной, со страхом смотрит перед собой сквозь стеклянную дверь — что за ней, мы не видим — и вдруг без надежды, опустив голову, начинает беззвучно плакать, но тут же, охваченный мыслью, что это все равно бессмысленно, вскидывает голову: перед ним за стеклянной дверью на операционном столе неподвижно лежит мальчик его же возраста, а люди в белых халатах и масках вокруг него и делают с ним что-то непонятное.

— *Представляете,*— говорит в это время Шастин, — *что испытывал человек, оставшись один в пустыне умирать.*

На последний кадр накладывается огромное полупрозрачное изображение монгольской ритуальной маски.

— *Лечиться к деду не шли,*— продолжает в этот момент Шастин, — *боялись, верили только ламам. Деда прозвали «русским чертом». Кидали ему в дом дохлых собак, чтобы заразу занести... Дом и сейчас стоит там. Детский сад в нем.*

Ребенка уже укладывают на операционный стол, и как только ему надевают на лицо маску для наркоза, он начинает сопротивляться. Две медсестры с трудом удерживают его. Но вот наркоз подействовал — мышцы мальчика расслабились. Он лежит неподвижно — дыхание ровное, автоматическое. Медсестры с четырех сторон накрывают его простынями так, чтобы на животе остался небольшой островок голого тела.

Павел Николаевич подходит к операционному столу, дает какие-то указания. Анестезиолог протягивает ему кружку воды. Павел Николаевич, не снимая с лица марли, пьет, затем медсестра надевает ему на руки резиновые перчатки. Он не спеша протирает их проспиртованной ватой, поворачивается к другой сестре — та поправляет ему на глазах очки. И вот после всех приготовлений хирург берет в руки скальпель.

— *Ламы,*— слышен голос Павла Николаевича, — *чтобы люди не шли к деду лечиться, распространяли слухи, что он ест детей и выпускает больных кишки.*

При этих словах Павел Николаевич делает скальпелем на животе ребенка тонкую прорезь. В ту секунду этот кадр резко отдалется...

А дальше видим мать ребенка: она сидит в палате у пустой постели сынишки.

И вновь операционная.

— *Дед,*— продолжает за кадром Шастин, — *убедившись, что к нему никто не придет, пошел в Пустыню Смерти, стал там подбирать больных и лечить.*

Понаблюдаем немного за Павлом Николаевичем во время операции, за его сосредоточенным лицом, напряженными глазами, жестами, которыми он показывает медсестре, что ему подать: ножницы, пинцет или иглу.

Операция закончена. Ребенка снимают с операционного стола, на его место тут же кладут другого.

Дальше видим: двери лифта с грохотом открываются и мальчика выкатывают в коридор. Вот его, еще сонного, медсестра кладет в кровать, и он постепенно начинает выходить из-под наркоза: поднимает веки — глаза дикие, бессмысленные. Молодая мама при виде этого начинает плакать.

Шастин все это время за кадром продолжает свой рассказ:

— *И когда обреченные шаманами на смерть больные стали возвращаться из Пустыни Смерти живыми и здоровыми к родственникам, когда рассказали, кто их вылечил, про деда пошла молва, что он возвращает людей с того света. И, конечно, сразу появились пациенты. Лам уже не слушались, как раньше.*

На этом рассказ о Пустыне Смерти закончится и вой ветра стихнет.

— Ну что, как дела? — бодро спросит Павел Николаевич, подходя к очнувшемуся ребенку. — Покажи язык. Ну, герой-мужчина.

— Ноги просит развязать, — плачущим голосом говорит мама.

— Можно. Температура может быть, надо сбивать. А плакать вы не должны. Он же видит. Я понимаю, у моей дочери в детстве была аналогичная операция. Я сам прооперировал — все нормально, а потом, когда стала выходить из-под наркоза, когда увидел эти безумные глаза, тоже чуть не заплакал. И тогда медсестры меня увели: говорят, был хорошим хирургом, а сейчас стал плохим отцом. Ну держитесь, держитесь. Ну, вот, наконец, улыбка! Чтобы так же было и дальше!

— Спасибо, доктор.

И вновь мы видим нашего героя одного в узкой, соединяющей два больничных корпуса галерее. Он также неподвижно, задумчиво смотрит в окно — на улице уже не день, ночь, и вся галерея уже наполнена не смехом, а детским плачем, криками: «больно», «только не надо зашивать, пожалуйста», «мама!», «ай!». На их фоне вновь услышим задумчивый голос Шастина: «Хирург — это жестокая профессия. Врач должен быть жестоким. Что может быть более жестокое... Например, спасая жизнь ребенку, мы отни-

маем у него руку или ногу. Вернее, во имя чего — это другой вопрос, но сам по себе акт предельно жестокий. И к родителям тоже приходится быть жестоким: мама хочет ухаживать за ребенком — пожалуйста, но если я увижу, что ее ребенок более умыт, причесан, чем остальные в палате, я ее выгоню».

А теперь мы у Шастина дома.

— Вашего деда, — скажет Сурэн, — верующие у нас считали святым. Говорили, что он Бодхисаттва. Это в буддийской религии душа, закончившая цикл земного существования, но отказавшаяся от нирваны, чтобы остаться на земле и помогать людям; она тогда получает бессмертное тело.

При последних словах Сурэн видим кадры монгольского телевидения: Павел Николаевич в Монголии кладет цветы к памятнику своего деда.

— Да, я знаю, что о нем только ни говорили. И Шастин-Хан и Железный Позвонок. Естественно, ламы тут уже ничего поделать не могли. И тогда они его популярность стали использовать для обогащения. Например, приходит к ламе больной и спрашивает, как попасть к Шастину. А лама: «О, для этого надо много жертв храму принести, иначе не попадешь». А Шастин-то больных на базаре принимает. Прямо ставил юрту посреди базара и принимал. Вот он, — Павел Николаевич берет из стопки лежащих на столе фотографий одну и показывает нам: на фотографии пожилой человек в очках, с бородой и усами, — это уже после Монголии. А вот мы с ним в Крыму. Это я его семнадцатилетним пареньком снимал. Последние годы он был врачом в Артеке. Его там и похоронили. Вот могила его, только снята неудачно. У него был любимый кот. И вот, когда дед умер, помню, кот все сидел у гроба — нюхал-нюхал, а когда схоронили — лежал на могиле и ничего не ел. Через несколько дней его нашли там мертвым. Деда могли еще ламы убить. Они целую войну затеяли против наших врачей. Хирурга одного, нашего знакомого, убили. Мам, как этот монашьяр назывался? — спросит Павел Николаевич у матери. Она будет сидеть тут же под масками на диване. Разговор их будет приблизительно таким:

— Тарбоган.

— Да, Тарбоган, в Тарбогане убили.

— Притом зверски убили, — добавит мать.

— Да, замучили... И в деда стреляли, мне было два года, когда я впервые услышал свист пуль.

— Да кто в него стрелял? Что ты выдумываешь?! Никогда в него не стреляли.

— Это просто мы тебе не говорили.

— Не знаю, в первый раз слышу.

— Отец скрывал от тебя. Ехали на мотоцикле. Отец за рулем, я с дедом в коляске. — (В кадре картина, висящая в спальне Павла Николаевича. На ней изображена монгольская степь.) — И вдруг что-то затрещало. Дед меня сразу под себя подмял. Я не понял, заплакал. Выскочили, в желтых халатах. Ружья у них на рогульках, шомполом через ствол заряжались. На 50 метров стреляли. — Видим страшного полуметрового краба. Он висит на стене в прихожей. — Вырыли яму, чтобы не проехали, а отец разогнался — хороший мотоцикл, американский, «Харлей Дэвидсон» — и перепрыгнул на нем. Потом остановился и послал им дзорика — это «черт» по-монгольски.

— Ну, все это в прошлом, — скажет Сурэн, — у нас уже давно лам всерьез никто не воспринимает.

— А это, между прочим, плохо, — неожиданно возразит ей Павел Николаевич. — Помню случай, когда работал у вас. Однажды вышел из больницы — вижу, у входа стоит монах. Возвращаюсь, он все стоит. Через 3 часа выхожу — он там же. Я подошел: «Кого ждете?» «Доктора», — отвечает: «Я заскочил к заведующей: почему заставляете ждать? «Ай! — говорит, — он лама!» «Ну и что? Я, — говорю, — в свое время, быть может, побольше вас от лам пострадал, но надо же уважать старика». Он ждал, чтобы ему дали разрешение пройти в морт, совершить обряд над умершим. — На экране появляется уникальная фотография: снят шаман в маске и рядом с ним лама. — Вынес я ему это разрешение. Он совершил обряд, а потом пригласил меня с женой к себе в монастырь. — Мы видим фотографию монгольского монастыря. — Должность у него — заместитель настоятеля монастыря по медчасти. В монастыре показывал инструменты. — Шастин показывает плохого качества и, можно сказать, кровавую фотографию: хирург делает операцию. — Потом показал огромную библиотеку по тибетской медицине. — Кинокамера панорамирует по книжным полкам Павла Николаевича. — Там книга — это стопка страниц, написанных от руки, между двух дощечек и в платочек завернута. Это не наше понимание книги. — Такую книгу Павел Николаевич покажет нам. — «Но, — говорит нам с женой лама, — мы и вашу европейскую медицину уважаем. Например, сульфадиметоксин вовнутрь при гнойных ранах очень хорошо помогает, особенно если принимать с молитвой аоумани-подмэхум».

Тут, возможно, Сурэн и Павел Николаевич весело посмеются по поводу такого приращения сульфадиметоксина.

— Монаха этого Дамбадор Шлама звали, — скажет Шастин, — вон та крайняя маска — его подарок.

Кадром этой маски, бывшей в начале знаком войны лам против врачей, но в итоге ставшей врачу подарком в ответ за его доброту, можно было бы и закончить этот фильм, но Павел Николаевич подумал, что монголам, возможно, будет интересно узнать о его сыне — четвертом и пятом поколениях Шастин-Хана. Поэтому фильм будет иметь вот какое продолжение: раздастся звонок в дверь. Сын Павла Николаевича с двумя дочками (одной 4, другой 3 года) придет в гости к отцу. Павел Николаевич, помогая внукам раздеться, скажет за кадром:

— Сын мой тоже хирург. Он тоже носит бороду, как и его прадед, но не потому, что прадед носил, просто как дань моде, наверное. Помимо работы ведет еще кружок юного хирурга во Дворце пионеров. Занимается с ребятами в травмопункте, чтобы там на

практике каждый сразу определил — по зубам ему профессия или нет. Мы из старообрядцев, имена у нас наследуются: дед мой — Павел Николаевич, отец — Николай Павлович, я — опять Павел Николаевич, а сын как отец мой назван, но только вот в пятом поколении не удалось соблюсти традицию.

Однако, когда мы увидим, как девочки слушают рассказы своего деда с фонендоскопами в ушах, то невольно подумаем, что в выборе профессии традиция этой семьи не нарушится и в пятом поколении. Этой сценой и закончится фильм: девочки застывают в стоп-кадре, вновь возникает свист ветра, мы видим фотографию их прадеда, ветер усиливается, и в кадре уже старинная монгольская маска.

Танцует доктор Глотов

Бесконечный осенний дождь почти не ощущим. Он словно выбился из сил и не может уже ни остановиться, ни пойти сильнее.

У обочины сельской размытой дороги покосился столб с надписью: «Рогнединский район». Проехав от столба еще несколько километров, въезжаем на площадь небольшого райцентра. В дожде стоит здание райкома партии. Рядом Дом культуры, универсам, больница. Вот и все Рогнедино в его каменном обличьи. Остальные постройки деревянные. Нас интересует больница. Во дворе ее можно увидеть всякое: и трактор, и случайно забредшую корову, и, конечно же, машину «скорой помощи».

— Когда я был на распределении в областном отделе здравоохранения, — скажет, сидя у себя в кабинете, главный врач больницы Вячеслав Юрьевич Усанов, — то там оставался один доктор, которому, как сказали, все равно было куда ехать. У нас были опасения: раз доктору все равно куда ехать, значит доктор ничем не интересуется, в смысле... не стремится к повышению своего мастерства. И когда приехал Владимир Александрович Глотов в нашу больницу, все только руками развели...

Дом культуры. На сцене под огромным черным занавесом высокий статный парень в очках делает какие-то непонятные движения. Это Глотов. Он одет во все белое. Только под воротничком рубашки красуется черная бабочка. Глотов то выгибается, то взмахивает руками, то вдруг начинает кружиться, слегка выставив вперед руку, очевидно, придерживая за талию воображаемую даму.

Скорее всего он делает танцевальную разминку... Так и есть — потому что в следующем кадре вновь видим те же замедленные скользящие движения, но только теперь Глотов выполняет их под мелодичные звуки саксофона вместе с молодой, оченьстройной партнершей.

И вдруг, как взрыв, оглушительный грохот ударных инструментов: Глотов на этот раз уже в черном костюме, на фоне белого занавеса, отчаянно отплясывает с другой — еще более симпатичной девушкой. Доски пружинят под их ногами.

В зале вместе с другими зрителями сидит уже знакомый нам главный врач больницы Усанов и наблюдает за Гловым. Выражение лица Усанова говорит: «Чем бы дитя ни тешилось — лишь бы не плакало».

Черный выпуклый динамик вибрирует так, что кажется напор звука вот-вот прорвет его.

Глотов самозабвенно продолжает танец. Глаза его уже расслабленно прикрыты и чувствуется, что мысль уже слилась с бешеным ритмом: тело, как и динамик, безвольно вторит каждому звуку.

И вдруг тишина. Оглушительный грохот еще стоит в ушах, а на сцене пусто. Нет ни Глотова, ни динамиков, ни занавеса.

За окном пустого зала все тот же обессиленный дождь. Вряд ли у кого-то возникнет желание в такую погоду выйти на улицу или вообще заниматься делами.

Однако, пока мы слушали шум дождя, на сцене вновь появился Глотов. Он весь вымок — в плаще нес что-то громоздкое...

Готов стряхивает с волос воду и извлекает из свертка два динамика и магнитофон. Затем подключает их к сети, проверяет, как они звучат, все ли в порядке.

Зрительный зал тем временем заполняется женщинами самого разного возраста.

Вновь неистовая музыка и топот ног о деревянные доски. Однако зрительный зал на этот раз почему-то пуст... Впрочем не совсем: людей нет, но на креслах лежит их одежда, а сами они, уже переодевшись в спортивные костюмы, на сцене отплясывают вместе с Готовым.

И после занятий: Готов усталой походкой идет по улочкам райцентра. В руках у него проигрыватель и два динамика. Дождик вроде бы поутих.

Во дворе больницы врачи выгружают из «скорой помощи» носилки с тяжелобольным. Готов безучастно проходит мимо и направляется к одноэтажному домику бачачного типа.

— Ну и врач! — скажет, глядя ему вслед, сторож ЦРБ, полный бородатый человек лет шестидесяти. Предложили ему работать на полторы ставки — отказался. Говорит, не буду поспевать с балльными танцами, аэробикой и другими делами. Идет, несет свою музыку, глину на ботах волокет — умаляясь, поди, со своими женщинами.

— Балльные танцы для меня не просто увлечение, — скажет как бы в оправдание Готов усталым голосом, уже подходя к своему домику, — это отдушина. Я мечтал заниматься наукой. Мне было обещано место в аспирантуре и ни о каком распределении я и не думал. Но обстоятельство бывают сильнее нас. Шесть лет я пытался смоделировать в одну формулу закономерности ветвления сосудов в организме. И, когда удалось, мой самый любимый профессор полез в соавторы, а то, говорит, в аспирантуру не возьму и работу не пропущу никуда. Я отказал. И распределение подписывать отказался. А мне: «Выпустим без диплома!»

Папа, мама в детстве всегда учили, что добро побеждает зло, что всегда нужно говорить только правду... И вдруг, как пелена с глаз. Вот, Смоленск, где я учился... из самых глубин ненавижу этот город!

У каждого человека бывает в жизни кризис. Я отошел от науки и погрузился в совершенно иной мир, в котором человек как бы сплавляется с музыкой, когда он чувствует, что он, партнерша и мелодия существуют как что-то одно; а когда уже владеешь техникой бального танца, ощущаешь, как музыка уже сама управляет и оттачивает каждое движение помимо твоего сознания...

Секция бального танца. Готов разучи-

вает с детьми новый комплекс движений. За кадром звучит его голос:

— Ну, может быть, некоторым будет непонятно, почему я столько времени уделяю занятиям с детьми балльными танцами и ритмической гимнастикой.

Аэробика — мой профессиональный эксперимент врача. Мне самому интересно посмотреть, а что будет при таких занятиях систематических. Каждые два месяца я провозжу углубленный медицинский осмотр занимающихся и сравниваю объективные показатели.

— У моей жены, — скажет нам муж одной из пациенток Глотова, — были настолько резко выраженные изменения в миокарде, что ей даже резкие движения были противопоказаны. Но Владимир Александрович на свой страх и риск взял в группу и ее. И вот, после последнего осмотра эти изменения исчезли. Я ему, знаете, что сказал? Я сказал: ты из моей жены человека сделал!

— А балльные танцы вот почему, — продолжает Готов. — Когда я обучаю детей, я сам учусь, пытаюсь глубже понять философию бального танца. Бывают очень интересные находки. Балльные танцы для меня и сейчас значат почти столько же, сколько и медицина. Они-то и вывели меня из кризиса: я отвлекся и вернулся в нее с новыми силами. Я подписал распределение о прохождении интернатуры, но сам не выбирал, куда ехать. Куда пошлют, туда и поеду...

Глотова часто вызывают на дом к больным.

— Некогда, — наверняка как-нибудь скажет он в коридоре больницы или у себя дома, когда у него попытаются взять очередное интервью. — Вызов!

— С вами можно?

— Поехали. Как раз поможет с лодкой.

Льет все тот же беспрерывный дождь. Машина «скорой помощи» останавливается на берегу разлившейся Десны: дорога уходит прямо под воду. Невдалеке лежат вверх дном две лодки. Из машины вылезает шофер, Готов, медсестра и члены съемочной группы телевидения. Все подходят к лодкам. Слышны их голоса:

— А что, поехали под водой, дорога-то идет, окна только поплотнее прикроем и как раз!

— Давайте-ка перевернем. Нет, не эта: та побольше. В прошлом году так же один раз приехали. Перевернули с шофером, а весла какая-то падала сперла! И ведь наверняка из местных кто-то. С тех пор весла всегда с собой в машине возим.

— А эти лодки, они...

— Их никто не трогает, как раз для таких вызовов в период разлива кладутся сюда. Все знают и все равно кто-то спер. Прямо кормой спускайте, пойдет; здесь глубина сразу.

Во время переправы через Десну Готов, сидя на веслах, скажет:

— После интернатуры было второе распределение, а я опять не выбирал: куда пошлешь, туда и поеду. Когда приехал сюда... ну я не скажу, что мне сразу все понравилось. Я приехал сюда работать. Хотелось попробовать себя, свои силы...

— Сил-то у него много, — возможно прервет Глотова Ирина Захаровна, процедурная медсестра: всегда на дальних вызовах она сопровождает его, — да только не на то их, как говорится, тратит! Ему бы наукой заниматься, из лаборатории не вылезать. Это уж так усвоено у нас: если голова на плечах есть, так обязательно загубить ее надо в глуши, в такой вот... чтобы все позабыл человек...

— Мне кажется, — продолжает Готов, — что работа в селе идеальное место для самообразования: ведь сельский врач находится один на один с болезнью. Как правило, редко бывает возможность у него получить быстро необходимую консультацию. Врачу приходится много читать для того, чтобы не ошибиться.

Хочу рассказать об одном очень интересном случае, который произошел в моей практике здесь. Это, в общем-то, терапевтическая удача была. Однажды ночью меня вызвали на работу...

Холодные сени деревенской избы. В сених стоит пожилая женщина. Это Евдокия Антоновна Матвеева. Она хочет что-то сказать нам, но не может: от волнения на глазах у нее выступают слезы, а нижняя челюсть начинает трястись.

— Привезли меня в больницу, — наконец совладевает она с собой, — прихватила меня в груди лихоть...

— ... у нее развился приступ пароксизмальной тахикардии, — продолжает, сидя на веслах, Готов. — И вот на высоте приступа, тяжелейшего приступа, наступила остановка сердца. Обычно в таких случаях говорят: реанимации не подлежит. Женщину уже положили. Она посинела, ну женщина уже была мертва...

— А потом, Владимир Александрович, все силы, которые у него были... меня спасал! И... спас... Он уж так себя отдавал! Никаноровна сказывала: и вены у меня вглубь поввалились, поушли как у мертвца, и руки мне уже сложили, а он меня даже на том свете не бросил! Любочкина говорила: и ползал, и глаза вот так делал — смотрел. Раздел. В жизни меня никто не раздел бы, а он раздел всю!

— Я перенес ее на пол, — без особых эмоций продолжает Готов, — медперсонал в это время уже отошел. Ввел внутрисердечное. Раз не попал в желудочек, второй раз, третий. Только с четвертого раза мне удалось. Только начал проводить манипуляции — появился первый вдох.

— И как же это он мне сердце запустил? — размышляет Матвеева. — Это, наверно, не легко сердце запустить. Воздуху он мне в него напустил, что ли... Если б не он — прела б уже...

В сенях на кухонном столике в пластмассовой вазе с водой стоят пластмассовые цветы. За окном свежий слитный шум дождя. Матвеева задумчиво смотрит в окно:

— У меня отец умер, а меня свалил приступ... Так и не удалось мне на могиле побывать. Ни на девять дён, ни на сороковой... Если бы Владимир Александрович раньше был, может у меня этого и не было. Он один диспансеризацию поввёл. Всех проверяет теперь заранее.

У Глотова есть целая теория взаимосвязи нравственных и профессиональных качеств врача. Имеет смысл попросить его высказать свои соображения рядом с буйным алкоголиком, из тех, что привязывают к постелям.

Сцена будет примерно следующая:

— Диспансеризация! — скажет Готов, как бы комментируя последние слова Матвеевой. — Это, быть может, сложнее, чем запуск космического корабля: мы имеем дело не с машиной, а с человеком. Вот вам случай: больной однажды принеся в стационар в бутылке с водой ветку сирени и вскоре опьянел. Никто ничего понять не может. Думали, может, лекарство какое съел. Посмотрели — нет, вроде никакого лекарства не валяется, а он пьяный. Ну, пьяный и все тут! Догадались вытащить из бутылки сирень, а там не вода, а водка! Вот как, например, убедить такого человека, что диспансеризация необходима для его здоровья, как сделать, чтобы он сам являлся на проверку? Тут, пожалуй, только одно может быть...

— Э, ты! — раздаётся голос привязанного к постели больного. — Дай сигарету! Под подушкой пачка.

— Только одно может быть: это доверие населения к врачу, — продолжает Готов. — Поэтому я считаю, что для врача, особенно для врача, работающего в сельской местности, где все знают друг друга... (Вот, например, я вчера постирал простыни и во дворе повесил, а сегодня, оказывается, уже весь поселок знает, чисто ли я стираю...). Вот, значит, для сельского врача, где все знают друг друга, должны быть два основных принципа работы...

— Дай закурить, тебе говорю! Или развя-

жи! Слышь, развяжи меня! Развяжи меня! Гад!

— Первый,— не обращает внимания на крики больного Глотов,— я бы выразил словами Крылова: что «каждый свой шаг нужно продумать так, чтобы не к чему было злословию придаться».

— Ну, слыши! Ну, ладно! Ну, по-братски. А? Ну развяжи...

— И второй. Врач должен постоянно повторять: «Я так не поступлю, потому что я врач». Если, допустим, человек другой профессии может более свободный образ жизни вести, то врач многих вещей себе не может позволить, потому что врач имеет дело с больным человеком, он прикасается к таким интимнейшим сторонам его жизни, в общем к такой глубине его души, куда с грязными руками нельзя лезть. Туда — нужно быть только чистым человеком.

— Дай закурить! Мать не видать, убью!

— Черт, неужели же ему опять кто-то сигареты принес? — Глотов наклоняется и вытаскивает из-под подушки больного пачку сигарет. Больной открывает рот, не сомневаясь, что ему туда сейчас вставят сигарету. Но Глотов не думает этого делать.

— Вот если сопрешь — убью потом! — говорит связанный и, видя, что врач кладет сигареты в карман: — А-а-а!!! Ворюга! Развяжи меня! Падла гноявая! Чтоб я хоть дотянуться бы мог до тебя! Боишься, зараза!

— Ну и вот,— продолжает свою мысль Глотов,— а то, люди идут к человеку лечиться с желанием, верят в его человеческие качества — с этого уже начинается первый этап лечения.

— Развяжите меня! Убийцы!

— И для того, чтобы (я еще раз повторюсь) эффективно лечить людей, нужно быть прежде всего глубоко порядочным человеком. Вот. Только это единственное. В общем-то, это самое главное.

С этими словами Глотов наклоняется к больному и еще крепче привязывает его к постели.

— Людоеды, людоеды, людоеды!!! — скороговоркой кричит тот.

— Владимир Александрович,— как-нибудь обратимся мы к Глотову во дворе больницы,— вас все только расхваливают, мы теперь пытаемся найти человека, который бы хоть что-нибудь мог сказать о вас отрицательное, но не можем. Может, вы сами посоветуете.

Глотов на секунду задумается и скажет:

— Заведующая гинекологическим отделением, Светлана Филипповна... попробуйте к ней сходите. И еще Алла Федоровна. Там же работает.

Если мы обратимся к ним с вопросом:

«Что вы можете нам рассказать о Глотове, мы о нем делаем фильм», то разговор будет примерно следующий:

— О Глотове? А почему именно о Глотове? У нас что, разве только один Глотов врач? — скажет Светлана Филипповна.

— Ну... сегодня снимем о Глотове, в следующий раз о другом враче.

— Ну, что я могу сказать? В общем-то, я его не знаю. Не контактен. За два года ни с кем всерьез не подружился, ни с кем всерьез не поссорился. Да нет, я лучше вообще ничего не буду говорить. Зачем? Вам, наверное, надо для фильма, чтобы я его хвалила. Могу и похвалить, конечно, мне все равно.

— Нет, нет, вы очень интересно начали!

— Непознаваемый человек. Если какая-то собирушка, положим, праздник — никогда не придет к людям по-человечески, и к себе не позовет. Только, чтобы все встречи официально были: все время организывает какие-то вечера профсоюзные. Впрочем, народ ходит на них.

— Председатель месткома — выборная должность, а он сам себя назначил и сам себя в список внес,— вступит в разговор другая женщина и добавит: — Нет, я ничего, мне все равно, это я просто сказала. Меня от съемок избавьте.

— Да, и еще: за все хватается, а до конца не доводит,— продолжает Светлана Филипповна,— а администрация и рада: прыгаешь и прыгай — только не я, только не я. Главный врач наш — мастер спорта по шахматам, так что вся эта больница ему по боку, а этот и рад, что можно показать себя. Например, анализ на сахар должен делать специалист-лаборант, а Глотов, вместо того, чтобы заставить каждого делать свою работу,— тот же анализ на сахар,— сам берет, чтобы себя показать. А правильно сделал анализ или нет — неизвестно. К другому мнению не прислушивается. Ну, у меня лично к нему претензий нет.

— Да, но однако факты говорят, что все верно он делает, независимо от другого мнения. Вот, например, старуху с того света вернул,— возразим мы Светлане Филипповне.

— Это волею случая,— вновь вступит в разговор вторая женщина.

— Да, это волею случая.

— Вот у нас был случай: тоже померла одна, ее обмыли, обрядили, в святой угол положили в гробу, а она на следующий день встала и встала. Это волею случая. Но это я просто так. Вы меня от съемок избавьте.

— Да, это волею случая, всяко в жизни бывает. Он один решает то, что нужно решать коллективно. Диктофоны пробовал. Один он ничего не сделает. Один в поле не воин. А то, что он депутат... Его избрали депутатом райсовета, он председатель комиссии по здравоохранению... В общем, между

нами говоря, карьерист! И деньги с каждой своей зарплаты в фонд мира отчисляет. Самолюбив. Вот вы снимаете о нем — он, наверно, на седьмом небе от счастья, что все знают, что о нем фильм будет.

Идут кадры, означающие, что на этом месте происходил разговор, о записи которого Глотов не подозревал: кинокамера движется по коридору больницы со скоростью человеческого шага, минует дежурный пункт медсестры, раскрыты двери и продолжает движение уже по двору. За кадром слышны посторонние шумы, звуки шагов и следующий разговор:

— У меня к вам будет вот такая просьба,— слышен голос Глотова,— никому не говорите, что фильм снимается именно обо мне, а то, знаете, получится еще фильм у вас или нет... Вы приехали и уедете, а для меня это единственный раз в жизни, когда я могу заявить с экрана о необходимости технических нововведений в больнице. У меня есть две идеи: диктофоны хочу пробить, и еще одна... А если фильм не получится, а уже все будет знать, что его делали обо мне, то и эти мои предложения будут восприниматься здесь как что-то заведомо обреченное; а и без того трудно пробить эту психологическую стену: привычку к старому — боязнь нового.

— Глотов, Глотов,— скажет сидя у себя в кабинете заместитель главного врача Константин Николаевич Заев, полный пожилой человек,— молодец, конечно, но не всегда реален! Ну, это по молодости. Приходится сдерживать. Недавно он проводил эксперимент — обход больных с диктофоном и потом медсестру заставил помогать ему отпечатывать, переписывать с диктофона. Она аж заплакала! Пришла ко мне и говорит: сделайте что-нибудь, ради бога, чтоб он только отстал от меня со своими диктофонами. И так работы полно! Так что это не только мое мнение. Он часто требует невозможного...

— Он старуху оживил,— возразим мы Заеву,— все тоже считали, что это невозможно!

— А, тетю Дашу! Это он — да! Тут слов нет! Это я его зауважал! Просто блестяще! По правде говоря, никто из наших врачей не смог бы! Вот пример: на днях умер один больной. И трою наших давай его реанимировать. Реанимировали, реанимировали. Я прихожу, говорю: «Что вы с ним столько времени делаете?» «Да, вроде он еще как живой», отвечают. А тут проверить — элементарно. Самый верный способ — зажечь спичку и поднести к телу. Если есть хоть маломальские сердечные сокращения, обязательно волдырь будет, а если мертвый — кожа сморщится и все. Я зажег, кожа раз — и сморщилась. Говор-р-рю: «Ну р-р-р-обя, ну

вы даете! Полтор-р-р-ра часа тр-р-руп оживаете!!!» Гы-гы-гы-гы!!!

Кинокамера отдаляется и видно, что Заев говорит со второго, повешенного на штатив экрана. Рядом с переносным кинопроектором сидит Глотов и внимательно смотрит, что делается на экране.

— Слов нет,— продолжает Заев,— конечно, молодец, парень! И сделал за эти два года очень много. Фотолабораторию на профсоюзные деньги соорудил, внедрил систему «Волна» — теперь ЭКГ и биотоки передаем по телефону в Брянск; стадион реконструирует... Но у него есть бзик! Выдумал диктофоны и еще хочет электронно-вычислительный агрегат установить! Мы не можем проблему с дворником решить. С дворником! Понимаете! У нас нет ставки для дворника, а он со своими фантазиями безумными!

Стоп-кадр. Заев застывает. С выпученными глазами и широко раскинутыми руками он сам чем-то похож на безумного.

Глотов подходит к экрану. Его спокойный вид необыкновенно контрастирует с изображением Заева.

— Вы хотели,— скажем мы Глотову,— заявить с экрана о двух своих идеях. Может быть, сейчас как раз самый момент?

— Это не безумные фантазии,— скажет Глотов.— Пусть это парадоксально, но я считаю, что по оснащению сельские больницы должны даже в некоторой степени опережать городские. Необязательно, чтобы у нас была такая современная аппаратура, как компьютерный томограф, допустим, а такая обыкновенная аппаратура, скажем, как диктофонный центр, чтобы высвободить время врачу для самообразования и специальных занятий. Кое-какие шаги мы начинаем предпринимать в этом направлении. Но самая моя сокровенная мечта — это внедрить в работу нашей больницы электронно-вычислительную машину, которая бы на себя взяла функции регистратора, картотеки, архива. Я думаю, что уже сейчас такой вопрос ставить вполне реально.

Где-то в одной книге я прочитал, кажется, это в новых главах «Кибернетики» Норберта Винера, что в будущем нас ожидает очень много необычного. И для того, чтобы мы шли в ногу со временем, это будущее уже сейчас нужно подготавливать.

В этот момент камера отдаляется: мы видим Глотова и Заева. Оказывается, выступление Заева происходило на третьем экране, Глотова — на втором и весь монтаж врачи смотрели вместе — уже на настоящем, первом экране.

По поводу увиденного между ними разгорится ярыстный спор. Глотов будет убеждать, что только техническое оснащение больницы может высвободить время врачу для специальных занятий. Заев же начнет

говорить, что все это верно, но в перспективе. Вначале же нужно решить хотя бы проблему с дворником, ибо на носу зима и не таскать же носилки с больными по сугробам.

Шум их спора продолжает звучать за кадром, в котором видим, как все под тем же, почти неощутимым осенним дождем, стоит больница. Кругом ни души.

Вдруг шум спора обрывается: перед нами та же больница, но уже зимой. День пасмурный, без ветра. Двор больницы завален снегом (проблема с дворником явно еще не решена). Между сугробов извивается тоненькая тропка.

Из дверей больницы выходит Гловтов и направляется к небольшому домику барачного типа.

Вслед ему смотрит уже знакомый нам сторож:

— Сейчас он схватит свою музыку и помчится к своим женщинам. Во! Даже не пообедал!

Гловтов уже вышел из дома, в руках у него переносной проигрыватель и два динамика.

Панорама комнаты Гловтова: баян, ноты, книжная полка, окно — за окном метель.

Гловтов сидит за столом и что-то пишет. За кадром слышится голос Гловтова:

— Традиция существует у русской интеллигенции: самые лучшие ее представители всегда стремились поехать в сельскую местность, в народ...

Уютная комната Гловтова, обогреваемая огнем в печке, сменяется суровыми кадрами зимних сельских пейзажей.

— Я бы хотел,— продолжает голос Гловтова,— быть похожим на тех людей, которые несмотря ни на что, ни на трудности, которые их ожидали в селе, поехали работать именно в село, помогать людям. Тем людям, которые наиболее в настоящее время нуждаются в медицинской помощи.

За окном пурга. В печи полыхает пламя.

И вдруг ослепительно сверкающий на солнце снег, по которому бегут чьи-то босые ноги. Это Гловтов в одних трусах и майке совершает утреннюю пробежку.

На термометре 20° ниже нуля, тем не менее Гловтов подбегает к проруби и прыгает в нее! Закутанные в тулупы прохожие с моста наблюдают за врачом. Гловтов выныривает, выбирается из проруби на лед и начинает растираться полотенцем.

Ослеп медведь

Мы в обычной городской квартире. В окно бьют сквозь верхушки деревьев косые лучи холодного солнца, чувствуется осеннее утро. Если расположиться в низком синем кресле у балконной двери, то можно не спеша разглядеть незатейливую обстановку комнаты, проникнуться атмосферой дома.

Из кухни доносятся голоса, звон посуды, жужжание кофемолки. Семья там завтракает, в гостиную никто не заглядывает, и мы чувствуем себя совсем по-домашнему без навязчивой опеки хозяев: захотим — и пойдем в кухню, сядем к столу со всеми, а можем и здесь сидеть в кресле. Однако, не посмотреть ли нам на хозяев? Идем на голоса, всего несколько шагов, в квартире все рядом, как у всех советских граждан; и вот мы в кухне. Молодая семья за столом: папа, мама и сын. А кто же это еще за столом, восседает на скамье к нам спиной в черной меховой шубе, в ушанке с оттопыренными ушами и с белой салфеткой вокруг шеи? Неужели собака? Так и есть: здоровенный ньюфаундленд! На нас ноль внимания, весь в миске с остатками пельменей и каши, доедает, долизывает, облизывается.

Хозяйка наливает кофе. На вид ей лет 30. Она весьма привлекательна, даже шрам на

носу нисколько не портит ее внешность. Сын, Игорек, каждый раз старается незаметно перекинуть собаке еду из своей тарелки. Отец, как правило, замечает это и пользуется случаем проявить недовольство:

— Не хватает еще пары пантер и бегемота за столом!

На что жена обычно отвечает:

— Для тебя — кого угодно!

Вдруг мы видим, что ее слова чудесным образом сбываются: в кухне, где семья сейчас завтракала, в комнате, где мы только что были, бегают, возятся какие-то животные. Вот из кастрюли вылезает, облизываясь, весь в каше, зверек. Да это же пантеренок! А вот и другой цепляется за штору и прыгает вниз. В комнате собака лежит, в том самом низком кресле, а к ней ягуарята пятнистые припали, кормятся. У окна влево-вправо, влево-вправо пума метется, поводком к батарее привязана... Хозяйка выглядит моложе и нет шрама на носу, кормит из соски пантеренка. Тот устроился у нее на ноге и тыркается к бутылочке с молоком. Игорек берет ранец, а из него свешивается хвост небольшого питона. Питон вылезает из ранца и обвивает второклассника, тот не обращает на него внимания и что-то ищет в ранце.

Эти кадры были сняты Брянским и Ростовским телевидением в разное время в 1983—1985 годах.

И вновь перед нами прежняя комната, пустое кресло, из кухни доносятся те же голоса. Животных нет. Только черная пантера на цирковой афише напоминает о них. В углу афиши читаем размашистую надпись: «Дорогой Ирине Фурман, спасшей мою Багиру. Марица Запашня». Тут же на стене другой плакат: изображен знаменитый и уже молодой дрессировщик Иван Рубан в обнимку с бурым медведем. Его надпись переключается с предыдущей: «Наш Потап совсем выздоровел. Спасибо Ирине — славному доктору».

— Ирина Максовна, что делать?

— Ирина Максовна, посоветуйте...

— Вы Ирина Максовна? — окружают Ирину с утра люди с животными, когда она подходит к проходной Брянского цирка. Ирина тут же начинает смотреть животных, давать рекомендации, но, впрочем, о ее работе с городом подробно расскажем потом, а сейчас пройдем вместе с ней в ее кабинет на первом этаже.

Стол, стулья, подоконник, шкаф и даже раковина — все завалено здесь пачками писем. Заметив среди них несколько больничных листов, мы спросим у Ирины: откуда они здесь?

— Уже бухгалтерия не принимает, — отмахнется она. — Говорят, ты все равно выходишь — оставляй у себя, чтобы у нас меньше бумаг было.

Переложив со стола на подоконник несколько пачек писем и присмотримся к многочисленным фотографиям под стеклом. По ним можно догадаться, что имеем дело с уникальным врачом: на одной видим, как Ирина оперирует удаву опухоль на голове, на другой она уже стоматолог — дергает льву зуб, на следующей — акушерка: принимает роды у пони. А вот она же в фойе цирка делает полостную операцию белому медведю.

В кабинете Ирина первым делом достанет из холодильника какие-то таблетки и закатает их в хлебные мякиши.

— Пойду зверей угощу, — улыбаясь, сообщит она нам. Конечно же, мы последуем за ней.

— Ну? Что ты на меня смотришь, как на врага? — Ирина уже сидит на корточках перед клеткой с тигром, — фыр-фыр. Давай поговорим. Фыр-фыр!

— Фыр-фыр, — отвечает ей тигр.

— Фыр-фыр, — говорит Ирина. — Ну, не злись. Вот я резко встала и ты уже сердиться.

— Что делать?! — Останавливается Ирина у клетки с пантерой, — мучается зверь!

С животным действительно что-то происходит: пантера то падает на спину, то болезненно урча начинает кататься в опилках, то вдруг бросается на решетку и, бессильно свесив наружу передние лапы, трется грудью о железные прутья.

— Лойдочка! Давай почешемся. Иди сюда, моя рожица. Ну потерпи, ну что поделаешь, если у нас для тебя сейчас нет такого же хорошего мальчишка! Она гуляет, — пояснит нам Ирина, дав пантере лекарство, и с грустью добавит:

— Это бромкамфора, я ей дала то, на чем психов в больницах держат. Не положено это животным, а я не могу видеть, как они мучаются! Не знаю, может мне и не надо было быть ветврачом!

— О моих операциях пишут не потому, что я уж такой врач хороший, а потому, что я стала рисковать, — будет убеждать нас Ирина по дороге в обезьянник.

Небольшие клетки — ящики с обезьянами, поставленные один на другой, тянутся вдоль стены до самого окна. Обезьяны, как заключенные, протягивают из-за решеток к Ирине руки. Она дает им спрятанные в хлеб витамины.

— Никто не брался за это дело раньше, — продолжает в этот момент Ирина, — денег это не дает, а ответственность огромная. Один раз у меня умерли два леопардика, лечение не помогло. Так два месяца решался вопрос, кому платить 10 800 рублей. Хотели с меня взять. Звери так и дохли потихонечку. Лечить их не брались всерьез. А я не могла видеть, как они дохнут. Раз вылечила, два вылечила — и очутилась в газетах.

Ирина подходит к клеткам вплотную и сидящая в верхнем ящике обезьяна начинает сосредоточенно перебирать ей волосы — делает вид, что выискивает в голове насекомых.

— Но лечение — все это полумеры. Вы поймите, я стараюсь добиться, чтобы зверей держали на солнце, чтобы просторнее клетки были, нужно устранить от дрессуры садистов. Вот недавно в симферопольском цирке бегемота загубили. Об этом статья была «Реквием по бегемоту». Не читали? На зверей смотрят потребительски: любым путем поскорее номер поставить! Это выгодно Госцирку, это выгодно укротителю. Идут на все. Никакой жалости...

— Ты всех жалеешь и хочешь своей добротой найти оправдание, — все для тебя хорошие, — всегда у себя в костюмерной за едой выговаривает Ирине Анна Павловна — бойкая, вся в рыжих веснушках старушка, — вот и получаешь от этих «хороших» сюрпризы. Не положила лошадь тогда, операцию

собиралась ей делать, а все потому, что жалелась. Себя бы хоть раз пожалела.

— Если б я положила ее, все швы разошлись бы, когда она вставать бы начала.

— Вот она тебя и поблагодарила! Вон, шрам-то на носу!

(Нижеследующий диалог до некоторой степени условен. Если разговор пойдет о другом, то о происшествии с лошадью нужно будет поговорить с Ириной и Анной Павловой специально и порознь, а потом монтажными стыками выстроить их реплики примерно в такой же последовательности, как в этом разговоре.)

— Ну,— отвечает Ирина,— если уж мне суждено было схлопотать по физиономии, то лучше копытом! Все-таки лошадь, красивое животное. Беззащитное.

— Месяц с сильнейшим сотрясением мозга лежала. Это не ты ее пожалела, это тебя лошадь пожалела. В следующий раз она тебе вообще голову оторвет!

— Но как я летела! Хорошо, акробаты рядом были. Они привыкли ловить — спассировали, а то бы неизвестно, где я очутилась. Копыто с глубокою тарелку! Они все орут, а я их успокаиваю! Привезли в челюстно-лицевую. Там хирург. Я говорю: «Я вас знаю», «А я вас не узнаю», «Это вы меня такую не узнаете, я к вам приезжала консультироваться со сломанной челюстью у собаки». Привезли домой уже ночью. Тошнит. Говорю мужу: «Только ты свет не включай». А он включил: швы с носа свисают, вся в зеленке. Ну, концерт был! Жаль цветное фото не сделали!

— Это твой муж еще всего не знает. В следующий раз я тебя не пушу сюда ночевать, пусть дома твои синяки видят! — грозит Анна Павловна.

— Жалко только, что дала увести себя. Все-таки можно было попытаться прооперировать.

— Что? С оторванным носом?

— Ну и что, кровь-то я остановила. Тут дело не только в лошади. Парня-вольтижировщика было жалко. Без лошади он никому не нужен.

А вы знаете, как эти артисты благодарят ее? Нет, вы послушайте! Я хочу вам специально сказать! — восклицает Анна Павловна, обернувшись к нам. — Уже потом, когда она дома лежала, среди ночи подняли, повезли опять какую-то лошадь лечить. Мог бы Ермолаев и другого врача позвать! Ничего, не смертельно! А обратно отвезти и не подумал! А ее шатало! И денег у нее не было! А если б она упала ночью по дороге с сотрясением! А у нее ребенок! Господи, мы тут все так возмущались... И что он ответил? «Будет знать, как под лошадь лезть!» За что их жалеть, мерзавцев? Себя бы хоть раз пожалела!

— Многие только о себе думают,— скажет нам Ирина, перебирая у себя в кабинете письма,— а страдают от этого все невинные люди. Вот послушайте, что пишет старушка. Без слез читать невозможно. Сифатрина Анна Александровна. Уже несколько лет шлет письма.

Ирина вытаскивает из конверта исписанные корявым почерком тетрадные листки:

— Прочитала на шестой странице статью Стефашина «Операция «Удав»,— начнет читать Ирина письмо.— Так что этому посланию не удивляйтесь,— продолжает уже слабый, уставший от жизни старческий голос,— оно написано от полноты чувств, благодарности за ваше святое дело — помощь и спасение меньших братьев наших...

Посреди манежа в специальной клетке-фиксаторе зажат уже усыпленный тигр — идут приготовления к операции. Дрессировщик страшно нервничает, то и дело что-то спрашивает у Ирины. Ирина же, наоборот, внешне спокойна и собранна. Вот она протирает проспиртованной ватой покрытые шрамами руки и приступает к операции. (Анестезиолог, операционная медсестра... Об этом Ирина даже и не мечтает. Всем участникам съемочной группы на время операции придется переквалифицироваться: кто-то будет вдевать нитку в иголку и подавать Ирине, кто-то будет промокать тампоном кровь в ране, а в самый критический момент, когда хирург одновременно будет орудовать скальпелем и с фендоскопом в ушах следить за биением сердца, даже режиссер, наверное, забудет о съемках и бросится придерживать очередной зажим.)

— Волею слепых обстоятельств,— не переставая, звучит голос старушки,— волею злой судьбы, в результате падения, перелома ноги и неправильного хирургического вмешательства,— Гиппократу не пожалуешься, увы,— нарушили нерв и пошло, пошло. Там лечили, тут недолечили, да вдобавок, если человек робкого десятка, да одинок, да карман тощий...

Голос Сифатриной обрывается.

— У нас в стране хирурги — на девяносто пять процентов мужчины,— говорит Ирина,— и правильно, не женское это дело... (Кто-то из служащих отворачивается в сторону, не может видеть, как режут животное.) — Если хирург начнет погубить с каждым больным,— какой же это хирург. Человек грубеет, начинает более жестко смотреть...

— И в результате этого пришлось сесть на казенные харчи,— продолжает голос Сифатриной.— Надвигается осень. Замуровывается и наш интернат. (Мы видим, как несколько человек заклеивают к зиме окно, за

которым по карнизу разгуливают голуби.) — *Я даже уже не смогу кормить птиц, которые так ко мне привыкли, что просят есть и берут еду из рук у меня.* (Мы отдаляемся и видим, что находимся в одном из цирковых помещений. Служащие заклеивают окна. Вдоль стен — клетки с хищниками.) — *Только бы разум не потерять — тогда все. Комната, телефон, пианино, Чайковский, Шопен — все было как во сне, все пришлось сдать, и путешевия — Крым, Кавказ, Литва, Подмоскowie — все как мираж; только больно сжимается сердце от воспоминаний.* (Мы приближаемся к одной из клеток. За решеткой пантера жадно смотрит на птиц за окном.)

...Пустые коридоры цирка. Мощные, обитые железом двери, все на замках, на засовах. Кажется, здесь нет и не может быть звуков. Но нет, отовсюду ползут шорохи, что-то побрякивает, где-то вздыхают... Кто-то заперт тут за этими дверьми и словно покинут навсегда.

— *Я покинута! Живу в интернате, вдали от шумной московской суеты. Уже скоро шесть лет, как я не хожу. Возраст приличный, но голова еще работает, так что вы вполне можете поверить моим высказываниям. Восемьдесят четыре года будет сего месяца...*

Голос старушки постепенно заглушается какими-то жуткими утробными криками и рычанием. Гардеробщицы в фойе затыкают уши. А дальше видим: укротитель в момент репетиции заставляет медведя плясать, ударяя его железным прутом то по одной, то по другой лапе. Медведь отдергивает лапы и протряно воет.

«Александр Ш.», — слышим мы за кадром объявление ведущего программы, смех и гром аплодисментов. Бывает так, что за непослушание Ш. охаживает своих медведей ломом (подловить его за этим занятием скрытой камерой труда не составит), часто лупит по голове палкой или, просунув стальной шест сквозь решетку клетки, бьет тупым концом внутрь. Чтобы удары сыпались не только на голову, медведь в таких случаях стоит на задних лапах, прижавшись спиной к задней стенке и не смеет издать ни единого звука.

— *Человек — это звучит гордо, — слышится вновь слабый старческий голос, — а здесь сестры милосердия, последователи Гиппократы, а где у них человечность, доброта? «Не вреди» — это, кажется, завет о всех немощных, больных, убогих. Завет, идущий со времен Авиценны, доброго врача-атея, дубоного мудрого человека...*

...Трибуны цирка. Дети умирают от хохота, видя, как медведь пляшет на задних лапах под звуки гармошки, а в этот момент мы слышим разговор между Ириной и директо-

ром цирка Николаем Федоровичем Моргуновым. Из разговора станет очевидным, что медведь ослеп от бесконечных ударов по голове и его остается только отправить на бойню. К сожалению, это очень типично, причем не только для аттракциона Ш. Ирина в таких случаях всегда настаивает на лечении.

— Нам не выгодно иметь больных животных, тем более сейчас, когда переходим на хозрасчет! — убеждает ее Николай Федорович. Мы уже находимся у него в кабине. — Свою балансовую стоимость они давно уже съели! Они убыточны! Ты превратила цирк в лечебный стационар! А это организация, которая должна приносить доход!

— Рассуждаете, как робот! — жестко отвечает ему ветврач. — Сами, кажется, чуть не пострадали от равнодушия!

Всегда в таких случаях Ирина напоминает Николаю Федоровичу о случившемся с ним инсульте и о том, как врачи «скорой помощи» отказывались везти его в больницу:

— У вас инсульт, а они приехали и видом из окна восторгаются. Они тоже хорошо рассчитали! В больницу класть вас не выгодно: вдруг умрет большой! Пусть сам лечит дома свою балансовую стоимость! Я тогда настояла на больнице. И медведя буду лечить! Акта на списание вы не дождетесь, пока не будут использованы все возможности!

— Все! Все! Все! — прервет ее в какой-то момент Николай Федорович. — Не мешайте работать! Идите к своим зверям!

Его голос приглушается и вновь мы слышим Сифатрину:

— *Дорогая Ирина Максовна, не обижайтесь на это письмо. С очень юных лет любила животных, особенно тех, кто нуждался в помощи, и эта любовь держалась до старости: всегда я кого-либо лечила, вызаживала, чем вызывала насмешки со стороны друзей...*

...Ирина за кулисами у клетки с ослепшим медведем. Она вводит ему наркоз, затем начинает тщательно осматривать глаза. Со стороны арены доносятся крики клоунов, гром оркестра и смех зрителей.

— Нет, ничего тут не получится, — возможно, скажет нам Ирина, — это атрофия глазного нерва. Все, что я делаю — как мертвому припарки. Так что, боюсь, — дело идет к бойне. Столько лет работал, принесил людям радость и даже не заслужил себе пенсии...

Слепой медведь... Он любит лежать на спине, подняв кверху мощные мохнатые лапы с длинными черными когтями.

— *Стаж работы — шестьдесят лет, — слышим мы вновь старческий голос, — плюс донор, двадцать четыре литра крови отдала, так что я не даром казенные харчи ем. Вот именно — харчи (чем и как кормят — мол-*

чок). Пенсия сдана в интернат, получаю на булавки десять процентов — шесть рублей пятьдесят копеек. Чем не жизнь!

Ш. любит давать интервью. Послушаем, что он скажет нам или, быть может, группе школьников. С первых же слов укротителя мы узнаем, что, оказывается, его задача — воспитывать в детях доброту, что от общения с животными человек становится добрее. Увидев, какие звери умные и понятливые на арене, дети уже не смогут кинуть камнем в кошку и т. п.

— Известно, — будет говорить Ш., — что дрессировщики пользуются самыми гуманными методами воспитания зверей. Удивительно, от этого и сами звери становятся гуманнее, человечнее...

Слабый голос старухи почти неощутим, кажется, он уже выбился из сил:

— Дорогая Ирина Максевна, ваш ответ — как луч света в моем «темном царстве», царстве бессердечия, обмана, пустых и злых обещаний...

Служащие цирка уже во дворе бойни выгружают из грузовика клетку со слепым зверем. Прижившиеся здесь псы окружают медведя, злобно кидаются на решетку.

— Я одинока, родных нет никого, но с этой любовью к меньшим братьям нашим я и уйду из мира сего, злого и беспощадного, эгоистичного и лживого.

Давайте попытаемся раскрыть обман. Подойдем после циркового представления хотя бы вон к тому молодому человеку с девушкой:

— Вам понравилось выступление Ш. со зверями?

— Да, очень! — наверняка будет восторженный ответ.

— А как вы относитесь к тому, что Ш. истязает животных?

— Отрицательно! — скажет с некоторым напряжением молодой человек.

— Что вы собираетесь предпринять? — задает основной вопрос.

— Ничего! — бравируя, ответит молодой человек, а девушка, засмеявшись, даст понять, что ее спутник шутит и что всегда надо шутить.

А вот другой молодой человек, но уже у проходной цирка. Он привез в такси умирающую собаку. Ирина на заднем сидении со шприцем в руках пытается нащупать у нее вену на лапе.

— Враждуют с соседями, — поясняет она нам, — каменный век. С той разницей только, что сейчас знают, чем травить...

Даже при легком холоде пальцы теряют нужную чувствительность. Хозяин собаки дышит Ирине на руки, растирает их; и вновь

она внимательно, вся сосредоточившись на каком-то участке кожи под шерстью, пытается прощупать вену, и вновь пальцы замерзают, и хозяин согревает их...

— Вы знаете, что Ш. истязает животных? — вновь обратимся мы к вышедшим из цирка женщине с ребенком. — От ударов ослеп медведь и его отправили на бойню.

— Только не при ребенке об этом, — наверняка скажет она нам.

— Мальчишка какой-то облил бензином и поджег, — скажет Ирина у себя в операционной, обмазывая мазью обожженную кошку, — парочка таких кошечек в день — и жизнь может показаться страшным сном.

(Кошек Ирине, как правило, приносят одинокие пожилые люди. Некоторые из них плачут.)

— Вы знаете, что Ш. истязает животных, чтобы поставить побыстрее номер? — вновь зададим тот же вопрос немолодому человеку с внуком. Человек ничего не отвечает, молча смотрит прямо на нас, что-то обдумывая, потом глаза его сужаются в хитропрозорливой улыбке и он изрекает:

— Провоцируете?

— Под троллейбус хозяин бросил, — Ирина накладывает шину собаке на сломанную лапу, — не хотел брать на новую квартиру. Водитель троллейбуса, чтобы не задавить, тормознул так, что несколько пассажиров поранились. Хозяина отвели в милицию, а что там могут сделать? Подержали, да и выпустили...

Отравленные, покалеченные животные и полная безнаказанность виновных при этом, бездейственная реакция посетителей цирка на наш вопрос, письмо старухи из интерната... Наверное, есть тут какая-то взаимосвязь, что-то общее... Может быть, если бы кто-то отнесся иначе, то одной отравленной собакой или кошкой было бы меньше? Может быть, сострадание было подавлено невозможностью проявить его, действовать? Может быть, как раз из страха перед действием и развилось равнодушие?

Ирина у себя в кабинете пишет ответ на чье-то письмо. Среди пачек писем замечает газету с ее фотографией: в операционной она ласково пожимает лапу большой собаке.

— Почему столько пишут? — скажет Ирина. — Люди подумали, что человек, который любит животных, может понять их боль, значит постороннему высказаться легче, значит близких душевных нет никого рядом. Чем мы хуже к животным, тем и нам хуже.

Ведь чем общество гуманнее относится к животным, тем выше его культура. В Японии, например, за убийство собаки три года дают. Собака или кошка занимают в семье место чего-то недостающего. Человеку свойственно отдавать, а когда некому — берут животное. В чем-то эти люди несчастны: нет либо мужа, либо ребенка или любимой работы. И вот специально для таких мы организовали общество «Фауна». У меня там как раз сегодня с пяти прием. Хотите со мной?

— При том, что самое интересное, многие приходят туда просто так, даже, кто не имеет животных, — с увлечением будет нам говорить Ирина по дороге в ДК, где находится «штаб» «Фауны», — с кем-то стесняются поделиться, поговорить, а там находят таких же, как сами!

Наверное, все в Брянске, кто имеет собаку или кошку, знакомы с Ириной.

— Здравсте...

— Здравствуйте, Ирина Максевна, — будут приветствовать ее прохожие.

— Выздоровливает...

— ...спасибо за лекарство.

— Эту таксу я лечила, а вон сердечница идет, — то и дело восклицает Ирина, указывая нам на различных собак. — А однажды у меня был доберман-симулянт! Здоровенный пес. Симулировал паралич и хозяйка целый месяц таскала его на себе на пятый этаж. Три раза в день!

Ирина сперва узнает собаку и только потом уже ее хозяина.

Вдруг нас оглушит лай, мяуканье и щебет, наверное, целой сотни птиц: небольшое помещение «Фауны» сейчас все забито людьми. Мы не сразу среди них увидим Ирину. Она делает прививки собакам, выписывает рецепты, дает какие-то советы. Дети и взрослые несут к ней подобранных больных кошек, голубей с поломанными крыльями, галок.

— Дома требуют, чтобы я бросила «Фауну», — скажет Ирина. — За все приходится

платить. Если любишь работу, нельзя полностью отдавать себя дому...

Ирина у клеток с птицами. Сейчас она со всех сторон буквально облеплена детьми — очевидно, объясняет им, чем нужно кормить птиц.

— В детстве я хотела работать в детском доме, — слышим мы в этот момент голос Ирины, — я всегда у себя видела много-много детей. И больше всего я заплатила тем, что даже единственного сына передоверила бабушке, я его почти не вижу.

Ирина считает, что, когда ребенок маленький, главное — уход. И тут основную роль может играть и бабушка, но когда подрастает, важно, чтобы он на кого-то равнялся, чтобы видел, как живут родители, а если он видит только стирку, готовку — какой это пример?

Мы увидим десятилетнего Игоря тут же, в «Фауне». Нетрудно заметить, что он очень горд за свою мать, ему приятно, что к ней столько людей обращаются за помощью.

Вернется Ирина домой совсем поздно, скорее всего покусанная в «Фауне» какой-нибудь собакой (без этого редко обходится).

— Опять четвероногий друг, — всегда бесстрастно констатирует Яков, муж Ирины.

Впрочем, вечера в этой семье проходят, как и у всех: смотрят телевизор, читают газеты, готовят ужин. Если у Игорька все уроки сделаны, Ирина, возможно, сядет играть с ним в шахматы. Однако редкий вечер кончается спокойно. Обязательно вдруг раздастся звонок в дверь. Ньюфаундленд никак не реагирует — он уже привык к посетителям.

— Что вам? — слышится из передней недовольный бас Якова и чей-то взволнованный голос:

— Ирину Максевну, пожалуйста, она здесь живет? Пожалуйста! С моей собакой что-то случилось! У меня кроме нее никого нет!..

1987—1988 гг.

**Александр
БИЗЯК**

**Олег
РОДИОНОВ**

НИ К СЕЛУ, НИ К ГОРОДУ

Все, что сейчас откроется нашему взору, будет узнаваемым и близким сердцу: и бесконечное пространство лесов, и напитанные влагой и свежестью луговины, и причудливые изгибы скромной речушки, теряющейся в осоке и ивняке, и особая предутренняя тишина, еще не разбуженная птицами и солнцем... И в то же время во всей этой осязаемой реальности поселится неосознанная до конца неправдоподобность, иллюзорность... Перед нами откроется затерянный мир, загадочный и непонятный.

Судите сами: из вязкого тяжелого тумана, сложащегося по земле, вдруг выныривает невесть откуда взявшаяся змейка узкоколейки. Она появляется внезапно, как мираж, и так же внезапно исчезает. То ли в тумане, то ли в высокой траве, то ли вообще в реальности этой жизни. Но нет, вон за тем березнячком она материализуется вновь, но, просуществовав всего несколько метров, снова пропадает.

Что за узкоколейка? Зачем она? Откуда и

куда ведет? Иллюзия? Примета забытой жизни? Да нет...

Послышался сиплый надрывный гудок, и вот из тумана выполз махонький тепловозик. К нему прицеплен такой же пассажирский вагончик — допотопный, потрепанный временем. Медленно, будто наощупь, гремя сцепкой и переваливаясь с боку на бок, этот поездок упрямо пробивается вперед, сквозь туман, сквозь лес, через болотца и овражины. И так до первой и единственной на его пути стрелки. Здесь он остановится, сцепщик спрыгнет с подножки на траву, провалившись по самую грудь, потянет на себя рычаг. Здесь же, и шагу ступить не надо, грибы на ядреных ножках, заросли малинника рядом. Сцепщик, направляясь к стрелке, всегда прихватит корзинку — и грибов наберет и букет зверобоя нарвет. Потом подойдет к ближайшему столбу, вытащит из кармана телефонную трубку и ткнет штекером прямо в столб, — так нам кажется со стороны. Приложит трубку к уху:

— Катя, это Крючков. Ну как там у вас? Ну и ладно. Я со стрелки говорю. Тебе грибок набрать? Подберезовики. Не хочешь? Ладно, в Ляпино погляжу. Там подосиновики давеча были. Ну пока, не скачай. Поехали мы.

И пошли-поползли дальше. И так все сорок пять минут, а то и час, и больше, пока не обозначатся в тумане расплывчатые очертания каких-то деревянных построек, прячущихся в сосняке. Все, приехали.

Останемся здесь, осмотримся. Несколько бревенчатых двухэтажных домов, по два подъезда в каждом. Старых-престарых, черных от времени, от дождей и снега, от ветров и солнца. Дома, точно памятники на могилах — безмолвные, мрачные. Многие окна залочены досками. Торчат из крыш, затянутых мхом, печные трубы, точно на пепелище. Тишина стоит такая, что крикнуть боязно. Вокруг ни души. Жутковато — от отсутствия хоть какой-нибудь приметы жизни. Брошенное поселение, каких немало нынче раскидано по русской земле? Результат жестокого разора? Последствие беды, неожиданно свалившейся на этот тихий, богом забытый уголок? Но тогда зачем приходил сюда поезд?..

Прислушайтесь, замрите, и вы все-таки услышите живой звук. Он исходит из крайнего строения. Из одного из двух «подъездов», если можно так назвать покосившуюся дверь, будто намертво вросшую в дверной проем под нависшим, разбухшим от сырости зелено-мшистым козырьком. Из-за двери слышится какая-то слабая возня, кто-то натужно борется с металлом. Скрежет, глухой удар по железяке, и дверь, наконец, чуть вздрогнула, подалась вперед и с отчаянным скрипом растворилась. На пороге показалась древняя старушка в белом платочке на седой голове, в старом ватничке-кацавейке неопределенного цвета. Несмело переступила через порог, прищурилась на божий свет, огляделась. Ржавый увесистый шкворень, служивший ей дверным запором, поставила в уголок темного затхлого тамбура, зияющего черной дырой на фоне мглистого утра. Взяла в руки детское ведерко и нетвердой походкой направилась к старенькой колонке метрах в трехстах от дома.

Туман постепенно оползает, тает, обнажая акkuratную зеленую полянку и невысокий стожок посередине. Открылся стожок и рядом с ним, на расстеленной рогожке, обозначилась еще одна живая фигура — такая же древняя старушка, как и та, что мы видели только что. Сидит себе на рогожке и то ли венки плетет, то ли букетик подбирает из росных колокольчиков и иван-чая. А рядышком — коза с задумчивыми глазами. Доверчиво ластится к старухе, выщипывая из ее рук травинку за травинкой. Старуха ласковой рукой гладит ее и тихо мурлычет какой-то незамысловатый, простенький мотив.

Из сараюшки, вросшей в землю, на краю селения, старик выводит на белый свет допотопный велосипед. Одна нога у старика живая, а вместо другой — деревянная культышка. Живой ногой он становится на педаль, а деревянную культышку лихо перебрасывает через раму. Велосипед юлит под ним, выписывает вензеля, но все-таки катит по еле приметной тропинке, туда, к лесу...

Где мы? Что за живые души, забытые богом, выползли из щелей?

— Мы тутошние, сынки,— поясняет старушка. Та самая, что боролась с запертой на ржавый шкворень дверь, а сейчас возвращается с ведрком воды.— Сорок лет как тутошние. Из разных областей посылали. Торф добывать. Торфушками прозываемся. Так и живем здесь.

Баба Нюра Селиванова ставит ведерко на приступочек возле стены. Все ее жилище — темный коридорчик и махоньякая комнатка. Облупившийся потолок угрожающе провис, весь в порыжевших сырых разводах. На стенах с полуистлевшими обоями наклеены рекламные плакаты кинофильмов с зазывными жизнерадостными названиями. В углу — иконка.

— Одна я на весь дом осталась. Страшно. Потому — как ночь, запираюсь железкой. А чего запираюсь?.. — баба Нюра сама над собой насмехается и горестно машет рукой.— И живности у меня никакой не осталось. Был кот Матвей, да и тот сбег. Я на него не серчаю. Как тут жить ему? Кот тепло любит и уют. У Дьячковой Натальи, у той хоть коза имеется, Манька. А у меня никого. Ой, да ведь вру, старая. Две крысы живут со мной. Я сначала больно боялась их. А теперь ничего, пусть живут. Привыкла. Все веселее... А раньше у нас весело было. Песни пели...

— И сейчас помните?

— А как же, помню.

— Спойте.

— Сейчас... — баба Нюра долго молчит и вдруг, прижав уголок косынки к глазам, начинает плакать.

Живут в этом поселении человек шестьдесят, а если точнее — пятьдесят семь. Семнадцать мужчин и сорок женщин. В основном пенсионеры. Хотя есть и четверо работающих. Но эти приехали сюда, «на торф», лет пять-семь назад. Раньше торфяные поля были совсем близко, сразу за околицей. А теперь далеко. Туда транспортом возят.

— Я сама воронежской считаюсь. Да когда это было?! Сюда девчонкой приехала, шестнадцати не было. В тысяча девятьсот сорок седьмом году. Отец помер, мать померла. Старший брат на фронте погиб, средний брат — тоже. Одна осталась. С двенадцати лет скотину пасла. Сюда подалась, на торф... — рассказывает смуглая, точно цыган-

ка, Екатерина Петровна Кострова. — Здесь и замуж вышла за Вячеслава Алексеевича. Шестеро детей нарожала. Все их пупки здесь. Только свой в Воронеже оставила. Все — девочки. Был мальчик, погиб. В четырнадцать лет дровами придавило — поленница на него обрушилась... — Екатерина Петровна, когда вспоминает сына, плачет. Сидит, широко расставив крепкие загорелые ноги. Руки, такие же загорелые, крепкие, в подоле держит. Рядом с ней Вячеслав Алексеевич кажется еще тщедушнее — маленького росточка, сухонький, узкоплечий. «Беломорины» смолит одну за другой. Они сидят рядышком, на койке, застеленной пикейным одеялом. Екатерина Петровна рассказывает, а Вячеслав Алексеевич слушает, смотрит на жену добрыми голубыми глазами, со всем соглашается, не перебивает. Только папироски меняет. Сидят они в маленьком рубленом домике, который покоится на широченных полозьях, — чтобы можно было этот домик перевезти куда хочешь, где сердцу любо. Хошь — возле самого леса поставь, на опушке, хошь — на бережку небольшого пруда, который здесь же, неподалеку. Домик этот срубил сам Вячеслав Алексеевич. Невмоготу жить в бараке — тягостно, не по-людски. А тут сам себе хозяин. А что им еще надо? Газовая плитка с баллончиком, лампа «летучая мышь», кровать да стол. Да еще корову держат. Одну на все поселение. Всех молоком поят. Вот и «путешествуют» с одной поляны на другую. Дед да баба, да корова Зорька, да еще бычок Миша с белой отметиной на лбу.

— Тогда, сразу после войны, сюда на торф много народу подалось, — рассказывает Екатерина Петровна. — Торф тогда стратегическим сырьем считался — топливо для тепловых электростанций. Приехали сюда рязанские, тамбовские, воронежские, ярославские. Разные все были, только в одном единились — молодые все. До тысячи душ приехало. Это с мая до ноября. Потом те, которые сезонные, уезжали, а человек двести оставалось. Так и пустили здесь корни. Обжились, отстроились...

У каждого в заветном месте хранятся старые фотокарточки. Нехитрые это, конечно, «архивы», и не богатые. Не до фотографирования было тогда, да и кому снимать? А все же по две-три, а то и с десяток «фоток» у каждого наберется. Пожелтевшие, наивные снимки тех послевоенных лет. Простые русские лица, неказистые одежды. Снимались на память: на фоне барака, отстроенной бани, на лавочке в палисаднике, рядом с любимой лошадью, буренкой. Детишек снимали...

Екатерина Петровна будет вспоминать те годы, а мы переберем эти старые архивы, перелистаем ветхие альбомы с виньетками.

— Работали зверски, не доведи господь.

А что поделаешь, надо было. Время было такое. Сперва построили в лесу общий барак, столовую, а посередке поляны столб врыли и повесили на него, на самую макушку, горшок-громкоговоритель. Вот с этого горшка окаянного все и начиналось: в два часа ночи как заведут на полную громкость: «Как надумал старый дед второй раз жениться, думал эдак, думал так, понял — не годится». Значит, все — вставать пора, подъем. Уходили на торфяные поля ночью и возвращались ночью. Канавы на торфу рыли картовые и валовые. Торф он легкий, как пух, когда просохнет. А так, в земле, тяжелый. Всю жизнь под тачанкой* и провела. Лопата да тачанка, вот и вся техника. Натаскаешься с этой тачкой, сил уже никаких, а тащить надо. Бросишь ее, плюхнешься плашмя в канаву, в самую жижу, и давай причитать: «Мама, мама! Зачем я сюда приехала?!» А рядом с тобой такая же девчонка тоже в рев. А там и третья заголосила...

По восемнадцать часов в резиновых бахилах, в воде по пояс. А все равно молодые были. Наломаетесь на работе, а потом дробить: та-ра-ра, та-ра-ра... Под гармошку. Без песни с работы не возвращались.

В те времена у них было так заведено: какая бригада впереди, в ту и посылали гармониста. Вроде премии за ударную работу. Гармониста держали специально, на штатной должности, деньги за это платили.

Выберем среди пенсионеров-мужиков гармониста тех лет. Пусть расскажет. Гармони и сейчас в укромных местах хранятся. И у Простакова Николая Ефимовича, и у Черникова Василия Степановича, и у Храпова Ильи. Вот, например, Простаков Николай. Его тут Лемешевым прозвали. Он, правда, на инвалидности давно, но нрав веселый сберег. Отчаянный мужик, заводной. Если его раскофегарить, и баб соберет вокруг себя, и меха у гармони растянет, и частушки той поры вспомнит. А тут только начать. Частушки посыплются, как из сита мука. У каждой на памяти не один десяток, мы проверяли. Рекордсменкой оказалась Мария Жукова — татарочка, как ее здесь зовут.

На болоте я была,
Всего нагляделася.
У торфушки на макушке
Колесо вертелось...

Мы к конторе подходили
И ногами топали —
Отпустите нас домой,
Сезон отработали...

Проводи меня до дома,
Неужель тебе не лень,

*/Так здесь называли тачки для перевозки торфа.

Я скажу, тебе запишут
На торфушке полный день...

Ну и, конечно, про любовь споят:

Ты, подружка дорогая,
Запевай, какую хошь,
Про любовь только не надо,
Мое сердце не тревожь...

Ну-ка, Маша, выходи,
За тобою выйду я,
Все равно любви нет
Ни у тебя, ни у меня...

Борис Илларионович Порошай, ныне тоже пенсионер, в те годы был комендантом торфяного участка. Признается, что выпивал тогда, грешник. Это о нем пели частушку:

Комендант, комендант,
Лохматая шапка,
Кто поллитру поднесет,
Тому и лошадка...

Пока удалось собрать пенсионеров всех вместе, еще раз внимательно приглядимся к каждому. Старые, изломанные тяжелой жизнью люди. Многие — калеки, результат непосильного труда на торфе. Почти все — многодетные. Характерная деталь: каждый из них, когда рассказывает о детях, непременно подчеркнет: у меня дети хорошие, все в люди вышли. У тех же Простаковых — четверо. И все сыновья. Все в городах живут. У Порошаев трое, все девочки. Тоже в городах. У Костровой Екатерины шестеро. Все в городах.

— Я когда на работу уходила, оставить их не на кого. Закрою на ключ. А жили на втором этаже. Так они отворят окошко, веревку спустят и по ней гуськом вниз. Прибегу домой, затемно уже, всех пересчитаю: один, два, три, четыре... Слава тебе, господи, все на месте, все целы...

Дети у них у всех хорошие. У бабы Нюры Селивановой — сын, живет в городе. А она здесь, с двумя крысами. Но к нему ни за что не переберется.

— Четверая я у них («четверая» — значит «лишняя»). Говорят, через меня все раздоры у них в семье. И опять же — тесно, их самих пятеро. Да еще я — довесок, четверая... А сын все равно у меня хороший. Заботливый. Давеча приезжал, все смертное мне привез, и все в аккурат. Чтоб было во что обрядить, как помру. Ты у меня, говорит, не хуже других. Хороший он у меня...

Большой торф в этих краях начался в двадцатых годах. Помните — Шатура-торф? Первая ГРЭС на торфе. Торф — стратегическое сырье. Торф — ударный фронт. Даешь торф молодой Республике!

В семидесяти километрах от Москвы построили первую в России ГРЭС на торфе,

которая дала столице ток в тридцать киловольт. Построили ее еще в 1914 году. Основатель ее и первый директор — Роберт Иванович Классон, инженер-электрик, соратник В. И. Ленина по первым марксистским кружкам в Петербурге. Это на его квартире, где собирался тайный марксистский кружок, Владимир Ильич Ленин впервые встретил Надежду Константиновну Крупскую.

В 1926 году поселок Электрпередача переименовали в Электрогорск.

ГРЭС и сам городок стоят на берегу небольшого озера Госьбуж. Сохранились здесь улочки того времени, сохранился просторный с замысловатой башенкой на крыше деревянный дом Классона, в котором подолгу жил его друг Кржижановский. Еще живы люди, начинавшие вместе с ними — Софронов, Розенталь, Климов, Никитин. Живет в Москве и 80-летний сын Классона — Иван Робертович Классон...

По музею истории ГРЭС и торфоразработки нас ведет его хранитель Иван Антонович Ловин.

Торфяные поля занимали огромные территории Московской, Владимирской, Ярославской областей. Добывали сотни миллионов тонн. Торф на топливо шел в Шатуру, Каширу, Орехово-Зуево, в сам Электрогорск. История торфодобычи — это составная и неотъемлемая часть ГОЭЛРО. В годы Великой Отечественной войны — это памятный всем трудовой фронт, стратегическое сырье...

Богатая коллекция старых фотографий. Подшивки многотиражной газеты «Торфодобытчик» военных лет... Были и свои рекордсмены, и свои стахановцы, орденосцы, герои труда. Строгое было время, но звонкое. Считайте, до полутора тысяч человек приезжали на сезонные работы в каждый поселок — и в Перютино, и в Ляпино, и в Мележи... И везде был свой клуб, и поляна для танцев, и стадион. Рождались дети, пускали на этой Владимирской земле крепкие корни бывшие тамбовцы, рязанцы, воронежцы, пермяки. В каждом поселке свои школы рубили, детские сады и ясли...

Приезжали люди на сезон, на два, а оставались на всю жизнь. Владимирщина стала им той малой Родиной, на которой собирались жить всегда...

Странное это зрелище... Ходишь по заросшим бурьяном, омертвевшим, полусгнившим осколкам бывлой жизни и не покидает ощущение, что попал на руины какой-то забытой цивилизации...

Длинный деревянный дом с колоннами — времен тридцатых-сороковых годов, кирпичные тумбы с остатками цементной облицовки по обеим сторонам вросшего в землю крыльца.

Просторное деревянное строение с выцветшей надписью «Клуб». Внутри — две сцены, одна напротив другой. Что за причуда? А ведь, наверное, для чего-то было нужно, была какая-то необходимость в подобной планировке...

Зеленое поле с сочной травой. О том, что здесь был стадион, можно догадываться по единственным покосившимся футбольным воротам...

Заросший, одичавший фруктовый сад, в котором крапива выше корявеньких полуссохших деревьев...

Это Мележи. Одно из трех поселений, о которых мы рассказываем в фильме.

Длинный деревянный дом с колоннами — бывшая школа-четырёхлетка.

На крыльце соседнего дома сидит пожилая женщина и перебирает старые фотографии. Анна Михайловна Пименова. Она приехала сюда, когда ей было двадцать четыре года. Она и ее муж — Андрей Селиверстович. Она была директором, а он — учителем. Вот и весь педагогический персонал. Учеников было восемьдесят одновременно, и все трудные — родители с утра до ночи на торфе.

Четыре фотографии разных лет. На этой — Анна Михайловна в первые дни ее в Мележах. Молоденькая, чем-то очень похожая на Веру Марецкую в фильме «Сельская учительница». На этой фотографии — пятью годами позже — Анна Михайловна с «выпускным» четвертым классом. На этой — Андрей Селиверстович и она после вручения им медалей «За доблестный труд». На четвертой, последней, — ее класс накануне закрытия школы.

На этих четырех фото вся ее жизнь.

Когда-то в доме с колоннами по утрам пел пионерский горн, на школьных утренниках звучала дробь барабана...

...Озверевший хрип рвущихся цепных собак. Их здесь двенадцать. На восемь жителей этого дома. Бывшую школу переоборудовали в жилой барак. Теперь в поселении его называют «собачий дом». Живут здесь «временщики», те, кому по тридцать-тридцать пять лет, кто приехал сюда перебиться, переждать обещанную в городе квартиру. Они здесь чужие. На месте школьных цветников и делянок — бурьян. Школьный сад свели под корень. А зачем он им? Они тут временные.

А постоянных, тех, кто прожил здесь по сорок-пятьдесят лет, осталось двадцать шесть. И среди них, пожалуй, только один мужик, который в состоянии держать топор в руках — что-то подлатать, что-то прибить, обтесать, починить. Его так и зовут здесь — «наш министр». Он тут за главного.

Дядя Миша ладит стойку к забору, используя ржавый обрезок рельсы бывшей уз-

коколейки, которая когда-то связывала их с городом.

— Когда-то в этом бараке гремели котелками, — говорит дядя Миша, — здесь была столовая на сто с лишним человек. Сейчас здесь не пойми что, так... строение номер восемь. Да и мы сами... Кто мы? Чьи? Живем на земле лесхоза во Владимирской области. Контора наша — в соседней области, Московской, в городе Электрогорске. Начальники повыше сидят в Орехове, в тресте. Сельсовет наш Филипповский — Киржачского района. Тут у нас девять партийцев осталось, их партком в Электрогорске, а райком — в Павлово-Посаде. Пойди разберись, чьи мы... Вот я сам инвалид. В райцентре в больницу не берут — она на Владимирской земле, а наша контора в Московской области. В Москве тоже не берут — в паспорте место жительства — Владимирщина. Куда податься? Вот и заставляют химичить: в конторе дают нам справку, что паспорт якобы находится на прописке. А в бумажке штамп Московской области. Вот так-то.

— Они все наши, — убедительно заявляет Ольга Николаевна Ронина, заместитель секретаря парткома электрогорского торфопредприятия. — Кроме нас о них никто не заботится. Мы и дома ремонтируем, и дрова завозим, и водокачка наша, и баня, и магазин тоже наш, орсовский. Двадцать лет назад, когда оскудели торфяные поля и начала сворачиваться добыча торфа, мы стали думать, как занять людей. В Мележах стали делать панцирную сетку для кроватей и заборов. Тогда один завод выбросил старые-старые станки, мы их подобрали.

Мы снова в Мележах. В бараке, где когда-то «гремели котелками», где когда-то была столовая, сейчас цех по производству провололочной сетки.

Темное помещение сеточного цеха. Восемь столов, обитых жостью. Восемь женщин в замасленных черных халатах. Вот они, те самые «станки»: змеевик, заворачивающий проволоку; мерник с обрезным устройством. Остальная часть «устройства» — руки работниц.

Вправила виток в предыдущую змейку, нажала ногой на педаль, тесак обрубил проволоку. И так все восемь часов рабочей смены.

— А сырье — дрянь. Проволока ржавая. Попробуй, завей ее. Она и ломается, руки ранит, — жалуются женщины, которых здесь называют станочницами.

— Кому нужно это наше производство?! — Дядя Миша взваливает на плечо ящик с обрезками проволоки и идет к выходу. — Нам говорили, что в Саратове на

большом заводе есть автомат, который за день нашлапает столько же, сколько мы корячим за год.

Ольга Николаевна Ронина ведет нас по второму этажу нового здания торфопредприятия.

— Это и есть наша гордость — радиоцех. Здесь мы вяжем жгуты для трехпрограммного репродуктора «Маяк».

За длинными столами склонились женщины в белых халатах. Их руки монотонно укладывают пятнадцати- двадцатисантиметровые кусочки проводов на трафарет и обвязывают черной ниточкой.

— И это еще далеко не все, — с гордостью продолжает мысль Рониной начальник Управления торфа Министерства топливной промышленности РСФСР Петр Максимович Гурко, — мы изготавливаем детали и приборы для Министерства авиационной промышленности, выполняем заказ для Министерства электротехнической промышленности, ремонт агрегатов гидравлики и многое другое. И это направление в нашей деятельности приобретает все больший размах. Возьмите, к примеру, объединение «Ореховторф» — там всего работает на предприятии тысяча сто человек: тысяча в машиностроении, а сто на торфе. Особое внимание стремимся уделить приборостроению. На предприятии «Шатураторф» сегодня изготавливают, пожалуй, почти половину телевизора.

Интересно представить себе такую ситуацию: приносите домой из магазина новый телевизор и на передней панели гордая надпись: «Изготовлено на предприятии «Шатураторф». Потому, может быть, и горят сегодня цветные телевизоры, что детали к ним собраны на предприятиях Министерства топливной промышленности.

А может ли быть иное качество?

Механический цех того же предприятия. Два прессы. Два станочника. Один сидит и, нажимая ногой на педаль, штампует деталь. У второго задача сложнее и ответственнее: ему нужно сначала подтянуть к станку двухметровый тяжеленный лист, вогнать под молот, с оглушительным грохотом пробить полосу, приподнять заготовку и перетащить на восемь сантиметров. И так — сорок раз! На один лист. А что еще ждать от этого станка, если на шильдике красуется год изготовления — «1958».

— И это самый новый, дали мне его как рационализатору. А у дяди Васи Хворостилина станок постарше — девятьсот десятого года. Хотя и это не самый старый. У нас в цеху есть два станка конца прошлого века. Был еще постарше, да его отдали — в соседнем торфопредприятии открывали новый цех машиностроительного производства. Только когда его монтировали, он почему-то разва-

лился, — рассказывает Сергей Локтев, подтягивая к станку новую полосу.

Странный мир продолжается. Иллюзорность трудовых усилий. Вымороченность производственных связей. Рельсы вместо забора, крысы вместо соседей, полтелевизора на торфе. Пневмоцилиндры, предназначенные для прокатных станов высокой точности выпускают здесь на станках, выброшенных другими по причине износа...

Почему так происходит?

— Мы вынуждены сами искать заказы для нашего производства, — разъясняет Ольга Николаевна Ронина. — Ездим по предприятиям, по городам и весям. Рыщем, где бы урвать свой кусок-заказ, обеспечить людей работой. Сейчас у нас есть заказ на пневмоцилиндры, а завтра может не быть. Что будет завтра? Будем искать. Ведь наше побочное производство не входит в систему Госплана, никем не планируется. Как говорят в таких случаях: волка ноги кормят.

Так кому все это нужно? Зачем это искусственно созданное положение?

— Да, к нам приезжали с завода Лихачева, предлагали на нашей базе создать свой цех, оснастив современным оборудованием, подняв квалификацию рабочих, увеличив заработки в несколько раз. Но мы отказались.

— Почему?!

— Сейчас мы торфопредприятие: с директором, парткомом, профкомом, всем управленческим аппаратом и всеми самостоятельными службами. А при заводе мы будем только цехом с начальником и мастером. Мы потеряем свою самостоятельность.

Министерство топливной промышленности РСФСР расположено в центре Москвы, на Садовом кольце, неподалеку от станции метро Красные ворота. Четырехэтажное здание, солидная деловая обстановка, строгая тишина министерских коридоров, обилие табличек на дверях: Главки, Управления, отделы, подотделы, группы, секторы. Помещений явно не хватает, комнаты перенаселены. В приемной начальника Главка по торфу Петра Максимовича Гурко столы так плотно пригнаны один к другому, что надо протискиваться бочком. Обитают здесь шесть женщин.

Сейчас в Москве идет дождь. Просторные окна растворены настезь. Летняя свежесть щедро вливается в комнату...

И в Перютино тоже дождь. Деревянные бараки набухли, стали еще чернее. Приземистые сараи, почти по самую крышу вросшие в землю, покорно тонут в пелене дождя.

В такую непогоду у бабы Нюры Селивановой забот полон рот. Нужно приладить старенький облупившийся тазик точно под

струйкой воды, стекающей с потолка. А тут еще обозначилось новое сырое пятно на потолке. Оно угрожающе расплзается и вот-вот проклюнется первая капля. Баба Нюра уже хорошо знает норы таких вот пятен. Сначала пятнышко появляется будто невзначай, будто цыпка на руке, будто еле заметный прыщик. Потом набирает силу, долго зреет, начинает темнеть.

Баба Нюра сидит наизготовке, точно часовой на охране объекта. Только вместо винтовки в руке у нее маленькое ведерко. Сидит и зорко следит за изменяющимся пятном. Ее не проведешь. Ведерко подставит точно в срок...

Снаружи бараки, как горчичниками, обклеены всевозможными предостерегающими табличками: «Не допускай огня», «Соблюдай технику безопасности», «Береги свое жилье» и т. д. и т. п. Бараки старые, а таблички все новенькие, свежей краски, аккуратно прибитые заботливой рукой... Баба Нюра — жилец исправный, дисциплинированный. Жилище свое бережет отчаянно, как зеницу ока.

Николай Николаевич Бутурин, начальник пожарной охраны, не без тайной гордости заявляет:

— Охрана социалистической собственности — наш первейший долг и забота. Деревянное жилье — объект особо пожароопасный. Тут всегда нужно быть начеку. И не только нам, пожарным, но и всей общественности. Потому за состоянием профилактической наглядной агитации следим с удвоенной энергией. Охраняемый нами объект — это ведь не просто социалистическое имущество, а жилье ветеранов — и войны, и труда. Здесь забота особая требуется, и мы проявляем ее.

Жилье из древесины — объект, действительно, пожароопасный. Огонь здесь — злейший враг.

— В семьдесят втором году выдалось такое жаркое лето, как в Африке, — рассказывают героини нашего фильма. — По радио сказали, что такой жары в наших местах отродясь не было, сто лет, а то и больше. Горели торфяники, дым стоял, как пар в парилке. Загорелся седьмой барак. Страшно горел. Так мы всем миром бросились. Кто с чем. Рев стоял. Все в дело пошло. Мужики наши, калеки, костылями огонь сбивали. Да и мы, бабы... Кто лез, а кто и ползком полз. Ноги то не слушаются. А все ж потушили. А зачем, спрашивается? Не потушили бы тогда, сгорело бы все к чертям, глядишь, и почесались бы начальники, жилье бы дали. А то ведь — жизни не жалели, спасали. А на кой?! Пятнадцать лет прошло. А мы так в норах и остались по сей день. Все ждем...

Николай Степанович Никонов, заместитель

начальника торфопредприятия по быту, мужик крепкий, дородный, уверенно заявляет:

— Жилье мы нашим ветеранам выделяем. Дома строим в поселке Верея и в Новом Снопке. В первую очередь, конечно, жилье тем, кто работает. Но и ветеранам тоже, — Николай Степанович листает толстую конторскую книгу. — Вот здесь списки тех, кто получил жилье.

Зачитывает фамилии новоселов, называет должности, место работы. Действительно, попадают и фамилии ветеранов. Но давайте прикинем, как говорится, с цифрами в руках. В 1987 году новое жилье из перютиных получили Васильевы в Верее и Хохлаковы в Новом Снопке. В 1986 году — одна семья, Плужниковых. В 1985 году тоже одна семья. То есть в среднем за год — один-два человека. На ближайшие годы увеличения объема строительства не ожидается. Будут те же темпы. А теперь подсчитаем: в Перютино «на баланс» торфопредприятия пятьдесят семь живых душ — сорок женщин и семнадцать мужчин. Последняя душа, по реальным подсчетам, получит жилье через 26—27 лет, то есть к 2015 году. Бабе Нюре Селивановой уже сейчас семьдесят четыре года, Наталье Дьячковой — семьдесят шесть. Бычковым Петру и Серафиме соответственно 69 и 67 лет. Самым молодым из ветеранов не меньше шестидесяти. Значит, к девяноста-ста годам жильем обзаведется каждый. Доживут ли?

Ни замдиректора Никонов, ни Максимов, председатель Верейского поселкового совета, в чьи «владения» входит Перютино, здесь почти не бывают. Люди к ним сами добираются. Да толку? Уже махнули рукой. Живут здесь, в сосновом бору, точно робинзоны на необитаемом острове, забытые всеми.

Но мы, собирая материал, все-таки привезли сюда Никонова и Максимова. Так сказать, для «очной ставки». Сцена получилась настолько бурная, что, если честно, уж и не рады были. Навалились на начальников всем миром, говорили все, что думали. Вопросы ставили ребром. Те только отбивались. Признавали правоту перютинецов, разводили руками...

Максимов, «советская власть на месте», смущенно молчал, пытался слабо оправдаться: что он может? Деньги, фонды, реальная власть — у торфопредприятия. Топливо, транспорт, торговля — тоже. «Весь мой бюджет, — говорит Константин Александрович, — сто шестидесять тысяч рублей. Этой суммы с трудом хватает на зарплату работникам немногочисленных служб поселкового совета. Все только требуют, дают, а что я могу, лишенный реальной власти? Поставить печать на справку, по каждому поводу идти с поклоном к руководству торфопредприятия? У них — все, у меня — штамп сельсоветов-

ский, да печат. Ну содержим мы шесть человек в коммунохозе — улицы подметают, огрaдки на газонах красят. Был сенокос, требовали, чтобы поднял всех. Я так и эдак. Никого не поднимешь — здесь свой хозяин, торфопредприятие. Тогда обошел я восемь депутатов поссовета, умолил. Эти отказаться все-таки не посмели. Взяли мы косы в руки и вышли утречком пораньше. Девять депутатов, с косами».

Когда мы объезжали с Максимовым поселок Верею, он попросил остановить машину. Вышли, подошли к небольшому скромному обелиску в честь погибших в Великую Отечественную войну. «Этот обелиск мы своими силами поставили». И огромный плакат, из жести, метров пятнадцать в длину: «Никто не забыт, ничто не забыто».

Сразу же от обелиска мы с Максимовым приехали в Перютино. И как-то резко ударило в самое сердце: «никто не забыт, ничто не забыто», — погибшие — да, а живые?

Никонов, впрямую отвечающий за жильё, сам родом отсюда, из Перютино. Жил когда-то вот в этом бараке № 2. Жил, когда работал механизатором, потом мастером на торфе. Затем перебрался в Верею, в кирпичный дом, в квартиру со всеми удобствами. То ли не помнит, как жилось здесь, то ли не хочет помнить. Улыбается многозначительно: «Ничего-ничего, все будете жить по-людски...» Когда, в 2015 году? Где — в Старом Селе?

— Что за Старое Село? — спрашиваем. — Почему там?

— А это недалеко, лесом три километра, — хором поясняют женщины. — Туда без всякой очереди. Два метра на каждого. Там наше кладбище. Там много таких, кто так и не дождался. Там и Жуков лежит. Ждал ордер в Верею или в Новый Снопок, а получил в Старое Село.

Печальная история с Жуковым стала здесь нарицательной, скверным анекдотом.

Помните Марию Жукову, «татарочку», ту, что лучше всех поет частушки? Так вот, был у нее муж, Жуков Иван Сергеевич. Семнадцать лет стояли на очереди на жильё. И жильё не давали, и ремонт в их барачной халупе не делали. Не дождался Жуков жилья, скончался. Прописался навечно в Старом Селе. А через полгода пришла к Никонову на прием все та же баба Нюра Селиванова. Села на порожек кабинета и плачет: «Нас трое в квартире — я, да две крысы. Ты мне одной-то помоги. Хоть потолок залатай, более ничего не спрашиваю». «Будет тебе, баба Нюра, квартира со всеми удобствами, — в который раз успокаивает ее Никонов, — возвращайся к себе, родимая, все тебе будет...»

— Как Жукову? — вырвалось в отчаянии у бабы Нюры.

— Как Жукову, не хуже, — подтвердил Никонов.

— Вот все жду теперича, когда час мой пробьет, когда меня, как Жукова, в Старое Село снесут. Когда же, Николай Степанович ордерок-то выпишешь?

Никонова здесь, в Перютино не любят. И не потому, что характером не вышел, или за какие другие личные качества. Не любят потому, что в нем сосредоточилась та конкретная власть, проку от которой чуть.

В своем кабинете Николай Степанович Никонов будет обстоятельно перечислять те многочисленные меры, которые они принимают, чтобы оказать помощь ветеранам, попавшим в беду. Именно в беду, иначе не скажешь.

— Обеспечиваем дровами. Каждого ветерана. Ведь отопление-то в двухэтажных бараках печное, — говорит Николай Степанович и при этом звонко шелкает костяшкой на конторских счетах, которые лежат у него на столе.

Мы видели эту подвозку «дров». Колесный трактор с прицепом тяжело вкатывает в расположение барачков. Прицеп с верхом загружен корягами. Это корневища деревьев, которые выкорчевывают с торфяных полей.

— Ну что, бабка, где сваливать велишь? — весело спросит тракторист, высунувшись из кабины.

Бабка Нюра ли, Наталья Сорокина или какая другая из одиноких пенсионерок прикроет в растерянности роток свой беззубый сухонькой ладошкой при виде этой горы коряг, да и засеменит впереди трактора к своей сараюшке, показывая дорогу. Так она и будет бежать впереди урчащей машины, а коряжистая гора будет неотступно преследовать ее, пока, задохнувшись от быстрого бега, не добежит бабка до своего сарая.

Тракторист лихо рванет рычаг, тележка запрокинется на бок, сваливая в кучу огромные, вековые корни:

— Бывай, бабка, грейся у печурки!

«Грейся у печурки, бабка!» Стоит она перед этой кучей, и не то чтобы притронуться, глядеть на нее боится. Как одолеть ее, окаянную, когда руки сами, точно коряги выходящие, не гнутся, не слушаются. Нанять левака, так ведь такую цену заломит — двух пенсий не хватит.

Всплакнет перед началом работы бабка Нюра, Клавдия ли, Таисия ли, матернется для разгона, да и примется за дрова. Вот тогда-то и начинается самое страшное зрелище.

Сначала коряги перетаскать в сарай надо. А корневища огромные, бывают в рост самой бабки. Потом достанет бабка топор и долго ходит кругами, прилаживаясь. Тюкнет топором по дереву, а он отскакивает. В нем,

в этом корне столетнем, такая сила скопилось, что тверже и звонче железа он.

Напляшется бабка за день вокруг одного корневища, налушит с грехом пополам охачку щепок, да и то ладно, и то слава богу. А старушек наших, если помните, в Перютино сорок человек. И сараюшки все рядом стоят. Представляете это зрелище одно-временной работы-маяты возле каждого саяра?!

— На торфе молодыми рядом друг с дружкой под тачанками маялись, и теперича коллективность блюдем,— невесело шутят бывшие ударницы, краснокосяночницы.— Вместе, заодно — оно веселее, работа спорится.

Потом, с началом холодов и осенней непогоды, станут они затаскивать охапки наколотых «дров» к себе на второй этаж. Ступенечка за ступенечкой, с передышками, осторожноенько, чтобы не зареметь невзначай вместе с этими корнями вниз по крутым прогнившим ступенькам. Тогда, не дай бог, не только корней, костей не соберешь.

У четы Черниковых три комнаты. Им повезло — они на первом этаже живут. Застали мы их, хоть и в летний месяц, а в непогоду. Уже с неделю дул порывистый северный ветер, замуравав небо от краешка низкими иссиня-черными тучами. Холодьюга была зверская.

Старики Черниковы топили печь. На Александре Яковлевиче была теплая душегрейка-безрукавка и валеночки, подбитые кожей. Александр Матвеевну согрелав теплый пуховый платок, на ногах бурки.

Александр Яковлевич сел поближе к печке, на колени поставил картонную коробку из-под печенья «Праздничное» и не спеша перебирает содержимое: пожелтевшие грамоты за ударный труд с портретами Сталина, орденские книжечки, позвякивает орденами и медалями на порыжевших полосатых колодках. Чего больше в коробке — боевых наград или трудовых — он не знает, не подсчитывал. А отыскивает он сейчас совсем другую бумажку, вот эту. На ней удостоверяется, что поставлены они на очередь на жилье, так как дом их признан аварийным. И год проставлен: 1970-й.

Нам Александр Яковлевич все больше про сегодняшнее житье рассказывает. На зиму две комнаты запирают, обитают в одной, — разве три печи натопишь? Картошку держат у самой печки, на полу на кухне — не то мерзнет. Вода утром в ведре ледком затягивается. Но ненадолго. Как печку растопишь, лед сразу тает. Вот с электричеством, правда, беда — часто света нет. То столб повалится, то трансформатор перегорит. Но больше всего внутренняя проводка мучает — тридцать пять лет не ремонти-

ровали. И еще какое неудобство — это насчет удобств. Яма выгребная прямо под окном. Один заезжий человек все шутил: у вас, говорит, квартира с видом на выгребную яму. Яму эту отродясь не чистили. Как-то зимой решил Александр Яковлевич в ней лед сколоть. А в ту пору у них на зимних каникулах внучок гостил. Увидел деда, да как закричит: «Ура! У нас подледный лов будет! Дед решил рыбу ловить!» С того времени Александра Яковлевича «рыбаком» прозвали.

Александра Матвеевна, та все про былое вспоминает:

— Всю войну трактористкой провела — в авиационной части, при бомбардировщиках. Супруг от Москвы до Берлина дотопал. А нашлись после войны здесь, на болоте. Два сапога пара, да оба на левую ногу. Я тамбовская, он — воронежский. Всего и имели-то: одну шинель на двоих, две пары кирзовых сапог и пятеро детей. Я так трактористкой и отработала всю жизнь на торфе, до самой пенсии. А сам все строил. Бараки эти. Жизнь налаживал. Мужики наши все плечи стерли под бревнами...

Монотонно тенькают срывающиеся капли на подокольник, ровный шелест дождя, и тишина. Тишину ли слушает Александр Яковлевич, или слышит совсем другое? Лихие переборы баяна, доносящиеся то из одного, то из другого барака... Песню из репродуктора над поселком «Как задумал старый дед второй раз жениться»... Перестук топоров, скрежет лебедок на строительстве новых домов для торфодобытчиков? Или слышится ему голос Левитана, сообщающего на всю страну о рекордах на торфяных полях в Орехове, Шатуре, на Владимирщине?..

Мы выходим из барака на дождь. Тишина, убогая картина давно отшумевшей, отзвеневшей жизни...

Наша машина со съемочной группой покидает селение.

Людей, оказавшихся забытыми на этом островке еще кое-как теплящегося жилья. Людей, когда-то ушедших из крестьянства, чтобы стать рабочими на торфе. Они отработали свое. И остались на земле чужими — без земли, без садов, без огородов, без покоя.

— Любим землю, ведь мы выросли в деревне. Привыкли к этой земле за сорок-пятьдесят лет. А нам сегодня и лопату поставить некуда. Земля-то леспромхозовская, — с горечью жалуется Александра Михайловна Гончарова, жительница Ляпино.

Удивительные картинки можно увидеть в этих местах: каждую весну и осень местные «саdisty», — как называют в райкоме и исполкоме горожан, возделывающих бросовые земли и неудобья, — делятся с жителями торфоучастков саженцами, рассадой, семенами.

Да не просто привозят из города, а учат. Учат сажать, ухаживать за растениями. Открывают секреты, которые были хорошо известны отцам и дедам поселенцев. Учат людей, так и не ставших ни горожанами, ни сельскими жителями. Так, ни к селу, ни к городу...

Наша машина все дальше и дальше отдалается от барачков. Записаны рассказы людей, остались на пленке десятки документальных свидетельств и наблюдений. Люди раскрылись нам, поверили в нас, как в последнюю возможность что-то изменить, исправить, с нами появилась последняя надежда на восстановление социальной справедливости. И поэтому понятно, что, когда будем уезжать, проводить нас выйдут все. Все пятьдесят семь в Перютино, все семьдесят восемь в Мележах, все двадцать восемь в Ляпино... А может, как ни печально, к моменту съемок гораздо меньше. Кто-то не дотянет, не доживет до съемок. И придется нам тогда снимать еще одну сцену — самую печальную — похороны. Последний путь в Старое Село, на вечный покой. Но оставшиеся будут ждать. Будут очень ждать. О них должны вспомнить, их должны отыскать в этих затерянных в лесах поселениях.

Первый секретарь Киржачского райкома партии Ю. Я. Шевцов:

— Мележи? Ляпино? Да, что-то слышал. Есть такие поселки. Нет, сам я там не был, не видел. Человек я здесь новый — всего полтора года (!). Нужно будет съездить, посмотреть.

Председатель Киржачского исполкома В. В. Рязанов:

— Мележи? Ляпино? В Генеральном плане развития района эти поселения не значатся. Они не наши. На нашей земле, но не наши.

Е. Н. Строчков, первый секретарь Павлово-Посадского райкома партии:

— Мележи? Ляпино? Не слышал. Да ведь они на Владимирской земле, спросите в Киржачском районе.

Петр Максимович Гурко, начальник Главка торфа Министерства топливной промышленности РСФСР:

— Добычу торфа и в Мележах, и в Ляпино, и в Перютино свертываем. По нашим подсчетам Ляпино осталось жить семь-восемь лет, Мележам — десять-пятнадцать, Перютино — пять. Какой же смысл вкладывать туда средства? Да и вообще, я ведь рассказывал уже — наш курс — на развитие побочных производств: машиностроение, приборостроение. Торф для топлива почти сведен к нулю. Да и вообще, что вы прицепились к Мележам, Перютино, Ляпино? Это ведь вчерашний день. Перспективы никакой. Дialeктика. Что-то рождается, а что-то отми-

рает. Конечно, мы должны предусматривать такие ситуации, характерные для нас, не доводить до трагической точки...

Мы абсолютно согласны с Петром Максимовичем Гурко — положение, действительно, складывается трагикомическое. 900 миллионов тонн добывается в Союзе торфа и лишь 16 из них, то есть всего пять процентов (!) идет для нужд топливной промышленности. Остальные 95 процентов идут для Агропрома, Главнечерноземводстроя, Агрохима, колхозов и совхозов, т. е. для сельского хозяйства, для выполнения Продовольственной программы. Так стоит ли ради пяти процентов топливного торфа держать целое министерство с огромным управленческим аппаратом, семнадцатую производственными объединениями (в свою очередь тоже с далеко немалым административным аппаратом) и 192 торфопредприятийми, администрация каждого из которых повторяет министерство в миниатюре? Ради пяти процентов!

Теперь становится понятным, что имела в виду Ольга Николаевна Ронина, когда говорила о необходимости сохранения «самостоятельности».

Может быть, пора назвать все своими именами? Ради пресловутого престижа называться самостоятельным министерством, ради узких ведомственных интересов в конечном счете страдают люди — те, кто работает на побочном производстве (а это 90 % от вала производственной продукции Минтоплива): низкие заработки, низкое качество продукции, довоенная технология, а самое страшное — никаких перспектив. Сама ложная структура побочного производства не имеет под собой базы для развития. Уровень квалификации работников этого кустарного производства таков, что перейди сегодня люди на современный завод, они не смогут работать даже при нынешней, уже часто устаревшей технологии. Что же говорить об их участии в научно-технической революции?!

Вот он — итог искусственно созданной ситуации для сохранения ложно понятой самостоятельности.

Это — «забота» о работающих. А что происходит с ветеранами, мы уже видели в Перютино, Ляпино, Мележах. По подсчетам того же Гурко таких брошенных на произвол судьбы поселков порядка трехсот по РСФСР. Это около пятидесяти тысяч живых душ. Пока еще живых.

Наш фильм должен стать набатом в защиту не только тех, кто на торфе. Такая же судьба и у тех, кто живет в поселках при угольных шахтах, железнорудных коях и других рудниках по разработке ископаемых, где сворачиваются производство и добыча.

Торфяник. Идет подготовка торфяного поля. Мощный экскаватор подцепляет тросами очередной неохватный пенёк и с неимоверной силой выворачивает его из земли. Над землей зависает вековое корневище. Под ним — развороченная воронка.

Стрела экскаватора опускает корневище в кузов «КрАЗа». Одно корневище, второе, третье. Вот их уже целая гора. Машина увозит их. Задирается кузов, и корни летят в отвал.

Корни, вывороченные из родной земли. Когда-то шумело листвою могучее дерево. Но вот спилили его, вывернули корень.

Что, только зияющая воронка и останется на этой земле?..

1987 г.

НЕОБХОДИМОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

В этих краях мы не были год. И не потому, что не удосужились выбрать время, или круговерть повседневных дел отодвинула на задний план боль и тревогу за людей, о которых мы рассказали в сценарии.

Если откровенно, приехать мешало чувство вины перед этими людьми. Судите сами: то приезжали к ним чуть ли не ежедневно, знакомились, присматривались, расспрашивали, бередили душевные раны, вместе радовались и вместе возмущались. Они доверились нам, открыли самое сокровенное, ничего не утаили. Они поверили, что социальная справедливость все-таки восторжествует, что еще не все потеряно, что еще есть надежда. Они начали ждать фильм. Фильм, который мы обещали, в который искренне верили и делали все возможное, для его осуществления. Не просто фильм сам по себе, а фильм — исповедь, фильм — напоминание, фильм — СОС.

Прошел год, а к фильму так и не приступили. Как объяснить этим людям — почему? Как растолковать им наши кинопрямодности — когда сценарий обсужден и

принят к постановке на Свердловской киностудии в июле 1987 года, а снимать не торопят и даже не обещают.

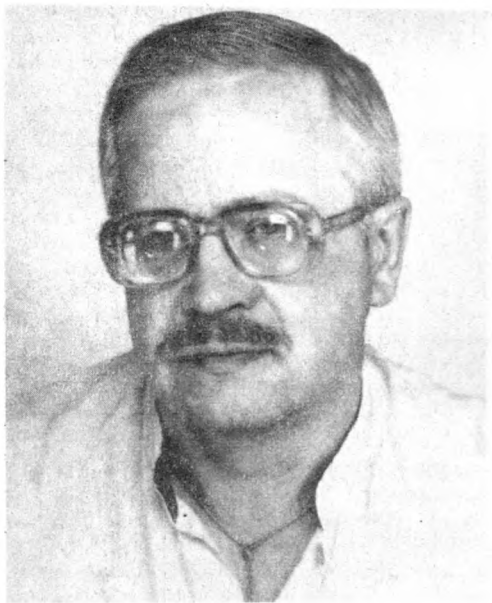
— Ждите,— говорят невразумительно...

Мы-то ждем, а вот Вячеслав Алексеевич Костров,— тот самый, что сладил дом на полозьях,— не дождался, умер. И дом его сгорел... И механизатор на торфе Дегтев, так и не дождавшись обещанного, вышел уже на пенсию. И директора Верейского торфопредприятия Малинина сняли с должности за развал работы. И баба Нюра уже дышит на ладан. И Мария Жукова совсем сломалась — смотрит на нас укоризненным взглядом, полным обиды и холода.

— Что же вы? — говорят нам люди в Перютино, в Ляпино, в Мележах...— Вы-то наведались,— и нету вас вовсе. А мы тут, мхом зарастаем по самые макушки. Езжайте,— говорят,— в свою столицу, откуда приехали. Нету вам веры...

Вот так-то, родимые...

Июль 1988 г.

Анатолий
УСОВ

КОМДИВ ЖУКОВ. Халхин-Гол. 1939 год

(Историческая хроника)

I. ИНЦИДЕНТ

Хроника 1939 года.
Массовые шествия, манифестации, военные парады в ведущих столицах агрессивного мира. Берлин. Рим. Токио. Военная техника 1939 года. Огромное количество военных людей 1939 года. Нарастание военного психоза 1939 года — военная истерия, опасность военной угрозы миру...

Бесчинства японских агрессоров на территории Китая. Подожженные деревни. Закопанные по голову люди. Головы разбиваются выстрелами из винтовок. Китайцы стоят на коленях, руки связаны за спиной. Самурайские мечи срубают их головы — кто лучше с одного лихого удара.

Панорама мирного Халхин-Гола. Неширокая, 130 метров, с быстрым течением река. Непуганые стаи гусей. Заболоченная, гудящая от комаров пойма реки. Густой кустарник по берегам. Высокие нетоптанные ногой травы. Косули. Сайгаки. Непуганые стада дзеранов. Чистое ярко-синее небо.

Печальная японская мелодия за кадром. Печальный голос японского солдата, погибшего на Халхин-Голе. Он читает письмо, написанное им через три месяца, в разгар августовских сражений.

Голос за кадром. Читается по-японски, синхронный перевод на русский:

«АРТИЛЛЕРИЯ ПРОТИВНИКА НЕ ПРЕКРАЩАЕТ ОБСТРЕЛА НАШИХ ПОЗИЦИЙ. САМОЛЕТЫ НЕПРЕРЫВНО БОМБЯТ И ОБСТРЕЛИВАЮТ НАС. ИХ ТАНКИ НАВОДЯТ УЖАС. ОТ ИХ ОГНЯ РАЗБИТО ИМУЩЕСТВО, А У ЛЮДЕЙ РАЗДРОБЛЕНЫ ЗУБЫ И РАЗОРВАНЫ ЖИВОТЫ. НАШЕ ПОЛОЖЕНИЕ БЕЗНАДЕЖНО... ТУЧИ ОБВОЛОКЛИ ГОРИЗОНТ... СПАСЕНИЕ ВИДИМ ТОЛЬКО ОТ БОГА... ЗАЧЕМ МЫ ПРИШЛИ СЮДА?..»

Голос звучит грустно и жалобно. Его заглушает лихая солдатская песня.

Катят грузовики с солдатами из далекой отсюда Японии.

Граница между Монгольской Народной республикой и Маньчжоу-Го. Границы в прямом понимании нет. Каменный невысокий столбик.

Одна машина останавливается у него. Солдаты смеются.

— Это у них граница.

— Дикари.

Солдаты мочатся на столбик.

Машины идут по долине реки Халхин-Гол. Останавливаются. Одна. Другая. В разных местах. Солдаты выпрыгивают из машин. Идет топографическая съемка местности.

Навстречу машине с японцами мчится верховой пограничный наряд МНР.

— Эй! Эй! Сюда нельзя! Тут Монго-

ля! — предупреждающе кричит старший наряда. — Монгольская Народная республика.

В ответ дружный ружейный огонь. Наряд сбит с лошадей. Один пограничник жив. Откатившись в неглубокий манхан, устанавливает сошки «Дегтярева», открывает прицельный пулеметный огонь. Имя пограничника Жамсурэн.

Японцы прыгают с грузовика, перебежками окружают манхан. Начинается бой.

Кажется, из последних сил бежит запряженный в кочевую монгольскую повозку верблюд. Старуха испуганно вжала голову в плечи. Старик колотит верблюда палкой. Зареванный семилетний мальчик скачет рядом на лошади.

За ними, не спеша, катит грузовик с японскими солдатами. Солдаты смеются, показывают на верблюда, на испуганную монгольскую семью.

Верблюд направо — машина направо, верблюд налево — машина налево, и так — туда-сюда — неспешно, с осознанием силы.

И вот уже солдаты потрошат эту повозку, растаскивают имущество. Ничего, правда, интересного нет — жалкий скарб. Издеваются, смеются над этим.

А вот, пожалуй, и интересное — в глубине повозки прячется девушка лет 15-ти, и до чего хороша! Старик полеза защищать — прикладом в зубы. Старухе — в живот, до смерти не разогнется.

Скачет на лошади зареванный мальчик, ведет за собой пограничный наряд. Пограничников всего двое. И эти двое вступают в бой с этими двадцатью.

...7-ая пограничная застава МНР. Тревога. — Застава в ружье! Седлать коней!

И только пограничники начинают выполнять приказ, налетают японские самолеты. Бомбардировка заставы...

Многоголосье эфира. Писк морзянки. Текст:

«Москва. Ковалеву. Совершенно секретно. Через дежурных НКВД. Ленту изъять. Маньчжурское агентство «Домэй» сообщает о нападении монгольских пограничников и регулярных частей на маньчжурскую территорию, о расправе над мирными жителями. В Маньчжурии разжигается антисоветская и антимонгольская истерия. Император Пу И призывает народ к походу».

Тот, кто был известен как Ковалев, комбриг НКВД, идет по коридорам наркомата внутренних дел, заходит в кабинет наркома.

Интервью Сталина корреспонденту американской газеты. Присутствуют — Молотов, переводчик, фотограф.

Корреспондент. Мировая печать наполнена фактами агрессии и вандализма монгольских пограничников и регулярных частей. Они постоянно нарушают границы независимого государства Маньчжоу-Го, насилюют женщин, убивают детей, угоняют стада, отравляют воду.

Сталин молчит.

Корреспондент. Прогрессивная общественность возмущена и требует обуздать агрессора.

Сталин несуетливо молчит. Корреспондент молчит тоже, начиная ощущать неловкость от этого молчания.

Сталин. Макиавелли сказал: клеветите... клеветите больше, и в чем-то вам скоро поверят... Это хитрый, бесчестный ход... Дружелюбный монгольский народ никогда не был агрессором. Русский народ не оставляет друга в беде... Разговорами о мире миру помочь трудно. Советские войска, расквартированные в Монголии в соответствии с Договором о дружбе и взаимной помощи, выполнят свой интернациональный долг... и помогут обуздать истинного агрессора... Пусть только тогда агрессор пеняет на самого себя...

Сталин посмотрел на Молотова. Молотов встал и объявил:

— Интервью окончено.

Сталин встал. Фотограф сфотографировал его и корреспондента.

Ундэр-Хан, или, как его называли тогда из-за того, что жильем служили землянки, «Копай-город». Здесь на зимних квартирах стоит 11-я танковая бригада.

Военный быт 1939 года.

Грозная боевая техника 30-х годов. Проверяют на чистоту танковые стволы, дряют банником. Меняют трак на гусеницах. Перебирают двигатель. Ревет, трогаясь и останавливаясь, проверяя ходовую часть, танк БТ-7.

Подъехала машина с овцами. Монгольские братья привезли стадо на пищу. Красноармейцы остолбенели, увидев за рулем стройную, большеглазую, очень красивую девушку-монголку...

Ленинская комната саперной роты. Здесь сейчас трое: командир роты — ясноглазый, с белым кудрявым чубом молодой старший лейтенант Еремин; сорокалетний политрук, недавно призванный из запаса, орденоседец Рокотов; представитель Особого отдела капитан НКВД Лацис.

— ...Прежде всего, я обязан сделать серьезное замечание — почему у вас не составлен список компрометирующих дел и высказываний? — очень сухо и очень четко говорит Лацис. — ...С оправданиями потом.

Пишите: «В случае выступления части на передовые позиции не могут быть допущены... Во избежание ненужных разговоров все это произвести в обстановке полной секретности и неразглашения тайны...»

Еремин согласно кивнул.

— Вы пишете, раз сами ничего не составили,— это, в первую очередь, обязанность политрука,— строго указал Лацис Рокотову.— «Хващевский Александр Дмитриевич, родился — 1918-й, призвался — 1938-й. Отец — по национальности — не знает кто. Дядя в 1930 году раскулачен и выслан... Красавцев — красноармеец первого взвода. Всем недоволен. Симулирует. Говорит, что болен. Получая обед, заявляет: «В этих щах виден штаб японской армии. Таковую бурду я бы у себя дома и нюхать не стал». 4-го числа 5-го месяца допустил высказывание в бане: «А у нас так: в собаку плюнешь, в командира попадешь». Предлагается отчислить из РККА по морально-политическим соображениям...» Самый безобразный случай — красноармеец Клочков Иван Ильич, девятнадцать лет. Этим я займусь лично. Пошлите кого-нибудь разыскать его... Но тихо, без привлечения внимания...

По улице Ундэр-Хана идет высокий — метр девяносто — красноармеец, большерукий, с плечами, которые обещают стать шире, с обыкновенным, пока почти мальчишеским русским лицом. Это Ваня Клочков. С ним — товарищи-сослуживцы: один ему по плечо, другой до уха — Славик Кубышкин и Коля Белогуров. Их послали привести в порядок после сезона дождей магазинчик военторга. И тут они увидели стройную, большеглазую и очень красивую монголку-шофера.

Кубышкин подкатил сразу поближе и заговорил быстрой рязанской скороговоркой:

— Как же вы такими большими глазами смотрите на яркое монгольское солнце? Разрешите представиться — саперы. Это почти что младшие командиры. Посмотрите на Ваню, у нас все такие. Одной рукой он поднимает корову. Это Коля Белогуров. Я...

— Эй вы, «младшие командиры»! — позвал от магазинчика начальник военторга интендант III ранга.— Вас, случайно, не ко мне прислали?

Под его руководством они принялись за работу — вычерпывали воду, по колено залившую магазин за сезон дождей. Таскали по два ведра, поглядывали на красавицу монголку.

Все это время за кадром звучит голос Лациса:

— «...До армии работал помощником тракториста в МТС — подтверждается. Поломок не было, ударник: типичная маскировка. Доброволец. Подал заявление в бронетанковую

школу, скрыв свое преступное прошлое, и был ошибочно принят. Однако проверкой и в частных беседах было выявлено и справкой прокурора Славногогорского района подтверждено: отец Клочкова — Илья Кириллович, бывший член партии с 1912 года, арестован в 1938 году как активный участник право-троцкистской организации...»

Ленинская комната саперной роты. Лацис продолжает зачитывать Еремину:

— «...Брат — Степан Ильич, 1913-го года, студент техникума, арестован в 1930 году органами НКВД; брат Дмитрий рождения 18-го года, ранее работавший учителем, в ноябре 1938 года снят с работы, скрывается. Мать... где-то прячется, не исключено, с младшим сыном. Клочков не пишет матери, видимо, чтобы не выдавать адрес...»

— Вот это рыбка,— голос Еремина.

— «...На вопрос, как объясняет все это, провокационно ответил: «В НКВД тоже есть враги». Был отчислен из РККА. Однако неизвестно, с помощью чьих грязных рук был переведен в стройбат и заслан в МНР в условия особо важной спецкомандировки, где, видимо, продолжает вести свою враждебную пропаганду... Дядя Клочкова по матери — Токмаков — полковник-белогвардеец, активный пособник генерала Семенова, один из лидеров фашистского белоэмигрантского движения в Маньчжурии...»

— Oго! — голос Еремина.— Вот и причина, почему он пролез сюда.

— «...Казанцев...»

Ваня Клочков, обхватив длинными руками вскрытый бочонок с известью, несет его от склада к магазинчику военторга.

— Солдат!.. Эй, сапер! — окликнул его майор НКВД.— Иди-ка сюда.

Подошел.

— Следуй за мной.

Они зашли за склад.

— Поставь бочонок... Клочков?

— Клочков.

— Иван Ильич?.. Документы!

Майор тщательно просмотрел бумажку, пристально взглянул:

— Узнаешь дядю?

— Нет.

— А отца узнаешь? — Майор показал фотографию 1910-го года, на которой отец Вани — вылитый Ваня сегодня — в тужурке студента-путейца стоял рядом с подпоручиком, который легко угадывался в майоре НКВД. Ваня сразу узнал своего дядю, но молчал, ничем это не обнаруживая. И дядя, глянув на него сквозь пенсне, понял, что Ваня узнал его.

— Как он там? Поди, уже замнаркома?
— Отца арестовали в прошлом году,—
сказал Ваня.

— Вот как? А мать?

Ваня не ответил.

— Братья?..

— Степана в тридцатом. Дмитрий скрывается...

Ване было 19 лет, одиннадцать из них его самого и его семью неизвестно за что могуче и неласково преследовало государство. Казалось, можно бы уже очерстветь и привыкнуть, и он в какой-то мере привык и жил нормально, когда не думал об этом, но когда думал, его душила обида, что в мире существует такая огромная несправедливость, что она вмешивается в жизнь и, возможно, отнимает ее у самых дорогих и близких ему людей. И бессилie что-либо поправить душило его. Он отвернулся от дяди и, как ни сдерживал себя, заплакал.

В черством, привыкшем ко лжи, закаленным неудачами и борьбой сердце дяди шевельнулась жалость. Он дотронулся ладонью до стриженного затылка племянника и сказал:

— Так и до тебя доберутся... Ничего, малыш, ты не один... Я сейчас в Маньчжурии, неплохо устроен, пошли со мной.

— Вы Токмаков, брат матери?

— Да, брат.

— Нет,— сказал Ваня.— Когда отца арестовывали, он сказал: «Береги мать и служи Родине».

— Какой Родине? Она у тебя есть? Родина там, где тебя хотя бы не гробят.

— Нет, дядя,— сказал Ваня.— Родина там, где родился. Где твой народ.

— И где правит ваш «великий» вождь и «великий» учитель?.. Плевать ему на Россию, он готов ее тысячу раз распять, лишь бы утешить свою сумасшедшую злобу и дьявольское тщеславие!.. Плевать на народ!.. Ослеп, Ванюша?! Этот маньяк уже трижды уничтожил его — в Гражданскую, когда истребил и изгнал лучшие силы России; в коллективизацию, когда выявил и уничтожил самую работоспособную часть сельского населения, и сейчас, когда добывает тех, кто остался, и оболванивает остальных.

— Нет, дядя,— сказал Ваня и подхватил бочонок.— Отец сказал: «Вожди приходят и уходят, а народ и земля, которая этот народ породила, остаются».

— Оба вы дураки и одинаково кончите... Иди, Ваня. С большевистским приветом.

— Подождите, дядя,— спокойно ответил Ваня.— Если вы в Маньчжурии, значит, служите японцам?.. Я должен вас задержать.

— Ошибаешься. Это они мне служат, малыш. Их руками мы наведем порядок в России. И тогда это действительно будет Родина для всех честных русских людей... Ну? Последний раз предлагаю.

Прибежал запыхавшийся красноармеец:
— Товарищ майор, разрешите обратиться к красноармейцу Клочкову! Клочков, тебя ищет командир роты.

— Отойдите, красноармеец. Нам надо договориться.

Красноармеец отошел подальше.

— Я все сказал,— ответил Ваня.

— Надеюсь, ты останешься честным и не донесешь на меня.

Ваня подумал.

— Я не доносчик,— сказал он и побежал в роту.

Майор присел на бочонок. С сожалением смотрел вслед племяннику.

Ленинская комната саперной роты. Поздний вечер. Лацис:

— ...Еще раз спрашиваю — на территорию Монголии в условия особой командировки с какой целью ты затесался: агитация, шпионаж, диверсии? Кому и как передаешь сведения?

— Я уже объяснял: никуда не затесался, послали, служу,— устало отвечал Ваня.

— Нам известно, кому и как ты служишь... Фамилия?! — резко и неожиданно спросил Лацис.

— Чья? — спросил Ваня.

— Я спрашиваю!

— Клочков.

— Имя?

— Иван.

— Почему, поступая в бронетанковую школу, скрыл, что отец и брат арестованы как враги народа?

— Они не враги.

— Опять?! Мне стыдно за тебя, Клочков! — не удержался старший лейтенант Еремин.

— Что делать,— ответил Ваня.

— Жить, как учит товарищ Сталин! — сказал Еремин.

— Так вы же мне не даете.— Как ни старался Ваня не заплакать при них, дыхание свело, подбородок задрожал.

Политрук Рокотов украдкой вздохнул и отвел взгляд.

— Дядю по матери, полковника-белогвардейца, пособника генерала Семенова, когда в последний раз видел?

— Сегодня,— честно ответил Ваня.

— Хихочки строим? — рассердился Лацис.— Сукни ты сын. Отвечать!

— Я ответил,— Ване удалось овладеть собой.

— Вызвать часового,— приказал Лацис и стал быстро писать записку.— Ты еще будешь долго и подробно обо всем рассказывать, уверяю тебя.

Еремин сбежал за часовым. Лацис запечатал записку и листки протокола в пакет.

— Доставить, не привлекая внимания, к старшему лейтенанту Алферову!

— А кто это? — спросил часовой.

— На пакете указано. Сдать вместе с пакетом под одну расписку. Глаз не спускать. Язык держать за зубами. В разговоры с конвоируемым не вступать. Идите!

Часовой вывел Ключкова.

— Вот он — волчий оскал, — сказал Лацис, укладывая оставшиеся бумаги в планшет. Он сурово посмотрел на Еремина и политрука роты Рокотова: — Вот к чему это приводит, когда вовремя не составляют списков компрометирующих дел и высказываний.

— Прошу учесть, я только неделю как принял роту, — виновато объяснил Еремин.

— Разберемся. А вы почему молчите? Это ваша, политрука, обязанность! Прямая!

— Меня только месяц назад отозвали из запаса, — пояснил орденосец Красного Знамени политрук Рокотов. — В свое время мы не составляли подобных списков.

— Вот и вырастили негодяев. Как учат нас товарищи Ежов и Мехлис? Где не работаем мы, там...

Тут загудел телефон образца 1939 года.

— ...работают наши враги.

— Разрешите взять трубку? — спросил Еремин.

Рокотов вздохнул.

— Берите, — разрешил Лацис и спросил Рокотова: — Я вижу, вам это не очень нравится?

— Тревога! — вскопчил Еремин. — Боевая тревога. Роте подъем!

В помещениях роты звенели колоколам боевой тревоги.

— Рота, подъем! Подъем! Строиться в две шеренги!

Бойцы-саперы спешно, в темноте, одевались, расхватывали подсумки, шанцевый инструмент, винтовки, выбегали на построение. Электричества не было, моргали белыми встревоженными языками лампы-десятилетнейки.

Они еще не знали, что им предстоит.

— Черт, как темно.

— Где мой подсумок?

— Это чья винтовка?

— Опять по ночам бегать, давно не бегали.

— Хотя бы дождя не было.

Саперная рота построилась и равнялась.

Командиры склонились над картой, светили фонариками. Командир бригады, будущий Герой Советского Союза Яковлев отдавал приказание командиру роты:

— В этом квадрате. Смотрите — Баин-Цаган, Хамар-Даба, вот здесь, к северо-востоку от Хамар-Дабы. Берите с собой всё хозяйство. Вопросы есть?

— Это учение, Михаил Павлович? — спросил командир роты.

— Из штаба корпуса приказали одно — навести переправу грузоподъемностью семь с половиной тонн. Всё. Сориентируетесь по обстановке. — Яковлев шагнул к роте: — По чему все без шинелей? Взять всем шинели!

Сапёры кинулись выполнять приказание. Заревели, подъезжая, грузовики, освещая пространство ярким тревожным светом. К командиру роты подошел Лацис.

— Я с вами, — сказал он и направился к кабине грузовика.

...Грузовики с людьми, хозяйством, телеграфными столбами для переправы, кухней уже тронулись, когда вдруг всполошился комиссар бригады и, поддерживая на боку полевую сумку, побежал за грузовиком, в кабине которого сидел политрук Рокотов.

— Владимир Дмитриевич! Владимир Дмитриевич!

Грузовик остановился.

— Вы синие и красные карандаши для оформления боевых листков не забыли? — Не забыл.

— А как же с докладом, который вам поручили ко Дню Коминтерна?

— Я его передал Воронцову из танковой роты.

— Хорошо. Езжайте.

Грузовик закрипел передачей, заревел и тронулся. Красноармейцы дернулись в кузове.

Увидев идущие с зажженными фарами грузовики, Ваня Ключков отнял у своего конвоира винтовку, швырнул за высокий забор и кинулся наутек.

— Стой! — кричал конвоир. — Стой, гад, стрелять буду!

Стрелять было всё же не из чего. За ревом колонны грузовиков, которая шла метрах в семидесяти, никто его не услышал. Да и Ванин след сразу простыл. Конвоир выругался и полез за винтовкой. На него с лаем кинулись злые монгольские псы.

Раскидывая длинные ноги, уже на выезде из КПП, Ваня Ключков нагнал колонну, цепился в высокий деревянный борт последнего грузовика. Подтянулся. Его подхватили чьи-то руки.

— Держись, японец, Ваня Ключков идет! — сказал родной веселый голос Славы Кубышкина. — Ты чего отстал?

— Ну, совсем раздавил, — беззлобно сказал друг Коля Белогуров.

— Подвигнись, ребята. — Ваня сел между ними, выгнул ноги, и стало ему хорошо.

— Такую монголочку мы сегодня видели, глазищи — во! А уж тонкая — в одну гимнастерочку спрятаться можно, — переживал

Комдив Г. Жуков. 1936 г.

Кубышкин.— Ваня на нее глаза как уставит, а она в слезы...

— Чего так? — спросил кто-то.

— Да — длинный. Как его в юрте расположить?

Саперы с удовольствием засмеялись.

— Ну ты, рожа, — Ваня обхватил Кубышкина и прижал к себе.

До чего же хорошо быть со своими, вместе.

На выходе из городка им встретились броневладельцы монгольского бронедивизиона. С надрывом гудели моторы, снопы света ложились на откиннутые крышки верхних люков. В башнях стояли командиры бронемашин, в шлемах и перекрещенных ремнями кожанках, и, подавая команды водителям, кричали по-монгольски.

— Братья-монголы тоже поехали. Держись, ребята, не пропадем, махан есть будем.

В степи дорог много, броники, развивая скорость, пошли по своей.

...По иронии судьбы Лацис сидел в кабине грузовика, в кузове которого ехал Ваня Ключков, и, пользуясь тусклым светом от щитка приборов, разбирал и дописывал бумаги, вынимая их из полевой сумки. Кобура с ТТ на длинных ремнях лежала у него на коленях. Шофер с интересом поглядывал на это новое в ту пору оружие.

— Скажите, товарищ капитан, говорят, у

вас пистолет подарен самим наркомом за меткость стрельбы? — улучив момент, когда Лацис окончил заполнять какую-то «форму», спросил шофер.

— Кто говорит? — скорее по привычке спросил Лацис.

— Ну... говорят, — замаялся шофер.

— Зря говорить не станут. — Лацис вынул пистолет и показал надпись. — Будет возможность, продемонстрирую.

— А ну, песню! — послышалась команда. На грузовиках запели:

На границе тучи ходят хмуро,
Край суровый тишиной объят...

Командиры в кабинах пели вместе со всеми. И водители пели тоже.

Штаб 23-й пехотной дивизии. Кабинет командира дивизии.

Кроме командира 23-й ПД генерал-лейтенанта Камацубары, присутствуют начальник штаба дивизии полковник Окамото Токудзо, командир сводного отряда полковник Ямагата, командир разведывательного отряда подполковник Адзума, командир моторизованной роты капитан Ковано.

Говорит Камацубара:

— На нашу дивизию, имеющую справедливую славу непобедимой, выпала честь начать великое дело. Вдохновенные нашей решительной и быстрой победой доблестные императорские войска Квантунской армии начнут наступление по всей советско-маньчжурской границе, и тогда произойдет то, что должно скоро произойти... Приказываю.

Все, кроме Камацубары, встали.

— ...Первое. Положение противника смотрите на приложенной схеме номер шесть... Второе. Дивизия одной своей частью должна уничтожить войска Внешней Монголии в районе Номон-Хан. Командир 64-го пехотного полка объединяет и командует нижеследующим отрядом, образуя сводный отряд Ямагаты... Этот сводный отряд немедленно на автотранспорте перебрасывается в район Номон-Хан-Бурд-Обо для выполнения задач по уничтожению войск Внешней Монголии... В моем обращении к солдатам подчеркнуть почетность этой задачи. Противником являются войска Внешней Монголии. Необходимо совершить марш решительно и бодро... На случай безвыходной обстановки оставить для себя одну пулю, но ни в коем случае не сдаваться в плен...

К полудню, когда все просохло под жарким монгольским солнцем, никого нельзя было узнать под слоем пыли. Она тянулась за колонной на многие километры.

Колонну обстреляли японские самолеты.

Их было три — скоростной бомбардировщик и два истребителя И-97. Колонна остановилась. Саперы рассыпались по степи. Один Лацис остался на месте и стрелял по самолетам из подаренного пистолета — это было красиво, но бесполезно.

— Роте встать! — командовал Лацис. Он прошел прямо над ним. Ваня услышал его голос и уткнул голову в землю.

— Патроны в ствол! С колена, по самолетам противника — беглыми, огони!

Защелкали частые выстрелы.

— Что ж наши-то соколы, видать, только кожаные пальто мастера носить? — сказал кто-то.

— Кто это сказал? — услышал Лацис. — Я спросил — кто?..

Молчание.

— Жалко, в штабе Квантунской армии не услышали — тут же орденом наградили бы этого шептуна. — Он увидел Ваню Клочкова: — Вы почему без оружия, красноармеец? — К счастью, не узнал под слоем пыли, но упрямо пошел к нему.

«Конец» — подумалось Ване.

— Наши! — закричали вокруг.

В небе появились два устаревших истребителя И-15 и отвлекли Лациса.

Начался быстротечный воздушный бой. Один И-15 пошел на японцев сверху в резком точном пикировании. Японский истребитель увернулся, короткой очередью разорвал обшивку на крыльях, пробил ветровое стекло.

Второй советский истребитель сближался с противником в опасной лобовой атаке. Казалось, вот-вот столкнутся и оба погибнут. Этого не произошло, японский истребитель неожиданно перевернулся вверх колесами и поднырнул. Наш проскочил вперед, японский тут же зашел ему в хвост и сбил точной очередью.

Кобанов — пилоту уцелевшего советского истребителя — удалось опять набрать высоту и кинуться на японцев. Второй японский пилот тоже, видимо, захотел показать свое умение, подставил Кобанову хвост и так ловко переключал самолет с крыла на крыло и вихлял, что Кобанов никак не мог поймать цель в тубус прицела, стрелял, стрелял, все очереди проходили мимо. Наконец японский пилот погасил скорость, Кобанов проскочил вперед. Противник тут же пристроился к хвосту и первой короткой очередью поджег И-15.

Саперы разочарованно перевели дыхание.

У самой земли Кобанов выбросился на парашюте, он действительно был в кожаном пальто и кожаном шлеме.

Японские самолеты еще раз прочесали колонну и потянулись к своей границе.

— Да я в училище только два раза по конусу и стрелял — больше нам не давали, а он вон какой верткий! — окруженный саперами, 92

обиженно кричал Кобанов. — Я — туда, он — сюда, я — сюда, он — туда! Хитрая сука — надо их на пикировании доставать!

Один сапер не удержался и потрогал — из какой кожи пальто.

— Хром, — сообщил он товарищам.

...У роты были потери: разбитый грузовик с телеграфными столбами для строительства моста и один убитый.

На убитого приходили смотреть и пугались. Они были военные люди, но война впервые коснулась их своей страшной реальностью.

Поодаль стояли командиры и вполголоса спорили, не зная, как поступить с телом.

Колонна тронулась.

Ваня Клочков и Славик Кубышкин сидели бок о бок и с жалостью и ужасом смотрели перед собой — у их ног, на шинелях, лежало и покачивалось на рытвинах тело, которое совсем недавно было их товарищем Колей Белогуровым.

На Халхин-Голе — в условиях сопков, барханов, манханов и сыпучих песков, в условиях отсутствия прямой видимости — царил суматошный, плохо управляемый бой. Громыхали орудия. Противно выли японские мины. Сшибались в кавалерийских атаках монгольские и северо-хинганские конники. Лошади рвали копытами телефонные провода, падали. Носились без всадников. Солдаты гибли под неожиданным пулеметным огнем. Монгольские, советские, японские командиры кричали в немые телефонные трубки. Командиры посылали солдат вперед. С криками «Ура!» и «Банзай!» схлестывались в жестоких атаках красноармейцы, цирики и отборные императорские войска. Японская авиация бомбила своих и монгольских кавалеристов...

...Из-за густых кустов вдоль Хайластын-Гола вылетел монгольский кавалерийский эскадрон.

— Японцы! Окружают! — закричали в советском дивизионе.

Поставленные в засаду советские броневые автомобили БА-10 и ФАИ открыли суматошный огонь. Потом поняли!

— Прекратите! Свои! Монголы!

Подскакал комполка, впоследствии легендарный комдив Дандар:

— Что же вы, братья?! — и добавил что-то еще по-монгольски.

— А вы почему тут скачете?! Вы должны там скакать! Мы японца ждем!..

...Командир оперативного отряда полковник Ивенков кричал в телефонную трубку:

— Штурмуйте первую линию окопов противника и, не останавливаясь, захватывайте вторую!..

— Каких окопов?! — кричал на другом

конце провода строевой командир.— Тут нет окопов!

— Не сейте панику! — кричал Ивенков.— Выполнять приказ!

— Рота! — вставая, закричал командир и был тут же убит снайпером.

От маньчжуро-монгольской границы прибывали камуфлированные японские грузовики с подкреплением. Солдаты заученно, быстро соскакивали на землю и бежали за своими командирами. Без промедления, тут же вступали в бой.

А другие, кому положено, подчиняясь приказу, останавливались в стороне. Ложились и отдыхали...

...К саперной роте — она расположилась в недоступной для прямого огня ложбине и готовила крупные детали моста — прискакал майор.

— Что, саперы, всё с топорами?! — тараща глаза, прокричал майор.— Где командир?!

— Старший лейтенант Еремин,— подбежал командир роты.

— Немедленно! Переправиться, ударить во фланг прорвавшегося противнику и смести!

— Имею приказ навести мост,— робея, доложил Еремин.

— Какому черту будет нужен ваш мост — они обошли с фланга, захватили монгольскую батарею и занимают берег!

Подошел твердый, уверенный в себе капитан Лацис:

— Представитель особого отдела капитан НКВД Лацис.

— Майор Сковцов!

— Не сейте панику и не кричите,— громко, сквозь зубы сказал Лацис.

— Я...

— А то я вами займусь...— Лацис повернулся к Еремину: — Два взвода — туда, остальные остаются здесь. Я поведу в атаку. Первый взвод! Второй взвод! Взять оружие! За мной бегом — марш!..

Саперы подхватили оружие и, разгоряченные предыдущей работой — а уже были готовы две плети моста,— без ранцев, без скаток, без поясов кинулись следом за Лацисом. Клочков подхватил чью-то винтовку и побегал за ними.

— Ванька, моя винтовка! Ванька! — кричали вдогонку.

— Отдамли..

Еремин побегал следом.

Под огнем они переправились через Халхин-Гол, потеряв в реке четвертую часть группы. Оставшиеся влезли на топкий берег. Продрались сквозь кусты и с ходу вступили в бой.

Вначале всё складывалось хорошо.

— Ни шагу назад! Ни шагу! — капитан Лацис останавливал отступающих красноармейцев из сводного батальона Быкова. Стрелял время от времени из именного «ТТ», каждый раз без промаха.— Все в моё подчинение! Все!.. Еремин, обходите слева!.. Вперед!

Японцы, используя складки местности, уходили.

— В штыки, саперы! Вперед! — на своем участке кричал Еремин.

Убитый монгольский наводчик лежал на станине. Увидели невредимую монгольскую пушку. Положили наводчика на шинель.

— Вот это дело поближе,— политрук Рокотов осматривал орудие.— Это не списки вам составлять... Ну-ка, сынки, подтолкните орудие. Так, где там снаряды?

Мимо промчалась длинная фигура Ивана Клочкова. Рокотов не узнал его. А Ваня не останавливался.

Из окопчика появились раненые цирики — два монгольских артиллериста,— принесли снаряды.

— Амар сайну! — Рокотов.

— Сайн байну! — цирики.

— Баяролла! Баяролла! Буудах! Стрелять будем,— Рокотов показал жестами.

Црики поняли. Передали снаряды.

Рокотов умело навел пушку. Увидел в прицел, как на бегу упал какой-то очень высокий боец. Прицелился на пулеметную вспышку и подавил пулемет.

— Асару сайн! — цирики ликовали точному попаданию.

Беглым огнем Рокотов прочесал гребень сопки, где залегли японцы.

— Ура! — закричал Еремин, поднимая красноармейцев в атаку.

— Вперед, за пехотой! — Рокотов и монголы, увязая в песке, покатали перед собой пушчонку.

Там, впереди, началась рукопашная...

...Еремин погиб так.

— Товарищ старший лейтенант, японца поймали! — прибежал красноармеец.

Это был подпоручик, он стоял, поднимая руки и озираясь.

— Офицер,— радовались красноармейцы.

— Вот они хваленые японские самураи! — подбежал Еремин.— Сдаются!

Подпоручик запустил руку за спину, за воротник мундира.

— Чешется,— засмеялись красноармейцы.

Пленный выхватил из-за воротника кителя небольшой пистолет и тремя выстрелами в упор убил старшего лейтенанта Еремина.

Саперы кинулись на него со штыками. Но он успел поцеловать талисман, и, демонстрируя презрение к смерти, с улыбкой положил на затылок руки.

...Японцы упорно лезли вперед. Забрасывали гранатами.

Опять пошла рукопашная. Ваня схватился с маленьким юрким японцем, таким маленьким, что в мирной жизни было бы стыдно и обидеть его. Кто-то саданул японца в спину штыком. Кто-то ударил Ваню прикладом в затылок.

А японцы все лезли, и казалось — уже конец.

Неожиданно в их тылу резко застучал пулемет, кося наступающих, оборачивая их на себя. Это монгольский пограничник Жамсурэн, израненный, полуживой, отходя к своим, в одиночку вступил в бой.

...На Ваню Ключкова кто-то упал сверху. — Японец? — растерялся Ваня, еще не придя в себя от удара в затылок.

— Хичин, — объяснил Жамсурэн. — Монголи хичин, — он был ранен в голову, в плечо и еле держался. — Умешь... пулемет?..

— Разберемся, — оживился Ваня. — Извини, перевязать тебя нечем.

— Диск, — пограничник пошевелил спиной, на спине висел ранец.

— Диск так диск. — Ваня взял пулемет, высунулся повыше, японцы уже были метрах в тридцати, опять лезли вперед, теснили наших. — А, диск! — Ваня дал по ним очередь и ни в кого не попал. — Ага, надо пониже. — Дал пониже. — Не нравится гадам наша крепкая дружба!!! — И повел довольно точный пулеметный огонь.

Пользуясь восточным, от границы, ветром, японцы подожгли сухую прошлогоднюю траву — она здесь густа и высока, как кустарник.

Огневой вал пошел на позиции монголо-советских войск. Густой дым выедал глаза. Горящие хлопья садились на тело.

В сумерках саперы начали возводить мост, подтаскивать грузовиками заготовленные на берегу плети. Затюкали топоры. Задолбили кувалды.

По восточному берегу, в темноте, к этому месту просочилось японское подразделение.

— Не стрелять, — приказал японский командир. — Они построят мост, мы его тут же захватим.

Они затаились, комары жрали их беспощадно, хотя и были они в накомарниках.

— Эй! — окликнули сзади.

Японцы обернулись — во весь рост стоял высоченный русский красноармеец с пулеметом.

— Вы не монголы? — спросил он.

Японцы вскочили.

Ваня Ключков, а это был он, открыл яростный огонь из «Дегтярева».

Услышав его, саперы побросали топоры, взялись за карабины...

...Бой не прекращался и ночью. По всему плацдарму, то тут, то там, вспыхивала бешеная перестрелка. Крики «Банзай!», «Ура!». Светили ракеты.

Здесь пока было спокойно. Политрук Рокотов обходит — весь в саже — позиции. Прижимая сумку к колену, страдая от боли в левой перебитой кисти, переписывает красноармейцев. Они отличались: саперы как побежали от топоров, так и остались без шинелей, некоторые без ремней. Другие, чье отступление они задержали, уже надевали шинели, ночью в Монголии холодно даже летом.

— Аверьянов... Сергеев... Лапшин, батальон Быкова, — говорили о себе красноармейцы, сгребая с себя полчища комаров.

— Ну какие у них комары!..

— А днем — оводы!..

— Нет, у нас тоже есть, но таких — баба их за ногу!..

— Не ленитесь, товарищи, окапывайтесь, — говорил политрук.

— Товарищ политрук, чего нам до сих пор есть не дают? — спросили в другом месте.

— Принесут, товарищи, будет.

— И патронов нет.

— Всё будет.

— Окружат нас ночью эти «банзай» и всех перережут, — говорили в третьем.

— Не окружат, — подошел Рокотов. — Мы выставили дозоры.

— Товарищ политрук, у нас и танков и самолетов — всего полно. А здесь ничего нет, деремса на кулачках!..

Подошел к Ване:

— Молодец, пулеметчик, хорошо показали себя.

— Служу трудовому народу, — Ваня обернулся. Рокотов узнал его и не смог скрыть ужаса.

— Как вы здесь оказались?

— Сбежал, — честно признался Ваня.

— Это еще хуже, — расстроился добрый Рокотов. — Как же ваш отец в такую неприятность попал?.. И братья?..

Ваня пожал плечами.

— Знаете что, напишите обо всем товарищу Сталину и... обратитесь в политотдел... А лучше, я сейчас обойду красноармейцев, проверю дозоры, и мы вместе напишем.

— Спасибо, товарищ политрук, — голос у Вани дрогнул.

— Пока не за что... Вы себя очень хорошо показали, я отмечу в политдонесении и представлю к медали.

— Служу трудовому народу, — губы у Вани предательски задрожали.

— Это вам поможет при разборе дела. Очень поможет.

Рокотов отошел, оставив Ваню Клочкова с радостью и надеждой.

— Командир корпуса перебежал к японцам, — шептали дальше. — Садичков сам видел: дунул на броневике.

— Товарищи, это вредная ложь, — подошел Рокотов.

— Почему ложь? Три маршала из пяти оказались шпионами и врагами народа — чего командиру корпуса отставать?

— Кругом враги, — зябко вздохнул красноармеец, — и трюксисты, и кулаки, и промышленная группа, и военные командиры... А тут еще Германия, Япония, мировой капитал — успевай, Иван, поворачиваться.

Из-за барханов запылали яркие огоньки: японские танки с зажженными фарами. Их свет слепил глаза.

— Окружают... танки!

— Держись, ребята! — кричал политрук Рокотов. — Пропускай танки! Отсекай пехоту! Бей танки гранатами сзади!

Показывая пример, он вышел один на один с неказистым японским танком, точно, здоровой рукой, бросил гранату. Сбоку, из другого танка, полоснули его пулеметной очередью...

...И почувствовал ему в последний момент голос его поздней дочери Катеньки, как она просыпалась утром и звонко, радостно и бестолково кричала: «Па-па-па-па-па-па!» Увидел себя, немолодого, с ней, как он берет ее с кровати на руки и она обнимает его. Пожалел, что будет расти теперь без отца.

— Катя, маленькая, — заплакал Рокотов и отошел...

Бой не прекратился и утром.

Светило солнце, невидимое за дымами. Белел построенный за ночь мост. Саперы и полроты пулеметно-стрелкового батальона Быкова защищали его от наседавших с севера, вдоль Халхин-Гола, японцев. Желтели остовы подбитых японских танков. Загорались на глазах переправившиеся на восточный берег и не вступившие в бой БА-10 монгольского бронедивизиона.

— Ну, черт возьми! Где свои, где чужие?.. Что за дурацкий приказ! — переживал командир батареи старший лейтенант Воеводин.

Он увидел, что через мост на нашу сторону перебирается броневичок ФАИ. Броневичок застрял на съезде у моста. Из него вылезли какие-то командиры.

Воеводин под шальными пулями кинулся к броневичку.

Около ФАИ нетерпеливо переминался командир 57-го отдельного корпуса комдив Фекленко. Прибежавшие саперы выталкивали броневик.

— Товарищ комдив! — обрадовался Воеводин. — Какие будут приказания?

— Какие вам еще приказания?! — раздражаясь, что он тут застрял, и опасно, и пули летают, и японские минометы пристреливаются к мосту, ответил Фекленко. — Выполняйте свою задачу — громите самурайскую нечисть!

— Есть!.. Как мне громить — ничего не видно. Я в своих попаду.

— Выдвиньте наблюдателей! — рассердился Фекленко.

— Так связи же нет! Пока он бежит туда-сюда — все снова перемешается... Разрешите перейти на тот берег?

— Это вопрос серьезный, — больше всего на свете Фекленко боялся принять самостоятельное решение. — Найдите командира сводного батальона Быкова и получите от него указания.

— Где я его найду? Туда — двадцать километров, сюда — тридцать.

Саперы вытолкнули броневичок на гору. Фекленко с трудом забрался в него и уехал.

Воеводин вскочил на коня. Примчался на батарею.

— Ну как? — спросил политрук. — Разрешили?

— Батарея! Орудия на передки!.. Аллюром! Ма-арш!

Батарея под обстрелом пронеслась по мосту.

— А ну, ребяташки, чесану! — прильнул к панораме наводчик.

Пушки «чесанули» по лезшим к саперам и полуроте японцам.

— Добивайте, мы дальше!

Увязая в сыпучих песках барханов, красноармейцы и лошади тащили пушки вперед. Уже подстрелили одну лошадь. Ее освободили от постромков.

— Еще чуть, ребята! — командовал Воеводин.

Инициатива необходима в любом деле. Старший лейтенант Воеводин вылез на гребень бархана, осмотрелся в бинокль.

Километрах в полутора, в удобной глубокой лощине, притаились неповоротливые, пятнистые штабные машины. Воеводин увидел выставленную охрану. Антенны.

Это был штаб сводного японского отряда полковника Ямагаты. Полковник сидел в одной из машин и говорил по рации с Хайларом, с командиром 23-й ПД генерал-лейтенантом Камацубарой.

Камацубара. Почему не докладываете об уничтожении обнаглевшего противника в Номон-Хане?.. Если вы не сделаете это сегодня вечером, мы будем крайне удивлены и раздосадованы этим.

Ямагата. Доблестные императорские вой-

ска в упорном ночном бою заняли все ключевые позиции. Дух противника сломлен. Он понес большие потери. Командование переправляется на западный берег.

Камацубара. Откуда у вас эти данные? **Ямагата.** Сегодня на позициях был комдив Фекленко. При нем находился попавший в плен унтер-офицер Исимвэ. Ему удалось убежать дорогой.

Камацубара. Как он мог сдаться в плен?! Это недостойно солдата. Он должен немедленно застрелиться!

Ямагата. Он сделает это. Через сорок минут, согласно плану, я ввожу резерв Ковано и два хинганских кавалерийских полка. К двум часам дня буду иметь честь доложить о полном разгроме вконец обнаглевшего противника на нашем берегу Халха. Всепочтительнейше прошу...

К этому моменту батарея старшего лейтенанта Воеводина была расположена, нацелена. Воеводин отдавал команду:

— По японскому штабу, не останавливаясь, беглым — огоны!

Закотили орудия. Первые снаряды точно попали в цель. И вторые, и третьи. Вспыхнули штабные машины. Полетели антенны. Закричали раненые. Упали убитые.

...С опозданием, но все же японские части начали наступление. Втянули свежий резерв Ковано и кавалерию. Батарея Воеводина отбивалась в окружении. Бомбили японские самолеты. Отступавшие красноармейцы втянулись на мост.

...Примчались первые грузовики полка Ремизова, проделавшего за 11 дней 1060-километровый марш из Улан-Батора.

— Машины в укрытие! Разворачиваться поротно! Я — майор Ремизов! Принимаю командование на себя! Все части вступают в мое подчинение. Капитан Свешников, поторопите колонну! Майор Козлов...

Началась мощная артподготовка полка Ремизова.

В километре отсюда, в манхане, опаленный взрывной волной, нечистый после переправы вплавь через Халхин-Гол, ползанья по барханам, копоти огневого вала и непрекращавшегося почти сутки боя, Ваня Клочков сдавал санитарам раненого монгольского пограничника Жамсурэна.

— Пулемет, — беспокоился Жамсурэн.

— Отдаю пограничникам, — устало отвечал Ваня.

— Дарга...

— Конечно, начальник, кому еще, — голова у Клочкова время от времени подергивалась после контузии. — Ишь ты, — удивлялся он по этому поводу.

— И ранец... диски.

— И ранец верну.

— Э... ранец дарю.

— Выздоровлявай.

Ваня помог фельдшерам поставить носилки с пограничником в машину и присел неподалеку вытряхнуть из сапог песок.

Здесь лежали красноармейцы, накрытые с головой шинелями и с открытыми, в сапогах, ногами.

— Не помешаю?.. Отдыхаете? — Ваня присел рядом с одним, снял сапог. — Это вы хорошо придумали с шинелями — от комаров... и слепни не кусают...

Красноармейцы молчали и не шевелились. Ваня высypал песок из сапога, стряхнул портянку.

— А где вы тут ели? — Ваня подтолкнул красноармейца.

Что-то показалось ему не так. Ваня поднял шинель над его головой — перед ним был убитый. Ваня подхватил сапог, пулемет, в ужасе помчался отсюда.

— Красноармеец! Вы, с пулеметом!.. Из какой части? — окликнул Ваню военный врач.

— Саперная рота, 11-я танковая бригада, — встав на босую ногу, ответил Ваня.

— Фамилия?

— Клочков.

— Обувайтесь. Будете сопровождать раненых.

Военврач чиркнул в блокноте: «Боец Клочков командирован сопровождать раненых. Военврач II ранга». Расписался и протянул Ване записку.

— Есть сопровождать раненых! — сказал Ваня.

— Хорошо, — сказал Ваня.

— Ничего хорошего — просачиваются диверсанты, нас уже один раз обстреляли. Фургон и автобус на вашей совести — отправляйтесь.

В санитарном, с крестами, автобусе Ваня увидел девушку — военного фельдшера. И такая это была девушка! Может быть, ничего особенного. Даже наверняка ничего особенного. Но Ване очень понравилась.

— Извините, — сказал Ваня. — Здравствуйте. — И стал на ступеньку.

— Здравствуйте, — она посмотрела на него и опять склонилась над своими бумажками.

— А вы сами не ранены? — девушка-военфельдшер присмотрелась к нему, и такие у нее были хорошие лицо и глаза, смотри такая вся жизнь — и это будет хорошая жизнь. — Что-то у вас черные круги под глазами. Вы, случайно, головой не ударились?

— Вроде не ударялся, — улыбнулся Ваня. — Грязный вот только, вы меня извините.

— Ничего, — улыбнулась она и углубилась в бумаги.

Вот и весь разговор...

Скоро налетел самолет, обстрелял по бокам

и перед самым капотом. Пошел на второй заход.

— Не останавливай! — кричал Ваня водителю. — В стоящего легче попасть!.. — И полз с пулеметом на крышу.

Он увидел — это был не единственный самолет — высоко в небе в глубь Монголии плыла целая армада самолетов противника: истребителей и бомбардировщиков.

Ваня пристроился спиной на тряской крыше автобуса. Монгольский ранац на спине был очень кстати. Прицелился в заходящий в атаку самолет — в самый круг, в самое стекло кабины пилота. Автобус тряхнуло на рывкине, Ваню сбросило с крыши. Он никак не мог встать.

Воздух сотрясаясь от мощного гула моторов плывущей в небе армады. Казалось, она закрыла и небо и солнце.

...Эту армаду видели на посту ВНОС.

— «Ленинград!» «Ленинград!» Я — «Киев!» — наблюдая армаду, кричал в трубку наблюдатель поста. — Наблюдаю...

...Аэродром в Байн-Тумене.

— «Киев»... «Киев»... Я — «Ленинград», — отвечал дежурный, отсюда был виден весь аэродром и то, что на нем делалось — ремонт вышедшей из строя техники, покраска, отладка двигателей. — Опять обрыв...

...Пост ВНОС.

— Девяносто пять бомбардировщиков и пятьдесят истребителей противника. Слышите?.. Не слышит... Обрыв!

...Они подхватили катушку с проводом и побежали по линии. Довольно скоро нашли обрыв. Стали быстро соединять.

Их тщательно, не спеша, подловили на мушку своих карабинов два японца из диверсионной группы.

— Огонь, — тихо сказал один. Почти одновременно ударили выстрелы.

Оба связиста были убиты одинаково — в голову — с расстояния в 12 метров.

Диверсанты подхватили отрезанный конец провода и побежали с ним, чтобы отхватить куски подлиннее.

...Армада разделилась на три неравные части. Одна пошла на Байн-Тумен, вторая на Байн-Нур. Третья — на Тамцаг-Булак.

— Самолеты противника! — запоздало закричали на аэродроме в Байн-Тумене.

Истребители попытались взлететь. У семнадцати не запустились моторы. Взлетели три. Их сразу сбили. Началась жесткая бомбардировка аэродрома. Разлетались в щепки, горели складские помещения, истребители, бомбардировщики. Полыхали бензозаправщики и цистерны с горючим...

Москва. Кабинет Сталина.

В кабинете, кроме хозяина кабинета, при-

сутствуют нарком обороны Ворошилов, первый заместитель наркома обороны Тимошенко, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии Пономаренко, нарком НКВД Берия.

Сталин был очень недоволен тем, как складываются события на Халхин-Голе.

— Что там у вас происходит? Разве мы что-то жалеем для нашей армии? Почему она не выполняет свои задачи? Кто там у вас командует войсками?

— Комдив Фекленко, — доложил Ворошилов.

— Кто такой этот Фекленко? Что он собой представляет?

— Извините, товарищ Сталин, не могу сейчас точно ответить на ваш вопрос, лично не знаком с Фекленко и не знаю, что он собой представляет, — доложил Ворошилов.

— Что же это такое? Люди воюют, а ты не представляешь себе, кто у тебя там воюет, кто командует войсками? Когда кончится подобное безобразие?

— Я сам поеду, товарищ Сталин, и разберусь на месте, — загорелся Ворошилов.

— Пограничные инциденты не должны решаться наркомом обороны, — твердо сказал Сталин.

— Туда надо послать лихого кавалерийского рубаку, — предложил Ворошилов.

— Разве они бьют наших кавалеристов своими кавалеристами? — спросил Сталин. — Нельзя смотреть только назад. Даже ты сегодня приехал в Кремль не на коне, а на «ЗИС-101». Пришло время моторов, и тот, кто не хочет увидеть это, рискует не увидеть ничего... Мы должны показать буржуазному миру, что у нас есть не только сабли, что мы умеем обращаться не только с ними. Я думаю, это не только пограничная провокация. Налицо желание пощупать нас, может быть, перед большой войной. Не исключено, что она может начаться с этого. И мы должны так, наконец, ответить японским милитаристам, чтобы у них навсегда отпала охота нападать на нас... Есть ли среди наших молодых, но опытных командиров такой драчун, такой сильный товарищ... или уже никого не осталось? — Сталин так посмотрел на присутствующего здесь Берия, что у другого ослабли бы ноги. У Сталина были желтоватые, «рысьи» глаза.

Берия ответил открытым преданным взглядом. За густыми, ухоженными усами Сталина едва заметно проскользнула удовлетворенная улыбка.

— У меня есть такая кандидатура — комдив Жуков, — сказал Тимошенко.

— Кто это? Почему не знаю? — сказал Сталин.

— Это тот самый Жуков, товарищ Сталин, который в 37-ом послал вам и мне телеграмму о том, что его несправедливо привлекают

И. Сталин, В. Молотов, К. Ворошилов. 1936 г.

к партийной ответственности,— доложил Ворошилов.

— Ну и чем дело кончилось?

— Ничем: поторопились, для привлечения к партийной ответственности оснований не было.

— Разве можно спешить в таком важном деле?

— Учтем, товарищ Сталин,— сказал Ворошилов.

— Человек решительный, справится,— сказал Тимошенко.

— Чем он сейчас занимается? — спросил Сталин.

— Заместитель командующего Белорусским военным округом по кавалерии,— доложил Тимошенко.

— Опять лихой кавалерийский рубака,— недовольно сказал Сталин.— Способен ли он увидеть что-нибудь дальше конской гривы?

— Он — честный, товарищ Сталин. Не побоятся увидеть и доложить правду,— сказал Тимошенко.

Сталин мельком и, как показалось Тимошенко, с недоверчивой усмешкой в глубине недобрых всепроникающих глаз глянул на Тимошенко.

— Для поставленной вами задачи это хорошая кандидатура,— подтвердил Пономаренко.

Сталин вздохнул и посмотрел в честные преданные глаза Берия.

— А что скажет совесть партии — НКВД? — с еле уловимой иронией спросил Сталин.

Берия, которого два дня назад по личной рекомендации Сталина III сессия Верховного Совета СССР утвердила Народным комиссаром НКВД, ответил очень умело:

— Совесть партии скажет так, как учит вождь партии товарищ Сталин.

У всех установились серьезные, соответствующие моменту и слову лица.

— Пусть едет... потом посмотрим,— сказал Сталин.

Заместитель командующего Белорусским военным округом по кавалерии комдив Жуков находился в полевой поездке по округу. Недовольный подготовкой бойцов, он показывал им, как надо пользоваться конем и оружием: он проскакал, рубя шашкой с обоих махов торчащие по обеим сторонам прутья, потом

завалил коня, сдернул с плеча карабин и, лежа за конем, как за бруствером, с пяти выстрелов поразил четыре мишени.

— Ну, хотя бы вот так. Хуже — нельзя, — прискакав к исходной, со спокойной твердой суровостью сказал Жуков командирам и бойцам. — Повторите. Начнем с вас, командир полка.

Пузатый командир полка встревоженно засопел и налился кровью.

А от штаба уже скакал нарочный:

— Товарищ комдив, срочно к телефону — член военного совета Сусайков.

— А жаль, — уходя, сказал Жуков пузатому командиру.

Жуков сел в «эмку». Шофер, зная приверженность комдива к быстрой езде, погнал машину, будто на соревнованиях по скорости.

...Член военного совета Сусайков был краток, он сказал Жукову по телефону:

— Георгий Константинович, завтра утром ты должен быть в Москве, в приемной у Ворошилова.

В те времена подобные вызовы означали многое, с них начинались страшные, необъяснимые повороты в судьбах репрессированных: Блюхера, Тухачевского, Якира, Егорова и многих других. С них начинались непонятные взлеты многих не известных никому доселе людей.

Жуков спросил коротко:

— Шашку брать?

— Обо всем ты узнаешь раньше меня. Извини, Георгий Константинович, дела, — холодно ответил Сусайков и повесил трубку. — Неужели и он?.. — сказал он себе.

Жена Жукова, как и многие женщины, предполагала плохое и уже успела заплакать.

Жуков сказал напоследок:

— Если что не так, скажешь дочкам, когда вырастут, на отце не было ни вины, ни позора... Вслед не крести, в окно не смотри — я этого не люблю...

И все же жена перекрестила Жукова в спину и, отодвинув уголок шторы, смотрела в окно.

Садясь в машину, Жуков заметил это, недолго вздохнул и коротко приказал водителю:

— Быстро!

Жуков приехал в Москву ранним утром. У вагона его встречал высокий широкоплечий капитан в ладно сидевшей на нем форме. Они представились друг другу и быстро пошли к выходу.

По громкоговорителям передавали речь Молотова. Капитан сказал Жукову:

— На сессии Верховного Совета.

— «...Остановило ли агрессию Мюнхенское соглашение? Нисколько. От сентября 1938-го года прошло немного времени, а в марте 1939-го Германия уже покончила с существованием Чехословакии... Провал политики невмешательства стал очевиден. Между тем, страны-агрессоры продолжают придерживаться своей политики. Германия отняла у Литовской республики Мемель и Мемельскую область... В апреле Италия покончила с независимым государством — Албанией. Германия и Италия пошли дальше. На днях опубликован заключенный между ними военно-политический договор. Этот договор имеет в своей основе наступательный характер...

...Теперь о пограничных войсках. Кажется, уже пора понять, кому следует, что советское правительство не будет терпеть никаких провокаций со стороны японо-маньчжурских воинских частей на своих границах. Сейчас об этом надо напомнить и в отношении границ МНР. По существующему между СССР и Монгольской Народной Республикой договору о взаимопомощи, мы считаем своей обязанностью оказывать Монгольской Народной Республике должную помощь в охране ее границ. Мы серьезно относимся к таким вещам, как договор о взаимопомощи, который подписан советским правительством. Я должен предупредить, что границу Монгольской Народной Республики, в силу заключенного между нами договора о взаимопомощи, мы будем защищать так же решительно, как и свою собственную границу». Бурные аплодисменты.

Жуков медленно шел по перрону. Его обгоняли приехавшие белорусским поездом пассажиры с корзинами и деревянными чемоданами; носильщики, у которых не было тогда никаких колясок, и они всё волокли на себе; дети с родителями и дети-делегаты с вожатыми, горном и барабанным боем.

И только военные замедляли шаг у репродукторов, прислушиваясь к речи Молотова, больше других понимая, что это касается их лично.

Наркомат обороны. Кабинет Ворошилова.

Они виделись впервые и, естественно, присматривались друг к другу — легендарный маршал и никому не известный комдив.

— Главная ваша задача, — говорил Ворошилов, — разобраться во всем, что там произошло, происходит и может произойти... У нас есть подозрение, что нам сообщают неправду или не всю правду. И мы никак не можем понять, что там на самом деле: то ли пограничный инцидент, какие бывают

там почти каждый месяц, — и тогда мы должны быть предельно осторожны, чтобы не раздуть его в войну... То ли готовится большая война — и тогда мы не имеем права спровоцировать начало. То ли они хотят привлечь внимание здесь, чтобы мы стянули сюда войска, а сами накинута где-нибудь там. — Ворошилов показал на карте советско-маньчжурскую границу, Восточно-Сибирскую железнодорожную магистраль, где она близко подходила к границе, как они перережут ее и как в результате этого опадет вся Восточная Сибирь и весь Дальний Восток. Он пошутил: — Одним словом, иди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что. — И сказал очень серьезно: — В недельный срок доложите свои выводы и соображения. Примите необходимые меры, если таковые потребуются... Справитесь?

— Справлюсь, товарищ маршал, — спокойно и уверенно ответил Жуков.

Ответ, а главное, спокойная, уверенная интонация понравились Ворошилову. Жуков смотрел на него без всякого подобострастия, с которым обычно смотрели на него подчиненные, а спокойно и твердо, как ровня, и это тоже понравилось Ворошилову. Как понравилось и то, что он невысокого роста, широкогруд, не называет его по имени-отчеству.

— Вас горячо рекомендовал Тимошенко. Чем ты ему в душу влез? — переходя вдруг на доверительное «ты», спросил Ворошилов.

Жуков не пошел на доверительный тон, а спокойно и просто сказал:

— Не знаю.

Этот ответ понравился Ворошилову, хотя где-то в глубине души кольнула обида. Он нажал кнопку вызова помощника и сказал, снова переходя на «вы»:

— Самолет для вас будет подготовлен на Центральном аэродроме к шестнадцати часам. Зайдите к Смородинову, получите у него необходимые материалы и договоритесь о связи с Генштабом. К самолету прибудет в ваше распоряжение небольшая группа офицеров-специалистов. — Ворошилов обратился к тихо вошедшему и ожидавшему своего черед Р. П. Хмельницкому, состоявшему при нем для особых поручений: — Чемодан для дальней поездки товарищу Жукову подготовлен?

— Подготовлен, — сказал Хмельницкий.

— До свидания, желаю успеха. И будьте предельно внимательны: Монголия — суверенное государство. Проявляйте тактичность, грамотность. Не дай вам бог как-то обидеть национальные чувства народа... «Бог», сами понимаете, я употребляю иносказательно, как атеист. — Ворошилов подал Жукову руку, но простился холодно, вероятно, все же осталась обида от нежелания или неумения Жукова пойти на сближение.

Дважды Герой Советского Союза комкор авиации Я. Смушкевич

На аэродроме Жукова поджидала группа офицеров с такими же, как у него, чмоданчиками. Жуков поздоровался с каждым за руку и широким, решительным шагом, не оглядываясь, направился к самолету.

Монголия. Аэродром.

Легендарный военный летчик, еврей по национальности, герой Испании, известный там как «генерал Дуглас», Герой Советского Союза, орденосец, заместитель командующего Военно-Воздушными силами РККА 37-летний комкор Яков Владимирович Смушкевич мало походил на военного человека. Здесь, на Халхин-Голе, он постоянно носил серые коверкотовые штаны, тапочки, серую коверкотовую гимнастерку, ходил, опираясь на две палки. В отличие от других, ордена каждый день не надевал, не носил также фуражку, не боясь из-за густой, вьющейся шапки темных волос солнечного удара. Был он спокоен, доброжелателен, на лице — оттенок виноватого выражения, как будто он извинялся за ту славу, которая ему тогда сопутствовала.

— Не тебе я обязан своим назначением? — спросил Жуков.

— Не буду скрывать, дал телеграмму Тимошенко, чтобы прислали тебя, — спокойно улыбнулся Смушкевич.

— Не знаю, благодарить или хаять. — Жуков все оглядывал аэродром, разбитую технику, сожженные склады — следы жестокой японской бомбардировки 29-го мая.

— Окончим и разберемся.
— Это привез из Испании?.. — Жуков кивнул на ноги и клюшки Смушкевича.

— Разбился месяц назад при аварийной посадке.

— Болит?

— Слушай, если ты хочешь спросить, как тут дела, и просто подбираешься издали, все равно ничего не скажу. Считаю — осмотришь сам, потом обменяемся впечатлениями.

— Считаю так же, — согласился Жуков. — Аэродром далеко расположен от места боевых действий.

— Придет техника и подвинем, — согласился Смушкевич. — Пока, сам видишь, нечего двигать. Как там у нас, в Белоруссии?

— Потом расскажу. Ты давно здесь?

— Четыре дня. Кого-нибудь из общих знакомых арестовали?

— В этом году троих, — ответил Жуков.

— Под тебя не копали?

— В 37-ом, когда ты был в Испании, хотели исключить из партии.

— Понятно, — не удивился Смушкевич. — За что?

— Потеря бдительности, политическая близорукость — не разоблачил врагов народа Уборевича и Тухачевского... Начала одна паршивенькая газетенка... Ладно, поехал, ждуг.

— Хорошо, что теперь вместо Ежова поставили товарища Берия, — все-таки не аппаратчик, из Президиума Верховного Совета... — Смушкевич не мог предположить, что через два года «товарищ Берия» отдаст приказ о его аресте.

— Поехал, — Жуков пожал руку Смушкевичу. — Хорошо все-таки товарища встретить.

Смушкевич ничего не ответил, но улыбнулся так, что стало видно, он — товарищ Жуков.

— Надеюсь, при тебе такое не повторится, — Жуков кивнул на перепаканный бомбами аэродром, на разбитую технику.

— Возможно, — улыбнулся Смушкевич. — Завтра прилетают наши лучшие летчики — двадцать два Героя Советского Союза — участники боев в Испании и в Китае. Обучим местных пилотов... В воздухе не повторится. А с землей, Егор, разбирайся — вон твои герои переминаются.

Они козырнули друг другу. Жуков пошел к автомобилям, у которых действительно переминались с ноги на ногу поджидавшие его комдив Фекленко, комбриг Кушев, полковник Ивенков — начальство 57-го особого корпуса.

Штаб 57-го особого корпуса. Тамцаг-Булак.

— Всё, что вы сейчас мне сообщили, одни пустые места и общие рассуждения, — по

своему обыкновению откровенно, не боясь обидеть, сказал Жуков. — Какие силы у японцев в районе событий? Где они? Чем конкретно располагают? Что намерены сделать? До сих пор неизвестно.

— Обстановка действительно еще недостаточно нами изучена, — примирительно сказал начальник штаба комбриг Кушев.

— Посмотрим, как вам всё сразу станет известно, — обиженно и недовольно заметил командир 57-го ОК комдив Фекленко.

— Вопрос второй, — твердо и спокойно продолжил Жуков. — Почему двадцать девятого не развили успеха? Почему не разгромили противника? Почему дали возможность отойти за границу и отвели свои войска на западный берег?

Фекленко оскорбленно вздохнул. Жуков повернулся к нему:

— Как вы считаете, не трудно ли за сто двадцать километров от поля боя управлять войсками?

— Вы не знаете наших условий. Район событий не подготовлен в оперативном отношении. Впереди нет ни одного километра телефонно-телеграфных линий, нет подготовленного командного пункта, посадочных площадок, — миролюбиво ответил Фекленко.

— Что сделано для того, чтобы было? — тут же уточнил Жуков.

— Думаем послать за лесоматериалами и приступить к оборудованию КП.

— Вы думаете или вы послали? — настойчиво уточнил Жуков.

— Пошлем, — недовольно ответил Фекленко. — Туда надо всё завозить — каждый гвоздик, каждую досточку, каждое бревно — и всё за семьсот пятьдесят километров. А эти косоглазые такой подлый народ — сегодня полезли здесь, завтра там, а послезавтра вообще черт знает где...

Жуков поморщился, когда Фекленко сказал «косоглазые». Фекленко заметил это.

— Что же касается «поля боя», поздновато приехали повоевать, Георгий Константинович... Метким ворошиловским залпом, крепким сталинским кулаком япошки вышвырнуты с братской монгольской земли... Что вы всё морщитесь, у вас зубы болят?

— Зубы у меня железные. А вот когда, рассуждая о противнике, унижают пренебрежением, все-таки начинают болеть. Это не презрение к врагу и уж, конечно, не лихость — это недооценка. А в итоге — ошибки, просчеты, как у вас.

— Что ж вы жучите всё меня? — Фекленко покраснел от обиды и негодования. — В званиях мы, кажется, одинаковы: вы — комдив, я — комдив. И по должности вас надо мной еще никто не поставил.

Жуков надел фуражку, по старой туркестанской привычке надвинул козырек на самые брови, прикрыв этим необыкновенно

светлые, необыкновенно пронзительные, суровые, властные глаза:

— Ладно, товарищ комдив, не в званиях нам надо бы меряться. Мы — солдаты, наше дело долг исполнять, от врага не бегать.

— Подождите, вы с дороги, не завтракали. — Начштаба комбриг Куцев открыл дверь в смежную с кабинетом комнату. — По русскому обычаю, товарищ Жуков.

Жуков глянул на стоявший там не роскошно, но крепко сервированный стол и сказал с упрямством и сожалением:

— Некогда тут обычаи соблюдать. — Он повернулся к Фекленко: — Поехали, Николай Васильевич, вместе на Халхин-Гол.

— Я не могу, меня в любую минуту могут вызвать к аппарату из Москвы, — не глядя на него, что-то перебирая у себя на столе, ответил Фекленко.

— Разрешите мне вместе с вами? — спросил незаметно вошедший во время разговора комиссар корпуса бригадный комиссар Никишев.

— Вот-вот, его и берите, Михаил Семенович у нас любит поездить, — хмуро сказал Фекленко.

— Комиссар корпуса полковой комиссар Никишев, — представился Никишев.

— Комдив Жуков, — уже на ходу, потому что крепко задумался, представился Жуков.

— Почему нельзя по-хорошему?.. Почему обязательно себя показывать? — когда Жуков и Никишев вышли из кабинета, обиженно говорил Фекленко. — До чего наглый, отвратительный тип! Обеспечьте охрану, а то еще убьют его ненароком... А свалят потом на Фекленко...

Куцев вышел выполнять приказание.

Жуков посмотрел на часы и недовольно сказал:

— Всё. Поехали.

— Без охраны нельзя, Георгий Константинович, — сказал Никишев, нетерпеливо поглядывая на выход из штаба. — Просачиваются диверсанты — границы как таковой нет. Сейчас я потороплю.

— Не суетитесь, каждый должен заниматься своим делом, — твердо возразил Жуков. — Что за человек ваш командир корпуса?

Никишев помялся и нейтрально ответил: — Хороший человек.

Жуков остро посмотрел на него. Никишев выдержал взгляд.

— Мы с вами не барышни... Территория дружественная. И военных действий, как говорят, давно нет. Если едете, поехали.

Тут он увидел Ваню Клочкова и несколько удивился. Никишеву стало стыдно перед новым человеком, что по Тамцаг-Булаку, рядом со штабом, разгуливает такой солдат — длин-

ный, как каланча, и от этого сразу заметный, простоволосый, в обтрепанной, опаленной форме, с пулеметом в руках. Да еще подергивает головой, как лошадь.

Ваня Клочков как раз остановился неподалеку и, устало тряхнув головой, спросил у шофера:

— Браток, где у вас этот... политотдел?..

— Товарищ красноармеец, — окликнул Никишев. — Подойдите... Вы почему в таком затрапезном виде?

— Да вот, — нелепо и виновато сказал Ваня, — не во что переодеться.

Жуков не выдержал и засмеялся:

— Вот он пусть с нами и едет. Это и будет наша охрана. Садитесь, больше не жду.

...Поехали. Следом тронулся автомобиль с группой офицеров-штабистов, приехавших с Жуковым из Москвы.

— Сколько у вас тут патронов! — Ваня увидел коробки с винтовочными патронами. — Можно заправиться?

— Заправляйтесь, — Жуков обернулся. — Были в боях?

— Чуть-чуть. Один день, — сказал Ваня, открывая диск.

— Ну и каков японец-солдат? — спросил Жуков.

— Нормальный солдат. Не отпихнешь, не попятится, — набивая патронами диск, ответил Ваня Клочков.

— Пихать приходится тяжело? — спросил Жуков.

— Нормально, — сосредоточиваясь на деле, ответил Ваня.

— Любите рассказывать, — сказал Жуков. — Жалко, что мы все-таки не поели.

Ваня вынул из монгольского ранца пересохший кусок монгольского хлеба и сушеного монгольского мяса, завернутые в монгольскую газету. Развернул. Осторожно постучал Жукова по плечу:

— Угощайтесь, товарищ комдив.

Жуков оглянулся, посмотрел на Ваню, и суровые его глаза потеплели.

— Спасибо, боец... Не годится командиру объедать своих подчиненных... Что это вы так странно экипированы?

— Это? — лицо Вани расплылось в широкой улыбке. — Это один друг — монгол — подарил... Жамсурэн... Пулемет, правда, надо вернуть.

— Дружите, значит, с монголами?

— У нас сложились дружеские, истинно братские отношения, — вступил Никишев.

— Женился бы на монголке? — Жуков обернулся.

— Ну так! — сказал Ваня. — Только теперь... — Он вздохнул, вспомнив девушку-военфельдшера.

— А я бы женился! — вдруг заволновался шофер. — Ух, товарищ комдив, как бы я сразу женился!

Дивизионный комиссар М. Никишев и дважды Герой Советского Союза летчик С. Грицевец

— Вы на дорогу смотрите,— строго сказал Жуков.

— Да я эти дороги — во! — Шофер закрыл глаза и откинул с руля руки.— Тут куда ни поедешь — везде ровно.

— Прекратить, вы не в цирке,— строго сказал Никишев.

— Стоп! — вдруг сказал Жуков.— Что там такое?

— Бомбили двадцать седьмого,— объяснил Никишев.— Сбросили двенадцать бомб, из них четыре камуфлета.

— Почему не докладывали?

— Не успели, наверное,— объяснил Никишев.

— Они еще аэродром в Баин-Тумене в этот день разбомбили,— сказал Ваня, снаряжая уже второй запасной диск.— И на Баин-Нуре... И автобус с ранеными.

Жуков строго посмотрел на Никишева.

— Вы можете, наконец, быстро ехать?!

— Еще как! — вздрогнул шофер, поправил пилотку и так погнал, выехав из Тамцаг-Булака, что Жуков удовлетворенно хмыкнул.

...Степь после майских дождей была радостна и зелена. Трава поднялась высоко. Рдели цветы. Постоянно попадались стада степных оленей. Устраивали гонку с машиной. Перебегали дорогу.

— Сайгаки? — спросил Жуков.

— Они зовут их козлы,— объяснил Никишев.

По бокам дороги удивленными столбиками вставали зверьки.

— Тушканчики?.. Хомяки? — спросил Жуков.

— Они зовут — тарбаганы,— объяснил Никишев.

Взлетали орлы с огромными, в полтора метра, крыльями.

...Нагнали застрявшую в солончаке грузовую машину с деревянной будкой на кузове. У колес беспомощно копалась с лопатой монгольская девушка — водитель грузовика.

— Товарищ комдив! — загорелся шофер.— Разрешите помочь братскому трудовому народу?

Жуков посмотрел на часы:

— Пятнадцать минут — помогите.

...Офицеры оперативной группы, ехавшие с Жуковым из Москвы, не жалея щегольских командирских сапог, вытаскивали грузовик из солончака.

Жуков и Никишев стояли несколько в стороне.

— Ну что, Михаил Семенович, пришло время серьезно поговорить,— строго сказал Жуков.

И тут налетели два самолета — чужие по силуэту, с красными чужими кругами на крыльях.

— Рассредоточиться! — приказал Жуков.

Все кинулись группами в разные стороны.

Рядом с Жуковым и Никишевым бухнулись с разбега шофер и монгольская девушка — водитель грузовика. Она была хорошенькая, с негрубой матовой кожей, со здоровым смуглым румянцем, с немаленькими, красивого монгольского разреза глазами.

— А?.. Товарищ комдив? — спросил про нее шофер.— Дуламхамон.

— Хороша,— согласился Жуков.

— А вам сколько лет, товарищ комдив?

— Отвлекаетесь много,— осадил Жуков.

...Ваня Клочков остался рядом с машинами. Спокойно положил у ног запасные диски. Взвел затвор. Самолеты пошли на атаку. Ваня сплунул и, дождавшись момента, открыл встречный огонь из «Дегтярева».

Летчик видел его длинную, неуклюжую фигуру, острый пульсирующий огонек из ствола, подвел под него прицел, боковым зрением заметил, что несколько пуль из «Дегтярева» попали в крыло, рассвирепел и открыл огонь из обоих «Виккерсов».

Пули прошли рядом с Ваней дважды пробив переднее левое крыло «ЗИСа».

Началась дуэль. Самолеты один за другим заходили на атаку. Ваня стоял как заговоренный и стрелял в них. По его примеру вот уже все офицеры, осмелев, поднялись и палили со всех сторон из пистолетов.

Самолеты стреляли в Клочкова, сбросили

три бомбы. А он спокойно менял диски и встречал их огнем.

Бомба упала в грузовую машину — во все стороны полетели буханки хлеба. Одна из них угодила Жукову по голове.

— Ну вот... Хлебом нас встретили. Соли еще не хватает,— сказал Жуков.

Не поняв, думая, что он обращается к ней, девушка-монголка посмотрела на Жукова спокойным твердым взглядом, в глазах стояли слезы из-за потери грузовика.

— Такой у русских обычай — встречать хлебом-солью,— объяснил Жуков.— Переведите.

— Не научился,— сказал Никишев.

А Ваня стоял и встречал самолеты огнем. Одна очередь ему удалась.

Пули попали в масляный радиатор и проббили ветровое стекло. Летчик испуганно дернулся, сбросил наугад последнюю бомбу. Сделал «горку» и пошел к себе. Второй пошел следом.

Жуков и сопровождающие радовались этой победе.

— Мерзкая штука война, а людей собирает хороших,— сказал Жуков про них про всех. Обнял плачущую монголку: — Не плачь, дочка, купим другую.

— Вдоль дороги необходимо отрыть щели,— быстро, решительно подходя к машине, приказывал Жуков своему порученцу. Сказал Клочкову: — Молодец, красноармеец!.. И смотрите-ка — цел!..

— Это еще не тот случай, товарищ комдив, чтобы меня скопытить,— сказал Ваня, протирая затвор «Дегтярева».

— А вот это не надо. Судьба, знаешь, какая? Услышит, подумает: многовато дала — заберет половину... Как звать?

— Иван Клочков.

— Молодец, красноармеец Клочков,— Жуков пожал Ване руку,— не дал произвести прицельное бомбометание и отманил на себя.

— Служу трудовому народу,— спокойно и твердо сказал Ваня.

От Тамцаг-Булака примчались бронеавтомобиль БА-10 и полупанка со счетверенным станковым пулеметом и полувзводом красноармейцев.

— Командир комендантского взвода лейтенант Петраков,— подбежал лейтенант.— Еле...

— Умейте всё сделать вовремя,— обрезал Жуков.— Соберите хлеб, там его люди ждут. Клочков, садитесь в бронеавтомобиль и смотрите внимательно по сторонам. Вы садитесь с шофером,— это порученцу.

Сам сел на заднее сиденье с Никишевым. Поднял стекло, отгораживающее от водителя и порученца. Заткнул пробкой переговорную трубку. Строгим, не терпящим возражения голосом сказал Никишеву:

— Докладывайте, что тут у вас происходит.

Машины поехали.

Никишев заговорил:

— Недостатков у нас больше, чем может показаться на первый взгляд. Главное — неготовность и неумение вести целенаправленные боевые действия. Наверх общается только то, что приятно услышать. Любая реалистическая оценка считается пессимизмом и разложением. Второе... разведка. Ведение глубинной пешей разведки и авиаразведки запрещены приказом Генштаба во избежание обвинения нас в агрессивности... Вы увидите, без разведки мы здесь — слепые котята. Тогда как противник летает над нами, как хочет, и видит у нас все, что хочет... Третье — связь... В условиях боя проводная связь неустойчива, провода горят, рвутся гусеницами, снарядами, копытами лошадей, вырезаются диверсантами.

— Радиосвязь? — уточнил Жуков.

— Радиосвязь на территории Монголии строжайше запрещена приказом наркома НКВД от 37-го года — во избежание радиоперехвата противником.

Жуков вынул пробку из переговорной трубы и приказал порученцу:

— Запишите: всем радистам немедленно начать подготовку. Через неделю проверю... Вы можете, наконец, быстро ехать?!

Шофер вздрогнул, поправил пилотку, и они помчались еще быстрее.

— Четвертое — управление... Процветают ложь, очковтирательство угодничество...

Автомобили, их было теперь четыре, на предельной скорости мчались по отполированной степной дороге — шахматный порядок, достаточное расстояние, чтобы не пылить друг на друга и не попасть под одну бомбу.

В открытом люке БА-10 стоял Ваня Клочков. Сжимал в руках пулемет, заботливо обмотанный тряпичей от шейки приклада и до ствола, чтобы в затвор не попала пыль, и зорко смотрел по сторонам, охраняя появившегося на Халхин-Голе нового человека. В ушах свистел воздух, рвал волосы. На душе было празднично, казалось ему, что с приездом этого твердого, уверенного в своей правоте человека все хорошо и нормально устроится и на Халхин-Голе, и в его, Ваниной, жизни. Он был готов умереть за него в эту минуту.

Жуков стоял на вершине Баин-Цагана и рассматривал местность в бинокль. Он сразу увидел все: панораму мирной, на первый взгляд, долины реки Халхин-Гол; и отроги Хин-Гана, закрывающие собой любые попытки рассмотреть, что прячется в них;

и голые степи нашего тыла, позволяющие рассмотреть все на многие километры.

Невдалеке от него остановился броневый автомобиль. С пулеметом в руках в открытом люке БА-10 стоял Ваня Ключков. Он зорко осматривался вокруг, охраняя Жукова.

— Лихо, — сказал Жуков.

— Там отроги Хин-Гана, их территория, — пояснил Никишев.

— Вижу, — сердито сказал Жуков. — Ловко выбрали место, мы их не видим, а сами как на ладони...

— Они имеют возможность скрытно сосредоточивать войска, мы этой возможности не имеем, — подтвердил Никишев. — К тому же, у них почти вплотную подходят две железнодорожные ветки, в любой момент могут подвезти все, что хотят. А у нас до ближайшей железной дороги восемьсот пятьдесят километров.

— Знаю я это, — недовольно сказал Жуков. — Как называется эта возвышенность?

— Баин-Цаган.

— Красив монгольский язык. Почему вы так рьяно высунулись с «дружескими, истинно братскими отношениями» — были какие-то осложнения?

— Осложнений не было, был стыд. Наша артиллерия дважды обстреляла монгольскую конницу — двадцать восьмого мая и двадцать девятого — один раз с большими потерями.

— «Меткими ворошиловскими стрелками»? — желчно уточнил Жуков.

— Правда, они ничего — улыбаются, как улыбались... И один раз — свою роту на правом фланге. Все — из-за отсутствия налаженной связи и безграмотного управления боем.

— Ловко вы тут начинаете, — недовольно сказал Жуков и быстрым решительным шагом направился к автомобилю. — Попытаемся проскочить на восточный берег...

НП батареи Воеводина.

Жуков прильнул к окулярам мощного перископа, всмотрелся в ту сторону, в отроги Хин-Гана.

За сопками, за горами, как за стеной — ничего не видно, чем они там занимаются? Блеснуло оттуда стекло то ли бинокля, то ли перископа. Всмотрелся — нет, не видно. Мелькнула крытая брезентом кабина машины. Всмотрелся — нет, больше ничего.

Прошелся панорамой по долине Халхин-Гола: мир, покой, десятки красноармейцев удят рыбу.

Бокowym зрением Жуков увидел Ваню Ключкова, он стоял неподалеку, с пулеметом в руках, охранял его, Жукова. Сказал тому, кто находился рядом:

— Оденьте моего красноармейца.

Командир побежал выполнять приказание.

Жуков еще раз прошелся панорамой по всей долине, сделал пометки в своем рабочем блокноте и на своей карте.

Поговорил с Воеводиным, когда тот подбежал к нему, оставив старшего лейтенанта НКВД Воротничкова с развернутым планшетом, записывающего что-то, видимо, с его слов.

— А вы почему такой грустный? — еще раз быстрым и зорким взглядом осматривая батарею и оставаясь довольным царившим на батарее порядком, спрашивал Жуков. — Обнаружили и уничтожили штаб группы и этим, можно сказать, опередили наступление — и такой кислый вид?.. А что будет, если вдруг разгромите штаб Квантунской армии — слезами залететься?

Воеводин, казалось, не заметил юмора и хорошего расположения начальства.

— Да вот, потерял оружие прямым попаданием бомбы — теперь не знаю, как отчитываться: Халхин-Гол перешел самовольно, нарушив приказ... Ведут следствие, боюсь, попаду под суд.

Жуков еще ниже надвинул фуражку.

— Конечно, вы ничего бы не потеряли, если бы сидели дома за печкой, — непонятным для Воеводина тоном сказал Жуков. — Только враг был бы уже там!

Жуков повернулся к своим:

— Пишите, Никишев: за командирскую смекалку, решительность, инициативность, а также за те результаты, к которым это все привело, представить старшего лейтенанта Воеводина к ордену Боевого Красного Знамени. — Повернулся к Воеводину: — А вы оформите наградные на отличившихся в бою красноармейцев.

— Во! — по-детски обрадовался Воеводин. — Теперь хоть и воевать можно!.. А этот как — особист?

Жуков посмотрел на старшего лейтенанта НКВД Воротничкова и сказал очень спокойно и очень твердо:

— А этот пусть из этого сделает выводы.

Старший лейтенант Воротничков побелел от обиды:

— Извините, товарищ комдив, но я все-таки подчиняюсь по своему ведомству.

Жуков ответил так же спокойно:

— Ну, здесь-то, в боевых условиях, ты будешь подчиняться мне.

Воротничков, обиженно поджав губы, принялся убирать бумаги в планшет.

Жуков показал Воеводину на прощанье:

— Там у тебя танкоопасное направление.

— Товарищ комдив, это место пристреляно, — доложил Воеводин.

— Ну! — Жуков был рад. — Зарабатывая второй орден, я за хорошее не скуп-

люсь, — крепко, по-мужски пожал руку.

Когда сядились в машину, Никишев сказал Жукову про старшего лейтенанта НКВД: — Георгий Константинович, не надо обострять отношений с этим народом.

— Да знаю... а не могу. — Жуков коротко хохотнул. — Не люблю я, дурак, бездельников.

Никишев впервые увидел, что у него не только суровые, но иногда и веселые глаза. Он сказал ему в тон:

— А вы ведь еще не приступили к командованию.

— Значит, за все будешь отвечать ты. — Жуков выглянул из машины и строгим, не терпящим возражения голосом позвал старшего лейтенанта НКВД: — Товарищ старший лейтенант, будете сопровождать нас. Садитесь в ту машину. — Жуков подмигнул Никишеву.

Воротничков покраснел от удовольствия и кинулся выполнять поручение.

Шофер погнал машину, знал требования комдива.

Позиции полка Ремизова. Жукову здесь нравится: порядок, траншеи, грамотно, хорошо оборудованные позиции.

Примчался на мотоцикле майор Ремизов: — Командир 149-го моторизованного стрелкового полка майор Ремизов.

— Жуков, — Жуков приложил к козырьку ладонь и протянул потом руку Ремизову. — Докладывайте о противнике.

Ремизов доложил откровенно:

— Надежный солдат. Без приказа не отступает. Дерется до последнего, в плен не сдается, последнюю пулю бережет для себя. Опытный — трехлетняя война в Китае. Не боится рукопашного боя. Хорошо маскируется. Владеет гранатой. Прекрасно и моментально окапывается. Бруствер на окопе не делает, от этого окоп не заметен. Хорошо подготовлен к ведению ночного боя.

— Ну, вы совсем запугали меня, — сказал Жуков, в душе радуясь, что у этого командира здоровый, трезвый подход к противнику. — Все говорят, что они «япошки» и, вообще, пустячок.

— Плюньте тому в лицо и потом не креститесь, — спокойно ответил Ремизов.

— Ну, вы же их тут разбили? — уточнил Жуков.

— Честно говоря, мы их здесь не разбили. Мы задавили их. На двадцать девятое мая, когда я подошел, у нас стало двойное превосходство в штыках, тройное в пулеметах и артиллерии и абсолютное превосходство в броне. Однако мы почему-то дали возможность противнику эвакуироваться, а сами почему-то отошли на западный берег.

— Это вредительство! — загорелся Воротничков.

— Вы почему здесь? — сурово спросил Жуков.

— Вы приказали сопровождать — сопровождаю, — без тени робости ответил Воротничков.

— Сопровождать сопровождайте, а выгоды буду делать я. — Жуков повернулся к Ремизову, спросил прямо: — А вы почему не разгромили сами?

— Товарищ комдив, я — майор, мне приказывает полковник. Я подчиняюсь.

— Ну так вот, с сего дня будьте любезны проявлять командирскую инициативу, — твердо сказал Жуков. — Я приказываю.

— Есть. Это я с удовольствием.

— Эта высота — монгольская территория? — Жуков показал на недалекую высоту, занятую японцами.

— Так точно.

— И не скучно с противником бок о бок сидеть?

— Честно говоря, скучновато, — сказал Ремизов.

— Ну так вот, тщательно, командирской разведкой определите линию обороны — каждый окоп, каждую пулеметную точку, места отхода... И проведите, наконец, грамотную операцию! Не отпихнуть — разгромить! И выйти к государственной границе!.. Задача понятна?

— Так точно.

— Выполняйте, — Жуков сел в машину, поехали дальше.

Ваня Клочков догнал броневтомобиль, вскочил на ходу. Встал в башне, зорко смотрел по сторонам, охраняя Жукова.

Жуков приехал на Халхин-Гол с хлебом. Его раздавали бойцам — русским и монголам. Ваня Клочков был рядом.

Ничего не говорило о том, что предстоят бои. Мирный бивуак. На берегу Халхин-Гола сидят красноармейцы и ловят рыбу.

Один из них прохаживается с удочкой, забрасывает ее то там, то тут, а сам зорко смотрит по сторонам. Он в красноармейской форме, как и все здесь. Это Завойкин, в прошлом есаул банды Унгерна.

О майских боях говорят желтеющие вдали остовы японских танков. Два сожженных советских броневика. Воронки от бомб. Жуков разговаривает с цириками и красноармейцами.

— Как volete, товарищи красноармейцы? Как вас кормят?

— Воюем вроде бы ничего. Кормят хуже. Рыбку ловим.

— Запишите, — велит Жуков своему порученцу и говорит красноармейцам: — Если хоть один день не будет горячей пищи, сразу ко мне.

— Я этим займусь, — негромко, не привлекая ничьего внимания, говорит Никишев Жукову.

— Есть ли возможность помыться? Белье постирать?

— Да вот — река.

— Запишите, — велит порученцу.

— Я этим займусь, — опять говорит полковой комиссар Никишев.

— Где отдыхаете, спите? — спрашивает Жуков.

— Завернемся в шинель — и под кустик.

— Что ж окопы себе не отрыли и блиндажи?

— Никто не приказывал.

— Отрыть, проверю сегодня вечером.

— Товарищ комдив, может, вообще отсюда пора — все вроде кончилось, — говорит красноармеец. — Комар лупит, спасенья нет.

Жукова тоже немилосердно «лупил» комар.

— Проверю сегодня вечером, — напомнил Жуков. — Впредь, товарищ красноармеец, распоряжения командира не оговаривать.

Жуков сказал это спокойно, но так твердо, что красноармеец вскочил:

— Есты!

— Всякую ловлю рыбы немедленно прекратить. Тщательно проверить личность каждого рыбака.

Никишев, придерживая пистолет, побежал выполнять приказание.

Тут на Ваню Ключкова накинудся закадычный товарищ Славик Кубышкин.

— Ванька, черт длинный!.. Живой, фитилюга? — Славик чуть не плакал от радости.

— Славик! Здорово! — Ваня обхватил товарища, оторвал от земли.

— Слушай, ты теперь при начальстве — как там оно: кончилось это или опять начнется? — желая, чтоб кончилось, спросил Кубышкин.

— Как там наши? — спросил Ваня.

— А нет почти никого...

— Как... никого?

— Все почти полегли. На третий день он пошел вдоль реки, чтобы окружить нас — все наши полегли... у моста...

— А Лацис? — с понятным и стыдным интересом спросил Ваня.

— Который из НКВД? Ух, садил по гадам из пистолета... Бомбой... почти на моих глазах...

И, как ни стыдно было признать это, Ваня ощутил облегчение, почти радость, услышав о гибели Лациса. Они опять обнялись с Кубышкиным и запели:

Броня крепка, и танки наши быстры!
И наши люди мужеством полны!..

Их громкое пение услышал Жуков:

— Ну, если без команды поют красноармейцы, значит будет все хорошо.

...Вдали, в отрогах Хин-Гана, закрывающих от посторонних глаз все, что происходит на той стороне, поднимается японский аэростат с наблюдателями.

II. БАИН-ЦАГАН

Москва. Наркомат обороны.

В кабинет Ворошилова спешно входит начальник Генштаба Тимошенко:

— Товарищ нарком, от Жукова.

Ворошилов быстро прочитал расшифрованную телеграмму и тут же вызвал своего порученца Хмельницкого.

— Садитесь за параллельный аппарат и стенографируйте — я буду говорить с товарищем Сталиным.

Хмельницкий сел за столик с параллельным телефонным аппаратом, приготовил остро очиненные карандаши и бумагу.

Ворошилов не без радости набрал короткий номер.

— Слушаю, — сказал Сталин.

Хмельницкий застенографировал.

— Товарищ Сталин, это беспокоит вас Ворошилов.

Хмельницкий застенографировал.

— Слушаю вас, товарищ Ворошилов.

Хмельницкий застенографировал.

— Получено важное сообщение из Монголии, от Жукова.

— Приезжайте, поговорим.

К дому в Кремле, где был кабинет Сталина, подъехали две машины — с Ворошиловым и Тимошенко. Ворошилов и Тимошенко вышли из автомобилей и спешно поднялись по ступеням...

Кабинет Сталина.

— А не празднует ли товарищ Жуков труса? — остро спросил Сталин. — Не овладели ли им при виде противника панические настроения?

— Извините, товарищ Сталин, — сказал Тимошенко, — товарищем Жуковым всегда владеет только одно настроение — наголову разгромить врага.

Сталин недоверчиво скользнул по Тимошенко прищуренными глазами.

— Слова, — с презрением сказал он, — это только слова. А вот товарищ Штерн сообщает, что в результате героических действий наших красноармейцев и монгольских цириков японские самураи отброшены за границу и прекратили активные боевые действия. — Сталин осмотрел всех. — Новый человек всегда имеет тенденцию плохо говорить о старом. Чтобы показать, как он лично необходим. Как необходимо его личное участие... В отличие от товарища Жукова товарищ Штерн известный военачальник — четырежды орденносец, герой Испании и Хасана — кому в этом случае мы больше обязаны доверять? — опасные, «рысьи» глаза Сталина нехотая остановились на Кулике, заместителе наркома обороны.

— Учтем, товарищ Сталин, — тут же ответил Кулик.

— «Учтем-учтем», что-то вы полюбили рассуждать, как бухгалтер, я не хочу обижать профессию, — неприязненно бросил Сталин и показал на Тимошенко: — Говорите вы.

— Товарищ Сталин, вы знаете цену Штерну как военачальнику. Товарищ Жуков еще не имел возможности проявить себя в этом качестве. Он изучил обстановку. Считает, что готовится мощное нападение. Что это не пограничный конфликт. На наш взгляд, только обосновал.

— Читал, — презрительно сказал Сталин, расшифрованная телеграмма лежала на его столе.

— И потом — не следует забывать, мы просеяли восемнадцать кандидатур, нам больше некого было послать в Монголию... Или мы доверяем ему, или не доверяем — но слушать нам больше некого.

— Почему не говорите о главном? — опасно спросил Сталин.

Все насторожились. Сталин дал волю гневу:

— Что он там себе позволяет?! Почему нарушил государственную границу?.. Как смеет допускать подобные провокаторские действия?!

Ответил опять Тимошенко:

— Там была такая высота — отметка «триста сорок четыре». Она находится на территории дружественной нам Монголии. Была занята противником. Жуков приказал Ремизову взять высоту и выйти к государственной границе... Майор Ремизов приказ выполнил. Однако рванулся вперед со своим полком — далеко вглубь, — не заметив, как перешел госграницу. Японцы сразу бросили на него большие силы. Жуков, выручая полк, подтянул бронеприцеп, которая с двух сторон подошла к Ремизову и расперла проход...

— Ну и чем дело кончилось? — обнаружившая охвативший его азарт, спросил Сталин.

— Мы приказали отвести войска на территорию Монголии.

— Таким только позволь, они весь мир завоюют, — недовольный неизвестно каким из двух обстоятельств сказал Сталин. — Ремизова — под суд. И опубликовать в печати. Весь мир должен знать, что мы не агрессоры.

Сталин зло посмотрел на Берия. Берия ответил честным, преданным взглядом. В глубине суровых сталинских глаз появились улыбка и даже какой-то намек на привязанность.

— Ну и что там требует этот Жуков? — спросил Сталин, хотя всё и хорошо запомнил с первого раза.

— Товарищ Жуков обращается с просьбой незамедлительно и серьезно усилить авиационные части, прислать не менее трех кадровых стрелковых дивизий и одной танковой бригады. И значительно укрепить артиллерию.

— Что это значит: «незамедлительно усилить» и «значительно укрепить»? — раздраженно спросил Сталин, скуповатый, как и всякий нормальный хозяин. — Не думает ли он, что мы намерены послать ему все наши войска? Чтобы он скачал там — туда-сюда — через границу? Что он там, вообще, позволяет? Или вообразил, что этот пустык — самое главное дело в мире?.. Мы его быстро поправим.

— Вот именно, — преданно поддержал Берия.

— Что нам еще сообщают? — Сталин посмотрел на Берия.

Берия развернул свою папку и стал читать:

— «Товарищ Жуков склонен преувеличивать достоинства противника, что может, особенно когда это идет от командира, деморализовать дух армии».

В те годы это было страшное обвинение. Все угнетенно молчали.

— Так, пятого — шестого — тридцать девятого он заявил: «Японцы...» — продолжал Берия.

— А не пытается ли он сам разжечь там войну, чтобы показать себя? — не дослушав его, остро спросил Сталин.

Вступил Ворошилов:

— С Сахалина сообщают, товарищ Сталин, к острову подошли военные корабли. Японские концессионеры, явно ожидая нападения, тут же начали перекрашивать свои нефтяные хранилища, предназначенные для сбора и хранения нефти, в оранжевый цвет.

— Тогда как наши?.. — уточнил Сталин.

— Имеют такой же, как и раньше японские, зеленый.

Сталин посмотрел на Берия и строго спросил по-грузински:

— Почему это сообщают военные, а не НКВД?

— Учитель,— уважительно, по-грузински ответил Берия,— у меня есть такое же донесение. Надо быть мудрым: мало ли кто что и в какой цвет красит?

— Глупо, Лаврентий,— по-грузински сказал Сталин.

Сказал Молотов:

— Япония вновь обратилась к Гитлеру с предложением оформить военную сторону союза оси «Берлин-Рим-Токио»... Цель, товарищи, при этом одна: начать самим и следом втравить Германию.

Сталин задумался и сказал:

— Телеграфируйте товарищу Жукову — пусть принимает командование... Мы его будем поддерживать. Вы, военные, будете отвечать за него головой.

Тут под конец разговора Поскребышев открыл дверь, появился всесоюзный староста, Председатель Президиума Верховного Совета М. И. Калинин. Он вошел в кабинет, мелко ступая старческими ногами, близоруко шурясь на всех из-за пенсне. При его появлении все поднялись.

— Иосиф Виссарионович, нельзя же, понимаешь ли, так — у меня сидят стахановцы — передовики угольной индустрии — и думают: неужели не увидим товарища Сталина, нашего любимого вождя и учителя? Неужели у него не найдется для нас минуты?.. Здравствуйте, товарищи.

— Здравствуйте, Михаил Иванович, — вразной, с уважением ответил каждый.

— Хорошо,— сказал Сталин, не скрывая удовлетворения от того, что сказал Калинин.— Сам приду...

— Товарищи военные могут быть свободны,— сказал Сталин и, не дожидаясь, когда они все выйдут из кабинета, повернулся к Молотову: — Как складываются дела на переговорах с Англией и Францией?

Ворошилов и Тимошенко задержались, выходя из здания, где находился кабинет Сталина.

— Тогда надо будет усилить его Штерном,— озабоченно говорил Ворошилов.— Послать — кто там у нас как-то свободен? Послать начальника артиллерии РККА Воронова — пусть улучшит управление артогнем. По броне — Павлова и... видимо, Кулика?

— Жуков упрямый,— возразил Тимошенко.— Он вряд ли потерпит над собой опеку.

— Что значит «упрямый»?.. Я вас спрашиваю, что это значит — «упрямый»?!

— Это значит одно, Климент Ефремыч,— упрямый,— упрямо сказал Тимошенко.— И потом, он просил помощи не в командовании, а в войсках.

— Что значит «в войсках»? Ты хорошо знаешь, где все войска. Западную границу

защищать надо? Гитлер, того гляди, развяжет войну. Восточную — надо? Сам знаешь, какие у японцев планы... Надо менять Жукова,— сказал Ворошилов.

— Будем глупо выглядеть перед товарищем Сталиным,— сказал Тимошенко.— Только назначили, и сразу менять.

— Выполняйте указание товарища Сталина,— вздохнул Ворошилов, видя все это время, что шофер его автомобиля протирает стекло, а сам старается услышать, о чем они говорят.— Это ваш любимчик, будете отвечать за него головой... Ремизова — под трибунал... Берия почему-то о Жукове слышать не может...

— Лаврентий Палыч — совесть партии. А совесть всегда должна быть начеку,— не радуясь, что он опять за все отвечает, вздохнул Тимошенко.

Ворошилов сел в машину и сказал шоферу, зная, что он служит у Берия:

— Вот что я хочу сказать тебе: Лаврентий Павлович — совесть сталинской партии большевиков-ленинцев. А совесть — всегда начеку... В наркомат.

Монголия. Позиции полка Ремизова.

— Я приказал, я отвечу,— сказал Жуков Ремизову.— Михаил Семенович, как ты считаешь, если мы представим майора Ремизова за грамотно проведенную операцию, за проявленное личное мужество к ордену Ленина?

— Считаю, правильно,— поддержал Никишев.— Что же это за командир, который в бою ни вправо, ни влево, ни вперед, ни назад — ни на что без указки сверху решиться не может?

— Извини, майор, орден, видимо, тебе не дадут, но над трибуналом задумаются.— Жуков осмотрел позиции полка Ремизова, невольно вздохнул: — Жидко у нас с оборонной. Сил мало, а участок большой.

— Зато у нас цель чиста — сами ни к кому не лезем, а полезут — спуску не дадим!

— Так-то так,— Жуков протянул Ремизову ладонь.— Служи, как служил, майор... Надеюсь, все-таки пронесет.

...Машина с Жуковым тронулась. Ваня Клочков догнал броневичок ФАИ, вскочил на ходу, застыл в башне, прижимая к себе «Дегтярев», зорко смотрел по сторонам, охраняя Жукова.

Никишев остался в полку.

В машине Жуков и Воротничков были одни, без свидетелей. Жуков поднял стекло, отгораживающее от водителя, заткнул переговорную трубку.

— Ну что, старший лейтенант, доносишь на меня по своему наркомату? — спросил Жуков.

Воротничков покрылся белыми и красными пятнами.

— Не красней, говори.

— Сведения, конечно, даю... Так это хотя я, а то другой бы давал...

Первым, узнав об утверждении Жукова командиром 57-го ОК, примчался на Халхин-Гол Штерн. Жизнерадостный, крепкий, орденосный, счастливый в своей молодости и постоянно сопутствующей удаче. Герой Испании и Хасана тридцатидевятилетний командарм II ранга Григорий Михайлович Штерн смахнул белоснежным платком невидимую пыль с зеркально блестящих сапог, сбежал по лесенке с самолета. Самолет был огромен — тяжелый бомбардировщик ТБ-3. Кроме самого себя, Штерн привез боеприпасы и интенданта Готмана.

— Готман! Быстро машину под задницу. Узнай, где этот Жуков. Прикажи разгружать самолет.

Румяный и тоже жизнерадостный интендант III ранга Готман побежал выполнять приказание.

Штерн упер руку в бок, огляделся по сторонам:

— Эх, степь ты монгольская, ни конца тебе нет, ни края...

Готман был прекрасный организатор — тут же подлетела машина, самолет уже разгружали. Они сели в машину и помчались искать Жукова.

Жуков у остовов двух сожженных пушечных броневых автомобилей БА-10. Говорит с командиром и политруком бронедивизиона:

— Так хорошо или плохо — что вы всё мнетесь?

— Ну да... не хочу порочить самую передовую в мире советскую технику! — растерянно и, как ему показалось, находчиво отвечал командир бронедивизиона капитан Симаков.

— Говорите же дело, — приказал Жуков.

— Она намного лучше японской!.. — терясь под его жестким и строгим взглядом, отвечал командир. — Но как бы сказать — горят, это не я говорю, это все видели.

— Тьфу! — в сердцах сказал Жуков.

— Разрешите мне? — вступил политрук. — Бензобак у БА-10 нехорошо расположен — доступен для каждой шальной пули, отсюда легкое загорание. Загоревшийся бензин льется на экипаж, экипаж тоже горит. А так, действительно, броня, вооружение, мощность выше, чем у противника.

— Это можно исправить? — спросил Жуков.

— Если бы бензобак был под днищем — тогда и попасть тяжелей. А попали — горящий бензин льется на землю, люди целы.

— Кругом вредительство! — покраснев от досады, сказал старший лейтенант НКВД

Воротничков, который все еще сопровождал Жукова.

Жуков строго посмотрел на него и спросил политрука:

— Возможно переставить в наших условиях?

— Если развернуть мастерские с автономом... и достать помпы...

— Запишите, — приказал Жуков своему порученцу.

Уходя, спросил командира бронедивизиона:

— Как вас зовут?

— Капитан Симаков, — стыдясь, ответил тот.

— Не старайтесь с неправдой хорошо выглядеть перед начальством — я этого не пойму, — сказал Жуков.

— Слушаюсь, — виновато сказал Симаков. — Разрешите идти?

— Подождите. Карту.

Порученец подал Жукову карту.

— Смотрите сюда. Вот это — самое опасное направление, — показал Жуков. — Передвиньте сюда часть пушечных броневых автомобилей. По обе стороны. Заройте их в капониры и ждите.

— Разрешите выполнять?

— Не сейчас, ночью, и чтобы никто не видел. Тщательно замаскируйте. И никаких хождений вокруг! Выполняйте!

Жуков решительным шагом направился к автомобилю. Старший лейтенант НКВД Воротничков шагал рядом.

— Сколько раз вам говорил, будете лезть, когда не спрашивают, прогону, — строго говорил Жуков.

Воротничков побелел от досады.

— Что вы все — то краснеете, то белеете? — недовольно спросил Жуков, садясь в машину.

— Я вредительство ненавижу! — пылко ответил Воротничков.

— Гимнастику надо делать, водой обтираться.

Воротничков едва не задохнулся от желания возразить, однако сдержался.

— Слушаюсь, — сказал он.

Тут и нашел их Штерн, примчался на сияющем, будто не поднималась шлейфом густая монгольская пыль, автомобиле. Он стряхнул белоснежным платочком невидимую пыль с блестящих сапог, бросил его под сиденье и вышел из машины сияющий в своей молодости, удаче, в своих многочисленных орденах и ладно сидящей форме командарма II ранга.

— Ну и навел ты шорох в Москве!.. Что ты меня в Чите не дождался? Я же велел передать: я в Даурии, вернусь вечером — что-то японцы там намечаются, — дружелюбно и весело сказал Штерн.

Жуков встал «смирно» и сказал как младший по званию старшему:

— Извините, спешил, товарищ командарм II ранга.

— Давай без чинов,— дружелюбно предложил Штерн.

— Давай,— согласился Жуков, который был на четыре года старше Штерна и на два звания младше.— И давай раз и навсегда определим и разграничим наши обязанности.

— Слушай, ты серьезный мужик,— сказал Штерн.— Ну, давай... Говори, что знаешь.

Жуков не пошел на шуточный тон.

— Войска здесь доверены мне. Командую ими здесь я,— упрямо и твердо сказал Жуков.

— Любишь командовать. А умеешь? — шуточно кольнул Штерн, поблескивая своими четырьмя орденами и одной медалью против жуковских двух и одной медали. И опять Жуков не пошел на шуточный тон:

— Ваша задача как командующего обеспечивать наш тыл, снабжать всем необходимым. В том случае, если военные действия перебросятся на другие участки и начнется война, мой корпус входит в ваше непосредственное подчинение, я — тоже. Но только в том случае. А пока действую самостоятельно, подчиняюсь только Москве, иных взаимоотношений не потерплю... А теперь, если хочешь, можем чуть-чуть пошутить.

— Теперь я уже не хочу,— дружелюбно и весело откликнулся Штерн.— Эй, Готман!.. Готман!.. Беги сюда.

Из машины Штерна выкатился невысокий, круглый, румяный и молодой Готман с пузатым портфелем в руках.

— Знакомьтесь: этот сердитый — Жуков, этот веселый — Готман, такой же еврей, как я... Ты, Готман, останешься здесь, будешь моими печальными глазами и будешь служить Жукову так же, как служишь мне. Я буду, в основном, в Чите, буду выталкивать через Борзю всё, что станет тебе поступать. Готман будет мотаться здесь и крутить, чтобы ничего не терлось и не задерживалось на этом восьмисоткилометровом бездорожном пути. Мой лучший снабженец, только не посылай в атаку, это — не его... Подожди! Давай познакомимся хоть с тобой, как люди. Штерн Григорий Михайлович,— Штерн протянул Жукову руку,— как говорят, Герой Испании и Хасана, а на самом деле просто веселый честный еврей.

— Комдив Жуков.

— Пошли куда-нибудь обговорим детали, комдив Жуков.

Жуков показал рукой на землянку. Они пошагали к землянке.

— Необходимо добавить грузовых машин, на первый случай хотя бы пятьсот,— говорит Жуков.

— Готман! Он раздевает нас догола!

— Не дашь, буду обращаться в Москву,— упрямо сказал Жуков.

— Для друга-то — всё отдам!

Ваня Клочков шел сзади, в 15-ти метрах, с ручным пулеметом, охраняя Жукова.

Штерн, сам очень низенький, даже ниже Жукова, все оглядывал в изумлении его длинную, в коротковатом обмундировании фигуру, с махоньким в таких руках пулеметом.

И каждый раз Ваня останавливался, вытягивался «смирно» и козырял. И каждый раз Штерн вынужденно козырял в ответ. Наконец он не выдержал и спросил:

— Кто это такой?

— Товарищ. Можно сказать, друг,— сказал Жуков.

...В землянке Готман вытащил из портфеля убийственную кучу планов и графиков — детально разработанный план снабжения 57-го особого корпуса — и подвинул Жукову.

— Мне это не надо,— сердито сказал Жуков.— Я этим ничего не заткну. Мне войска нужна. У меня линия обороны вытянута тонкой ниточкой. Если он начнет сразу здесь, здесь и здесь, мне останется только бежать.

— Ну, если ты за этим приехал... Авиация к тебе идет от меня и из центра,— сказал Штерн.

— Пехоты — комар наплакал. А у тебя кадровые дивизии, по всей границе без дела стоят, дай хоть одну.

— У меня стоят и будут стоять. Там ж/д, тоннели, СССР, перережет — отпал ДВК и вся Сибирь. Так что, разберемся в бумагах и жди, Егорушка,— так тебя мама звала? — что пошлет Москва, без ее команды я пары валенок не отдам... Настоящая война будет там, у меня. А у тебя, извини, только юмор и проба сил...

Жуков упрямо сжал губы.

...Позже, садясь в машину, Штерн сказал о Жукове:

— Цепкий мужик. Окончится здесь, заберу к себе, нечего ему пропадать. Служи ему честно, Готман.

Штаб Квантунской армии. Кабинет командующего генерала Уэдэ.

На стене за спиной генерала Уэдэ красное полотнище, обозначающее высокий ранг хозяина кабинета. В углу деревянная стойка с самурайским мечом. В кабинете — цвет командования Квантунской армии — генералитет и старшие офицеры.

Уэдэ:

— План составлен прекрасно. Ошибки плохих майских боев учтены. Теперь каждый будет знать, что обязан делать каждый день, каждый час нашего решающего наступления.

Это блестящая работа штаба, я утверждаю его...

Присутствующие в кабинете штабисты встают, в почтении склоняют головы. Надо бы запомнить их, через два с половиной месяца они будут вынуждены покончить жизнь хакари.

— ...Превосходство в силах значительное. Мы сосредоточиваем лучшие императорские войска, имеющие опыт победоносной войны в Китае. Противник вял, неразумен, до сих пор не поднял подкрепления из России и будет наказан за это. Новый командующий пятьдесят седьмым корпусом Жуков, в традициях русского национального характера, спит как медведь в берлоге...

Легкое, презрительное оживление среди присутствующих.

— ...Операцию провести решительно, быстро. Руководить так, чтобы господствовала инициатива в боевой обстановке. Ни на минуту мы не должны забывать, как важно всё это. Вдохновенное победой армии, осторожное, вконец обуржуазившееся правительство в Токио будет вынуждено начать войну с этим дурацким наглым конгломератом под названием СССР... как было в войне с Китаем. После нашей победы здесь общественное мнение не простит правительству промедления... Хитрая Германия перестанет лукавить и заигрывать с СССР. Боясь опоздать, она срочно нападет с запада, и тогда совместными усилиями существованию огромного и бессмысленного государства будет положен конец. Япония станет хозяином в Азии и сможет выполнить свою великую миссию — установить мир, справедливость, порядок... Вот к чему приведет наша победа. Вы должны помнить об этом каждую минуту вашей борьбы и усиливать свои действия...

Почтительно склоняют головы генерал-лейтенанты Камацубара, Ясуока, генерал-майор Кобаяси, старшие офицеры Сковывающей и Ударной групп.

— ...Для того, чтобы весь мир тут же узнал о нашей победе, приглашаю в район боевых действий военных корреспондентов ведущих газет Италии, Германии, Японии, Маньчжоу-Го. Приглашаю также военных атташе Германии, Италии в Токио. Встретить на высоком уровне — это важно. Общее руководство операцией поручаю генералу Камацубаре Мититаро...

Камацубара встал, почтительно склонил голову. Из-за полуприкрытых век с удовлетворением глянул на генералов Ясуоку и Кобаяси. Они тоже почтительно склонили головы, хотя и чувствовали себя обделенными.

— Мы заманим пятьдесят седьмой корпус в мешок и задавим, как стаю обезумевших крыс... Посидим, подумаем, всё ли учли... Пристально посмотрим друг на друга, зара-

зимся друг от друга энергией для осуществления нашего плана...

Генералы и старшие офицеры смотрели, думали, заражались.

— С нами император и бог! — встал генерал Уэдэ.

Все встали.

...И вот уже японские войска сгружаются с далеких от места предстоящих боев железнодорожных веток и начинают движение к месту сосредоточения.

Их было немало, и это были хорошо обученные, закаленные трехлетней войной в Китае войска. У многих солдат на штыхах винтовок национальные — белые с красным кругом посередине — флажки, исписанные иероглифами родственников и друзей в те далекие времена, когда родственники и друзья, желая солдатам удачи, провожали этих солдат, бывших тогда новобранцами, в армию и записывали свои пожелания на флажках. Эти флажки показывают, что теперь это солдаты-победители, имеющие право не прятать их в ранцах.

Много машин. Много техники. Много артиллерии. Много конницы.

Негромко командуют командиры.

Солдаты четко и слаженно проводят разгрузку.

На западном склоне Хамар-Дабы специально выделенный взвод бегаёт с большими полотнищами, выстилает из них огромнейшую стрелу, острие которой показывает направление, откуда, судя по донесениям постов СНИС, приближались самолеты противника.

Два звена «Чаяк», ориентируясь по направлению высланной стрелы, точно вышли на японские самолеты.

Над Баин-Нуром вскипает ожесточенный воздушный бой.

Советские и японские сбитые самолеты падают в озеро. Взламывают камыши. Вспугивают стаи гусей, уток. Взорвавшись в толще воды, поднимают мощные водяные столбы, на поверхность всплывают косяки оглушенной рыбы.

Самолетов становится все больше и больше, вот их уже более ста, и с обеих сторон участвуют лучшие летчики.

Один из самолетов, подбитый Героем Советского Союза Лакеевым, ярко и пестро раскрашен. Это означает, что его пилот — один из лучших японских ассов. Ему не удалось дотянуть горящий самолет до своей границы, пришлось выброситься на парашюте. Дул сильный восточный ветер, парашют тянуло на монгольскую территорию. Он приземлился в камышах. К нему со всех сто-

рон подбегали, продираясь через камыши, монгольские цирики.

Пилотом оказался полковник Тыэра. Он отстреливался из пистолета до последнего патрона, убил трех цириков.

— Не стрелять! Брать живым! — командовал дарга.

Полковник Тыэра сел на землю в самурайскую позу. Когда подбежали цирики, вынул тесак, взрезал круговым движением живот, вырвал печень, с презрением бросил в лицо врагам. Застыл с презрительным выражением на лице, ожидая смерти.

Жуков примчался на полевой аэродром, уставленный муляжами военной техники, встречать Богданова, прибывшего к нему начальником штаба корпуса.

Комбриг Богданов был невысок, сутуловат, всегда задумчив. Умные рассеянные глаза за круглыми стеклами очков в металлической оправе. Ступал мягко, неуверенно.

— Наконец-то, комбриг! — Жуков обнял старого, со времен многолетней совместной службы в Слуцком гарнизоне, товарища.

— Дашь неделю на ознакомление с обстановкой? — тихим ровным голосом спросил Богданов.

— Не дам ни часу. Похоже, вот-вот начнется. И похоже, на этот раз не слабо начнется.

— Чем я должен заняться в первую очередь?

— Организацией командного пункта на Хамар-Дабэ. Чтобы была хорошая связь со всеми частями. Чтобы дублировать делегатами. Чтобы была возможность руководить каждым моментом боя. — Жуков вынул из планшета японскую карту. — Второе — изучи вот это. Точна до ужаса. Взята в мае в разгромленном штабе. Думаешь, что здесь написано? «Проход вьючных лошадей возможен»... Здесь — «вследствие наличия дождей в пределах десяти метров от этой высоты движение груженых машин невозможно»... И так далее. Это их стрелки, проводили тактические занятия.

— Это твои.

— На них не обращай внимания. Подумай, какими путями начнется наступление, у меня есть сообщения, вечером сверим.

В небе нарастал стрекот авиационного двигателя.

— Судя по силуэту — японский разведчик, — тихим, ровным голосом предупредил Богданов.

— Я приказал не сбивать. Пусть выглядывает — пока нам нечего прятать...

— Так плохо? — глядяваясь в карту, спросил Богданов.

— С авиацией ничего — подтягиваем. С броней — хорошо. И броня хорошая, танки лучше японских, ставлю один к четырем.

Герой Советского Союза летчик И. Лакеев

Пехота — только пока обещают — всего две тысячи человек. Артиллерия, смешно сказать, двадцать четыре ствола на плацдарме.

— Все войска на западной границе... — Богданов поднял от карты подслеповатые, за очками, глаза: — Почему не двигаешь танковую бригаду и 24-й полк к плацдарму?

— Там голо, как на ладошке, — с девушкой негде спрятаться, не то что с танком. А за рекой... пока ну его к черту. Пусть лучше думает, что я дрыхну тут и, вообще, недоносок. Я даже приказал распространять слухи, будто я алкоголик.

— А если Москва поверит? — серьезно сказал Богданов.

— Эх, Миша... Москва теперь только слезам не верит. — Жуков вспомнил о своих обидях, своих опасениях и невольно вздохнул. — Никого там больше не арестовали?

— Перед отъездом слышал, Горюнова.

— Значит, не остановилось при новом наркоме Берия... Я, грешным делом, думал, меня вызывают в Москву тоже, чтобы арестовать, — жена нарвелась.

— У меня тоже, — признался Богданов.

— Ладно, наше дело не охать — Отчизне служить. Ты прямо на Хамар-Дабэ, это твоя машина. А мне надо в Тамцаг. Москва каждый вечер отчеты запрашивает, а войск пока что не шлет. Новый орден у тебя за что?

— За Испанию.

— Поздравляю.

Они козырнули друг другу. Поспешили к машинам.

— Красноармеец Клочков, ну-ка, сыпани ему напоследок!.. Для достоверности...

— Есть сыпануть!— Ваня прыгнул в полуторку к счетверенному станковому пулемету, отодвинул наводчика и уже на ходу «сыпанул» по самолету-разведчику, тот сразу кинулся в облачность.

У машины Жуков обернулся к Воротничкову:

— Можешь стукнуть по своему наркомату: Богданов — «дружок», в германскую, как и Жуков,— «унтер».

Воротничков покрылся белыми и красными пятнами.

— Вы прогоните меня, а подначивать хватит.

— Понадобится, прогону,— сказал Жуков.

Жуков примчался в Тамцаг-Булак и увидел кавалькаду автомашин, кавалерийский эскадрон цириков — в Тамцаг-Булак приехал руководитель монгольского государства маршал Хорлогийн Чойбалсан.

С ним было много командиров с яркими монгольскими знаками отличия. Дисциплинированному Ване Клочкову приходилось всё вытягиваться и козырять. Он чуть замешкался, телохранитель маршала, человек огромной физической силы, легко приподнял его и переставил, пропуская маршала.

— Говорят, если гора не идет к Магомету, Магомет идет к горе,— на правильном русском языке сказал Чойбалсан.— Здравствуйте, «гора» Жуков,— он произнес «гора» так, что можно было подумать «Георгий» и разницу отнести за счет акцента.

Но Жуков понял, сказано было «гора», и наподобие Воротничкова покрылся белыми и красными пятнами.

— Извините, закрутился, товарищ маршал.— Жуков вскинул ладонь к фуражке и представился: — Комдив Жуков.

Чойбалсан протянул ладонь и представился:

— Чойбалсан.

Чойбалсан спокойно и твердо смотрел на Жукова, стараясь сразу понять, что это за человек и нравится ли ему этот человек.

Жуков тоже не суетился.

— Как показывают себя наши монгольские войска? — спросил Чойбалсан, уверенный, впрочем, что ответ будет политичным и однозначным.

— Во время майских боев меня здесь не было. При мне у них не было возможности проявить себя. Будущее покажет,— без всякой политики, спокойно и серьезно ответил Жуков.

Чойбалсан решил, нравится.

— Вы думаете, майскими боями это не кончилось? — спросил Чойбалсан.

— Думаю, нет.

— Я тоже так думаю,— вздохнул Чойбалсан и представил Жукову Лхагвасурэна: — Вот этот молодой человек — Лхагвасурэн... Он еще молодой, но уже грамотный и уже толковый... Окончил Военно-политическую академию имени Ленина в Москве. Лхагвасурэн, будешь всегда при товарище Жукове, будешь во всем помогать и будешь во всем учиться.

— Чему у меня учиться? — искренне удивился Жуков.— Сам в таком качестве первый раз воевать собрался.

Чойбалсан опять подумал, да, нравится.

— Скромность — это всегда хорошо,— похвалил Чойбалсан.— Товарищ Сталин не пришлет мне плохого начальника... Дружат ли наши солдаты между собой, как дружили товарищ Ленин и Сухэ-Батор?

— Дружат, товарищ маршал,— сказал Никишев.

— Это очень важный момент, потому что это главный момент — дружба наших братских народов.— Чойбалсан повернул голову к Лхагвасурэну: — Лхагвасурэн, дай карту.

Лхагвасурэн развернул перед маршалом карту.

— Покажите свой план,— предложил Чойбалсан.

— План у меня прост,— Жуков показал по карте,— прочно удерживать плацдарм на правом берегу Халхин-Гола и одновременно подготовить удар из глубины.

— Хороший план,— подумав, сказал Чойбалсан.— В этом аймаке я родился... это мои родные места... Хороший план.

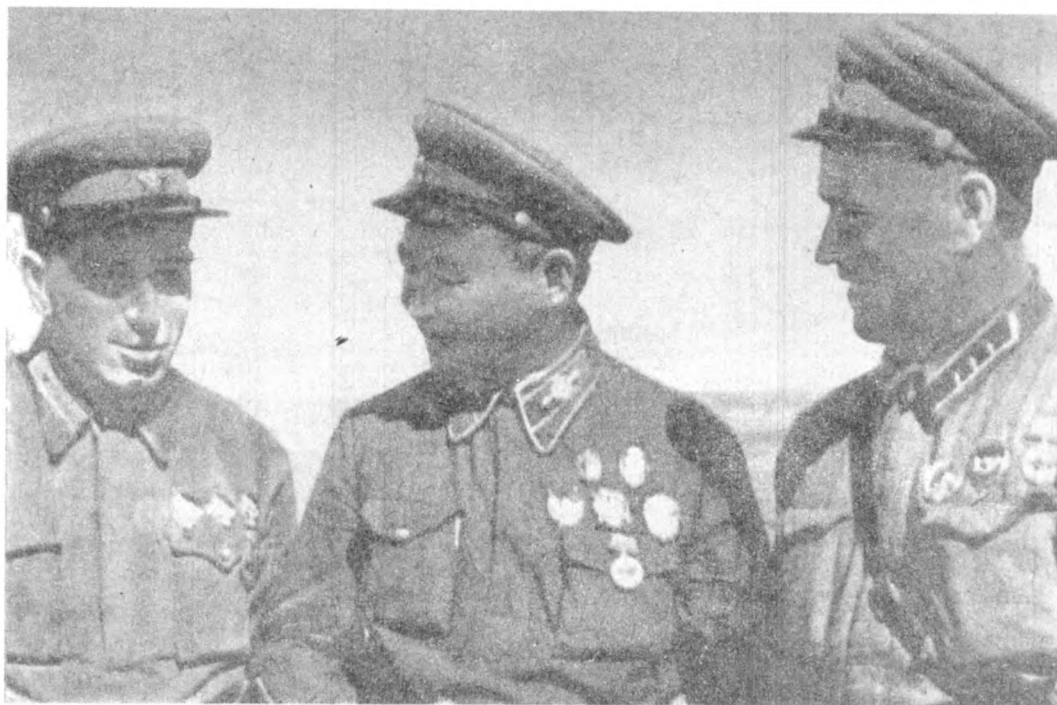
— Только сил для его осуществления пока маловато,— признался Жуков.

— Мы проведем мобилизацию по всем аймакам. Весь наш народ встанет на защиту своей Родины... Правда, наш народ небольшой — всего шестьсот тысяч человек, включая стариков и детей... но если понадобится, встанут и старики, и дети...

Лхагвасурэн с уважением к старшему, свойственным на востоке, вслушивался в каждое слово маршала. Он был очень молодой человек — на 16 лет моложе Жукова и намного страшнее по званию — корпусным комиссаром.

В Хайлар прибыли военные атташе и военные корреспонденты. Их встречал адъютант штаба Камацубары майор кавалерии Судзуки Дзенка.

Вышколенные шоферы предупредительно распахивали двери перед дорогими гостями. Колонна легковых автомобилей тронулась в район боевых действий.

Командарм II ранга Г. Штерн, Маршал МНР Х. Чойбалсан, комкор Г. Жуков

В ту же сторону идут и идут войска.
Военные атташе и военные корреспонденты поражены их количеством.

— Что показывают эти флажки? — спрашивает итальянский военный корреспондент, имея в виду флажки на штыках некоторых солдат.

— Эти флажки показывают, что эти солдаты — герои войны в Китае, — отвечает Судзуки Дзенка.

— Так много героев?

— В императорской армии все солдаты — герои, — отвечает Судзуки Дзенка.

Военный атташе Германии увидел в колонне новейшие зенитные полуавтоматы немецкого производства. Попросил Судзуки остановиться. Показал на свастику. Сел перед всеми в удобное кресло, покрутил стволками. Показал, что ими можно пользоваться и в горизонтальной наводке. Не удержался, дал несколько выстрелов в сторону гор. Видно, как за два километра отсюда взметнулся щербень. Все очень довольны.

Их встречали на высоком уровне. Они сидели в «фуру».

Облачившись в кимоно, пили традиционный японский чай. Его приносили гейши, очаровательные славные девочки.

Судзуки Дзенка показывал глазами — можно, можно. Можно и по-другому, не только чай пить.

Вечером, после связи с Москвой, Жуков вышел на улицу дохнуть свежего воздуха. Ваня Клочков вскочил с приступки, вытянулся «смирно» и козырнул.

— Ну что, красноармеец Клочков, пора оформлять документы... Звание тебе дадим — «младшего командира». — Жуков присел на крыльцо. — Будешь служить при мне? Ваня вздохнул.

— Товарищ комдив... устал при начальстве — тут командир, там командир, целый день козыряю — голова кружится. А так вы мне нравитесь. Да и нападать на вас вроде не нападают...

— Что же ты хочешь? — спросил Жуков. Ваня опять вздохнул.

— Отпустите меня, товарищ комдив.

— Ты тоже мне нравишься, — не без обиды ответил Жуков. — Вольному — воля... Какие-нибудь будут просьбы? Давай самые главные.

Ваня замаялся. Тут бы ему сказать о своем главном деле, и он хотел было сказать и даже придумал, как сказать, но по известной привычке русского человека не жаловаться, когда действительно тяжело, и нелюбви взгромождать свои неприятности на других, сказал, довольно долго помявшись:

— Просьб нет.

— Служи, как служишь.

— Только я хотел бы не в саперы, а в строй.

— Пойдешь к Ремизову?

— К товарищу майору Ремизову?.. Каждый не глядя пойдет.

— Иди,— подавляя вздох, сказал Жуков.— Понадобится помощь, обращайся, я у тебя в долгу.

Они козырнули друг другу. Потом Жуков протянул руку. Иван пожал ее, поправил пулемет на плече и пошел, тоже не ощущая в общем-то облегчения. Жалея расставаться с Жуковым.

Жуков проводил его грустным взглядом, чувствуя, что с его уходом будет чего-то ему не хватать и думая, не старость ли это.

— Если он оглянется, разобью здесь японца,— сказал себе Жуков.

Ваня, как назло, шел не оглядываясь. Вот поворот за бархан, за которым будет уже не видно. Ваня оглянулся, остановился и долго махал рукой. Жукова охватила радость.

Тут из-за юрты выскочил раздосадованный старший лейтенант НКВД Воротничков:

— Товарищ комдив, у связистов обнаружено большое вредительство — начальник склада товарищ Мякишев...

— Слушай, как ты мне уже надоел! — в сердцах сказал Жуков.

— Я безобразия ненавижу! — Воротничков покрылся белыми и красными пятнами.

— И все-таки я к тебе привязался,— сказал Жуков.

— Ну так...— растерялся Воротничков,— я тоже...

— Оформляйся ко мне адъютантом.

— Не пожелаете... я, знаете, как стреляю?!

— Стрелять, видимо, тебе не придется.

А вот чай завари и давай-ка покрепче. Карту вести умеешь?

— Учился.

— Подучись еще. Вынеси мне баян. Петь умеешь?

Воротничков опять покрылся белыми и красными пятнами и, стыдясь, признался:

— Умею.

«Умею» — это не то слово. Воротничков пел, как настоящий певец. Жуков играл на баяне, удивлялся, как здорово Воротничков поет, и вторил ему тенором. Увидел, как над Тамцаг-Булаком в облаках мелькнул японский самолет-разведчик, кинулся в юрту, приказал по телефону:

— Корзину и Смущкевичу — разведчиков не сбивать!..

Генерал-лейтенант Камацубара посетил воинские подразделения, которым предназначалось сегодня начать наступление. Это были опытные и дисциплинированные императорские войска, закаленные войной в Китае.

...Части Сковывающей центральной груп-

пы под командованием генерал-лейтенанта Ясуоки — в сопровождении самого Ясуоки.

...Авангардный отряд — 4-ый танковый полк — его сопровождал командир полка полковник Тамада.

Танкисты стояли «на караул» перед знаменем рядом со своими маленькими, будто игрушечными танками. Офицеры внушали им:

— Мы должны идти по пути воинов, и только таким образом, раньше или позже, достигнем своей цели. Сегодня день всеобщего наступления, небо нам благоприятствует. Приложим все усилия, чтобы уничтожить противника...

Грустная японская музыка. Лица танкистов, которым суждено умереть в этих маленьких железных коробках.

...В сопровождении Ясуоки и полковника Кимуры — пехотный полк Кимуры. Солдаты стояли «на караул» перед своим знаменем. Офицеры внушали им:

— Смерть в бою легче пуха. Смерть прекрасна. После смерти в бою твой дух будет жить под опекой императора и бога. Императорская армия непобедима, ибо ее защищают боги...

Грустная японская музыка. Лица солдат, которым суждено вскоре умереть или выжить.

...В сопровождении генерал-майора Кобаяси — Ударная группа Кобаяси. Инженерный отряд подполковника Сайто — в сопровождении Кобаяси и подполковника Сайто. Солдаты стояли «на караул» перед своим знаменем рядом с грузовиками, на которых громоздились понтоны моста и детали моста в сборе. Офицеры внушали им:

— Пока ты жив, ты должен быть потрясен великим императорским милосердием. После смерти ты должен стать хранителем японской империи. Тогда ты будешь окружен почетом...

Грустная японская музыка. Лица солдат, которым вскоре суждено умереть.

...В сопровождении генерал-майора Кобаяси и командира отряда подполковника Такахаги артиллерийский отряд ПТО. Артиллеристы стояли «на караул» перед своим знаменем, рядом со своими маленькими 37-мм противотанковыми орудиями. Офицеры внушали им:

— Рассуждающий воин не может принести пользы в бою. Путь воина лишь один — сражаться бешено, насмерть. Только идя этим путем, выполнишь свой долг перед владыкой и родителями...

Грустная японская музыка. Лица солдат, которые почти все погибнут.

...В сопровождении генерал-майора Кобаяси и командира ударного отряда полковника Мацуми — ударный отряд Мацуми, состоящий из 64-го пехотного полка, усиленно вооруженного пулеметами, артиллерией,

снабженного автотранспортом, на кабинах грузовиков сдвоенные пулеметные установки. Солдаты стояли «на караул» перед своим знаменем, рядом со своей техникой. Офицеры внушали им:

— Япония — маленькая страна, но это приучило японцев к большому порядку. В Азии много пустых земель, но китайцы, монголы и прочие погрязли в разврате и лени, исходящих из России. Монголы передрались между собой. Внешняя, плохая Монголия отнимает землю у Внутренней. Император посылает вас помочь хорошим людям и наказать плохих. Потому что историческая миссия императора и его армии — перевоспитание народов Азии, наведение там порядка и мира... Азия — для азиат... Действуй решительно, смело. В сражении старайся быть впереди всех. Думай только о том, как преодолеть вражеские укрепления. Даже оставшись один, защищай свою позицию. Тотчас найдется другой, чтобы образовать фронт вместе с тобой, и вас станет двое...

Грустная японская музыка. Мужественные лица японских солдат, которым через два дня всем суждено погибнуть.

Стоял жаркий последний июньский день. Светило знойное летнее солнце. Генерал-лейтенант Камацубара Мититаро взмок от езды в прокалившемся на солнце «форде», от быстрого воинственного движения, когда выскакивал из машины и подходил к солдатам и салютовал им, и все же испытывал удовольствие и радость от увиденных мужественных лиц, от стройных шеренг, от большого, охватившего всех и всё порядка. Мужественно, как положено воину, улыбаясь, он сказал командиру отряда Мацуми:

— До Тамцаг-Булака 125 км, до Баин-Тумена — 500, до Улан-Батора — 1060. Если вы через три дня стремительно домчитесь до столицы Внешней Монголии и с ходу возьмете ее, никто не возразит против этого...

Они понимающе и вежливо улынулись друг другу, уверенные, что именно так и будет.

Солдатам отряда вручали амулеты «омомори» с изображением трех императоров и воинственного солдата и иероглифом «Твоя защита».

— Дух предков будет следить за вашим поведением в бою. Три императора спасут вас от гибели, — говорили вручавшие.

Солдаты целовали полученные амулеты и опускали за униформу, у многих уже висело на шее три, пять таких амулетов.

— Дух предков будет следить за вашим поведением в бою. Три императора спасут вас от гибели — амулеты вешались на шею. Закаленные, пропеченные боями в Китае солдаты целовали их. У многих на глазах слезы от счастья.

Звучит грустная музыка далекой родины. Никому через два дня не остаться в живых.

Генерал-лейтенант Камацубара подъехал к НП, который был отдан на ближайšie дни в распоряжение военных атташе и военных корреспондентов, в прекрасном расположении духа.

Он глянул на себя в машинное зеркало и остался доволен собой — чисто выбрит, холен, улычив.

Он вошел на НП и представился всем атташе и всем корреспондентам сразу и потом каждому, за руку, в отдельности.

— Камацубара... — с особым почтением германскому военному атташе.

— Вы нам приготовили что-нибудь интересное? — спросил тот, поздоровавшись с Камацубарой за руку и снова прилипая к стереотрубе, в которую были видны и накапливающиеся войска, и плацдарм на восточном берегу Халхин-Гола.

— Чуть-чуть, — улыбаясь, сказал Камацубара.

— Говорят, вы знаете пятнадцать иностранных языков? — спросили его.

— Да, конечно... чуть-чуть.

— Русский тоже?

— Я служил военным атташе в Москве в 27-ом году.

— Скажите что-нибудь.

— Жуков сволочь, дурак, сукин сын. Я буду тебе морду побивать. Глаз на попу натягивать! — довольно чисто по-русски ответил Камацубара.

— Что вы сказали?

— Я сказал: «Бог поможет правому делу»... Оно у нас общее. У немецкого, итальянского, японского народов одна миссия: навести порядок в этом прогнившем, зараженном ленью и плохим потребительским духом мире. Вы — в Европе, мы — в Азии.

— Какой емкий у русских язык.

— Конечно. Чуть-чуть... Вам здесь удобно? Отсюда хорошо видно. Сакэ, водка, чай, архи? Пожалуйста — Судзуки. Адьютант штаба майор кавалерии Судзуки Дзенка выполнит любые желания.

На прощанье приложил руку к виску, вежливо поклонился:

— Извините... Солдата солдаты ждут.

На Халхин-Голе установилась нехорошая, напряженная тишина. Майор Ремизов стоял у своего КП и недоверчиво слушал ее. Мухи были слышны. Птички. Недалекие взволнованные голоса.

Полковой комиссар Никишев посетил полк и провел митинг. Красноармейцы единодушно голосовали за предложенную резолюцию. Ваня Клочков был здесь и голосовал со всеми.

С севера тянуло вкусными запахами. Цирки 15-го кавполка 6-й дивизии МНР, пользуясь затишьем, разложили костры, варили в огромных котлах баранину, готовили ужин.

Вглядимся в их лица, многим сегодня суждено погибнуть, принимая на себя первый удар мощной Ударной группы Кобаяси.

Нет, не нравилась майору Ремизову подобная тишина. Ремизов чертыхнулся, помочился и полез в окопчик КП звонить на Хамар-Дабу Богданову.

— Что-то тихо у нас, Михаил Андреевич... Але!.. Товарищ «второй», уж очень у меня тихо!

— И у меня тоже, — сказал Богданов, хотя у него было не очень тихо, строители колотили кувалдами, забивали сваи, достраивали неподалеку КП.

— И вчера было тихо! — в сердцах прокричал Ремизов.

— У вас есть подозрения? — спросил Богданов.

— Они у меня всегда есть. Уж очень тихо... Чихну, в Хайларе услышат.

— Отведите войска с позиции. Скрытно, ложбинами, — решил Богданов.

— Понял, — сказал Ремизов и побежал выполнять указание.

...Части полка скрытно, ложбинами, отходили с позиций, которые уже давно были изучены, засечены, закоординированы японскими артиллерийскими наблюдателями. Песок. Сапоги вязли в нем. Песок зачерпывался в голенища.

Богданов позвонил Жукову в Тамцаг-Булак:

— Товарищ «первый», у двести пятнадцатого подозрения — уж очень тихо.

Тамцаг-Булак.

— Понял, — сказал Жуков, — докладывайте каждые полчаса.

Жуков положил трубку, взял другую:

— Яковлева, Федюнинского, Смушкевича, Корзина.

Сказал Яковлеву:

— Михаил Павлович, повышенная боевая готовность. Без суеты, чтобы с воздуха ничего не было видно. И сразу ко мне.

— Понял, — Яковлев положил трубку, выбежал из юрты отдавать приказание.

Увидим расположение 11-ой танковой бригады под Тамцаг-Булаком. Танкисты приводят в порядок боевую технику после перехода из Ундэр-Хана. Увидим, как хорошо прикрыто расположение зенитками, поймем, почему она стоит именно здесь.

Жуков сказал Смушкевичу:

— Яков Владимирович, где колонна с бензином и боеприпасами?

— Вышла из Баин-Тумена.

— Пошлите старшего командира, пусть

гонит колонну без остановок. И поскребите тщательней по сусекам, возможен бомбовый удар по Тамцагу.

— Поскребем, — пообещал Смушкевич.

Жуков сказал Корзину:

— Николай Иванович, если над Тамцагом появится японский разведчик, стреляйте стреляйте, но сразу его не сбивайте, пусть доложит, что у нас тишь.

— Не сбить легче, чем сбить, — сказал Корзин.

— Потом пошутим, — обрезал Жуков. —

— Серьезнее относитесь к делу.

Жуков положил трубку, сказал Лхагвасурэну и Воротничкову:

— Ну, начинается... Тебе все понятно, Лхагвасурэн?

— Очень хорошо все понятно.

— Воротничков, завари чаю покрепче и вызови тыловиков, что-то они мне наврала. Лхагвасурэн, садись поближе, смотри...

Вечером, в 21.00, когда спала дневная жара, окрестности потряс мощный гул сотен моторов.

Ремизов насторожился. Ваня Ключков не успел как следует отряхнуть от песка портянки, быстро обулся, стал проверять диски.

...Старший лейтенант Воеводин отдал команду по телефону. Артиллеристы изготовились к бою.

...Лошади монгольских кавэскадронов тревожно метнулись на коновязи. К ним подбегали кавалеристы. Начали их седлать...

...Гул нарастал. Это подошли к маньчжуро-монгольской границе пятнистые японские танки, пятнистые грузовики с мотопехотой. Артиллерия ПТО. Зенитные части и подразделения. Это группа центрального удара под командованием генерал-лейтенанта Ясуоки. В группе было в тот день, в то время 130 танков, около 20-ти тысяч солдат и офицеров.

...С НП генерала Камацубары всё хорошо видно. Иностранцы корреспонденты потрясены стройной мощью изготавливающегося к атаке воинства. Военный атташе Германии заинтересовался. Камацубара горд.

...С нашей стороны пока ничего не видно. Только мощные столбы пыли отдвигающихся колонн поднимаются в небо. Здесь, на плацдарме Восточного берега Халхин-Гола, противнику противостояли в тот день 1500 красноармейцев, семь противотанковых орудий, 24 орудия полковой артиллерии и 53 пулемета. Были еще по флангам две кавдивизии МНР — 6-я и 8-я — по 1750 цирков и 18 БА-10 в каждой и 98 БА-10 9-ой мотобронебригады.

Напряженные ожидания лица красноармейцев, цирков, командиров. Тонкая, не эшелонированная в тыл линия обороны.

И вот окрестности запылали, загро-

хотали, началась мощная артподготовка из 185-ти орудий. Полк Ремизова отошел вовремя, снаряды взрывали, вспахивали оставленные полком позиции, ложились точно и кучно.

Богданов позвонил Жукову в Тамцаг-Булак:

— Георгий Константинович, началось!

— Докладывайте каждые пятнадцать минут,— коротко сказал Жуков.

Тамцаг-Булак.

— Яковлева, Федюнинского — ко мне.— Сам позвонил Смушкевичу:— Смушкевич, что по сусекам?

— Две эскадрильи с одной заправкой,— ответил Смушкевич.

— Там началось. Полная боевая готовность.

— Конечно,— спокойно попивая чай, ответил Смушкевич.— Только уже темнеет, и синоптики обещают грозу.

— Японцы тоже летать не смогут?

— Разумеется,— спокойно ответил Смушкевич.

— За это спасибо.

— Это не мне, это господу богу,— улыбнулся Смушкевич.

Они положили трубки.

— Тебе понятно? — спросил Жуков Лхагвасурэна.

— Всё понятно.

— Вот так...

За шквальным артиллерийским огнем по всему плацдарму на левую его часть, где оборонялись стрелково-пулеметный батальон 9-й мотобронеприкрытия, ринулись в атаку японские танки. За ними густой цепью наступала пехота.

И сразу же, за последним снарядом артподготовки, полк Ремизова кинулся на свои перепаханные, изуродованные позиции. На них уже шла в наступление спешившаяся японская мотопехота. Ваня Клочков воткнул сошки своего «Дегтярева» в песок, выбрал на мушку японского командира и открыл огонь.

На правый участок, оборонявшийся батальоном Быкова и 8-ой кавдивизией МНР на фланге, густыми цепями валила спешившаяся баргутская конница.

— Подпустить! — кричал в телефонную трубку комбат Быков.— Подпустить до пристрелянных ориентиров!.. Огоны!

Начался бой.

...На левом участке под натиском японских танков, а их здесь, с севера, шло 60, дрогнули и попятнулись к реке подразделения стрелково-пулеметного батальона 9-й мотобронеприкрытия.

Навстречу, увязая и застревая в песке, мчались советские пушечные броневые автомобили. С ходу, на прямую наводку, их вышло 12. Двенадцать против шестидесяти. Вооруженные 45-мм пушками, БА-10 казались былинными богатырями перед японскими танками «93», вооруженными пушками калибра 20 мм.

Подойдя на прямую наводку, они открыли ураганный, беспощадный огонь. 45-мм снаряды прошивали японские танки насквозь. Взрывался боезапас. Гибли, не успевая выскочить, экипажи. Горели вместе с танкистами амулеты «омомори».

За несколько минут советские пушечные броневые автомобили в упор расстреляли и сожгли 26 японских танков.

Остальные, мешая друг другу, пятясь, сталкиваясь, разворачивались, пытались уйти. 45-мм пушки БА-10 не переставая били и били в них.

— Товарищ «второй», видите?! Тридцать штук за десять минут! — радостно кричал в телефонную трубку командир 9-й мотобронеприкрытия.— Хе-хе!

С НП на вершине Хамар-Дабы было видно также другое: силы неравны, превосходство противника велико; черными, копотными столбами горят наши броневики, подбитые артиллерией и пехотой; японцы подтянули пушки, минометы и наступают; сбиты с позиций охранные порядки 149-го полка, пулеметно-стрелкового батальона 9-й мотобронеприкрытия. Пятятся к Халхин-Голу.

Тамцаг-Булак. Юрта Жукова.

— Докладывай всё, что видишь,— кричит Жуков в телефонную трубку.— Миша, смотри в карту и докладывай по квадратам. Так... так...— Жуков сам наносит оперативные данные на свою карту. Жуков взывается:— Передай в 149-й Ремизову, если они отойдут еще хоть на шаг, я этого не пойму!.. Что видишь перед собой — точно мне, по квадратам!

НП Камацубары.

Спустились сумерки, и даже в перископы не было видно страшного лица боя. Издалека, несмотря на устрашающий грохот орудий, он казался даже красивым: разрывы снарядов, всполохи выстрелов, полосы трассирующих очередей, исчерчивающих над долиной всё небо, разноцветные светлячки ракет.

Камацубаре позвонил генерал-лейтенант Ясуока, командующий центральной группы.

— Как успехи? — вежливо поинтересовался Камацубара.

— Взяли только одну сопку... Русские сожгли пятьдесят наших танков.

Не показывая горести сообщения перед

присутствующими военными корреспондентами и атташе, Камацубара сказал:

— Очень хорошо. Они ввели резервы?

— Нет,— обиженно сказал Ясуока.

Эта новость огорчила Камацубару больше, чем первая.

— Очень хорошо,— громко, с улыбкой, для всех. Тише, буднично, для Ясуоки:— Пошлите все остальные.

...Камацубара поспешил на КП, связывающий его прямым проводом с Хайларом. В ночь со второго на третье июля разразилась гроза. Она начиналась уже сейчас отдаленными восточными всполохами. Порывами налетал ветер.

— Всех прошу выйти,— войдя на КП, приказал Камацубара и, оставшись один, тут же позвонил в Хайлар:— Его превосходительство генерала Уэдэ...

— Он до сих пор не вводит и не подтягивает резервы,— пожаловался Камацубара генералу Уэдэ.

— Очень хорошо,— удивился Уэдэ.— Совсем не по правилам. Капитан Ёдзима собрал на него досье — очень интересно. Оказывается, он вообще нигде не учился — ни в какой академии.

— Я это сразу же понял. Честное слово, иногда даже обидно, что приходится иметь дело с каким-то глупым противником.

— Война — не шахматы, радуйтесь, что такой,— обрезал Уэдэ.— Маните его на себя. Маните. Введите все танки. Заставьте его подтянуть резервы через Халхин-Гол.

— Всепочтительно сообщаю, я уже ввел. Я двигаюсь к Кобаяси.

Дождя еще не было, но гроза начиналась. Полыхали приближаемые опустившейся темнотой молнии. Громыхал гром. Порывами налетал сильный ураганный ветер.

На плацдарм, включив фары для большего страха, двинулись 80 японских танков «93». Они стреляли из своих 20-мм пушек и пулеметов во все стороны, наугад.

Вот они вошли в коридор танкоопасного направления, указанного еще три недели назад Жуковым.

— Огоны! — приказал Воеводин.

Батарея открывает огонь. Мощные снаряды раскалывают броню. Срывают башни. Разносят вдребезги моторные отделения. Часть танков развернулась, пошла в обход.

Пользуясь тем, что внимание противника отвлечено боевыми действиями, развернувшись на плацдарме, мощная Ударная группа генерал-майора Кобаяси в составе всех своих ударных и инженерных полков, полка конницы, 17 противотанковых батарей, 10 батарей 75-мм орудий, батареи гаубиц

и других подразделений — по одним сведениям 13 тысяч штгыков, по другим 21 — скрыто и спешно обходила плацдарм с севера, направляясь к Халхин-голу, к возвышавшемуся где-то там, вдали, Баин-Цагану.

С юга, по левую руку от них, был хорошо слышен и виден по вздымавшимся над сопками и барханами огням взрывов идущий на восточном плацдарме Халхин-Гола бой. И все невольно и в тревоге вглядывались туда.

В полку баргутской конницы мелькнул эскадрон кавалеристов со славянскими лицами в форме красноармейцев 39-го года, среди них — дядя Вани Клочкова Токмаков в форме майора НКВД и бывший есаул Завойкин.

...Примчался на «форде» и вежливо выслушал почтительный доклад Кобаяси командующий операцией генерал-лейтенант Камацубара. Он доволен развитием операции.

Генерал Уэдэ вызвал адъютанта.

— Соедините меня с генералом Гигой и вызовите полковника Ёкимару из разведки.

Генерал Уэдэ сказал генералу Гиге:

— Утром из Тамцага в направлении Халхи русские выдвинут 11-ю танковую бригаду, 7-ю мотобронебригаду, 24-й мотопехотный полк. Разбомбите их на дороге.

Командарм II ранга Штерн, в форме, при орденах, но без португепи, босой, лежал на кровати рядом с женой и слушал — жена читала вслух роман Павленко «На Востоке», когда позвонили из штаба.

— Товарищ командарм, у Жукова началось!.. Вопреки вашим указаниям, Жуков проявляет нерешительность, вялость. Медлит вводить резервы.

— Самолет,— прервавшимся от волнения голосом приказал Штерн.— Подготовить мне самолет. Машину.

Ни генерал Уэдэ, ни командарм Штерн не знали, что в эту минуту комбриг Яковлев, комбриг Лесовой, комполка Федюнинский прощались с Жуковым.

— Есть поддерживать постоянную радиосвязь на марше,— говорил Яковлев.

— Помним,— говорили Федюнинский и Лесовой.

Танковая бригада в абсолютной темноте, по компасу, выходит из Тамцаг-Булака. Открыты люки. Командиры стоят в башнях, следят за направлением.

Садятся в машины мотострелки Федюнинского.

КП на Хамар-Дабэ. Юрта Жукова в Тамцаг-Булаке.

Отсюда, с Хамар-Дабы, по орудийным выстрелам, разрывам снарядов, горящим японским танкам и цветным пулеметным очередям, перечеркивающим все небо, видно, что бой нарастает. Видно, как полыхают молнии приближающейся грозы. Взывает ураганный, порывами, ветер.

Богданов и Жуков переговариваются по телефону; перед каждым разложены карты с оперативными данными обстановки.

— Ладно, это последнее, что навязывают они, следующее начнем сами и тогда поглядим... Послал, но не туда, где они идут!

— Куда? — спрашивает Богданов.

— По телефону район не скажу, вдруг у провода уши... Ставь палец на карту и вспоминай: Слуцкий гарнизон, мы играли за «синих», там тоже была река — ставь, я ставлю свой...

За 125 км друг от друга они одновременно поставили пальцы в одно и то же место на карте — район озера Хуху-Усу-Нур, неподалеку от Баин-Цагана, куда двигалась Ударная группа Кобаяси.

— Это Яковлев. Федюнинский поправее. Лесовой, сам догадайся, куда... — Жуков поставил палец между Баин-Цаганом и Хамар-Дабой.

Богданов поставил палец в то же самое место.

— Вот так. Цель, сам понимаешь, какая. Правильно поступил?

— Нормально, — согласился Богданов. — Хотя...

— А вот «хотя» — шип! — возразил Жуков. — Понял, чего добиваемся? Ну?! Маскарад, да еще с грозой! Смотри: какой дурак начинает вечером, когда нет времени для развития действий? Авиацию не использовал. Дважды пугал шивыми танками. Действуют вяло, а ведь знают: у нас там ни черта нет. Сообразил? Правильно, войск мало, плацдарм оставлять нельзя! Что должны сделать мы? Мы перетаскиваем резервы через реку, он захопывает с обеих сторон — котел! Все наши войска — в одном мешке! Монголия в их руках... Вот вам!!! — показал Жуков. — Ты послал военных советников проверить фланги? Чего выжидаешь?! Немедленно. Военным советникам немедленно проверить боеготовность монгольских кавалерийских дивизий на флангах.

...На Хамар-Дабэ военные советники, выполняя приказ Жукова, под начинающимся дождем, сильным ураганным ветром выбегают с КП, бегут к броневикам связи ФАИ. Среди них полковник Афонин.

Жуков был прав, у провода действительно выросли уши. Ночью, в темноте, под начи-

нающейся грозой, в открытой степи к телефонному проводу 57 ОК подключилась группа — белогвардеец в форме советского офицера и два японских радиста в форме монгольских командиров.

Белогвардеец, прикрывая подушечкой микрофон, переводит радистам на японский язык:

— Жуков выдвинул из Тамцага резервы. Район не указывает. Будем уточнять.

Радисты тут же передают это телеграфным ключом.

К этому времени передовые части ударного отряда Кобаяси, пользуясь темнотой, незаметно вышли к Халхин-Голу — точно, как и было намечено, напротив Баин-Цагана.

Южнее грохочет бой на восточном плацдарме. Громыкает гром. Всполохи близкой грозы. Рвет камуфлированный брезент на грузовиках ураганный ветер.

15-й кавполк 6-ой кавдивизии МНР, стоящий на этом участке, смят, опрокинут передовыми частями Кобаяси. Аллюром кидается к Халхин-Голу, переправляется вплавь, командиры с трудом останавливают его, кавалеристы начинают окапываться на Баин-Цагане...

Инженерный отряд подполковника Сайто слаженно, методично готовится к наведению понтонной переправы.

...Несколько севернее, минуя японцев, к конному броду подлетает на рысках эскадрон всадников со славянскими лицами в красноармейской форме 39-го года.

— Здесь! — разведчики показывают конный брод.

Дядя Ивана Клочкова Токмаков напутствует кавалеристов:

— Офицеры! За Родину, за Россию — вперед!

Всадники входят в воду, переправляются через Халхин-Гол.

...Монголы увидели подошедший кавэскадрон, узнали в них русских красноармейцев, обрадовались. Эскадрон молча и деловито рассредоточивается по всей линии отрываемых траншей.

— Японцы! Там много японцев! — объявляет монгольский командир командиру кавэскадрона белогвардейцу Завойкину.

— Разве? — деланно удивляется тот.

Между тем, эскадрон рассредоточился. Первый в шеренге, подавая сигнал, лихо, по-разбойничьи, свистнул. Завойкин выхватил шашку и ловко, без замаха, рубанул от плеча до соска монгольского командира.

Началась резня, избивание. Цирики, привыкшие видеть в русских друзей, братьев, так и не сумели преодолеть изумление, сопротивляются вяло, а то и совсем не сопротивляются...

Завойкин пускает две зеленые ракеты. Пальцем сводит кровь с шашки. По-звериному оглянувшись, облизывает палец.

Над Баин-Цаганом разразилась гроза. Хлынул ливень.

Инженерный полк Сайто спешно наводит мост. Японские войска, не теряя времени, переправляются на заранее подготовленных лодках, плотах, вплавь...

И вот уже мост готов. По нему на западный берег ринулся поток пехоты и боевой техники. Солдаты спорят, на руках, втаскивая на вершину легкие 37-мм пушки, по указаниям офицеров начинают рыть для них крестообразные окопы. Лошадьми втаскивают 72-мм короткоствольные гаубицы.

...Генерал-лейтенант Камацубара сидит в салоне переправившегося на западный берег автомобиля. В салоне включен свет, показывая по карте, Камацубара отдает последние указания генералу Кобаяси и командиру ударного мотополка полковнику Мацуми:

— На юг вдоль Халхи, с ходу овладеть переправой. Половиной, не останавливаясь, на Хамар-Дабу, захватить КП вместе с Жуковым. Остальные — вперед, на запад. До встречи в Улан-Баторе. Император и бог с нами... Главные силы — двенадцать тысяч и орудия — остаются здесь и к утру превращают Баин-Цаган в неприступную крепость...

Мимо автомобиля идут и идут переправляющиеся на западный берег войска. Ни дождь не страшен солдатам, ни ураганный ветер, ни близкая смерть.

Проходят подразделения смертников-камикадзе с длинными 5-метровыми бамбуковыми шестами и противотанковыми минами. Ураганный ветер вырывает шесть из рук. Камикадзе располагаются впереди всех, каждый роет себе индивидуальный круглый окопчик. Ветер далеко бросает песок с лопаты.

...К Баин-Цагану подъезжает броневичок ФАИ с военным советником войск МНР полковником Афониним. В темноте он минует смертников, занятых рытьем своих окопов. Застревает. Полковник Афонин спрыгивает на землю, укрываясь от ливня плащ-палаткой, едва удерживая ее под порывами ветра, поднимается на вершину. Видит, идет работы.

— Окапываетесь? Молодцы, — говорит Афонин и видит, «молодцы» совсем не те, кого рассчитывал здесь обнаружить.

Полыхнула молния. В ее ярком, быстро исчезающем свете Афонин видит, Баин-Цаган кишит как муравейник, роются окопы, устанавливаются противотанковые орудия, лезут и лезут японцы, наведена переправа, по ней идут и идут войска.

Секундное замешательство, «молодцы» кидаются на него. Афонин стреляет из пистолета, бросается наугад вниз, туда, где оставил застрявший броневичок, впотьмах нелетает на смертника, падает с ним. За ним погоня. Стрельба...

...Сечет сильный дождь. Валит с ног ветер.

Камацубара осмотрелся с вершины Баин-Цагана и лишний раз убедился — это главенствующая над всем вокруг высота...

...Полковник Афонин оставляет застрявший на подъеме в Хамар-Дабу броневичок, под сильным дождем и ураганным ветром бежит на вершину.

Задыхаясь, вваливается на КП. При свете видно, что он ранен, наполовину оборвана ушная раковина, перебита переносица в рукопашной схватке со смертником.

— Японцы на Баин-Цагане!

Юрта Жукова в Тамцаг-Булаке.

— Немедленно развернуть все стволы и бить по Баин-Цагану, не переставая. Восьмой монгольский бронедивизион и второй батальон двинуть навстречу колонне, остановить окружение, — приказал Жуков Богданову. — Богданов, командуй с Хамар-Дабы плацдармом, я еду на Баин-Цаган, немедленно туда связь. Всё.

Жуков приказал Воротничкову:

— Бегом к радистам — шифрованной радиограмму Яковлеву, Федюнинскому, Лесовому.

— Приказом наркома НКВД пользоваться радиосвязью на территории МНР, во избежание радиоперехвата противником, строжайше запрещаю, — упрямо напомнил Воротничков.

— Не смеешь оговаривать! Текст: «Яковлеву, Федюнинскому, Лесовому. Развернуться в сторону Баин-Цагана». Выполняйте.

Воротничков побежал выполнять приказание.

— Сколько времени? — одеваясь, спросил Жуков.

— Три сорок, — одеваясь, ответил Лхагвасурэн.

— Я сразу на Баин-Цаган, на левый фланг. Ты — на правый, в восьмую кавдивизию МНР. Ни в коем случае не отступать, не дать возможности окружить с юга. Понятно, почему так?

— Всё понятно.

Жуков, Лхагвасурэн выходят под дождь к подошедшим машинам.

Дождь отошел. Раннее утро. Туман.

На Баин-Цагане кипит работа.

Всё складывается так, как было спланировано самыми опытными штабистами в штабе

Квантунской армии, генерал Камацубара очень доволен.

К рассвету гроза и ливень ушли далеко на запад, земля начала подсыхать. У самого гребня Баин-Цагана солдаты ставят две большие штабные палатки из двойного шелка. Отсюда назад, на восток, открывается обзор километров на двадцать. Виден плацдарм, на котором не прекращается бой центральной группы Ясуоки. Видна зеленая пойма реки с тростниковыми зарослями и понтонным мостом, по которому беспрерывно идут войска.

Хотя небо над Баин-Цаганом наглухо прикрыто японскими истребителями, русские бомбардировщики настойчиво прорываются атаковать переправу. Взрывают водяные столбы. По реке плывут оглушенные бомбами метровые красавцы-таймени. Падают битые самолеты.

Внизу, под обрывом, спускающимся к Халхин-Голу, режут грузовики. Они медленно, подталкиваемые сотнями рук, влезают в гору. Это переправляется еще один артиллерийский полк.

Постояв рядом с палаткой, Камацубара сел в свой новенький «форд» того же защитного цвета, что и палатка. Машина повезла его вдоль всего полукруга противотанковой обороны.

...Уже начало осмотра убедило Камацубару, что ночь и утро не прошли даром. Часть орудий уже скрылась в глубоких крестообразных окопах, позволявших возвращать пушки во все стороны. Их было много, это радовало. Дисциплинированные японские артиллеристы по указаниям своих командиров спешно, без суеты, устанавливают флажки, колышки с бумагой в тех местах, где удобнее всего пойти русским танкам. Пристреливают эти ориентиры. Маскируют позиции. Всё — ловко, быстро, заученно, не отвлекаясь на постороннее.

Перед батареями, в продуманном в штабе порядке, кончали рыть круглые одиночные окопы для истребителей танков. В готовых уже сидели смертники с бутылками бензина и с пятиметровыми бамбуковыми шестью, к концам которых привязаны противотанковые мины. Не теряя времени даром, японские солдаты упражнялись, подводя мины то так, то эдак.

Рылись и спаренные окопы, расположенные в двадцати метрах друг от друга. В готовых уже сидели солдаты и упражнялись, подтягивая за концы проволок, посередине которых укреплены большие противотанковые мины.

Готовились и блиндажи командных пунктов. К ним стелились желтые провода телефонной связи.

А на нашей стороне, в трех километрах отсюда, все уже извелось, искурилось от ожидания. Жуков в сером дождевике сидит на парусиновой табуретке. Внешне он спокоен, хотя лицо посерело от ожидания. Сквозь уханье бомб слышны пощелкивания пристреливающих противотанковых пушек.

Над головами, едва не задевая их, с ревом проносится советский истребитель И-16 и что-то сбрасывает на группу.

— Вымпел!

Жуков прочитал сброшенное с истребителя донесение:

— «Три линии обороны. Артиллерии 130—160 стволов. Пехоты не меньше 10 тысяч. Врываются в землю. Накопление войск продолжается. Майор Кравченко».

Жуков посмотрел на часы.

Прилетает и садится неподалеку самолет У-2 со Штерном. Подруливает почти вплотную.

— Чего прилетел? — недовольно спросил Жуков.

— С тобой посидеть, чего же еще? Ну-ка, подвинься.— Штерн сел бок о бок с Жуковым на одну парусиновую табуретку, вынул из планшета и развернул карту: — Покажи обстановку.

— Хреновая обстановка,— скрывая отчаяние, сказал Жуков, вынул из планшета свою карту и положил на траву перед Штерном.— Он ввел черт знает какое количество войск. Захватил Баин-Цаган. Тремя колоннами по этому берегу рвется на юг, чтобы отрезать нам восточный плацдарм. А я сижу, как дурак, и не с кем мне воевать...

...Наконец появились первые танки бригады Яковлева.

— Наконец-то,— вздохнул Жуков.

Жуков ставит боевую задачу перед танковой бригадой:

— Федюнинского ждать не будем. Не имеем права. Первому батальону с севера, третьему с юго-запада с шестью монгольским дивизионом, второму с юга на север вдоль Халхин-Гола — стереть противника с Баин-Цагана.

— Подождите,— вмешался Штерн.— Георгий Константинович, это скоропалительное решение. Танки на укрепленные позиции без поддержки пехоты посылать нельзя — ты потеряешь их все. Надо знать боевой устав РККА.

— У меня нет пехоты. Если я буду медлить, он вроеется в землю, закрепится, мы потеряем всё.

— Сзади больше ничего нет! Он перебьет танки. И хоть до Улан-Батора, хоть до Борзи — дорога открыта, только мы с тобой с пистолетами,— сдерживая раздражение, объясняет Штерн.— Вначале надо тщательно

разведать огневые точки и подавить артиллерией.

— У меня нет артиллерии — двадцать четыре ствола на двух берегах. У него только здесь по данным авиации сто тридцать — сто шестьдесят. Он врывает их в землю. Зароется — это окажется навсегда. Для всего. Всё понятно? — Жуков поворачивается к Яковлеву: — Выполняйте приказ!

— Отставить. Я отменяю приказ, — уже не боясь ранить самолюбие Жукова, твердо говорит Штерн. — Товарищ Яковлев...

— Товарищи командиры, отойдите на тридцать метров, — твердым, спокойным голосом, которому невозможно не подчиниться, приказал Жуков.

Они остаются вдвоем.

— Не мешайте командовать, — со сдерживаемой яростью говорит Жуков Штерну.

— Кто же так бестолково командует, в Испании мы...

— Испанию мы профукали.

— Стыдно так говорить — ты там не был.

— Я не был, моя Испания здесь, и я ее не профукаю. Не мешайте командовать, товарищ командарм II ранга.

— Я вас снимаю с командования, — тоже с яростью и тоже уверенный в своей правоте говорит Штерн.

— Не сегодня, завтра.

— Сейчас, — твердо возражает Штерн. — Ты обезумел от страха. Товарищ Яковлев!..

— Арестовать Штерна, — приказал Жуков, подождав мигом подбежавшего Воротничкова.

Воротничков медлит.

— Выполняйте приказ!

— Товарищ командарм II ранга, вы арестованы. — Воротничков покрывается белыми и красными пятнами.

— Это уже что-то новое...

— Товарищ командарм, я применю силу, — твердым, как у Жукова голосом повторяет Воротничков.

— Ну, Жуков, ты не только вырыл себе могилу, ты уже лег в нее.

— У меня много недостатков, ты прав... Но страха не ведаю, от него не безумлю — ты это запомни.

Жуков козыряет Штерну и широким решительным шагом направляется к штабному автобусу, где в ожидании, как разрешится противоречие, стоят командиры-танкисты.

— Выполняйте приказ, — спокойным, твердым, не терпящим возражения голосом говорит Жуков командиру танковой бригады Яковлеву.

Яковлев, показывая по карте, отдает приказы:

— Первому батальону Михайлова...

Как было принято в 39-ом году, перед делом короткий митинг. Комиссар Астапенко дает указания политрукам:

— Товарищи политработники, мы идем выполнять боевую задачу. Наш личный пример послужит примером для других. Хватит митинговать. По машинам. Основная цель: уничтожить врага, стереть с лица дружественной страны Монголии. Сокрушить силой нашей первоклассной техники. Основные лозунги: «За любимого Сталина!», «За нашу славную Родину!», «Вперед, товарищи!»

Подъезжает на «единичке» Жуков:

— Хватит митинговать! Не теряйте времени — вперед!

Политруки разбегаются по машинам. Взревели двигатели. Разворачиваясь на исходные позиции, танки и монгольские броневые автомобили готовятся к наступлению.

— Разгромим врага! — кричит комиссару Астапенко водитель танка Вихузин. — Товарищ комиссар, умрем героями!

Не забудем этого, сегодня водитель Вихузин погибнет в первом в своей жизни бою.

Жуков смотрит на часы: 10 часов 45 минут. Жарко светит яркое монгольское солнце. В танках и бронеавтомобилях все обливаются потом.

Вглядимся в напряженные русские и монгольские лица, многим суждено сегодня погибнуть, всем — победить.

Подбегает Воротничков. Лезет на «единичку».

— Что? — спрашивает Жуков, наблюдая, как, маскируясь в ложбине, густо поросшей высокой травой, танки 3-го батальона разворачиваются в единую стальную цепь.

— Злой. Сел в самолет, полетел в Читу.

— Даст бог, успеем. Садись на броневичок и вот в этом направлении, — Жуков показал рукой, — найдешь Федюнинского. Передай приказ. Дай карту. — Жуков обвел на карте Баин-Цаган, указал стрелой путь к нему от «Родника», 5 км западнее озера Хуху-Усу-Нур, написал: «Разгромить и уничтожить. Жуков», отдал Воротничкову: — Кроме этого полка, там никого не должно быть. Только не попадись японцам.

...Над разворачивающейся в атаку бригадой проносятся 40 бомбардировщика под прикрытием истребителей, обрушиваются на Баин-Цаган. По всему склону вырываются вверх высвеченные рыжими всплесками пламени желто-сизые фонтаны дыма и пыли.

— Молодец, Смушкевич, вовремя угадал. Вперед!

Яковлев одну за другой выпускает три красных ракеты.

Командир танкового батальона Михайлов машет флажками сигнал «Делай, как я», ныряет в башню, захлопывает за собой тон-

Герой Советского Союза командир танкового батальона капитан Т. Михайлов и монгольский разведчик Магнай

кую крышку люка. То же самое делают командиры других батальонов: Канавин, Абрамов.

Взревели двигатели, танки вырываются из ложбины и неудержимой лавиной несутся вперед, в атаку.

Японцы не спешат открывать огонь. Подпускают танки на пристрелянные направления. Подпустили близко — и разом заговорили все пушки. Полезли с минами на шестах одни смертники. Потянули на проволоках мины под гусеницы другие.

Танк 39-го года — крепкая, но полуслепая машина. Обзор ограничен узкими смотровыми щелями, плохой оптикой. На скорости, в дыму, в чаду, в поднятой взрывами песчаной пыли, черта с два что разберешь. К тому же, танк мчится по буграм и кочкам, в оптике — небо-земля, небо-земля. Попробуй увидеть цель, попробуй сумей прицелиться.

Для стрельбы выбирается более менее ровное место.

— Короткая! — кричит командир, быстро крутя обеими руками, регулируя подъемный и поворотный механизмы.

Танк замирает, делает два-три выстрела. Мчится вперед, если ему повезет. Но тут-то на остановках и подлавливают его японские артиллеристы со стабильных, не раскачивающихся позиций, по пристрелянным ориентирам.

Танки горели на глазах у Жукова. И ничем нельзя было помочь отсюда. Ничем нельзя было помочь вообще. Перед ним развернулся и смело пошел в атаку 3-й танковый батальон Михайлова. И вот уже из 36 танков горят 24, поднимая в небо высокие, темные, с оранжевыми языками столбы.

— Что же они так горят, — с горечью говорит Жуков.

— Как же им не гореть?! — с напрасным ожесточением, с обидой и болью за гибнущих впереди товарищей кричит Яковлев. — Когда установленное в развале цилиндров корыто тут же переполняется бензином! В нагретых танках бензин испаряется, от искры всё вспыхивает, а тут...

Жуков молчит.

— И экипажи горят... даже асбестовая прокладка не предусмотрена на моторной

перегородке. Полгода прошу прислать — сами поставили бы...

Но 11-ая танковая бригада и монгольские бронедивизионы были действительно героическими.

Экипажи в горящих одеждах выпрыгивают из горящих машин. Тут-то и подавливают их японские снайперы. Многие застревают в люках, убитые точными выстрелами. Остальные катаются по земле, тушат одежду. И их убивают снайперы. Но оставшиеся в живых рукопашную кидаются на батареи и тоже гибнут. Но живые захватывают японские пушки, крупнокалиберные пулеметы и открывают огонь по японским позициям. А некоторые покидают машины, успев снять танковые пулеметы...

Но живых так немного.

...Многие танки были подбиты. И многие бронев автомобили. Но неподбитые неудержимой бесстрашной лавиной мчатся вперед. Дают орудия. Опрокидываются грузовики. Утюжат окопы.

Как писал в дневнике японский солдат Никамура: «...у нас произошло страшное замешательство, лошади заржали и разбежались, таща за собой передки орудий, автомобили помчались во все стороны...»

...Прямо перед Камацубарой выскакивает русский танк с зияющей в лобовой броне пробоиной. Камацубара прыгает в щель, бежит под спасительные накаты КП.

Это комбат-3 Михайлов. Экипаж убит. Он сам сидит за рычагами танка. С ходу налетает на стоящее боком орудие, переваливает через лафет. Успеваает вернуться, минуя высунутый из окопчика шест с миной. Выноситя на бугор, где стоит батарея полуавтоматических «эрликонов». Зенитчики лихорадочно крутят механизмы, переводя полуавтоматы для наземной стрельбы. Михайлов успеваает первым. Ударяет зенитку лбом танка, опрокидывает вместе с круглой платформой.

А тут же, в танке, у его ног и за его спиной, колотятся об него убитые стрелок и водитель. Михайлов и сам ранен, в крови.

...Промчавшиеся танки неслись к гребню Баин-Цагана, давя, круша, расстреливая тылы. Но их здесь уже единицы.

Японские артиллеристы разворачивали орудия, били их в спину. Кидались «бутылочники», поджигали танки, загорались сами...

По Баин-Цагану в пыли и чаду мечутся обезумевшие от страха лошади. Баргутские кавалеристы пытаются отловить их. Сам Баин-Цаган после беспримерной по мужеству и настойчивости атаки начинает походить на огромную свалку.

В дыму, пыли, в грохоте, в виду подбитых и чадающих танков Камацубаре кажется, что это — победа. Он спешит доложить об этом генералу Уэдэ и издать приказ. Связь налажена хорошо.

— Ваше превосходительство, главные силы 23-й дивизии, перейдя реку Халхин-Гол, атаковали противника и одержали полную победу, уничтожив несколько сот танков противника. Я — на переднем крае.

— Хорошо,— отвечает Уэдэ.

— Эти русские всё делают или спяну, или сдуру,— смеется Камацубара.

— Хорошо,— отвечает Уэдэ.

Камацубара звонит на НП иностранных корреспондентов:

— Майор Судзуки? Они проснулись?

— Они потрясены,— отвечает Судзуки.

...Военные атташе и корреспонденты действительно были потрясены. Сквозь пыль и чад угадывалось, что на Баин-Цагане горят русские танки и бронев автомобили.

Много танков и много бронев автомашин. А в небе не прекращались воздушные схватки.

На НП было уютно. Девушки-гейши разносили сакэ, водку, чай.

— Похоже, русского медведя задавили в берлоге,— отрываясь от окуляров бинокля, сказал итальянский атташе немецкому.

Подвезли на грузовиках сакэ. Спешно раздают солдатам небольшие стеклянные бутылки. Они пьют водку. Быстро на жаре хмелеют. Закусывают мелкими сушеными рыбешками, снимая со связок. И с новым остервенением принимаются за дело. Вытаскивают из подбитых советских танков убитых танкистов, жестоко добивают тяжело раненных. Устанавливают в танках пулеметы, устраивая огневые точки. Подкапывают под днища окопы — и вот это почти дот.

— Восстанавливать позиции... восстанавливать позиции,— ходят по Баин-Цагану японские офицеры.

На особо танкоопасных направлениях меняются покарёженные раздавленные орудия, снятые с других, менее опасных направлений.

Один солдат присел отдохнуть. Тут же над ним появляется унтер-офицер, раздраженно бьет по лицу:

— Ты не японец — монгол!..

— Медлите, комбриг. Медлите! — говорит Жуков.

— Как же быстрее — люди и так рвутся,— говорит Яковлев и видит, что говорит правду.

Рвут грузовики с боеприпасами, автоцистерны. Выматываются на разгрузке-погрузке танковые экипажи, уже измотанные

и ночным переходом, и жесткой бескомпромиссной атакой.

Тут же, неподалеку, перевязывают раненых. Укрывают шинелями с головой — убитых.

— Поторопите бригаду! Нельзя медлить — противник может восстановиться... Что это у вас лицо какое, сапоги жмут?

— Потери большие, — переживая за погибших товарищей, отвечает Яковлев.

— Потери как потери. Победим, подсчитаем, у кого больше. Выполняйте приказ!

Яковлев видит, какие у Жукова жесткие, непримиримые, почти без цвета глаза. Невольно пугается их, козыряет, бежит выполнять приказание...

...Комбат Михайлов вышел из боя на дозаправку последним, чувствуя, что теряет сознание. Он с трудом вылезает из танка, едва не падает, опускаясь на землю.

К Михайлову подбегают помпотех батальона Акимов и командир I-ой роты Боков. У Бокова пестрое, в разводах копоти, размазанное ручьями пота лицо. Рукав комбинезона отрезан. Рука выше локтя обмотана бинтами.

— Посмотрите, как там орудие и пулемет... и выньте товарищей, — говорит Михайлов, с трудом шевеля спекшимися губами.

— А я думаю, почему он не стреляет? — Боков присаживается рядом с Михайловым.

Михайлов не отвечает. Присевший на корточки фельдшер выстригает на голове волосы, туго бинтует рану. За его руками Михайлов видит, как помпотех и два подбежавших танкиста вынимают из танка убитых, покалеченных снарядами и колочением о броню, когда они уже были убиты, а танк прыгал по рывтинам, окопам, таранил зенитки, пушки, грузовики.

Акимов повозился с пушкой, опробовал выстрелом, доложил:

— Пулемет заклинило, пушка в порядке. Пулемет заменю.

— Есть тут кто-нибудь из экипажей? — спрашивает Михайлов.

— Только один башенный стрелок с «пятёрки»! Она сгорела, он вышел, — отвечает Акимов.

— А водителей нет?

— Нет.

— Ладно, давай стрелка.

— Куда тебе в бой? — нерешительно возражает Акимов.

— Слушай, разве я тебе говорю: «Давай поспорим?» Я говорю: «Давай стрелка и... принеси попить».

...Примчался на броневичке адъютант Жукова Воротничков:

— Идут!

Показываются первые машины 24-го стрелкового моторизованного полка. Устав-

Герой Советского Союза командир полка И. Федюнинский (фото 1940 г.)

шие бессонным ночным маршем, бесцельным развертыванием перед озером Хуху-Усу-Нур, подвергшиеся налёту японских бомбардировщиков солдаты. Часть орудий полковой артиллерии покалечены бомбами.

Командир полка — в будущем Герой Советского Союза, известный военачальник — Иван Иванович Федюнинский подбегает с докладом к Жукову.

— Посмотри вон туда, — Жуков кивнул в сторону подбитых и чадающих танков. — Половина на твоей совести.

— 24-й полк наверстаёт упущенное, — заверяет Федюнинский.

— Наверстаешь, простим. Нет — пеняй на себя. Разворачивай полк.

— Выполняйте, — приказал Федюнинский заместителю. Сам остался рядом с Жуковым. — Товарищ комдив, моя совесть чиста. Полк вышел в район Ахзин-Худук, 5 км западнее Хуху-Усу-Нур согласно приказа. Второй приказ по радио не получали — грузовик с рацией перевернулся в манхане. Впредь прошу не запугивать. Я служу не за страх. Разрешите идти?

Жукову понравилось, что этот длинный худой полковник уважает себя и требует от других такого же уважения.

— Разверните карту, покажу обстановку, — сказал Жуков.

Короткая артподготовка артиллерии 24-го МП. Однако она ведется навесным огнем — к тому же, из-за бугристой местности корректировщикам, честно говоря, ничего не видно — фактически вслепую и не приносит врагу большого ущерба.

Жуков понимает это. Всё же приказывает: — Вперед!

Яковлев пустил три ракеты.

Взрели танковые двигатели. Оставшиеся танки 11-й танковой бригады и оставшиеся броневики монгольского бронедивизиона неустрашимо, как и в первый раз, мчатся в атаку. Их еще много — около ста.

Однако, вопреки ожиданиям, совместной атаки не получилось. Пехота тут же отстала от танков. Плотный ружейно-пулеметный огонь отсекает ее, кладет на землю.

— Это еще что такое?! Федюнинский, — строго говорит Жуков.

Федюнинский уже и сам кричит в телефонную трубку:

— Почему легли?! В Анапу приехали?! Что значит «огонь»? А вы что хотели?! Вперед!

Но и без этого понукания командиры пытались поднять уставших, непривычных, испуганных боем солдат. Не будем забывать, это первый бой в их жизни.

— Вперед! — кричали они. — Вперед! — свистели в свистки и первыми погибли.

— Коммунисты! Комсомольцы! Беспартийные большевики-ленинцы! — встают по всему полю политруки.

И многих сразу же убивают снайперы, но остальные, не сгибаясь, с пукалками-пистолетами идут вперед. Солдаты устало встают с земли, устало бегут за ними.

Танки уже далеко впереди. Утюжат окопы. Загораются, подбитые снарядами, минами, подожженные бутылочниками.

У пехоты начинается тяжелый, изнурительный бой за каждый метр, за каждый окоп и особенно трудный — за каждый подбитый и превращенный японцами в огневую точку танк.

...Танк лейтенанта Кудрявцева. Тяжело раненный Кудрявцев в одиночку ведет свой бой. Около взвода японцев штурмуют танк. Кудрявцев короткой последней очередью скашивает двоих. Остальные лезут на танк. Кудрявцев отстреливается из пистолета в револьверное отверстие. Японцы миной подрывают люк. Вытаскивают тяжело раненного лейтенанта.

Это видит в триплекс водителя майор Михайлов. На полной скорости его танк мчится выручать товарища. Но помочь Михайлов уже не может — японцы остервенело рубят Кудрявцева тесаками. Можно лишь отомстить. Танк Михайлова пронесится

вплотную к танку Кудрявцева и растирает его корпус попрыгавших на землю японцев. Давит ленточными гусеницами. Из окопчиков выскакивают «бутылочники», бегут за крутящимся по оврагу танком, швыряют бутылки с горючей смесью. Поджигают его.

— Открывай люки! — кричит Михайлов башенному стрелку, сам откидывает перед собой люк водителя и гонит машину на полной скорости.

Она мчится к гребню Баин-Цагана, как факел. Встречным сквозным напором воздуха, проходящим сквозь танк через два распахнутых люка, сбивается пламя со вспыхнувшего было моторного отделения.

И опять всё, как в первый раз, обволакивается пылью, дымом горящих машин. И уже очевидно здесь, изнутри, что пешего противника во много раз больше.

Отсюда, где находятся Жуков, Яковлев, Федюнинский, не видно, что происходит на Баин-Цагане. Слышно, как быстро хлопают танковые пушки, как торопятся японские орудия ПТО, как громяют разрывы бомб. Но всё это в тучах песчаной пыли, в клубах дыма, огня. Видно только, как схлестываются в воздушных схватках советские, монгольские и японские самолеты. Как советские и монгольские прорываются вниз, врываются в клубы пыли и дыма. Как, отштурмовав, вырываются сбоку.

Все присутствующие ошеломлены происходящим. Жуков тверд, спокоен и даже, кажется, весел.

Наконец появились связисты. Четверо из них ранены.

— Товарищ комдив, связь, — доложили Жукову.

— Что же вы держите нас слепыми? — строго спросил Жуков.

— Натолкнулись на диверсантов. Были вынуждены принять бой, — устало сообщает немолодой, раненный в плечо командир, ожидая, видимо, похвалы и участия.

— И что же такой трагический голос? Вы военный, на войне, обязаны принимать бой, — без всякой похвалы и участия говорит Жуков.

— Двенадцать человек потеряли, — несколько теряясь, вздохнул командир. — Только третья группа прошла.

— Значит, плохо командовали. Если в следующий раз с таким промедлением будете давать связь, пойдете под трибунал. — Жуков берет трубку, говорит Богданову на Хамар-Дабэ: — Докладывайте.

— Из Москвы постоянно запрашивают, что тут у нас происходит. Оказывается, по зарубежному радио уже сообщают, что нас разбили.

— Пусть сообщают,— спокойно говорит Жуков.— Что там на восточном плацдарме?

— Противник непрерывно атакует. Как показывают данные, у него здесь семикратное превосходство,— с некой растерянностью сообщает Богданов.

Жуков не знал растерянности.

— Нормально,— говорит он.— Сейчас буду.

— Звонил Штерн. В Читу начали прибывать эшелоны с 82-й стрелковой дивизией. Дней через двадцать передовые части будут у нас.

— Умеют вовремя поддержать,— не без обиды говорит Жуков.

Горит степь, застилая все вокруг едким, черным дымом.

Они едут через дым в машине. Жуков спрашивает Воротничкова:

— Никто мне не возражает, только вздыхают... Ты-то хоть понимаешь, что нельзя было иначе?

— Если бы я понимал по-другому, я бы арестовал не Штерна, а вас,— отвечает Воротничков.

Жуков оборачивается, смотрит на Воротничкова:

— Тебе сколько лет?

— Двадцать один.

— Это не тот возраст, лейтенант, чтобы быть судьей. Это возраст ученья, исполнительности, инициативы. Судить должны опытные и мудрые.

Воротничков по обыкновению покрывается белыми и красными пятнами.

НП Жукова на Хамар-Дабэ.

— Ну, комбриг, противник, видимо, посильнее, чем мы полагали,— говорит Жуков Богданову.

Отсюда, с НП, видно, что на восточном плацдарме тоже не стихает бой.

— С Ремизовым связь есть?— спрашивает Жуков.

— Восстанавливают,— отвечает Богданов.

— Пехота за огневым валом идти не умеет. За танками тоже. Придется учить на ходу,— говорит Жуков.

— Связь,— Воротничков подает трубку.

— Ремизов, помочь тебе нечем, только советом. Советы тебе не нужны, ты сам умный... Отступать нельзя — это категорично.

— Это они нас с ходу с позиций сбили. Теперь — все. Мы не отступим...— Ремизов отвечает спокойно, размеренно, хотя противник наступает перед самым его КП.

— Потери большие?— спрашивает Жуков.

— Не подсчитывали... Поддержите нас авиацией.

— Поддержим,— обещает Жуков.— Главное — назад больше ни шагу.

— Умрем — не отступим,— обещает Ремизов.

— Умирать ты все-таки не спеши. Думаю, дня через два заеду к тебе чаю попить. Угостишь?

— Ну так...— радушно говорит Ремизов.

Голос за кадром:

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА (ПОСМЕРТНО) РЕМИЗОВ МИХАИЛ ИВАНОВИЧ, 36 ЛЕТ, ПОГИБНЕТ ЧЕРЕЗ ПЯТЬ ДНЕЙ НА ХАЛХИН-ГОЛЕ.

Со своего плацдарма, южнее притока Халхин-Гола — Хайластын-Гола, Лхагвасурэн видит только столбы пыли и дыма над Баин-Цаганом, ожесточенную самолетную карусель, примерно то же, что и с НП в отрогах Хин-Гана. И хотя здесь тоже идет бой с баргутской конницей, Лхагвасурэн подзывает командира полка. Приказывает:

— Снять три сабельных эскадрона, две батареи, пулеметную роту на танках. Посылать на Баин-Цаган. Не медля!

Монгольские цирики на рысях мчатся в том направлении...

Солнце уже давно клонится к западу. Бой не утихает. А решающего успеха нет. Сверху это особенно очевидно. Советские летчики изо всех сил пытаются помочь наземным войскам. Переходя в смертельное пикирование, едва не бороздя барханы и землю, чудом ориентируясь в смрадной смеси дыма, пыли, огня, отыскивают позиции японской артиллерии, бомбят, поливают огнем из пушек и пулеметов. Да еще сражаются с японскими асами.

В воздушных боях участвуют лучшие советские асы — и Грицевец, и Лакеев, и Кравченко. И не самые лучшие — Кобанов и его неопытная эскадрилья. И лучшие японские асы.

В этот день, в разгар воздушной борьбы над Баин-Цаганом, на небольшом пространстве в воздухе одновременно находилось свыше 300 советских и японских самолетов.

Все устали. Солнце устало клонится к вечеру. Пехотинцы падают от изнеможения в окопах. Артиллеристы не имеют сил ловко воткнуть снаряд в пушку.

Бой уже выдохся, не принеся победы.

В блиндаж Камацубары, пошатываясь от усталости, входит генерал-майор Кобаяси.

Герой Советского Союза
командир полка М. Ремизов

— Это была агония. Они — трупы. У них больше нет сил. Осталось только добить и прочистить.

— Эта их авиация совсем обнаглела, — прислушиваясь к тому, что происходит в воздухе, жалуется Камацубара. — На что только смотрит генерал Гига?

— На девочек, ему там легко в Хайларе.

— Я это не слышал, вы это не говорили, — строго одергивает Камацубара. — Сколько уничтожено русских танков?

— Много. Сейчас невозможно все подсчитать... Наверное, больше ста.

— Вот что значит правильно организовать победу!.. — радуется Камацубара. — Завтра привезете сюда атташе, корреспондентов, пусть полюбуются. Надо только подобрать трупы доблестных императорских воинов. И совершенно не убирать монголов и русских... Лучше так: доблестный японский труп доблестного самурая, а вокруг пятнадцать-двадцать убитых русских, монгол — будто он уничтожил их, пусть пофотографируют... Я думаю, эта битва войдет в историю.

Приносят скромно, по-походному сервированный ужин.

— Выпьем саке, мы его заслужили, — Камацубара поднимает чашку с саке. — За доблестный японский дух. За негибаемость японского солдата.

— И генерала, — чуть-чуть заискивая, говорит Кобаяси.

— Каждого истинного самурая, — подчеркивает Камацубара. — Организованность и мужество — это наши черты. Именно поэтому на Японию возложена великая миссия — повести за собой мир.

Они согласно приподнимают чашки с саке.

В это время Жуков выдвигал артиллерию на прямую наводку.

— Вообще-то 152-мм гаубицы, вес снаряда 43 кг, предназначены для... — устало объясняет командир дивизиона майор Рыбкин.

— Что вы всё рассуждаете?! — злится Жуков. — Выполняйте приказ! Выводить орудия на прямую наводку!

— Только вы меня не спешите... не спешите, — волнуется Рыбкин.

— Немедленно! — в сердцах крикнул Жуков.

— Слушаюсь! — майор Рыбкин бежит выполнять приказ.

...На огромной, как обычно, скорости Жуков подъезжает к месту сосредоточения бригады.

Опять, как днем, на исходных позициях идет спешная, изнуряющая работа. Ревут грузовики, подвозя горячее, боеприпасы. Измочаленные, уставшие танковые и броневые автомобильные экипажи, валясь с ног, дозаправляют боевые машины, пополняют боекомплект. Многие ранены, опалены.

Лицо у Жукова осунулось, посерело, он устал не меньше, чем остальные, но по-прежнему тверд, решителен и уверен.

— Вяло идет подготовка. Комбриг, поторопите!

— Люди... чуть-чуть устали, — вздохнул Яковлев, он сам еле стоит на ногах.

— Что значит устали?! — возмутился Жуков. — Усталость оставим дамам. Наше дело — лезть до конца, бить до предела. Ночью он подтянет резервы и всё начнется сначала. Только нам нечем уже начинать... Поторопите бригаду, через тридцать минут атака.

Яковлев, покачиваясь от усталости, спешит к танкистам поторопить.

...Командиры-танкисты, уловив минуту, делаются впечатлениями, чертя на земле патронами схемы атаки:

— У них орудия стоят так — по три, одно сзади, два по бокам. Надо идти так: две машины впереди, три сзади — задние следят, ловят, уничтожают...

— И смертников — «бутылочников», «шестовиков» — поддерживают командиры.

— Пушки показывают себя хорошо, пулеметы плохо. Пружина слаба, выталкивает полдиска.

— Быстро перегреваются, стрельба сразу неметкая.

— Товарищ комбриг, ТОПы быстро регулируются. Мал обзор, приходится высываться из люка. Надо другие ТОПы, — говорит подошедшему Яковлеву.

— В ПТК попадает влага, сразу же затмняется, — поддерживают командиры. — Нужны смотровые щели, а лучше триплексы по бокам отделения управления — а то ничего не видно, идем вслепую...

— Товарищи командиры, сегодня ничего не изменится, надо идти на этих, — отвечает Яковлев.

— Да мы на потом, на будущее, — соглашаются командиры. — Хорошо бы в днище был люк для выхода экипажа — сколько бы людей уцелело...

— У нас тоже не видно. Куда править — давай право, давай лево — плохо. Стрелять — тоже так, — говорит командир монгольского бронедивизиона.

Не будем забывать, что они измотаны, еле стоят на ногах. Не будем забывать, что это первый разбор, первая оценка, исходя из первого боевого опыта и советских и монгольских вооруженных сил. После первой по насыщенности танковой атаки в мировой истории. И его ведут уставшие, валяющиеся от усталости с ног люди.

В этот момент вышел к своим комбат Михайлов со своим башенным стрелком.

— А мы думали, вы сгорели! — обрадовались товарищи.

— Шиш им, — с трудом шевеля спекшими губами, говорит Михайлов. — Товарищи, у кого машина на ходу, а экипаж отсутствует?

— У Рогожкина.

— Будешь в моем экипаже, — знакомься с Рогожкиным за руку, говорит Михайлов и приваливается на землю.

— Товарищ майор, куда же вам? — так же, как и в тот первый раз, говорит Акимов. — Вы на себя не похожи.

— Слушай, ты надоел мне сегодня! Я тебя спрашиваю, на кого я похож?! Я говорю, подготовь танк и занимайся делом... Мужики, кто будет гореть, машину не покидайте, открывайте люки и на форсаж — пламя сбить можно...

На Хамар-Дабэ Жуков сразу прошел на пункт связи.

— Шифруйте: «Я — Жуков».

Тут же пришел ответ:

— Я — Ворошилов. Доложите обстановку...

Опускалась черная монгольская ночь, а бой на Баин-Цагане не утихал. Борьба достигла крайних пределов. И на земле, и в воздухе

всё стреляло, ревело, грохотало. Казалось, вот-вот — и победа. А ее все не было...

Не прекращался бой и на восточном плацдарме. Японцы стреляли трассирующими пулями — все небо над Халхин-Голом перечеркивается многоцветными, многочисленными очередями. Полыхают выстрелами стволы пушек. Светят ракеты. Вспыхивают на Баин-Цагане броневые автомобили.

Отсюда, с Хамар-Дабы, видно, что кольцо на Баин-Цагане сжимается. Что на восточном плацдарме противник идет в беспрерывное наступление. Видно по всем этим непонятным непосвященному глазу огням.

Жуков стоял твердый как изваяние. Он понимал, что теперь ничто не поможет: ни умные решения, ни грозные приказы, ни жесткая требовательность. Наступление наших войск подошло к своему логическому завершению. Они сделали всё, что могли, — не только остановили японцев, но отбросили их назад, не дали по-настоящему закрепиться на Баин-Цагане. А то, что они оказались не в состоянии вырвать победу, сбросить противника с Баин-Цагана — это не вина, а беда. Сил для победы оказалось мало.

Позвонил Яковлев. Усталый до неузнаваемости голос:

— Мы выдохлись, Георгий Константинович... Если бы хоть один свежий танковый батальон... или стрелковый полк...

Он думал, Жуков сейчас накричит на него, станет отвинчивать голову. Жуков сказал очень спокойно, хотя и не очень довольно:

— Еду... Сейчас буду у вас, — уходя, он с горечью сказал Богданову: — Всё...

Абсолютно темная, непроглядная монгольская ночь. Воротничков светит Жукову электрическим фонарем. Над головами летают трассирующие пули. Иногда вспыхивают ракеты, и тогда становится видно, что Жуков обходит уставшие выдохшиеся войска: и советские и монгольские.

— Спасибо, товарищи... Спасибо, товарищи... То, что вы сделали, не смог бы сделать никто.

Земля на Баин-Цагане не один раз изрыта и не один раз перевернута снарядами, рытвем окопов, танковыми гусеницами. В зеленом, красном, желтом свете ракет видны подбитые сгоревшие танки и броневые автомобили. Раздавленные, покореженные японские пушки. Видны убитые. Видно, как устали и танкисты, и пехотинцы, некоторые уснули тут же: у гусениц, на броне, в окопах.

— Задача нами не выполнена, — говорит Жуков. — И все же мы не позволили противнику ни окружить, ни уничтожить нас. Мы взяли инициативу в свои руки, сковали

его на Баин Цагане, не дали возможности хорошо укрепиться... Видимо, за ночь он подтянет резервы, будет пытаться расширить плацдарм и уничтожить нас. Потери у нас большие. Подкреплений брать неоткуда. Люди измотаны... Обязательно организовать оборону. Вырыть окопы полного профиля. Врыть в землю орудия, броневые автомобили — превратить в неприступные огневые точки...

Командиры раскачиваются на ногах, почти засыпая, слушают Жукова.

— Что вы всё спите?! — прикрикнул Жук. — Серьезнее относитесь к делу!

И этим тут же разбудил всех.

— Накормить всех горячим ужином — лично проверю. Все танки и четверть состава пехоты отвести на отдых. Задача на завтра — возможны два варианта — первый: если противник подтянет силы и сам перейдет в наступление...

Вблизи, метрах в тридцати отсюда, вспыхивает яростная стрельба. Ворончиков выхватывает пистолет, мчится на выстрелы.

...Те счастливы, кого отвели на отдых и кто еще стоял на ногах, принимали душ в передвижных дождевых установках. У кого не было сил, свалился спать, не помывшись.

Те, кого не отвели на отдых, из последних сил рыли траншеи и капониры.

Техники проверяли танковые пушки, пулеметы, моторы.

Цирики разогли в манханах костры, ели с ножей мясо, ловко срезая его с кости.

Японцы тоже восстанавливали позиции. Готовили заново. Участок обороны стал небольшой — 5 км в длину, 2 — в ширину. Очень густо насыщен по артиллерии, по пулеметам. На ужин им опять раздали связки мелкой сушеной рыбешки, бутылки с сакэ. Офицеры ели отдельно, у них были галеты, мясные консервы.

С восточного берега шло через понтонный мост подкрепление: пехота, артиллерия, боеприпасы.

Советско-монгольская авиация, бросая на парашютах яркие осветительные бомбы, пыталась разбомбить переправу, штурмовала японский участок на Хамар-Дабэ.

Камацубара не выдержал этого непрекращающегося, опасного для жизни столпотворения. В эту ночь он оставил свои войска. Взошла луна.

Как записал один из офицеров, сопровождавших Камацубару: «тихо и осторожно движется машина генерала Камацубары. Луна освещает равнину, светло, как днем. Ночь тиха и напряжена так же, как мы. Халха освещена луной, и в ней отражаются огни осветительных бомб, бросаемых против-

ником. Картина ужасная. Наконец мы отыскали мост и благополучно закончили обратную переправу...»

Войска остались без своего командира и тем не менее готовились к решающему завтрашнему сражению. Подходило, лезло на Баин-Цаган подкрепление.

Утром противник, выдвинув артиллерию на прямую наводку, начал интенсивную артиллерийскую подготовку. Насыщенность артиллерией была очень большая, пушки и минометы стояли друг от друга через несколько метров.

Артподготовка шла три часа. Цирики и красноармейцы отсиживались в окопах и щелях.

Каптенармусы раздавали японским и баргутским солдатам бутылки с сакэ, пакетики с опиумом. И то и другое употребляли тут же, становясь от этого упростирами и безмятежными одновременно.

И опять накачка:

— ...Пока ты жив, ты не принадлежишь себе... В бою ты обязан исполнять любой приказ командира, идти до конца... Приказ офицера — приказ императора...

Одурманенные сакэ, опиумом и словами, солдаты яростно кричали в ответ верно-подданнические слова, целовали амулеты «омомори», плакали, размахивали тесаками, сверкали глазами, звонко и дико кричали «Банзай!»

Пулеметные очереди из врытых в землю броневых автомобилей косили их, в гуще цепей рвались снаряды. Но они лезли и лезли, врывались в окопы, навязывали плотный штыковой бой. Их было так много, казалось, что нет числа.

Это длилось весь день.

Советские танкисты, отведенные на отдых, слышали, что там происходит, курили и переживали, что не участвуют в бою. Они несколько отоспались за ночь, набрались сил и теперь ждали своего часа.

В воздухе в этот день тоже происходило невероятное. Более четырехсот самолетов одновременно действовали над Баин-Цаганом в зоне диаметром примерно 20 километров. Такого еще не знала история.

Советско-монгольская авиация в этот день превосходила противника и по количеству и по качеству. В боях участвовали лучшие советские летчики — все 20 Героев Советского Союза — надо бы увидеть их в кабинах самолетов, прильнувших к тубусам прицелов, умело заходящих в неотвратимую атаку, сбивающих врага из любых положений, с орденами во всю грудь.

Они не дали противнику штурмовать наши позиции. Сбив в напряженном, длившемся полдня бою 20 самолетов, отогнали японскую авиацию от Баин-Цагана...

...Весь день Жуков стоял на НП на Хамар-Дабэ и наблюдал, что происходит на Баин-Цагане и на восточном плацдарме, за Халхин-Голом. Наблюдаемое утешения не вызывало: на Баин-Цагане победа была далека; на восточном плацдарме победой даже не пахло — противник непрерывно атаковал, желая помочь наступающим частям на Баин-Цагане, его превосходство в силе было значительным.

В два часа с Баин-Цагана позвонил Федюнинский и честно сказал:

— Товарищ комдив, отбиваем восьмую атаку. Боюсь, двенадцатую отбивать будет некому.

— Держись, полковник, помочь тебе нечем,— жестко сказал Жуков.

— А танки?

— У танков будет своя задача. Твоя задача — вымотать противника обороной. Выматывай.— Жуков положил трубку, повернулся к Лхагвасурэну:— Понятно, почему так?

— Всё понятно,— ответил Лхагвасурэн.

В 16.30 опять позвонил Федюнинский.

— Товарищ комдив, он больше не лезет!— радостно прокричал Федюнинский.

Жуков весь день ждал этой минуты.

— Молодец, Федюнинский! Молодцы все!.. Готовься к атаке!

Позвонил Смушкевичу:

— Яков Владимирович, давай всё, что у тебя есть.

Около 70-ти СБ накинулись на вершину Баин-Цагана. Вершина, восточные отроги, японская переправа через Халкин-Гол утонули в пелене пыли и дыма.

Как только самолеты ушли из района бомбардировки, Жуков отдал приказ Корзину:

— Начинать артподготовку!

Советско-монгольские орудия всех калибров, выдвинутые на прямую наводку, открыли шквальный огонь по вершине Баин-Цагана. Там уже не было ни одного нетронутого сантиметра земли, почти ни одного не разбитого, не загоревшегося автомобиля. Обезумевшие от ужаса лошади метались среди этого ада. Но японские солдаты жались в окопах, в щелях и не собирались пока отходить.

— Яковлев, Лесовой, Федюнинский — вперед!

Герой Советского Союза командир 11-й танковой бригады М. Яковлев (фото 1937 г.)

— Товарищ комдив, разрешите вести бригаду?— прокричал Яковлев.

— Теперь разрешаю, веди... Это должна быть последняя атака. На другую не будет сил.

— ЕСТЬ!— радостно прокричал Яковлев и как будто не было ему 36-ти лет и генеральского звания, бегом кинулся к своей «единичке».

Всё было уже сто раз обговорено и не нуждалось ни в каком уточнении. Стоя в башне танка, Яковлев пустил три сигнальных ракеты, махнул флажками сигнал «Делай, как я» и, ощущая перед предстоящей борьбой прилив радостного вдохновения, свойственного в этой ситуации гордому, смелому человеку, помчался впереди бригады в танковую атаку.

Голос за кадром:

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА (ПОСМЕРТНО) МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ ЯКОВЛЕВ, 36 ЛЕТ, ПОГИБНЕТ ЧЕРЕЗ НЕДЕЛЮ НА ХАЛХИН-ГОЛЕ, ЗАЩИЩАЯ ЦЕНТРАЛЬНУЮ ПЕРЕПРАВУ ОТ ПРОРВАВШЕГОСЯ ПРОТИВНИКА...

...Эта атака продолжалась весь вечер, всю ночь, и только под утро противник дрогнул, кинулся с Баин-Цагана.

Первой не выдержала баргутская конница. И вот уже паника охватила всех. Все, кто мог двигаться, бросая пушки, пулеметы, бросая всё, кинулись с крутого склона.

Желая остановить отступление, японский начальник охраны моста отдал команду — мост вместе с отступающими взлетел в воздух.

И тогда с Баин-Цагана, к реке, кинулись последние самураи.

Прорвавшиеся с севера и юга танки и броневые автомобили открыли по ним ураганный пушечный и пулеметный огонь.

По Халхин-голу поплыли трупы.

Монгольские цирки вырывались на лошадях и рубили саблями скачущихся с Баин-Цагана самураев.

Танки и броневые автомобили пытались кинуться через Халхин-Гол. Болотистая пойма реки не пустила их.

Разгром ударной группировки был полным. Как потом подсчитали, 10 тысяч трупов японских солдат и офицеров устлали в то утро гребни Баин-Цагана.

...Через бинокли и перископы с наблюдательного пункта Камацубары в отрогах Хин-Гана военные корреспонденты и военные атташе Германии и Италии в Токио видят всё, что происходит на Баин-Цагане, и ошеломлены увиденным...

...Жуков зашел на КП на Хамар-Дабэ, свалился на топчан и тут же уснул.

Хроника. Токио.

Императорский дворец. Кабинет императора Хирохито. Хирохито угнетен известиями с Халхин-Гола.

Советник императора Кидо выходит в смежную комнату и заносит в дневник дворцовых событий: «Армия в смятении, и всё погибло...»

...Влиятельная газета «Хоци» высказалась в передовой статье: «События в Китае и на советско-маньчжурской границе повелительно диктуют необходимость подписания договора с Германией и Италией, ибо без него Япония не в состоянии одержать победу...»

Германия. Бирштубе в маленьком провинциальном городе.

— Одними танками? — удивился Гитлер и задержался, не сев в машину.

И остальные — Геринг, Риббентроп, свита — смешались, невольно подталкивая друг друга и боясь подтолкнуть Гитлера.

— Вы слышали, он задавал их танками?! Он бросил танки в бой без пехоты — двести танков против двадцати тысяч японских солдат и ста пятидесяти орудий!.. Скажите об этом Гудериану. Нет, я сам скажу.

— Бой шел два дня и две ночи. Он потерял половину танков, но победа была предрешена уже в первый день — этим, — подтвердил военный атташе Германии в Токио,

бывший наблюдателем боя на Баин-Цагане.

— Поедете с нами на общий народный суп, — разрешил Гитлер.

Это была большая честь, атташе едва не задохнулся от счастья.

— Запомните имя этого генерала, Майстроф, — Жуков, — велел Гитлер своему порученцу, когда они уже ехали в лимузине. — Конечно, он это сделал от глупости, но в хорошем хозяйстве даже дурак должен быть на учете.

Геринг и Риббентроп восхитились глубиной этой мысли и тут же показали это.

— Должен признаться, Адольф, вы — самый умный человек в мире, — сказал Геринг, и Риббентроп позавидовал, что это сказал не он.

Гитлер уже привык, что его постоянно хвалят, что он постоянно прав, и всё же посмотрел на Геринга с некоторым интересом.

— Глупости, Герман, — сказал он по привычке сразу и всему противоречить. — Умные люди вообще не нужны человечеству. Главная черта умника — во всем сомневаться... Только люди, не знающие сомнений, стальные когорты этих людей могут переделать мир, спасти от лени, разврата и гибели!

Геринг и Риббентроп, хоть уже и привыкли к его пророчествам, изобразили, что всё это для них вновь.

— И всё же каждое ваше слово надо высекать в граните, — растроганно сказал Геринг, и Риббентроп позавидовал, что это сказал не он.

— На каждое мое слово в Германии не хватит гранита, — улыбнулся Гитлер.

— А мы для этого завоюем весь мир, там его много, — сказал Геринг, и Риббентроп опять позавидовал.

Гитлер радостно сверкнул глазами и засмеялся. Был он еще молод, здоров, всё ему удавалось, и, казалось ему, это не будет иметь конца. Он выставил ладонь, Геринг осторожно дотронулся до нее пальцами...

...Маленький провинциальный город. Машина Гитлера останавливается. Те, кто допускался на общий суп с Гитлером, обожали его. Или делали вид, что обожают: женщины, истинно арийские женщины; дети, истинно арийские дети; истинно арийские мужчины и старики — они готовы были нести на руках машину с любимым фюрером.

Длинные столы с пивными кружками и тарелками в ряд. Повар в традиционном высоком колпаке большим черпаком разливает суп.

В стороне, за оцеплением, притулилась машина с японским послом в Германии. Он приехал сюда самовольно, в надежде попасть на глаза Гитлеру и, может быть, получить приглашение на беседу.

— Японский посол умоляет о встрече, — напомнил Риббентроп.

Гитлер презрительно сморщился:

— Пусть эти косоглазые вначале докажут, что способны не только подставлять задницу и быть битыми... Союзник — это почти невеста. Нибелунгам нужна Брунгильда, а не карлица с островов!

Машина остановилась. Гитлеру распахнули дверцу. Увидев вплотную счастье встречающего его народа, ликование, обожание, у Гитлера от встречного счастья навернулись слезы, и он вступил в свой народ.

— Какое счастье управлять этим народом, — сквозь слезу прошептал Гитлер.

Он здоровался со стариками, похлопывал по щекам детей, улыбаясь упитанным и преданным, истинно арийским женщинам.

Японский посол высунул было над головами свою неарийскую физиономию. Гитлер с негодованием отвернулся.

Конечно, это было еще и шоу, работала кинокамера с истинно арийским оператором и два арийских фотографа.

И вот он, Гитлер, за общим столом с народом, поднял кружку с пивом и произнес:

— За мир без коммунистов, евреев и умников!

Общие восторг, ликование и твердость духа.

Москва. Наркомат НКВД.

Писк эфира. Морзянка. Текст:

«Москва. Ковалеву. Совершенно секретно. Ленту изъять. Через дежурных НКВД. Рамзай сообщает: из достоверных источников стало известно...»

Тот, кто значился Ковалевым, идет с докладом к наркому НКВД Берия.

Он доложил Берия:

— Из Токио сообщают: из достоверных источников стало известно, Гитлер отказал во встрече японскому послу в Германии. Цель встречи — ведение переговоров по заключению военной стороны агрессивного союза «Берлин-Рим-Токио». Я думаю, немаловажную роль в этом сыграл тот факт, что японские войска на Халхин-Голе терпят поражение за поражением. Гитлер, видимо, не хочет связываться с союзником, имеющим подмоченную репутацию. Я думаю, в ближайшее время следует ожидать...

Берия к этому времени протер пенсне, водрузил его на переносицу и, сурово посмотрев на собеседника, сказал очень строго, не дослушав его:

— Скажите, это ваше дело — думать?.. Ваше дело — докладывать. Думать будут другие.

Несмотря на присутствие Ворошилова, Берия сообщал Сталину по-грузински:

— Учитель, в Монголии раскрыто крупное вредительство. Этот Жуков, не подготовившись, без разведки, бросил против хорошо устроенной обороны все наши танки и броневики. Это был подарок врагу — японцы сожгли сто сорок боевых машин. Он знал, что это нельзя делать без прикрытия пехоты. Ему не советовали. Он не слушал, капризный, не хочет никого слушать. Обижает заслуженных авторитетных товарищей.

«Рысьи», страшные глаза Сталина наливались гневом. Он резко повернулся к Ворошилову, с ненавистью спросил:

— Ты понял?

— Нет, — честно сказал Ворошилов, он не понимал по-грузински. — Я не понимаю по-грузински.

Берия продолжал:

— Когда бойцы от души говорили: «Вперед за товарища Сталина! За нашу любимую Родину!» — он оборвал митинг презрительным барским окриком: «Хватит митинговать!».

Сталин пришел в ярость, Ворошилов давно не видел его в таком гневе.

— Объясни ему, Лаврентий... Разберешься и сделаешь нужные выводы! Теперь понял?

— Теперь понял, — невольно робея, сказал Ворошилов.

— Мне кажется, и он саботажник, — сказал Берия по-грузински.

— Проверь, Лаврентий. Ты всех проверь. В борьбе пролетариата, которую мы ведем, исключений не должно быть, — сказал Сталин по-русски.

Голос за кадром:

ЗА ЭТИ ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ СТАЛИНСКИЕ РЕПРЕССИИ ВЫРУБИЛИ: ИЗ ПЯТИ ПЕРВЫХ МАРШАЛОВ — ТРЕХ (БЛЮХЕР, ЕГОРОВ, ТУХАЧЕВСКИЙ); ИЗ 15 КОМАНДИРОВ I И II РАНГА — 13; ИЗ 57 КОМКОРОВ — 50; ИЗ 186 КОМДИВОВ — 154; ИЗ 16 АРМЕЙСКИХ КОМИССАРОВ I И II РАНГА — ВСЕХ; ИЗ 28 КОРПУСНЫХ КОМИССАРОВ — 25; ИЗ 64 ДИВИЗИОННЫХ КОМИССАРОВ — 58... В РЕЗУЛЬТАТЕ, КРАСНАЯ АРМИЯ ВСТУПИЛА В ВЕЛИКУЮ ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ ФАКТИЧЕСКИ ОБЕЗГЛАВЛЕННОЙ.

И вот уже Ворошилов приказывает Тимошенко:

— Немедленно послать на Халхин-Гол Комиссию... Допрыгался со своим любимчиком. «Упрямый, значит, упрямый». Будешь отвечать головой!

— Товарищ нарком, я всё же не Змей Горыныч, у меня только одна голова — и та, видимо, заново не отрастает, — сдержанно сказал Тимошенко.

— Рассуждаете много! Выполнять приказ!

III. НЕОБЪЯВЛЕННАЯ ВОЙНА

Монголия. Аэродром.

По-строевому, твердо печатая шаг по сухой монгольской земле, Жуков подошел к членам Комиссии и доложил:

— Товарищ заместитель народного комиссара обороны — комдив Жуков.

— Кулик, — заместитель наркома Кулик приложил к козырьку ладонь и представил других: — Начальник бронетанкового управления РККА Павлов, начальник артиллерии РККА Воронов.

Члены Комиссии представлялись Жукову холодно, чтобы никто потом не смог обвинить их в соучастии.

Без всякой дипломатии и подготовки Кулик сразу же сообщил:

— Георгий Константинович, не буду скрывать: вас ждут неприятности. Товарищу Сталину стало известно, что под вашим командованием войска понесли неоправданно большие потери... Будем во всем разбираться.

Жуков молча приложил ладонь к козырьку. Члены Комиссии сели в другую, не в его, Жукова, машину.

Машины помчались в сторону Баин-Цагана.

Жуков не поехал с Комиссией по Баин-Цагану. Приложил к козырьку ладонь, сухо вато испросил разрешения:

— Разрешите исполнять свои обязанности?

— Исполняйте, — разрешил Кулик.

Уже отсюда были видны остовы подбитых, сожженных танков, броневедомостей. Было видно, что в Москве не врали, что потери большие.

Машина с Комиссией двинулась на Баин-Цаган.

Тут подоспел обиженный на Жукова Штерн. Сел на самолет, как всегда, где ему надо. Смахнул белоснежным платочком невидимую пыль с отполированных сапог, выскочил из самолета.

— А... Комиссия! — радостно сказал Штерн. — Допрыгался, козлик?.. Только дай так: ты об этом ничего не знаешь, что я был арестован. И я ничего не знаю. И чтоб никто никогда об этом не знал... Слышишь, адъютант, — могила! Дай-ка машину.

Штерн вскочил в машину Жукова.

— А ну, быстро, — и помчался вслед за Комиссией.

Смахнул белоснежным платочком невидимую пыль со своих сапог и сияющий, радостный выскочил из машины... Штерна знали и уважали, уважительно здоровались за руку.

— А по-другому было нельзя, — сразу объявил Штерн. — Я здесь был. Все это на моих глазах... Если бы мы так не поступили, уже потеряли в пять раз больше... или потеряли всё...

Члены Комиссии молчали, и так было видно несоответствие потерь и приобретений. Было видно, какой жесткий, упорный и кровопролитный шел бой. Как тщательно и умело подготовился ко всему противник. Как важна была высота, какое главенствующее место занимает на всем плацдарме. Как изранено и перекорежено все вокруг. Какие огромные потери понес враг.

А с гребня они увидели, что на восточном плацдарме не прекращался бой.

— Вот сволочь, — сказал о противнике Штерн. — До чего настырный. Уж мы ли его не колотим! Честное слово, кулаки болят...

На КП приехали члены Комиссии.

— Товарищи командиры, всех, кроме товарища Жукова, прошу выйти, — приказал Кулик.

Все вышли.

— Докладывайте ваши соображения по поводу ваших действий, — строгим, не предвещающим ничего хорошего голосом приказал Кулик.

Жуков доложил:

— Очевидно, танковые атаки подобного рода дают эффект только при случае, если противник не успел наладить оборону. Здесь — из-за нашего промедления — он все-таки успел что-то наладить... Противник был потрясен, но бригада, без поддержки артогня и без пехоты, понесла потери: 36 подбито, 46 сгорело... шло в атаку 132 танка... На Баин-Цагане танки, жертвуя собой, спасли положение всей корпусной группировки. Всё.

Кулик выдержал длинную паузу. Члены Комиссии испытующе смотрели на Жукова. Жуков стоял «смирно», напряжения не обнаруживал.

— На слова вы скупы, хотя бы не так — на дело, — сказал Кулик. — Наше мнение... В сложившейся ситуации вы поступили правильно. Комиссия одобряет ваши действия, считает их правомерными, о чем мы сегодня же донесем в Москву.

Все вдруг улыбнулись, ожидали, что Жуков обрадуется, и были готовы разделить эту радость. Жуков ответил сдержанно:

— Так точно.

Кулик был несколько разочарован такой сдержанностью. Прислушиваясь к грохоту непрекращающегося боя на восточном плацдарме, он сказал:

— Судя по всему, этим здесь ничего не кончается — ваше мнение?

— Противник задачу не выполнил. Противник волевой, упрямый. Сил у него достаточно. Будем выполнять задачу. Я так считаю, — доложил Жуков.

— Я тоже так считаю, — подавляя вздох, согласился Кулик. — Мы остаемся у вас для усиления командования боевыми действиями.

Вот этого Жуков никак не ожидал и не хотел этого. Но делать нечего, человек военный. Коротко ответил, скрывая обиду:

— Слушаюсь.

Вбежал радостный Воротничков:

— Товарищ комдив!.. Извините, товарищ командарм I ранга, разрешите обратиться к товарищу комдиву?

— Обращайтесь, — разрешил Кулик.

— Товарищ комдив, пополнение!

— Наконец-то! — обрадовался Жуков. — Товарищ командарм, разрешите принять пополнение?

— Принимайте, — разрешил Кулик.

Жуков оправил под ремнем гимнастерку, кинулся из НП.

— Вообще, мог бы хоть спасибо сказать, — разочарованно сказал Павлов.

— Суровый мужик, — сказал Воронов.

— Пригласите командиров и прикажите дать связь с Москвой, — сказал Кулик.

Жуков рано обрадовался подошедшему пополнению. 82-я стрелковая дивизия относилась к разряду территориальных воинских подразделений — только что в спешке сформированная Уральским военным округом из колхозников, рабочих, служащих, в спешке вооруженная, в спешке высланная на Халхин-Гол. И выглядела она соответственно, не походя на кадровую часть даже ничем отдаленным. К тому же, красноармейцы совершили 800-километровый утомительный переход от ж/д станции Борзя по жаре, пыли, налетавшим проливным дождям, в условиях незаселенной местности и отсутствия каких-либо удобств для ночлега, отдыха, поддержания санитарного состояния.

Вдали, за Халхин-Голом, громыхали орудия. Бывшие полтора месяца назад штатскими, люди испуганно прислушивались к грохоту, каша с мясом, которой их обильно кормили, застревала в горле.

— Эй, земляки! Пермьяки — соленые уши — среди вас имеются? — познакомились местные с новенькими.

— А как без соли в таком храбром деле? — отозвался один, демонстрируя соленые разводы на не раз пропотевшей, не раз высохшей гимнастерке.

— Да я серьезно.

— А я в шутку 800 километров за двад-

цать дней прошагал — ни воды, ни жилья, ни черта по дороге... Мясом вас так всегда кормят?

— Не жалеют монголы.

— Вы тут воюете, что ли? — опасливо спрашивал новенький в другом месте.

— Воюем, — беспечно ответил повар.

— Не, ма, это нечестно, — возмущался в третьем месте красноармеец Шибанов. — Товарищи командиры, как же теперь понимать? В военкомате говорили — на сборы, а пригнали вон куда — на войну!.. А я — не военный, чего же мне воевать?..

Жуков увидел это небоеспособное соединение и пришел в ужас. Скрывая это, знакомился ближе:

— Вы, товарищ красноармеец, кто по профессии?

— Крестьянин. Теперь колхозник? Колхозник, да.

— В армии где-нибудь служили? — с надеждой спросил Жуков.

— Не приходилось.

— Будем бить самурая?

Красноармеец вздохнул:

— Чего уж теперь — как заставят.

— А вы, товарищ?

— Я счетовод, — сказал немолодой красноармеец.

— В армии служили?

— Пока нет.

Жуков увидел минометные трубы и обрадовался, тут хоть минометы походили на что-то военное. Спросил командира:

— Какой процент попадания?

— Мы пока не стреляли... Изучать — изучали дорогой, а стрелять — не стреляли... нам мины не выдали, — слегка заикаясь, рассказал 36-летний командир минометного взвода Ягодников.

— Вы кто по профессии? — спросил Жуков.

— Учитель начальных классов, — сказал Ягодников. — У нас вот такая проблема... К 82-мм минометам положены по инструкции оптические прицелы, а у нас угломеры... и то, знаете ли, кронштейнов для их крепления нет...

От всего этого хотелось материться и плакать. По инерции Жуков остановился еще перед одним красноармейцем:

— Вы?

Этот был боевитей:

— Я, товарищ командующий, партизанил в гражданскую, на меня можно надеяться. Правда, у меня плоскостопие, в царскую службу не брали...

Не дослушав, Жуков быстрым, решительным шагом пошел к машине.

— Это просто вредительство! — возмущался Воротничков.

— Отстань! — не выдержал Жуков и этим разрядил себя.

Подбежал чувствующий себя виноватым за опоздание немолодой полковник-орденоносец, командир дивизии. Еле перевел дыхание, хотя бежал вроде недалеко.

— Товарищ комдив, разрешите представиться, командир 82-й стрелковой дивизии полковник Санаев.

— Жуков, — представился Жуков, приказал Воротничкову: — Карту... Подошедшим полком ночью, скрытно, займете оборону на этом участке. Здесь, здесь и здесь — по главенствующим высотам, — Жуков показал на карте. — Сразу же отрыть траншеи, щели и блиндажи. У вас есть карта? Покажите.

Полковник показал карту.

— Выдали, — виновато сказал он, понимая, что карта плоха. — Пока одну.

— С картами у меня плохо. В ежедневных отчетах будете чертить схемы... Остальные два полка, по мере подхода, выведете сюда, за «Родник», здесь участок схож с условиями боевых действий, и немедленно приступайте к учебе. Главное — взаимодействие в условиях барханов, взаимовыручка, выработка умения ходить в атаку за огневым валом с танками.

— У меня нет танка, — вставил командир дивизии.

— Пришлю два. Обязательно — окапывание, метание гранаты, штыковой удар... Вы сами хоть знаете, что это такое?

Командир дивизии покраснел от обиды.

— Вы не краснейте, вы лучше скажите, если не знаете!.. Начинайте сегодня же, я проверю.

Потом, когда командир дивизии, неловко откозыряв, побежал выполнять приказание, Никишев, присутствующий при разговоре, сказал Жукову:

— Зачем вы его обидели?

— Правильно, поругайте меня!.. Суки!.. Черт знаете ли что! Я спрашиваю — почему?! — И сразу же взял себя в руки.

КП Жукова на Хамар-Дабэ.

В присутствии Никишева, Потапова и верного Воротничкова Жукову докладывает начальник политотдела 82-й дивизии:

— В процессе проверки и изучения личного состава выявлено и установлено политико-моральное лицо части: кулаков в прошлом — 22 человека, раскулаченных родственников — 290, арестованных родственников — 208, бытовая связь с врагами народа — 14, судимых в прошлом — 281, судимых родственников — 196, вызывающих политическое сомнение за высказывания — так один сказал: «Служба в Красной Армии — это медленное умирание» — 43 человека, имеющих связи с границей — 9, старых возрастов — 651, многосемейных — 5 детей и больше — 471, партийных и ком-

сомольцев — 12,7 %, рабочих — 21 %, колхозников — 62 %, служащих — 15 %. Итого: засоренности части — 12,45 %...

— Вопросы? — спросил Жуков.

— Будем работать, — сказал Никишев. — Это наши советские люди, других у нас нет.

— Вы, — Жуков указал на командира штаба 82-й СД.

Доложил командир штаба:

— Винтовок получено: образца 1891 года, изготовленные в 16-23 годах — 300, остальные кавалерийские 27-28 годов, не модернизированные. 7 % — технически неисправны и не поддаются исправлению. Автоматические винтовки не получены. Тяжелые пулеметы не получены, ручные — тоже... На марше проводили занятия, учебные стрельбы. Должен сказать честно, стрелять практически никто не умеет, даже командирский состав...

Жуков встал, ни слова не сказав, вышел с КП и тут же направился на узел связи.

В ярости дал шифрограмму.

— Шифруйте. В два адреса. Москва. Народному комиссару обороны товарищу Ворошилову. Генеральному секретарю ЦК товарищу Сталину. «Присылать небоеспособные части в качестве подкрепления считаю актом крайне вредного бюрократизма. Для ведения боевых действий необходимы боееспособные подразделения. Требую срочно пересмотреть отношение к этому важному делу. В противном случае, прошу отстранить от командования. Жуков».

Очень скоро получил ответ:

«Поменьше капризов. Не сейте панику. Вам послали то, что сочли нужным послать. Умело командуйте тем, что имеете. Тимошенко».

...На обратном пути встретился Штерн.

— Все кипятишься? — по обыкновению весело и дружелюбно спросил сияющий орденами, хрустящий португеей и сапогами Штерн. Заглянул в бланк. — Ну вот, ты уже паникер и не умеешь командовать... Егор, Егор, всему-то тебя учить, мнение создается быстро, изменить его тяжело... Готман, бегом сюда!

Подбежал румяный с пузатым портфелем Готман.

— Готман, ну-ка, скажи ему, что там ему идет.

— 57-я стрелковая дивизия, правда, тоже, как эта, территориального формирования. Но — танковая бригада на новеньких танках! Авиационный полк! Все это пока в эшелонах между Тайгой и Иркутском...

— Еду в Читу, через две недели будут здесь, — пообещал Штерн.

— Подожди, — сказал Жуков. — Готман, танковую бригаду надо размещать так, чтобы

противник ничего не знал, что к нам идет подкрепление. Воротничков!.. Впрочем, я сам позвоню Смушкевичу. Спасибо за дружбу, Григорий Михайлович.

— Это еще не дружба,— подмигнул Штерн.— Наша дружба вся впереди.

...Потом, когда сажился в машину, Штерн, сказал Готману:

— Окончится здесь, возьму к себе заместителем. Как думаешь, потянет?

— Ну так! — подтвердил Готман.

— Потянет — жилистый мужичок... К моему самолету,— приказал Штерн шоферу.

Машина, поднимая клубы пыли, помчалась к самолету Штерна.

Ночь. Одно из подразделений 82-й стрелковой дивизии отрывает траншеи на указанной Жуковым высоте. В километре отсюда слышно, как поют японцы.

— Тоже гады поют,— устало отвлекаются красноармейцы.— Не сидится на месте, сволочи... Ковыряйся тут из-за них в чужой земле.

— Не, ма, плохая земля,— отвлекается Шибанов.— Ничего тут не уродится, сюда торфу таскать и таскать... Песок.

— Ванюш, ты бы японочку поприветствовал?

— Ну так,— откликнулся Ваня, он тоже здесь, пришел навесить новеньких.— Говорят, маленькие такие, я бы взял ее на руки и носил.

— До первой копны,— засмеялись солдаты.

— Ладно, мужики, давайте о чем-нибудь серьезном,— попросил Ваня.

— У моей Серухи всегда зад был — во! — Шибанов сложил ладони лодочками.— Чистая была и как бочонок набита. Никогда не худела, потому уход за ней был, забота... А в колхозе сразу же отошала. Шерсть не вылиняла, от навозу на шарики сваялась — заботы нет, чужое...

Послышалась частая стрельба, крики «Банзай!»

В окопе заволновались.

— Это они специально, чтобы мы открылись,— сказал Ваня.— Разведка. Не бегай, мужики, и не стреляй.

— Ни черта же не видно,— переживали новенькие, боясь и стрельбы, и яростных криков.

— А тут надо так,— показал Ваня,— лечь на землю и смотреть снизу вверх — на небо виднее.

С соседнего бархана открыли ответный огонь.

— Эй! Не стреляй! — закричал Ваня.

Но там не слышали и сажали не только из винтовок, но и из всех пулеметов, обнаживая свои огневые точки...

...Японский офицер заносил эти точки на карту. Они выдвинули вперед наблюдателя с телефонным аппаратом. Замаскировали в небольшом манхане маскировочный сеткой, присыпали сверху травой. Наблюдатель проверил телефонную связь и затаился...

Тут откуда-то сзади стали вопить по-русски:

— Не стреляй! Не стреляй! Свои!.. Окружили, товарищи!.. Бежим!!!

В окопе заволновались, полезли наружу.

— Тихо, ребята! — Ваня сдернул ползших обратно.— Это у него хитрость такая.

— А кто же орет? — волновались молодые «ребята».

— Бывшие белогвардейцы. Они у них в собачках бегают.

— Помогите! Помогите! Терзают, гады! А-а-а!!! — кричали неподалеку, внося в душу новоприбывших смятение.

— Ладно, ребята,— прощalsя Ваня.— Пойду к себе. Чего-то они сегодня заволновались. Обычно по ночам и лезут. Днем артиллерии опасаются, артиллерия у нас хорошая... Главное — не волноваться. Без команды не бегать. На месте сидеть — надежнее.

— Ванюш, а монголочку поймел? — спросил один не очень молодой, но очень интересующийся этими вопросами товарищ.

— Да иди ты,— сказал Ваня, шагнул из окопа и растворился во тьме.

Помня о своем наставлении, он вышел на крик «Помогите!» ползком. Приподнял голову, глянул — ни черта не видать, спросил:

— Помочь?

Блеснул огонь. Пуля сбила панаму. Ваня полыхнул очередью. Больше не отвечали.

— Эй! — окликнул Ваня. Не отвечали. Поискав и не найдя панаму, Ваня пошел к своим.

...Кутиков был жив, просто решил пока не рисковать. Да и Ваню в темноте не было видно...

— Банзай! Банзай! — неслись со всех сторон яростные нечеловеческие крики и громыхала стрельба.— Банзай!

Неуверенной душе всегда страшно и неуютно.

— Окружили! — понеслось по солдатам.

— Спасайся, ребята!

И вот уже один, два, десятки красноармейцев кинулись наутек.

— Стойте! Куда?! — кричали командиры и политработники. — Ни шагу назад!

Но куда там — овлаченная паникой толпа потащила за собой. Не разберешь, кто политрук, кто командир — бросая оружие,

мчались к переправе на наш спасительный, западный берег.

Японцы увидели, что происходит. Вдобавок, примчался, доложил об этом командир разведки.

И вот уже офицеры выгоняют солдат из блиндажей:

— Вперед! Вперед! Бегом!

Не встречаемые огнем, японские самураи кидаются по пятам.

Выкатывают из-за барханов машины, мчатся за отступающими, рассчитывая на их плечах ворваться на переправу и начать наступление.

Офицеры подгоняют солдат — всеобщее оживление, вдохновение, азарт.

...Похоже, один Ваня Клочков остался здесь. Ударил очередь в пронсящуюся мимо машину. Пыхнул бензин. Солдаты попрыгали, с яростными криками кинулись в сторону Ивана Клочкова.

...На переправе была паника, неразбериха. Отступающие смели охранение, боковые падали в воду. Некоторые, наиболее предусмотрительные, стали заниматься членовредительством — то там, то тут щелкали в темноте глухие, в упор, выстрелы. Тихо охали стрелявшие в себя — выделим несколько человек и запомним — и вливались в общий поток.

Было тогда — в 1939 году, в действительности — у моста две тысячи человек и пятьдесят сгрудившихся автомобилей.

Японцы были уже на нашей спине. Подбегали, ведя огонь по последним. Подъезжали на грузовых машинах с широкими, во весь кузов, кабинами.

Танк, спрятанный в капонири, на нашем, западном берегу.

— Что же такое?! — переживал командир, поводил стволом, но перед ним были свои, они перекрывали собой противника.

Не стрелять же им по своим?

И вот уже передние ряды японцев среди отступающих красноармейцев выскочили на западный берег, и командир танка, стоявшего в капонири, зажмурился, чтобы не видеть, как попадет в своих, дал по ним выстрел.

Толпа уже лезла по склону Дунгур-Обо.

Жуков примчался на НП и сразу понял, что происходит.

— Корзин! Немедленно развернуть всю артиллерию — огонь по переправе, отсечь противника! — Его лицо посерело, осунулось от понимания того, что сейчас может произойти.

— Давайте я помогу с расчетами, — предложил комкор Воронов, командующий артиллерией РККА.

Вместе с Корзиным они склонились над артиллерийскими картами. Начинают передавать точные данные по телефону.

Жуков:

— Комендантский взвод, охранную роту — к мосту, не допустить переправы противника на наш берег! Поднять всех командиров с КП, с НП, со всех штабов — выстроить цепью, задержать отступление!

Орудия всех батарей восточного берега разворачивают стволы. Получают координаты от командиров, открывают ураганный огонь по переправе, по скоплению японских войск у входа на мост — они все прибывают и прибывают, подтаскивают орудия, начинается артиллерийская дуэль.

А передовой японский отряд уже на западном берегу. Заполыхал в ночи танк в капонири.

Бешеным алюром, едва не падая из-за крутизны склона, скачет от Хамар-Дабы лошади с пограничниками из охранной роты. Мчится на «ЗИС-5» комендантский взвод. Пулемет на крыше автомобиля открывает огонь. Все с ходу вступают в бой с переправившимися самураями.

В другом направлении мчатся легковые автомобили, мотоциклы, кони с командирами — выстраивается цепь поперек степи.

Жуков приехал сюда, вышел из машины, пошел, раздвигая отступавших, на бугорок. Все замечал из-под сдвинутого на глаза козырька фуражки.

— Кто вас ранил? — задержался у самострельщика с окровавленной, опаленной и неопасной раной.

— Японец.

— В упор? Приложив винтовку?

— Ну да! — зло.

Жуков сказал еще злее:

— Если бы японец стрелял в вас в упор, он бы попал вот сюда, сюда и сюда! — поочередно жестким пальцем Жуков ткнул его в сердце, в солнечное сплетение, в голову.

Бросил, уже на ходу, тем, кто шел сзади — а сзади шли дивизионный комиссар Никишев, Лхагвасурэн, начальник особого отдела:

— Выявить всех самострельщиков и разобратся с каждым отдельно!

Жуков сказал всем:

— Солдаты!.. Страшно вам?.. Честно говоря, вы — не солдаты! Солдат не имеет права бежать. И я бы отпустил вас домой... Но выбора у нас нет — ни у меня, ни у вас. Там — враг. Тут — мы. И мы обязаны победить его!.. А для этого надо стать

солдатами. Будете учиться этому и будете воевать — другого не обещаю! Умирать все равно когда-то придется — но не в стыде же?! Не в позорел.. В следующий раз паникеры будут расстреливаться на месте. Вы слышите, командиры и политруки — паникеров стрелять на месте!

Голос из толпы:

— А если паникерами будут командиры и политруки?

Жуков:

— Они тоже будут расстреляны. Исключений ни для кого не будет.

Голос:

— Сегодня они тоже бежали.

— Сегодняшний день вы навсегда запомните,— сказал Жуков и пошел перед расступившимися — кто в стыде, кто в страхе — людьми к машине.

Во время этого разговора выявляли и вытаскивали из общей толпы самострельщиков, так что к концу разговора на отшибе была собрана довольно большая группа самострельщиков, окруженная командирами и солдатами с оружием.

— Товарищ комдив!.. Товарищ комдив!.. Вопли. Плач. Озлбление.

Жуков прошел мимо, стиснув зубы и не оглянувшись на них.

Примчался на ФАИ командир 82-й дивизии, немолодой рыхлый полковник Санаев:

— Какой позор!.. Какой позор!..

— Прекратите истерику! — тихо, сквозь зубы приказал Жуков.— Командир дивизии... полковник... Почему вы не там? Вам не стыдно перед монголами?

— Стыдно,— едва не плача, сказал полковник.

— У вас за что орден?

— За Перекоп... Разрешите смыть позор кровью?

— Смывайте,— сурово сказал Жуков.— Организуйте ударный батальон. Уточните с артиллеристами об артподдержке и к семи тридцати доложить о восстановлении утраченных позиций.

Ваня Клочков расположился в зарослях болотистого берега Хайластын-Гола. Комары висели хищной голодной тучей. Залезали и в нос, и в уши.

Выбора не было — неподалеку хозяйничали японцы: осваивали занятые позиции, подбирали убитых и раненых, собирали брошенное беглецами оружие. Слышались их близкие голоса.

Ваня слышал все это, видел все это и прочищал от песка пулемет, набивал диски из прихваченной цинковки с патронами.

Послышался шорох, треск, появился искушенный комарами молодой, лет двадцати, младший политрук.

— Вы тут один?

— Теперь будем вместе,— ответил Ваня.

— И у вас пулемет? И я подобрал — столько оружия побросали, а каждое рублей сто пятьдесят народных денег, не меньше. Пулемет — четыреста, если не больше.

— Я не подобрал. Мне, можно сказать, подарили... на время.

— Я видел, вы очень хорошо воевали, я сообщу о вас в политдонесении...

— Служу трудовому народу,— серьезно ответил Ваня.

— И вас, может быть, представят к награде.

— На-ка, почисть. Это японские палочки для риса, очень удобно грязь выковыривать,— Ваня протянул младшему политруку несколько тоненьких 10-см палочек из алюминия.— И затвор протри, тут, знаешь, какой песок, сразу во все набивается.

— У меня такой план,— разбирая пулемет, сказал младший политрук,— это, я понимаю, Хайластын-Гол, приток Халхин-Гола?

— Приток,— подтвердил Ваня.

— Тогда потихонечку, по кустам, пойти вниз по течению и выйти к монголам.

— Такой план мне не нравится,— ответил Ваня.— Я думаю, мы с вами не вдвоем в кустах задержались... Вы — политрук, вас послушают, соберите всех, и, как только наши начнут наступать, ударим по гадам сзади.

— Тогда пойду поищу... Как вас зовут?

— Клочков. Иван Ильич.

— Гусев Николай Иванович. Если погибну, сообщите, пожалуйста, по адресу: Горький, улица Кутузова, дом 12, квартира 1.

— Я тоже, наверное, погибну,— серьезно сказал Клочков.

— ???

— Третий месяц тут, и все не привыкну, боюсь умереть...

— Тогда давайте ваш адрес.

— У меня его нет,— грустно ответил Ваня.— У меня адрес один — Земля.

Они пожали друг другу руки, младший политрук полез вглубь, в заросли, а Ваня придвинулся к краю зарослей, чтобы в любой момент можно было оказать поддержку, отсечь японцев.

НП Жукова на Хамар-Дабел.

— У нас все готово,— сообщил командующий артиллерией РККА комкор Воронов, обращаясь к Жукову.

— Начинайте,— сказал Кулик, который был здесь старшим по званию.

Жуков упрямо сжал губы и промолчал.

Воронов склонился над рацией и телефонами:

— Точно по названным координатам. Да не путаться там — работайте, как положено! Огоны!

С обоих берегов загрохотали точные прицельные залпы. Они попадали во все, что было видно с этой стороны. И не попадали ни во что, что было с противоположной, восточной стороны манханов и сопков...

— Ну вот, скоро, — зашептал Ваня Ключков, услышав начавшуюся артподготовку. — Товарищ младший политрук!.. Эй!.. Когда они пойдут на нас, цельте по их ногам, они здорово наклоняются, и будет в самую голову.

— Ага, — тоже шепотом откликнулся младший политрук.

Он собрал 11 человек, среди них пожилой, недовольный складывающимися обстоятельствами красноармеец Шибанов. Правда, пулеметов по-прежнему было два. Гусев и Ваня расположились с ними на флангах.

— Ребята! — опять шепотом прокричал Ваня. — Бегать — короткими перебежками. Падать — на секунду раньше, чем попадут — кто так делает, всегда живой!

— Эй! — шепотом закричал политрук. — Давай — эту!..

В сорока метрах от них, спиной к ним, на восточной стороне бархана располагалась японская минометная батарея.

— Как только наши пойдут! — шепотом прокричал Ваня.

— Да не орите вы так — услышат! — возмутился Шибанов.

Сводный ударный батальон сосредоточился у моста. Ночным огнем нашей артиллерии он был хорошо разбит и теперь на скорую руку залатан для прохода пехоты.

— Первая группа! — зычно закричал командир-82 старичок полковник Санаев. — За огневым валом — вперед! — И с винтовкой в руке, впереди всех, выбежал на шаткие доски моста...

НП Жукова.

— Куда же ты, старичок?.. — глядя в стереотрубу, сказал Жуков.

...Неподавленные огнем точки японцев открыли по батальону огонь, демаскируя, обнаруживая себя.

— Засекайте! — почему-то сердито Жуков глянул на Воронова. — У вас кто-нибудь засекает?

— У нас все засекают, — улыбнулся Воронов и по-товарищески постучал Жукова по плечу: — Георгий Константинович, так тебя надолго не хватит...

...Старичок полковник оказался проворным. Быстро, под огнем, пробежал по мосту, залег в манхане на той стороне. Показывал рукой, чтобы остальные поступали так же.

— Вперед, ребята!.. Вперед, соколики! — поднялся в манхане старичок полковник Санаев. — Не подведите меня, старика!

И сам, опять впереди всех, потрусил в атаку.

— Ура! — подхватили «соколики».

— Ура! — донесся до Вани далекий отсюда крик красноармейцев.

— Банзай! — так же далеко отсюда.

— Самое время, — сказал Ваня. — Ребята, в плен к ним не попадать — по куску грызут, гады...

— Ура, товарищи, — сказал политрук.

Ваня открыл прицельный огонь по японской минометной батарее, упредив на какую-то долю минуты ее действия.

— Вперед! — закричал младший политрук Гусев.

Ваня подхватил пулемет и короткими перебежками кинулся вправо, чтобы обойти бархан с фланга.

Они рассыпались, и больше он уже не видел товарищей — каждый действовал самостоятельно.

Отсюда, с гребня, хорошо видно, как вдвигались в атаку красноармейцы. Но было так же хорошо видно, как с фланга, таясь, японцы выкатывают на прямую наводку пушки.

Ваня залег поудобней, прицелился — пулемет чихнул тремя выстрелами и заткнулся. Ваня сдернул и открыл диск — он наполнил набит патронами. Подправил толкающую пружину, снарядил. Один раз выстрелил и опять заткнулся.

А пушка уже открыла губительный для пехоты огонь.

Ваня кинулся к японскому миномету. Снарядил кое-как, направил, опустил мину. Обжег руки, опалился. А мина полетела совсем не туда. Сзади, пошатываясь, подошел раненый японский подпоручик и замахнулся над Иваном Ключковым палашом с длинной, для двух рук, рукоятью.

Ударить он не успел, подбежал молодой красноармеец Шибанов и так сильно ткнул офицера штыком, что завалил и его, и Ключкова, и миномет, на который они все упали.

— Ну вот и убил, — поднимаясь и выдергивая штык из подпоручика, мрачно сказал Шибанов. — Прости, господи...

...Уже четыре японских орудия ведут по ударному батальону губительный огонь с фланга. Батальон залег. Некоторые поползли назад. Старичка полковника убило едва не прямым попаданием.

НП Жукова.

— Неужели нельзя подавить батарею?!—
злю обернулся Жуков.

Воронов уже командовал по рации:

— Мало ли что не видно — накрыты!
Вы меня поняли — накрыть, а не выски-
вать оправдания!

— Много суеты,— по-отечески сказал при-
сутствующий здесь Кулик.— Спокойной
командуйте, не создавайте нервозности.

...Неожиданно для всех, из зарослей вдоль
Халхин-Гола, в двух километрах от пере-
правы, выскочили три новеньких танка
БТ-7 и, стреляя с коротких остановок,
понеслись на японскую батарею. Один тут же
подбил прямым попаданием.

— Откуда там танки?! — возмутился
Жуков. Голос сдержанный, негромкий, но
такой, что Готмана, только вошедшего на
НП с докладом, бросило в дрожь.

...У второго танка на крутом повороте
с бархана слетела гусеница, он беспомощно
завертелся на месте, и его тоже под-
били.

— Я спрашиваю, кто там поставил тан-
ки?! — светлые яростные глаза Жукова
увидели интенданта Готмана.— Готман,
я приказывал накапливать танки здесь!
Прятать в капонирах за родником!

— Я поставил,— робко признался Гот-
ман.— Этого... Снегирёва... не было. Я думал,
три штуки не помешают.

— Если каждый интендант станет коман-
довать, здесь будет склад! Баня! Выдайте
нам мочалки.

...Но третий танк, под командованием
Чернова Петра, за рычагами Чернов Степан,
ворвался на батарею, круша, давя, перево-
рачивая пушки.

Ободрившись, ударный батальон поднялся
и пошел в атаку.

Жуков обернулся к Готману:

— Орден за проявленную инициативу
за мной.

Не дожидаясь другой перемены отноше-
ний, Готман махнул рукой и в слезах
убежал с НП.

...Из-за барханов с шашками наголо вы-
летел конный баргутский полк и помчался
на атакующий батальон. Конницу начал ко-
сить танковый пулемет Чернова, бить тан-
ковые снаряды.

— Лхагвасурэн, введите два кавэскадро-
на 8-й кавдивизии, пусть ударят по ним
с фланга,— посоветовал Жуков.

Лхагвасурэн склонился над аппаратом,
кричит по-монгольски.

...Ненаблюдаемые отсюда, к восточным
склонам барханов подъезжают японские
грузовики с солдатами. Накапливаются для
атаки.

— Летчики докладывают: к японцам со
стороны границы движется подкрепление в

размере двух батальонов,— сообщил Бог-
данов.

— Ну так пусть штурмуют и бомбят их,
что тут докладывать.

— Вы создаете нервозность,— спокой-
ным и тихим голосом по-отечески на-
помнил Кулик.

— Товарищ командарм I ранга, я не
создаю нервозности, я отдаю приказ авиа-
ции уничтожить подходящие силы против-
ника,— сдержанно ответил Жуков.

— Вот именно такими словами и отда-
вайте,— уже построже сказал Кулик.—
И ордена за пустяки не след развешивать,
а то все обесценится.

— Воротничков, оформить наградной лист
на Готмана,— упрямо приказал Жуков и
уткнулся в окуляры стереотрубы.

Все ожидали, что Кулик разразится
яростным гневом. Кулик почему-то сдер-
жался.

...В окуляры стереотрубы Жуков видит,
что японцы расширяют боевые действия.
Лезут и на позиции полка Ремизова, и пол-
ка Федюнинского, и пытаются захватить
батарею... Бой не затихал, а нарастал.

Скрытно — ложбинами, манханами —
пробиваясь к своим, Ваня Клочков увидел
засевший в песках, подбитый попаданием
в люк водителя БТ-7. Двигатель у танка
работал, он дергался, но с места не трогался.
Танк обложили 12 японских солдат и по-
дожгли резину катков. Танк перестал дер-
гаться, из револьверных отверстий слабо за-
щелкали pistolетные выстрелы. Японский
солдат всовывал в одно отверстие ствол
винтовки и тоже стрелял.

Вот в этот момент и увидел всю эту
картину Иван Клочков. Тут же тремя длин-
ными очередями то ли скошил, то ли отогнал
солдат. Не разглядывая и не рассуждая,
бросился к танку.

Из-за танка высунулся солдат, вскинул
винтовку, Ваня оказался проворнее — рас-
крошил и далеко отбросил очередь в упор.
Тряхнул головой, так близко еще не убивал.
Стукнул прикладом в борт:

— Открывай, земляля!

Совсем рядом по танку защелкали пули.
Ваня забросал загоревшуюся резину песком.
Забежал от пуля по ту сторону — наткнулся
на японцев, стеганул очередь и в два прыж-
ка оказался в танке:

— Ну, что у тебя? — увидел в полутьме
заплаканное, белое лицо командира.

— Да вот... убили...— Командир танка
Чернов Петр не сдержал слез.— Обоих.

По броне защелкали, в упор, пули.
Застучали приклады. Слышны ругательства
на чужом языке. Ваня уже разглядел уби-
тых механика-водителя и башенного стрел-
ка. Вздохнул.

— Давай побыстрей, они гранаты связывают...

— Да у меня вот,— командир показал разодранную осколком во все бедро ногу.— Кулису не отожду. Мотор исправен.

Ваня, закрыв глаза, чтобы не видеть страшную рану, подхватил убитого в голову механика-водителя, потащил с сиденья.

— Осторожнее!.. Это мой брат... Я — Чернов Петр, это — Чернов Степан...

Ваня осторожно снял с сиденья Чернова Степана. Сел на его место, посмотрел, вспоминая, вниз на педали, дернул за рычаги.

— Ты это,— хотел поучить командир.

Но двигатель уже взревел, танк крутанулся в песке и, резко опрокинув сунувшегося самурая, помчался с этого места.

— Почему умеешь?! — кричал командир.

— Да так... был случай... К своим?

— В атаку — за убитого брата Степана! — командир танка, опираясь на здоровую ногу, с трудом вынимал из кассеты снаряд, заряжал пушку, стрелял.— И за друга Семена...

Перед глазами Вани — вмятый прямым попаданием бронелюк водителя, внушительные щели по сторонам, в них он хорошо видел... видел и то — если кто-то саданет сюда очередь, ему разmozжит голову.

Конница — в щели. Пехота. Искаженные ненавистью нерусские лица. Кухня. Ваня подмял кухню. Опрокинул грузовую машину. Помчался навстречу монгольской коннице и переправляющимся через Хайластын-Гол броневикам 8-го монгольского бронедивизиона.

Неудобно коннице в современном бою — застрекотали с гребней сопки японские станковые пулеметы, и полэскадрона сразу как ветром сдуло.

Вечер они встречали в расположении монгольского бронедивизиона.

— Эй! Как бы тут переправиться? — уточнял Ваня Ключков.— А, братья монголы?

Монголы увидели, как сильно был вмят снарядом бронелюк механика-водителя, заговорили на своем языке.

— Уголки бы тут наварить пошире, тогда б его не втемяшило внутрь,— объяснил Ваня.

— Э, нце-нце,— соглашались монголы. Ваня постучал пальцем по бронелюку на монгольском БА-10.

— Ты у себя тоже уголки пошире. Ты понял? — Ваня показал пальцами.— Пошире. Ага?

— Ага,— засмеялся монгол.

— Эй! — окликнули Ваню.— Ням-ням — ага?

— Ням-ням, конечно, ага,— согласился Ваня.— Со вчерашнего дня...— Тут он увидел, что в командирском люке стоит командир танка и терпеливо ждет, когда он наговорится.— Ну, пока... Убитых товарищей надо к своим переправить. Дай бензин, а то я пустой.

...У Хайластын-Гола сильно заболоченные берега. Сам он не широк — всего 10 метров — и не глубок. Но берега заболочены метров на 70 с каждой стороны. Узкая, почти не шире танка, гать.

Ваня уверенно, на хорошей скорости, ведет танк по гати.

— Слушай,— командир танка Петр Чернов дотронулся до Вани и склонился к самому уху: — Пойдешь в мой экипаж? С твоим начальством договорюсь.

Ваня радостно улыбнулся. БТ-7 радостно проскочил Хайластын-Гол, радостно пронесся по гати, радостно выскочил на твердую землю.

КП Жукова на Хамар-Дабэ.

Утром Жукову доложили:

— Противник захватил район Больших Песков, взяты высоты «Песчаная» и «Заозерная», движется в направлении сопки «Ремизова».

— Воины, мать их так! — возмутился Кулик.— Чего они отступают?! Японский солдат, между прочим, без приказа не отступает.

— Развернуть все стволы. Остановить наступление огнем артиллерии,— спокойно и твердо приказал Жуков.— Воротничков, ведешь карту?

— Веду.

Потом доложили:

— Противник численностью триста человек прорвал оборону, пытается захватить переправу.

— Вот мать!..— возмутился Кулик.

На КП в этот момент находился комбриг Яковлев.

— Михаил Палыч, выручайте,— приказал Жуков.

Яковлев, не долго думая, выбежал с КП, влез в свой танк с белой комбриговской «I» на башне и погнал вниз с Хамар-Дабы к переправе.

Несмотря на все приказы, призывы, матерки пехотных командиров, пехота не пошла на противника за его танком.

Тогда Яковлев взял в танке гранаты, спрыгнул на землю.

— Это я! — сказал он.— Комбриг Яковлев! За мной!!!

Увидев его, героя Баин-Цагана, комбрига, не за спасительной броней, а тут, рядом

Герои Советского Союза командарм I ранга
С. Тимошенко и командарм I ранга Г. Кулик

с собой, на земле, пехотинцы, отступившие под натиском прорывавшегося к переправе противника, встали и пошли за Яковлевым в атаку.

Это была последняя в его короткой 36-летней жизни атака. Через несколько минут Яковлев погибнет.

— Ну вот, и Яковлева погубил,— недовольно вздохнул Кулик.

— Товарищ командарм I ранга, не я это дело — войну — придумал,— резко, не по чину, обрезал Жуков.

Жукову доложили:

— Противник захватил тяжелую гаубичную батарею Лапина.

Кулик по-отечески посоветовал Жукову:

— Надо снять с того берега всю артиллерию... пропадет артиллерия.

Жуков ничего не ответил.

— Вы слышите, что я сказал? — уже раздраженно напомнил Кулик.

— Если так, давайте снимать все, давайте и пехоту снимать.— Обидной была и очевидная нелепость этого указания, и особенно обидно, что оно исходило от такого большого по званию военачальника, коман-

дарма I ранга, и эта скрываемая обида прозвучала в голосе Жукова.

— Что это значит? — заместитель наркома обороны Кулик уже давно привык к беспрекословному подчинению.

— Я пехоту не оставлю там без артиллерии. Артиллерия — костяк обороны, что же — пехота будет пропадать там одна?.. Тогда давайте снимать все.

— Вы что себе позволяете?.. В таком тоне разговариваете со мной?.. Я — заместитель наркома обороны, у меня таких комдивов в подчинении тысячи, и каждый будет оговаривать мои указания?! Выполнять — это приказ!

— За тон прошу извинить... Товарищ заместитель наркома обороны, это — не детские ясли,— я не ребенок, который должен выполнять любые указания воспитателя. Этот участок доверен мне, моя задача выполнять поставленную передо мной задачу. И я прошу не мешать ее выполнять.

— Отдать приказ отвести артиллерию с восточного берега! — твердым, не терпящим возражения голосом приказал Кулик.

— Раз так,— принимайте командование на себя. Я снимаю с себя командование,— таким же твердым, не терпящим возражения голосом ответил Жуков.

— Это что за капризы?! — возмутился Кулик.— Как вы стоите?! Смирно!

Жуков встал «смирно».

— Встать «смирно» — это я могу себе позволить. Выполнять нелепые указания — не могу. Я обжалую ваш приказ перед Генеральным штабом и наркомом обороны и поставлю вопрос: или вы, или я... Разрешите идти?

Это было нелепо: командарм I ранга и комдив — почти слон и моська. Кулик даже расхохотался:

— Идите, суйте шею в петлю.

Жуков повернулся по-уставному через левое плечо и вышел с КП.

...Жуков пришел на пункт связи.

— Шифруйте телеграмму в Москву.

Очень скоро пришел короткий ответ:

«Поддерживаю предложения товарища Жукова. Товарища Кулика отзываю в Москву. Ворошилов».

Прощаясь,— Жуков провожал Кулика к «Дугласу»,— Кулик с обидой сказал Жукову:

— Георгий Константинович, а ведь я поддерживал вас.

— Да,— сухо ответил Жуков.— Спасибо.

— А ты меня обложил...

На это Жуков ничего не ответил.

— Повесьте на КП и НП портреты вождей... Товарища Молотова, товарища Ворошилова, товарища Берия.

— Слушаюсь,— сказал Жуков.

— А в своей юрте обязательно портрет товарища Сталина.

— Слушаюсь.

Кулик помолчал и сказал с большой непроходящей обидой:

— Как будет вам тяжело, вы не умеете сохранять друзей... Не дай бог оказаться пророком, вы умрете забытым и в одиночестве...

— Что делать, в сорок лет не изменишься,— вздохнул Жуков.— Прощайте...

Голос за кадром:

КУЛИК ОКАЗАЛСЯ ПРАВ. ВЫПОЛНЯЯ ПЕРЕД РОДИНОЙ СВОЙ НЕЛЕГКИЙ ДОЛГ, ГЕОРГИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ЖУКОВ УХИТРИЛСЯ КАЖДОГО В ЧЕМО ОБИДЕТЬ.

В 1957 ГОДУ, КОГДА ХРУЩЕВУ ПОНАДОБИЛОСЬ СМЕСТИТЬ ЖУКОВА С ПОСТА МИНИСТРА ОБОРОНЫ СССР, МНОГИЕ СОВЕТСКИЕ МАРШАЛЫ, ПРОШЕДШИЕ С ЖУКОВЫМ ВЕЛИКОЮ ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ, ПОДПИСАЛИ ПИСЬМО В ЦК, ОБВИНЯЯ ЖУКОВА В БОНАПАРТИЗМЕ И ВСЕХ ГРЕХАХ, КОТОРЫЕ МОЖЕТ СОВЕРШИТЬ ЧЕЛОВЕК.

НАХОДИВШИЙСЯ В РАСЦВЕТЕ СИЛ, КРУПНЕЙШИЙ ПО ВСЕОБЩЕМУ ПРИЗНАНИЮ ВОЕНАЧАЛЬНИК И ВОЕННЫЙ ОРГАНИЗАТОР XX ВЕКА МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, ЧЕТЫРЕЖДЫ ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ГЕОРГИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ЖУКОВ БЫЛ СМЕЩЕН СО ВСЕХ ЗАНИМАЕМЫХ ИМ ПОСТОВ И ДОЖИВАЛ СВОЙ ВЕК В ОДИНОЧЕСТВЕ, ЗАБЫТЫЙ ВСЕМИ, НО НЕ НАРОДОМ И НЕ ИСТОРИЕЙ.

В артмастерских на Ванин танк наварили широкие уголки на люке, как он хотел. Заклепали пробойну. Он сам все это покрасил свежей зеленой краской и теперь мчался в почти новеньком танке вниз с Дунгур-Обо к переправе. В башне стоял командир Чернов Петр, над Ваней сидел башенный стрелок Борис Яшин, еще моложе Вани, совсем пацан.

Переправились — и вот радость — в открытый люк Ваня увидел санитарный автофургон. Конечно, в армии таких много, однако подлетел к нему эдаким лихим бесом на танке.

И опять радость — выскочил и прямо перед ним — та, знакомая еще по маю девушка-военфельдшер, на которую смотреть бы всю жизнь, и это была бы счастливая жизнь.

— Здравствуй ге.

— Здравствуйте,— сказала она, готова раненого к транспортировке.

— Так вы живы,— сказал Ваня.

— Да,— сказала она.

— А я тогда с крыши упал, меня потом подобрали.

— А нас тогда разбомбили, а я в госпитале лежала.

— Я танкист теперь,— сказал он.

— Это хорошо,— сказала она.

Вот и весь разговор. Ваня помог внести раненых в автофургон. На этот раз он даже дотронулся до нее.

— До свидания,— сказала она и протянула руку.— Меня зовут Ира.

— До свидания,— он протянул свою, и как же не хотелось ему отпустить эту маленькую ласковую ладошку.— Меня — Ваня.

— Ванька, черт длинный, тебя приморозило? — засмеялся кто-то из пехотинцев.

— До свидания,— сказала она, тут же отнимая руку.

— До свидания,— сказал он, чувствуя себя почти счастливым.

— Стойте! Стойте! — санитары бегом несли раненого.

На носилках, под пах без обеих ног, лежал закадычный товарищ Славик Кубышкин. Он был без сознания.

— Славик,— испугался Ваня.— Славик...

Славик не приходил в сознание.

— Быстро! Поехали! — окончив первичную обработку, приказала Ира.

Ваня впрыгнул в свой танк, захлопнул люк с наваренными уголками и погнал танк прямо на занятую японцами сопку «Песчаную». Остановился в трехстах метрах.

— Короткая! Лупани, Петя, за Славика!

Другу Петру Чернову не надо было лишнего объяснять, он все понял сам и открыл такую бешеную стрельбу из пушки по японским позициям, что японцы не выдержали и открыли ответный ураганный огонь из всех огневых точек, обнаруживая их расположение.

— Вовремя подослали,— сказал со своего наблюдательного пункта командир минометной батареи лейтенант Ягодников.— Волоканов, засекайте координаты огневых точек противника.

Части 82-й СД учились ходить в атаку с танками. Участок, подобранный в 9-ти км от Халхин-Гола, действительно, напоминает восточный плацдарм, те же сопки, барханы, манханы, сыпучий песок.

Солдаты набегались по ним до изнеможения.

Перекур.

— Дома и пшеничка уже созревает, а мы тут, как детишки, бегаем за машинами,— повалившись на землю, вздыхает пожилой красноармеец Шибанов.— Мужики, у моей Серухи задок был во,— только он сложил руки ладошками, чтоб показать, какой задок был у Серухи, на участок прибыли Жуков и Никишев.

— Показать встречный бой! Действовать серьезно, без поддавок,— приказал Жуков.

Они показали. Старались, зная строгость комдива. Опять набегались до изнеможения.

— Что-то начинает напоминать,— сухо вато оценил Жуков.— Работать дальше. Особое внимание — штык, граната, взаимовыручка в условиях боя.

Жуков, Никишев, Воротничков возвращались с аэродрома в машине.

— Георгий Константинович, здесь неподалеку, в самоне, женщины, боевые подруги командиров и вольнонаемные, организовали постирочный пункт для красноармейцев корпуса. Работа тяжелая, грязная, но женщины — молодцы... Хорошо бы вы заехали к ним, сказали несколько слов, это бы здорово ободрило...— предложил Никишев.

— Поехали,— глянув на часы, сказал Жуков.

По пути встретилась группа верховых пограничников — монголов и русских — окружив, под карабинами, они вели большую, человек 18-20, тергруппу. Некоторые пограничники и террористы ранены, в бинтах. Отдельно, перекинутых через седла, везут убитых.

— Командир сводного батальона погранвойск НКВД майор Булыга,— представился командир группы.

— Помню. Вы уже представлялись. Много диверсантов? — спросил Жуков.

— Вынюхивают. Эти травили колодцы, резали провода. С момента прибытия батальона в состав действующих войск задержаны сто шестьдесят подозрительных лиц,— доложил Булыга.

— Усилить поиск, там ничего не должны знать, что у нас происходит,— строго напомнил Жуков.— Особая охрана — мест боевой подготовки... и дислокаций новых подразделений, когда они начнут прибывать.

У боевых подруг командиров и вольнонаемных работа действительно была тяжелой и грязной. Стирали вручную — гимнастерки, бриджи, нижнее белье, портянки. Здесь же кипятили в огромных котлах. Но женщины были молодые, здоровые, все им было под силу — и все как одна красивые.

— Девушки! Комдив едет!

— Ой! — Все побросали работу, начали прихорашиваться.

Подъехал Жуков, вышел из машины и, несколько теряясь от такого обилия молодых, распаренных, полуодетых и красивых женщин, приложил руку к фуражке:

— Комдив Жуков.

— Ой, девушки...— охнула Клава Нестерова, едва только увидела Жукова.— Не трогайте его — это же мой человек.

Она оправила майку и смело пошла навстречу Жукову, улыбаясь и глядя в его глаза такими же, как у него, почти без цвета, только очень большими и красивыми глазами.

— Товарищ комдив... Какой же вы весь запыленный... Давайте мы вас постираем, в чане прокипятим.

Она едва не коснулась Жукова молодой, полуоткрытой за майкой грудью, и все смотрела в его глаза и радостно улыбалась. Жуков, уже мрачней, чуть-чуть отступил.

— Товарищ комдив,— разочарованно сказала она,— если вы себя так ведете и с противником, до Байкала допятитесь...

— С противником я веду себя по-другому,— еще не умея овладеть ситуацией, доложил Жуков, невольно отмечая, какие

красивые у нее глаза, какое хорошее, молодое лицо.

— Клавка-ведьма-озорница, убавь накал, товарищ комдив с боевых действий, уставший,— заступились женщины.— Ты глазами кого хочешь спечешь.

— А он мне нравится,— сказала она.— А я вам нравлюсь? Только честно, покомандирски...

— Вы очень красивая женщина... и, видимо, очень хорошая, если не гнушаетесь делать такую работу. От имени командования корпусом,— Жуков взял мягкую, распаренную в горячей воде ладонь Клавы Нестеровой и поцеловал,— спасибо, товарищи женщины!..

— Товарищ комдив, целуйте всех...— взбунтовались женщины.

Пришлось целовать всех. Некоторые целовали очень серьезно — обнимали за шею и в губы. Так что Жуков к концу едва стбал на ногах.

Никишев пытался за него заступиться:

— Товарищи женщины, у товарища Жукова в Минске жена и две дочки.

— А вы, товарищ комиссар, идите занимайтесь политработой,— возражали женщины.

Серьезнее всех поцеловала Клава Нестерова, когда и до нее дошла очередь.

— Я ведь вас уже целовал,— пробовал защититься Жуков.

— А я вас нет,— сказала она и вложила в Жукова такой поцелуй, что Никишев не на шутку перепугался.

— Теперь, товарищ комдив, вы мой, а я ваша,— прошептала она и хотела поцеловать еще раз.

...Жуков выскочил из прачечной с кружащейся головой, крутящимся перед глазами миром и страстным желанием заниматься чем-то другим, а не боевыми действиями.

— Ты больше меня никуда не вози — вот так! — строго сказал Жуков Никишеву.

— Кто ж знал, всегда были такие серьезные женщины — с женсоветом, общественными поручениями,— растерянно сообщил Никишев.

...А женщины там уже хохотали, начинали петь.

Приемщицы разбирали кучу вновь привезенного обмундирования.

— Ой, девочки, оно с кровью...— заплакала одна.— Ой, девочки, ой-йё-йё-ой...— Она прижалась к командирской с двумя кубарями, пробитой осколком, окровавленной гимнастерке.— Коленька-Ко-оля-а... как же я без тебя-а...

Клава Нестерова и еще одна подруга обняли ее, хотели утешить и стали плакать втроем.

Жуков вышел на гребень Баин-Цагана. Даже, кажется, на то самое место, на которое вышел в свой первый день. Теперь это все не узнать — все исковеркано, все изрыто, все по нескольку раз взорвано.

Специальные команды убирают технику — сколько же ее здесь уничтожено! Сколько погибло людей, страшно подумать.

— Поле боя... поле смерти... поле славы — одно поле,— сказал Жуков.

Отсюда, с главенствующей над местностью высоты, видно, что на восточном плацдарме покой. По свежестрытым окопам видно, что они обложили наши войска, приблизившись к реке до 5—8 километров.

— Тишина,— сказал Жуков.

— Да,— подтвердил Никишев.

— Да. Тишина... как тогда, у Ремизова — перед Баин-Цаганом.

Хроника. Вашингтон. 20 июля 1939 года.

К зданию сената подъезжает машина с японским послом в США Хориноуци.

Хориноуци поднимается по ступеням сената.

Хориноуци и государственный секретарь США Хэлл за беседой.

Голос за кадром:

20 ИЮЛЯ 1939 ГОДА ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ ДОВЕРИТЕЛЬНОЙ БЕСЕДЫ В ОТВЕТ НА ЗАВЕРЕНИЯ ЯПОНСКОГО ПОСЛА В США ХОРИНОУЦИ, ЧТО ВСЕ ВОЕННЫЕ УСИЛИЯ ЯПОНИИ НАПРАВЛЕННЫ ПРОТИВ СССР И ТОЛЬКО ПРОТИВ СССР, ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ США ХЭЛЛ ЗАЯВИЛ, ЧТО США ТАКЖЕ ВЫСТУПАЮТ ПРОТИВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, КАК МНОГИЕ ДРУГИЕ СТРАНЫ...

ЧЕРЕЗ ДВА ГОДА НАПАДЕНИЕМ НА ПИРЛ-ХАРБОР ЯПОНИЯ НАЧНЕТ ВОЙНУ С АМЕРИКОЙ...

ЧЕРЕЗ ШЕСТЬ ЛЕТ АТОМНОЙ БОМБАРДИРОВКОЙ ХИРОСИМЫ И НАГАСАКИ АМЕРИКА НАЧНЕТ НОВУЮ, АТОМНУЮ ЭРУ В ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ...

Хориноуци и Хэлл, дружески улыбаясь друг другу, фотографируются на память.

Хроника. Токио. 23 июля 1939 года.

Встреча японского министра иностранных дел Ариты и посла Великобритании в Токио Крейги. Подписание соглашения. Фотографирование для печати.

Голос за кадром:

ЭТИМ СОГЛАШЕНИЕМ АНГЛИЙСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ПРИЗНАЛО ЯПОНСКИЕ ЗАХВАТЫ В КИТАЕ, ЧАСТИЧНО БЫВШИМ В ТО ВРЕМЯ АНГЛИЙСКОЙ КОЛОНИЕЙ, И ОБЯЗАЛОСЬ НЕ ПОМОГАТЬ КИТАЮ В ВОЙНЕ С ЯПОНИЕЙ.

ЭТО РАЗВЯЗЫВАЛО РУКИ АГРЕССОРУ ДЛЯ ЭСКАЛАЦИИ ВОЙНЫ В МОНГОЛИИ. БОЛЕЕ ТОГО, ПОДТАЛКИВАЛО НА ЭТУ ВОЙНУ.

Токио. Кабинет Хиранумы.

Здесь премьер-министр барон Хиранума, военный министр генерал Итагаки, заместитель военного министра генерал Тодзио и командующий Квантунской армией генерал Уэдэ. Все печальны — в соответствии с переживаемым армией и страной моментом.

Говорит Хиранума:

— Уважение к Японии в мире может ослабнуть. К тому, кто терпит какое-нибудь поражение, отношение становится несерьезным. Наши союзники таковы: Германия хитра и расчетлива, Италия болтлива и бестолкова — это наши союзники. Других нам не дал бог. Все может изменить только наша решительная победа в Монголии. Англия и Америка поддерживают наши благородные устремления, от этого наш тыл в Китае становится прочным. Необходимо на время приостановить активные военные действия в Китае, подвести в Монголию все лучшие императорские войска. Вы хорошо поняли — нужна победа — от этого зависит все и такова воля императора.

Это относилось в первую очередь к генералу Уэдэ. Он, самый младший здесь по занимаемому положению, вскочил первым и первым склонил голову. Встали и склонили головы остальные.

Токио. Кабинет императора.

Император Хирохито подписывает указ о назначении генерала Огису Риппо командующим специально создаваемой для действий на Халхин-Голе отдельной 6-й армии.

Премьер-министр Хиранума и военный министр генерал Итагаки поздравляют генерала Огису Риппо с высоким назначением.

Фотограф. Общая фотография для истории.

Запомним этих людей, через месяц им придется уйти в отставку.

И опять из Маньчжурии, с оккупированных японцами китайских земель снимались лучшие императорские войска и направлялись туда, к Халхин-Голу.

Их много, это почти нашествие. Грустные китайские пейзажи в открытых дверях вагонов. Грустная японская песня за кадром. Далеко не всем — только трем из десяти — удастся вернуться обратно. Дисциплинированные японские солдаты не те-

ряют времени даром — хором цитируют наставления Мейдзи, занимаются фехтованием на деревянных винтовках. Раскачиваются вагоны, но это истинным воинам не помеха.

...И опять такие же лихие, как в мае, солдатские песни. По Халун-Аршанской железнодорожной ветке подвезли огромные осадные орудия, снятые с укреплений в Порт-Артуре.

КП на Хамар-Дабэ.

Совещание командиров 57 ОК. Жукову докладывают.

Смушкевич:

— Авиаразведка показывает: начиная с 20-го, через Харбин-Халун-Аршан и Хайлар систематически следуют воинские поезда. За период с 23-го по 26-ое проследовали на север Тяньцзинь-Бейлин сорок эшелонов. В районе озера Далайнар выстроен военный городок с госпиталями и казармами.

Лхагвасурэн:

— Наша разведка подтверждает сведения о переброске двадцати эшелонов в направлении Вьянемю. Форд отпустил вторую партию грузовых автомобилей для японской армии в кредит — тысяча четыреста штук. Из местных китайцев и белогвардейцев формируются боевые дружины. Строятся казармы. Ведутся фортификационные работы.

Леонов:

— Радиоперехватом установлено прибытие на фронт полка траншейных мотир и полка горной артиллерии.

Сухоробров:

— Офицерский состав вновь прибывшей 7-й пехотной дивизии: командир дивизии генерал-лейтенант Сонобэ Ваитаро, начштаба полковник Хоттори, комбриг-13 генерал-майор Акияма...

— Ладно,— остановил Жуков,— все равно эти фамилии никто из нас не запомнит, пусть там у вас лежат для сведения. Или пуганите Москву — Садовников любит почитать фамилии...

Во все время доклада Жуков держался очень спокойно и очень уверенно, только после каждого неприятного сообщения все ниже и ниже надвигал козырек фуражки. Так что к тому моменту, когда остановил Сухороброва, козырек закрывал почти половину лица. Из-под него Жуков впервые сказал то, что потом будет тщательно разрабатываться.

Положение, видимо, складывается серьезное... Видимо, придется строить мощные оборонительные сооружения... Видимо, это надолго. И, видимо, придется здесь зимовать,— говорит он и многих обескураживает этим.

— Очень хорошо! — обрадовался Лхагва-сурэн.— Монгольская зима — очень суровый климат. Мы выдержим. Японцы замерзнут!

— Вот так,— сказал Жуков.— Приказываю: приступить к строительству зимних казарм, конюшен и прочего. Немедленно запросить тылы о подвозе стройматериалов... Во избежание затягивания радиопереговоров о строительстве длительным зашифровыванием и расшифровыванием — радиопереговоры вести простым кодом.

— Как показывает радиоперехват, простой код давно известен японцам! — загорелся Леонов, думая, что Жуков не помнит об этом.

— Я с тобой сейчас не советуюсь, я приказываю, и будь любезен в точности и немедленно исполнять. Первый запрос послать сейчас же. Я сам составлю его.— Жуков умел сказать так холодно и так властно, что человек вздрагивал.— Спасибо, товарищи. Всё.

Все встали.

Если бы кто сейчас заглянул в его глаза, он бы увидел, что они не только жесткие, властные, но еще и хитрые, и лукавые.

Хроника.

Широко известные кадры встречи Гитлера и народа. Когда он стоит в открытой машине, подняв руку в приветствии и радостно улыбаясь, а народ, одетый в солдатскую форму, стройными шеренгами печатает мимо любимого вождя прусский военный шаг.

Когда он на стадионе, и многотысячные стройные толпы народа изображают перед ним и перед самими собой мужество, единство, радость.

Когда ночью эти толпы с факелами образуют огромную светящуюся свастику.

Это была еще пострашнее угроза — сплоченность, организованность, размах, наглость, безликая твердость духа.

Москва. Кабинет Сталина.

— И что же еще требует этот Жуков? — спросил Сталин.

У Кулика еще не прошла обида на Жукова, при каждом упоминании этой фамилии, как Кулик ни старается, на его лице проступает обиженное выражение. Сталину, видимо, что-то известно об этой обиде, в глубине постоянно настороженных глаз таится усмешка.

Однако докладывает Кулик объективно:

— Он все хорошо подсчитал — о войсках я уже докладывал — так... боеприпасов для артиллерии и авиации следует доставить 25 тысяч тонн...

— Ого,— вздохнул Молотов.

— ...продовольствие, топливо, прочие грузы — всего 55 тысяч тонн...

Молотов опять вздохнул.

— Следует учитывать, от ближайшей железнодорожной станции до Халхин-Гола 700 километров, туда-обратно — 1400—1500, оборот автотранспорта в условиях бездорожья пять суток. Исходя из этого, товарищ Жуков просит увеличить парк грузовых автомобилей до пяти тысяч штук.

— Однако...— заметил Молотов.— Тут, понимаешь, не в каждом колхозе машина есть.

— Тогда как сейчас? — недовольный, что Молотов мешает ему говорить и слушать, уточнил Сталин.

— 2636 автомашин разных типов,— доложил Кулик.

— Если бы товарищ Сталин уделял такое внимание нашему наркомату, мы бы за эти деньги десять раз купили всех Чемберленов и Даладьё,— не выдержал Молотов.

— Товарищ Молотов — известный купец,— сказал Сталин.— Товарищи рабочие из Перми уже давно спрашивают в своих письмах ко мне: а почему народный комиссар иностранных дел, Председатель Совета Народных Комиссаров, известный революционер товарищ Молотов очень похож на сына нашего бывшего фабриканта Славку Скрябина?

Молотов побелел. Установилась напряженная тишина.

— Это шутка или не шутка? — усмехнулся Сталин и посмотрел в пенсне Берия. Берия ответил честным преданным взглядом. Глаза Сталина потептели.

— Товарищ Берия считает: это — шутка,— усмехнулся Сталин.

Все засмеялись. Молотов порозовел.

— Значит, вы считаете, Гитлер потому не идет на заключение военной стороны договора известного антикоминтерновского пакта с Японией, направленного против нас, что Жуков надавал им по шапке на Баин-Цагане? — уточнил Сталин.

— Военные, как обычно, склонны преувеличивать свои заслуги,— вставил Берия.

— Не завидуй, Лаврентий. Это нехорошо,— по-грузински сказал Сталин и оставил взгляд на Тимошенко.— Говорите вы.

— Объективный анализ показывает, товарищ Сталин, это одна из причин. Возможно, самая главная. Гитлер расчетлив, самолюбив и не позволяет себе связываться с партнером, имеющим подмоченную репутацию,— доложил Тимошенко.

— Которую подмочил Жуков,— Сталин задумался и вздохнул.— И которую они стараются высушить.

— Да им — там!..— Буденный сжал правый кулак.— Как шарахнуть! До Пекина! До Токио! До этого... как его... Чтoб портки

потеряли! Малой кровью — на чужой земле!..

Глаза Сталина налились гневом.

— Я знаю, это не только ваше личное мнение, — ледяным, без выражения голосом сказал Сталин. — Можешь записать то, что сейчас я скажу... если ты не забыл буквы. Можешь не записывать, но запомнить должен каждое слово... Вы хотите развязать большую войну в Монголии. Противник в ответ на ваши обходы бросит дополнительные силы. Очаг борьбы неминуемо расширится и примет затяжной характер, а мы будем втянуты в продолжительную войну. Надо сломать хребет японцам на реке Цаган, а не в другом месте!.. Запомните это сами и объясните своему Жукову, а то мы вас быстро поправим... Революция не имеет права распространяться вооруженной силой, это превращает ее в контрреволюцию!.. Все! Послать товарищу Жукову, что он хочет.

— Учитель, извините, никак не могу избавиться от сомнения, — уважительно, по-грузински сказал Берия.

— Говори все, — по-грузински ответил Сталин.

— Этот Жуков способный военачальник, вы абсолютно правы, но совершенно неграмотный политически человек — боюсь, как бы он там не наломал дров, — якобы кручинясь, по-грузински объяснил Берия. — За ним нужен острый партийный глаз.

— Слушай, за чем дело стало? Есть у нас Мехлис — политический руководитель Красной Армии — пусть едет. Сидит тут, понимаешь, целый день в кабинете, пога стала больше, чем кресло. Пусть едет, пусть смотрит, пусть воспитывает, — по-грузински ответил Сталин.

Сталин закурил папиросу и сказал, обращаясь ко всем, по-русски:

— Мы тут посоветовались с товарищем Берия и решили: а хорошо ли, что таким значительным воинским соединением — целой армией — будет командовать человек с таким незначительным воинским званием, какое имеет товарищ Жуков? Необходимо исправить это досадное недоразумение.

— Учтем, товарищ Сталин, — доложил Ворошилов.

— А что-то, я смотрю, товарищ Кулик у нас очень грустный? — пряча за усами усмешку, с преувеличенной озабоченностью спросил Сталин. — Не обидел ли вас там товарищ Жуков?.. Вы скажите, мы никому не позволим обижать наши проверенные, старые кадры.

— Извините, товарищ Сталин, я... задумался.

— Ну что же, когда военные начинают думать, скоро быть миру... или... большой,

очень большой войне, — очень не скоро и очень грустно добавил Сталин.

— Товарищи военные могут быть свободны, — помолчав, разрешил Сталин. — Пригласите руководителей металлургии... Задержись, Климентий Ефремович.

— Слушаюсь, товарищ Сталин, — подошел Ворошилов.

— Напомни, когда встречаешься с английской и французской военными миссиями?

— Что-то они все оттягивают, товарищ Сталин. И людей посылают весьма незначительных. Англия — адмирала в отставке Дракса, второстепенный военный деятель; Франция — какого-то генерала Думенка.

— Ты плохо учился в школе, Климентий Ефремович, не помнишь наставления Соломона: унижайся и возвышенным будешь... Пусть шлют... хотя бы своих губернаторов. К осени в Монголии все должно быть закончено. Передай товарищу Жукову — обязательно, не нарушая границы с Маньчжоу-Го. Весь мир должен видеть, мы — не агрессоры, мы выполняем свой интернациональный долг перед братским народом...

— Товарищ Берия что-то не любит товарища Жукова, — осторожно сказал Ворошилов.

— Не лезь. Не твоего ума дело, — грубо обрезал Сталин. — Товарищ Берия, несмотря на свою молодость, по большевистской проницательности даст нам каждому сто очков вперед.

Вошли руководители металлургии. Глаза Сталина налились яростным гневом.

— Почему так мало выплавляете стали для тяжелой промышленности?! Почему сталь плохая, почему не выдерживает нужных нагрузок?! Кто хочет из-за этого полететь из партии и отправиться к такой-то матери — туда, куда Макар телят не гонял?!

Ворошилов вздрогнул и последним из военных выскользнул из сталинского кабинета.

Перед отъездом на Халхин-Гол начальник Главпура РККА армейский комиссар I ранга Мехлис получал наставления от Берия:

— Проверьте этого человека. Какой-то он уж очень хороший... Когда человек очень хороший, он что-то очень хорошо скрывает.

— Оправдаю ваше доверие, — заверил Мехлис.

Наставления давались у особняка Берия в центре Москвы на Вспольном переулке. Берия, не таясь от Мехлиса, выглядывал на улице хорошеньких женщин.

Вот одна ему очень понравилась. По его указанию приближенное лицо Берия, в то время майор, пошел знакомиться с женщиной.

— Разрешите идти, товарищ Лаврентий Павлович? — спросил Мехлис.

Берия даже не обернулся.

— Не нравится мне его бывшая дружба с врагами народа Уборевичем и Тухачевским... Правильно говорит товарищ Сталин, сколько волка ни корми, он в лес смотрит. Проверь. Хорошо, по-большевистски проверь.

— Оправдаю ваше... сталинское доверие, товарищ Лаврентий Павлович.

Тут Берия показалось, что Мехлис вроде хочет поцеловать его руку. А Мехлису показалось, что в каком-то порыве патриотической благодарности ему хочется поцеловать эту пухлую, холеную руку. Они удивленно посмотрели друг другу в глаза.

— Иди,— сказал Берия.— Иди и помни.

Побежали эшелоны в Монголию — с орудиями на платформах, с танками, крытыми брезентом, с грузовиками, с солдатами в теплушках.

На одном перегоне, уже в Восточной Сибири, где поезд шел медленно, потому что ремонтировали пути, к теплушке бросилась девушка — солдаты успели увидеть ее круглое хорошенькое лицо, сладкое, загорелое тело в вырезах ситцевого сарафана — и закинула в теплушку письмо.

Солдаты стали читать письмо вслух:

— «Привет нашим славным бойцам, защитникам нашей Родины от девушек-комсомолок!»

— Ох,— заволновались солдаты,— хорошенькие же бабенки!

— «...Мы, девушки-комсомолки путевой комсомольской колонны № 7, куда нас послала партия и правительство для ремонта путей, услышали о нападении на нашу Родину японских самураев. Изъявляем свое желание поехать на Восток и помогать вам, нашим братьям».

На полустанке воинский эшелон обходит другой эшелон — зарешеченные окна теплушек, изможденные, несчастные лица. Строящаяся колонна у эшелона. Конвоиры с собаками.

— Враги народа,— сказал один из солдат. (А были среди них и женщины, и дети).

— И все враги, сколько же у нас врагов,— сказал другой.

— Хватит болтать, не по своему носу меряешь,— оборвал его командир отделения.

— Почему же не по своему, товарищ младший командир? — обиделся тот.

— Потому что он у тебя такой,— младший командир зло показал, какой у него курносый нос,— а нужен такой,— он показал, какой нужен для этого длинный висячий нос.— Читайте дальше.

Поезд набирает скорость. Мелькают станции и полустанки.

И вот уже конечный пункт — станция Борзя.

...Сколько же здесь эшелонов с боевой техникой. Съезжают с платформ танки. Стаскивают тяжелые пушки. Снимают брезент с фюзеляжей истребителей и бомбардировщиков, они в полусборе — крылья отдельно. Съезжают грузовики.

И все — быстро, быстро — туда, на Халхин-Гол.

Колонны пехоты пошли в путь. Первые ноги ступили по зеленой траве, а за последними уже поднимается пыль.

А с другой стороны шли в Монголию эшелоны с другими войсками.

Конечный пункт Халун-Аршанской железнодорожной ветки. Сюда под покровом спускающейся темноты в специальном правительственном вагоне прибыл сам его высокопревосходительство командующий вновь создаваемой для боевых действий на Халхинголе 6-ой отдельной армии японский генерал Огису Риппо.

Среди прочих высших офицеров и генералов — Кобаяси, Ясуока и других — Огису Риппо встречает генерал-лейтенант Камацубара. Угодничая, провожает к машине.

Огису Риппо задерживается у машины.

Одновременно на дальних путях выгружается вновь прибывшая из Китая бригада. Действуют споро, умело, без суеты — прекрасные солдаты, прекрасные мужественные лица — генерал Огису Риппо любит ее ими.

Проходя мимо него, они как на параде печатают шаг, и он как на параде прикладывает руку к фуражке.

Прекрасно обученные, дисциплинированные, хорошо экипированные войска — у каждого в петлице по 2—3 звезды, которые говорят о том, что это и хороший, и уже более года прослуживший, а значит, умелый солдат.

— С такими солдатами можно делать только одно — побеждать,— с опасным для Камацубары намеком говорит Огису Риппо и садится в машину.

Эта станция стала большим железнодорожным узлом — много путей, много эшелонов с техникой, боеприпасами, горючим. Идет спорая, налаженная выгрузка. Китайские кули. Японские солдаты.

И все это — туда, на войну, в прорву.

На Халхин-Голе стало известно, что Жукову присвоили новое звание. Адъютант Жукова Воротничков искал-искал в вещах Жукова запасной ромбик и запасные шевроны, так и не нашел.

Тогда он взял самую старую, выгоревшую гимнастерку, спорол с каждой петлицы по ромбику и нашол на новую.

Это было все ранним утром.

...Жуков в это время был у родника. Позанимался немножко гимнастикой — потянулся, покачал пресс, попробовал себя на изгиб — потрогал тело, вроде пока ничего, без жира. Судя по ремню, вроде даже похудел. Умылся ледяной водой, надел на мокрое тело рубашку и пошел к себе.

...Быстро, поглядывая на часы, поел и надел, конечно, самую старую, выгоревшую гимнастерку. Заметил, что один ромб.

— Что же ты меня до комбрига понизил? — недовольно сказал вошедшему с чайниками Воротничкову.

— Зато на другой повысил, — Воротничков предложил новую, невыцветшую гимнастерку с тремя комкоровскими ромбами в каждой петлице.

— Не буду переодеваться, в нашей деревне это плохая примета, дай плащ. И быстро — машину.

В сопровождении верного Воротничкова Жуков сел в машину.

— Поздравляю с очередным званием, товарищ комкор! — прокричал водитель и крикнул, увидев по одному ромбу в петлицах. Расстроился, подумав, а вдруг все наоборот.

Тем не менее, приказа не возить Жукова не было, машина сорвалась с места и помчалась на той скорости, какую признавал Жуков.

Мехлис прилетел на «Дугласе» в сопровождении звена истребителей.

Он сразу увидел, что у Жукова под плащом.

— Ну, совсем вы тут без меня обтрепались, вовремя я приехал, — сказал Мехлис и протянул Жукову заранее приготовленный набор с комкоровскими знаками отличия. — Поздравляю с высоким воинским званием, товарищ комкор.

— Спасибо, — спокойно ответил Жуков.

— В Москве тобою были довольны, — принохиваясь, сообщил Мехлис.

На это Жуков ничего не ответил.

— Чего молчишь? — приглядываясь к Жукову, спросил Мехлис.

— Спасибо, — повторил Жуков.

Мехлис потянул чутким носом:

— Дохните.

Жуков дохнул.

— Что вы едите? — настороженно спросил Мехлис.

— Баранину с чесноком.

— В качестве закуски? — ехидно спросил Мехлис.

— Так точно, — с обидой ответил Жуков.

— Ладно, Жуков, я не японец, меня на мякине не проведешь... С народом пока встречаться не буду — не брит, не мыт, самого

примут за пьяницу. Отвези меня куда-нибудь отдохнуть, тяжела дорога, тридцать часов лету... Вначале помыться.

Жуков посмотрел на часы и пригласил Мехлиса в свою машину. Вторая машина, предназначенная для Мехлиса, пошла сзади.

...В машине Мехлис спросил:

— Товарища Сталина очень интересует, почему так плохо складывались дела в майских боях?

— Причина одна — врем много, — не кокетничая и не выискивая каких-либо сложных объективных причин, сказал Жуков. — Не готовы к боям, говорим: готовы. Не умеем воевать, говорим: умеем. Терпим поражение, врем: побеждаем...

— Вы — известный сторонник все свое очернить, — опасно сказал Мехлис.

— Я — сторонник говорить правду, — ответил Жуков.

Мехлис удивленно приподнял брови, он — начальник Главпура РККА, армейский комиссар I ранга, а ему так невежливо отвечают.

— Видимо, этому вас учили Тухачевский и Уборевич? — опасно предположил Мехлис и решил, что свалил Жукова наповал.

Жуков, как всегда, пошел на обострение ситуации.

— Если против меня существуют какие-то подозрения, я готов ответить на них любому следствию, любой комиссии. Суесловить, походя, не намерен, — жестко, не заискивая, ответил Жуков.

Опять у Мехлиса приподнялись брови.

— Слушай, что ты со мной ругаешься в первый же день?.. Не спеши — будет время, — с каким-то тяжелым намеком сказал Мехлис.

— Приехали, — сказал Жуков.

...Мехлис надеялся увидеть уютную баньку, а это была огромная передвижная душевая установка. К тому же, открытая, без всяких кабинок. К тому же, здесь мылись несколько сот человек из подошедшей, проделавшей 800-километровый пеший марш от Борзи воинской части.

Мехлис был сильно разочарован.

— Что, у тебя нет своей баньки?

— Нет. Здесь каждое бревно надо за 750 километров везти, — Жуков выжидательно, тая усмешку в глубине спрятых под низко надвинутым козырьком глаз, глянул на Мехлиса.

— Мыло-то хоть у тебя есть? — спросил Мехлис, выходя из машины.

— Есть. Товарищ старшина, — подозвал Жуков. — Выдать товарищу армейскому комиссару I ранга мочалку и мыло.

— Как можно, — задыхаясь от страха перед таким высоким начальством, возразил старшина. — У нас только хозяйственное, с каустиком...

— Давай с каустиком, — весело сказал

Мехлис, потому что старшина — это уже народ, а с народом надо говорить или весело, или матом.— Давай мочалку, давай пару чистого простого белья!

— Товарищ армейский комиссар I ранга, разрешите идти? Работы много.— Жуков приложил руку к козырьку.

— Ты тут главный, ты и командуй,— без всякой приязни сказал Мехлис и пошел к солдатам.

— Здравствуйте, товарищи красноармейцы! — громким, веселым голосом, широко, радостно улыбаясь, прокричал Мехлис.

— Здра... жела... товщ... армейс... комисса... перв... ран... — растерянно откликнулись голые красноармейцы.

Пугая их, Мехлис разделся, как и все, догола, и смело, прикрыв срам мочалкой, пошел под душ.

— У! — закричал он.— Почему холодная?!

— Разрешите доложить, дрова... так сказать... завершились! — доложил старшина.

— Что приуныли?! Разве можно нам унывать?! — закричал Мехлис красноармейцам.— А ну, давайте споем!.. И не дожидаясь, пока кто-то начнет, запел громким правильным голосом: — «Каховка, Каховка, родная винтовка, горячее сердце в груди...»

Красноармейцам не каждый день доводилось петь с армейскими комиссарами I ранга, все сразу же подхватили:

— Орел и Варшава...

Иркутск и Варшава, Орел и Каховка — Этапы большого пути.

Гремела атака, и пули звенели, И ровно строчил пулемет...

И девушка наша проходит в шинели, Горящей Каховкой идет,

— очень правильно, очень страстно и очень красиво выводил Мехлис.— А ну все, товарищи! Все!!! — закричал Мехлис и, давно позабыв о сраме, взмахнул обеими руками с мочалкой и мылом:

Под солнцем горячим, под ночью слепой Немало пришлось нам пройти.

Мы — мирные люди, но наш бронепоезд Стоит на запасном пути...

— запели даже и те, кто никогда в жизни не пел.

Километрах в тридцати от Халхин-Гола к подходящим войскам подлетел на мотоциклке интендант Готман, вывалился из коляски. Он, как всегда, с пузатым портфелем, ручка, правда, уже оторвалась, держит портфель в объёмку. На груди новенький орден Красной Звезды — выполнил все-таки Жуков свое обещание.

— Стоп! Стоп! — распоряжается Готман.— Дальше нельзя! Дальше пойдете ночью — приказ самого товарища Жукова!.. Отдыхайте, обедайте, приводите себя в порядок... Интендант Готман,— знакомится с командирами, отодвигая чуть-чуть портфель, чтобы все видели его новенький орден.

— Как там боевые дела? — спрашивают командиры Готмана.

— Никаких боевых дел, товарищи, не предвидится,— хитрит Готман.— Будем строить казармы, квартиры, боевые конюшни. Будем, товарищи, учиться, и вообще — зимовать...

Это была саперная понтонная часть, назначение которой одно — быстро, в сжатые сроки, навести через водный рубеж переправу.

Готман достает из портфеля кипу листовок, раздает командирам.

— «Памятка бойцу в обороне»... Это должен знать каждый боец. Товарищ Жуков иногда лично сам строго спрашивает.

— Говорят, очень строгий командующий? — интересуются командиры.

— Зверь... Орденом меня наградил... Запомнили, даьше только ночью — личный приказ товарища Жукова. Отдыхайте, попейте чаю, сейчас подойдет душевая установка — товарищ Жуков любит, чтобы все были чистые и веселые!..

Используя затишье, во всех войсках по приказу Жукова ведется учеба. Расположение танковой роты, в которой служит экипаж Чернова Петра.

— Ну-ка ты, Клочков,— спрашивает командир роты,— что сделаешь ты в такой ситуации?

Ваня встал во весь свой длинный рост и очень четко, как настоящий службист, доложил:

— Ну, если от снаряда или еще по другой причине погнуты качающиеся рычаги, отчего бондаж передних направляющих колес идет на гребень трака и сбрасывает гусеницу, особенно при повороте, то надо: во-первых...

— Рота, смирно!!! — отчаянно закричал дежурный и побежал с докладом к подошедшему автомобилю.

Из автомобиля вышли Мехлис и Никишев.

— Не вскакивайте, товарищи, я к вам как друг, как брат,— весело сказал Мехлис и этим сразу расположил всех к себе.— Посидим рядком, поговорим ладком.

Мехлис по-простецки сел со всеми. Пустил по кругу папиросы, взятые в юрте у Никишева:

— Курите, товарищи. За табачком и слово полегче — как любит сказать наш дорогой и любимый товарищ Сталин.

Группа артиллеристов, принятых в партию в дни боев на Халхин-Голе

Оттого, что Сталин и они, самые простые, рядовые люди, были объединены в одно целое этим доброжелательным простецким высоким начальником, который, наверное, и самого товарища Сталина видел не раз, а может быть, даже и говорил с ним, всех охватило приятное радостное воодушевление.

— Когда я уезжал сюда, он сказал: посиди с товарищами, поговори по душам, угости моими любимыми папиросами, — задумчивым голосом сообщил Мехлис. — Курите, товарищи.

Вскочил водитель танка Коробов:

— Да как же так?! Да как же — что б товарищ Сталин слышал о нас?!

— Не только слышал, он каждую минуту думает о каждом из вас, — сообщил Мехлис.

— Да здравствует наш любимый вождь и учитель, отец и друг всех на свете детей, наш дорогой товарищ Сталин! — едва не плача, прокричал Коробов. — Мой танк пройдет тысячи километров и вышвырнет проклятого гада... — Больше он не мог говорить — слезы радостного восторга душили его.

Вскочил командир танка Мадонов:

— Моя машина не остановится! Моя пушка не замолчит! Мое молодое сердце трепыхает от гнева, потому что самурайская нечисть не уничтожена! Товарищ Мехлис, посылайте нас в бой!!!

Встал командир танка Чернов Петр. Волнуясь и переживая, сказал:

— Моего родного брата Степана, который шел в бой в составе моего экипажа, убили японские самураи. Я полон гнева и мщенья. Я проклинаю японскую гадину и клянусь жестоко отплатить за смерть моего любимого брата. Пускай помнит японская гадина, что наша социалистическая Родина богата братьями. На место одного брата станет другой брат, — голос Чернова Петра дрожал, он не мог преодолеть слез. Он положил руку на плечо сидящего рядом Вани Клочкова. — И встанет друг этого брата... Скоро и мы пойдем в бой... За Родину, за Сталина мы пойдем в бой!

Глаза у всех танкистов светились радостью и воодушевлением.

— Товарищи, скоро я поеду в Москву, что передать от вас товарищу Сталину?

Все закричали радостно и вдохновенно:

— Ура! Ура! Ура!

И Ваня Клочков кричал вместе со всеми так же радостно и так же вдохновенно.

Вскочил взволнованный и счастливый бащеный стрелок Щекин:

— Товарищи! Передайте товарищу Сталину: вот мы смотрим — самолеты летят, и наше комсомольское сердце радуется — это проявление заботы товарища Сталина о нас!..

Вот вы приехали, с нами шутите, разговариваете — и это забота о нас! Передайте нашему великому вождю и учителю, любимому другу и дорогому отцу товарищу Сталину, что в ответ на его заботу мы ответим мощными ворошиловскими залпами, меткой пулеметной стрельбой и так двинем по башке этим самураям сталинским кулаком, что они покатаются до самого океана!..

Щекин не выдержал и заплакал от счастья. И остальные тоже кричали: «Ура! Ура! Ура!» и тоже едва не плакали. И Ваня Ключков искренне и счастливо кричал со всеми. И у Мехлиса на глазах тоже появилась влага.

— Товарищи, я приехал к вам, чтобы усилить партийно-политическую работу... Это вы должны приезжать ко мне и усиливать мою работу!!!

И опять все кричали:

— Ура! Ура! Ура!

Слышались голоса:

— Пусть живет многие годы наш любимый вождь и учитель товарищ Сталин!

— Пока он живой, нам ничего не страшно!

— Пока он живой, ни один враг перед нами не устоит!

— Да здравствует героическая РККА и ее славные руководители товарищ Ворошилов и товарищ Мехлис!

Кабинет Сталина.

Докладывает Ворошилов:

— Из поведения военных миссий Англии и Франции у меня сложилось убеждение, что они совершенно не заинтересованы в нашей помощи,— докладывает Ворошилов.— Похоже, они хотят делать свою игру... без нашей команды... Похоже, товарищ Сталин, все эти переговоры затеяны для того, чтобы выяснить, чем мы располагаем.

Сталин тоже удручен этим известием.

— Они выяснили? — спросил он.

— Да,— вздохнул Ворошилов.

— Не огорчайтесь, Климент Ефремович...

Мы не можем упрекнуть себя, что были нечестны в этом вопросе... Ну что ж, пусть каждый потом пеняет на самого себя.— Сталин повернул голову к Молотову, сказал, помолчав, наверное, не меньше минуты и, видимо, сильно колеблясь: — Сообщите товарищу Гитлеру...— Сталин понял, что досадно оговорился и поправил себя: — Сообщите рейхсканцлеру фашистской Германии Адольфу Гитлеру, что мы готовы принять его министра иностранных дел в любое удобное для них время.— Сталин помолчал.— Тяжелая штука — жизнь. Иногда товарищи становятся нам врагами, а мы делаем вид, что враги — товарищи...

Никто из присутствующих не понял, что он имеет в виду — то ли постановку вопроса в широком смысле, то ли только этот конкретный случай.

— Что там в Монголии у товарища Жукова? — спросил Сталин.— Все ли посылаете ему, что необходимо? И что сообщает нам товарищ Мехлис? — Сталин не сдержал себя и остро кольнул: — Наверное, Жуков и ему мешает митинговать?.. Наверное, и его посылает в бой, не дав сказать: «За нашу славную Родину... за товарища Сталина?..»

Присутствующие насторожились, никто не знал, к чему он клонит в такие минуты.

— Пусть он там хорошенько покажет, на что мы способны,— подытожил Сталин.— Пусть Гитлер увидит и подумает... Пусть все увидят и хорошенько подумают... Посылайте Жукову все, я разрешаю...

Ночь. Над Халхин-Голом стоял невообразимый грохот.

В своей юрте, проснувшись, ругался Мехлис:

— Да черт подери, как же тут жить?! Эй! Эй, кто-нибудь!

Падая и роняя что-то вокруг, он начал искать одежду.

За 4 км отсюда Камацубара тоже проснулся. Он-то сразу все понял и тут же стал звонить в Хайлар генералу Огису Риппо. В палатке Камацубары светло, уютно, специальные свечи выкуривают комаров.

— Всепочтительнейше прошу извинить меня, я знаю, вы по ночам работаете, только поэтому осмелился беспокоить вас. Колотят. Видимо, привезли эти свои бревна.

— По какому берегу? — деловито поинтересовался Огису Риппо.

— Близко. Видимо, по восточному... И какие глупые хитрецы, ревут танковыми моторами, да еще пустили несколько самолетов, чтобы мы ничего не слышали, как они колотят.

— Очень хорошо,— строго ответил Огису Риппо.— Как идет подготовка «ловушки»?

— Очень хорошо. Самыми быстрыми темпами. Вчера привезли бетон. Она проглотит их всех,— с почтительным восторгом докладывает Камацубара.— Видимо, у них совсем не осталось танков. Пускают целыми днями одни и те же машины, создают видимость, что у них много танковых войск. Пытаются запугать наших солдат. Но дух японского воина неустрашим!

— Я по ночам действительно пытаюсь работать, потому что нет времени днем и поэтому почтительнейше прошу вас пустяками не беспокоить.

Не дожидаясь ответа, Огису Риппо положил трубку.

Камацубара не мог знать, что никаких свай пока что не заколачивали — крутилась на

электрофоне пластинка с записью забивания свай, стояли в четырех разных местах мощные усилители — это пришел и приступил к работе звуковещательный отряд инженер-майора Ушакова.

А колья и колючую проволоку действительно подвезли. И чтобы она не пропадала даром, а дезинформация носила более достоверный характер, в некоторых местах перед траншеями устанавливали ее. Да и польза все-таки была, японцы часто лазили по ночам в наш тыл.

Ночь. В маскирующем лязге, грохоте, реве, вое авиационных моторов Жуков на полном скаку налетел на тайно подходившую к Халхин-Голу танковую бригаду.

— Веду... бригаду... — заплетаящимся от усталости языком доложил интендант Готман, — товарищ Георгий Константинович.

— Сколько суток не спал? — спросил Жуков.

Готман посчитал по пальцам:

— Семь... ничего, я могу больше.

— Разместишь точно по схеме и... молодец, Готман, через две недели получишь у меня путевку в Анапу на двойной срок! Веди дальше.

Раннее утро. В россыпь ревет, грохочет по восточному берегу Халхин-Гола танковый взвод со снятыми глушителями.

А здесь, скрытые от посторонних глаз густыми прибрежными зарослями, несколько командиров во главе с Жуковым. Командир понтонного подразделения майор Притыка демонстрирует свое изобретение.

— Иди, аки по суху, — говорит Притыка и действительно ступает в Халхин-Гол и идет через реку, аки по суху, только по колено в воде.

Остановился посередине, докладывает:

— Преимущества: непотопляемость — раз — понтоны лежат на дне, авиаразведкой практически не обнаружить — два...

По западному берегу Халхин-Гола, вдоль самой реки, ко второй переправе мчится БТ-7. В башне торчит Чернов Петр, за рычагами Клочков Иван, все люки открыты.

У чуть примятых кустов Ваня увидел родной «ЗИС-101», родную охрану.

Ваня остановил танк, выпрыгнул через водительский люк, обнялся с друзьями, побегал сквозь кусты к Жукову.

— Товарищ комкор, узнаете?

— Как тебя не узнать — длинней тебя здесь никого нет... Как тебе служится? — озабоченный другими заботами, спросил Жуков.

— Нормально. Я ведь танкистом стал! — радостно сообщил Ваня.

— Танкистом... А ну-ка, прокати здесь...

— Не очень глубоко?

— А здесь мост, — сказал Жуков.

— Ага, — не поверил Ваня, ступил ногами. — Нормально.

Ваня на скорости, показывая перед Жуковым, какой он лихой водитель, промчал по приотпленному мосту, выскочил на тот берег.

Жуков свистнул:

— Не мни там кусты, давай обратно!

Ваня, не разворачиваясь, задним ходом, дал обратно.

— Ну как? — спросил Жуков.

— Нормально.

— А я тебя за тот самолет к «Отваге» представил — ты, значит, не получил? — не видя медали на его груди, спросил Жуков.

— Не получил, — пожалел Ваня.

— Воротничков, у тебя с собой медали?

— Кончились.

— Ладно, не убежит. Зарабатывай вторую, — прощаясь, Жуков протянул Ване руку.

— Георгий Константинович, когда пойдем бить гада? — спросил Ваня.

— А может быть, не пойдем. Гаду тоже жить хочется, — озабоченный своими заботами, сухо ответил Жуков.

— Это конечно, — чуть-чуть растерявшись, согласился Ваня. — Пусть бы, конечно, жил... только ведь гад чем живет — тем, что нормальных людей жрет.

— Тогда, значит, красноармеец Клочков, пойдем. У тебя есть задача? — по обыкновению строго спросил Жуков.

— Так точно.

— Выполняй.

Ваня козырнул и побежал к танку.

— Сколько можете поставить таких мостов? — спросил Жуков майора.

— Река неширокая... понтонов хватит на три.

— Мне надо двенадцать, — сказал Жуков и, козырнув, пошел к машине.

Незадолго до наступления, 17 августа, на Халхин-Гол приехал руководитель монгольского государства маршал Хорлогийн Чойбалсан. Его встречали Мехлис, Штерн, Никишев, Смушкевич и много других высших командиров советских и монгольских войск. С Чойбалсаном прибыл посол СССР в МНР Иванов.

— Товарищ Сталин просил узнать, как ваше здоровье, не надо ли прислать каких-либо лекарств? — спрашивал Мехлис.

— Передайте Иосифу Виссарионовичу, наше здоровье — в свободе нашей земли... наше лекарство — в дружбе с советским братом... А что, товарищ Жуков не нашел времени увидеть меня?

— Георгий Константинович просил извиниться, у них с Богдановым очень срочное дело,— извинился Никишев.

Посол Иванов осуждающе покачал головой.

— Да он у нас барин, ему все некогда,— вроде в шутку, а на самом деле очень нехорошо сказал Мехлис.

— Почему барин? — спросил Чойбалсан.— Человек, который много работает, ему часто бывает некогда, товарищ Мехлис.

— Вот именно,— энергично поддержал Штерн.

Тут над аэродромом появился самолет-истребитель и с ревом в устрашающем пике помчался на Чойбалсана.

Телохранитель маршала, огромного роста и огромной физической силы монгол, схватил Чойбалсана, тоже довольно тяжелого, плотного человека, на руки, затолкал в щель и лег сверху, защищая от пуль, бомб и чего угодно.

И-16 вышел из крутого пикирования и начал выделывать над аэродромом фигуры высшего пилотажа.

Все думали, маршал разгневется. Однако маршал смеялся:

— Ошибся чуть-чуть... ха-ха-ха... Думал, японец. Хорошо летает.

— Это Лакеев. Сегодня День Военно-Воздушного Флота, товарищ маршал,— доложил Смушкевич.— Лакеев всегда ведет первую эскадрилью на параде в Тушино. Хотел вам сделать подарок.

— Товарищ Сталин не пришлет нам плохих летчиков,— сказал Чойбалсан, полюбившись тем, что вытворяет в небе Лакеев, и направился к автомобилю.

— Что же вы, могли бы по случаю хотя бы фуражечку нацепить,— проходя мимо, недовольный внешним видом простоволового, в сандалиях, Смушкевича, сделал замечание Мехлис.— Распустил, понимаешь, свои кудри. На митинге чтоб были в орденах, а то выглядите, как грузчик.

— А я и есть грузчик,— спокойно ответил Герой Советского Союза комкор Смушкевич и, тяжело опираясь на две клюшки, пошагал к автомобилю.

— Подожди.— Мехлис недоверчиво оглянулся по сторонам: — Я сам еврей, но зачем же выпячивать?

— Пошел ты...— как всегда спокойно и уравновешенно сказал Смушкевич и, опираясь на клюшки, пошагал к автомобилю.

Машина Чойбалсана подъехала к учебному полигону. Чойбалсан вышел из машины...

— Как показывают себя наши войска, теперь вы уже воевали вместе? — спросил Чойбалсан, любуясь своими цирками, как

они смело мчатся в учебную атаку за танками.

— Не будем же врать друг другу? — хмуро ответил Жуков.

Чойбалсан, не скрывая удивления, посмотрел на него.

— В ночь со 2-го на 3-е июля 15-й кавполк, завидя японцев, не вступая в бой, аллюром отступил через Халхин-Гол и никого не поставил об этом в известность. В результате, и сами были поголовно истреблены и поставили под угрозу всё... Цирик — цириком, а солдата учить надо. Бронедивизионы показали себя великолепно. 8-й бронедивизион шесть часов сдерживал натиск полутора тысяч самураев, что во многом обеспечило нашу победу на Баин-Цагане.

Чойбалсан вздохнул и сказал:

— У меня к вам одна просьба, товарищ Жуков, и один вопрос.

— Слушаю, товарищ маршал.

— С моих людей, особенно руководителей, спрашивайте поостроже, поручайте побольше — нам надо растить стойкие, надежные кадры. Это просьба. Какой у вас план? Это вопрос.

Жуков настороженно оглянулся. Чойбалсан движением руки отослал подалеже всю свою свиту и даже телохранителя.

— Могу только вам, товарищ маршал... потому что знаю, что вы — могила,— сказал Жуков.

— Кладбище,— подтвердил Чойбалсан.

Жуков еще раз оглянулся — никто не мог услышать их.

— План у меня простой,— Жуков показал руками охват,— окружить и уничтожить.— Жуков придавил руки к себе.

— Какие у вас все время простые планы,— улыбнулся маршал.

— В деталях: армейскую группу делю на три неравные части. Центральная — активными боевыми действиями сковать войска противника, не дать возможности маневрировать, перебрасывать части из центра на фланги. Командующий — комбриг Петров... Северная и Южная — нанося удары по флангам, окружить, замкнуть кольцо окружения в центре границы у высоты Номон-Хан-Бурд-Обо. На флангах соответственно две ваши дивизии — 8-я и 6-я. Для быстрого охвата. Всё. Ну, конечно, резерв.

— Хороший план,— похвалил Чойбалсан.— Ваши знают об этом?

— В целом, знаем только мы, пятеро: я, Никишев, Богданов, Штерн, начальник оперативного отдела. Остальные — части, которые имеют только к ним отношение.

— Мехлис? — спросил Чойбалсан.

— Слава богу, занят своими делами, готовит митинг.

— Хорошо. Я буду шестой, я тоже умею молчать.

— Личному составу будет сообщено о наступлении только за три часа до начала. Должна быть полная внезапность.

— Когда думаете начинать? — спросил маршал.

— Когда буду готов, во-первых. И когда они стянут все войска на плацдарм — по эту сторону от границы — во-вторых. Чтобы сразу все окружить и, не дав вырваться в Маньчжоу-Го, все уничтожить.

— Хороший план... Не хотел бы я быть вашим врагом, товарищ Жуков.

Жуков все услышал в его голосе и сказал: — Другого пути нет — только в этом случае они нас никогда не тронут.

— Достаточно ли у нас для этого сил?

— На этот раз — да, достаточно, — твердо ответил Жуков.

— Когда думаете начать? — снова и хитро спросил маршал.

— Могу сказать только одно — скоро... и на неделю раньше, чем начнут они.

— Как вы это узнаете?

— Почувствую, — дерзко ответил Жуков.

— Хочу поговорить с людьми — и с вами, и со своими... А вы идите работайте, не отвлекайтесь.

— Спасибо, товарищ маршал, — обрадовавшись, козырнул Жуков.

— Подождите, — остановил Чойбалсан. — Георгий Константинович, это не мое дело, но ты мне друг... прогони Мехлиса.

— Как же я его прогоню, товарищ маршал?

— Ну, хорошо... Я подумаю, — сказал Чойбалсан.

Они козырнули друг другу.

КП Камацубары.

Даже отсюда, из комариных дебрей Хайластын-Гола, слышно, как режут, катая по восточному берегу Халхин-Гола советские танки со снятыми глушителями, как колотит паровая «баба», забывая толстые сваи.

Командующий 6-й армией генерал Огису Риппо внимательно разглядывает генерала Камацубару. Они пьют чай из маленьких фарфоровых чашек с крышечками.

— Сколько было у вас человек перед Баин-Цаганом?

— Совсем немного... 38 тысяч, ваше высокопревосходительство. — Это все еще большой, обидный вопрос для Камацубары.

— Теперь 55, более 300 орудий и минометов, 1283 пулемета, 135 танков и бронемашин, около 350 самолетов.

— И ваше умелое руководство, ваше высокопревосходительство. — Камацубара раскрывает сложенную гармошкой карту. — Мы берем в полукольцо восточный выступ и затягиваем мешок... Если они сумеют

где-то найти резервы и перейти в какой-то мере в какое-нибудь наступление, мы демонстративно отступаем, заманивая их сюда. Здесь у нас бетонированные, хорошо замаскированные доты. К тому же, расположенные в удобных точках, — показывает он на карте.

Огису Риппо согласно кивнул и объявил:

— Пока эти лодыри готовятся зимовать, мы хорошо ко всему подготовились... Пусть бог пошлет победу трудолюбивым, предприимчивым, смелым... Наступление подтверждаю на 24-е. Это хороший день, четверг, в этот день Мейдзи совершил свой великий подвиг. Наша задача быть достойными этой великой славы.

— Это прекрасный день! — в почтительном восторге, который ох с каким трудом дается ему, подтверждает Камацубара. Слава японского оружия и нашего первого маршала — императора — воссияет перед изумленным миром.

— Господа офицеры, по обыкновению, на воскресенье могут съездить в Хайлар. Пусть немножечко отдохнут, наберутся сил, им предстоит великое дело.

Камацубара в восхищении перед таким мудрым решением склоняет голову.

Жуков провожал Мехлиса на аэродроме.

— Черт его знает, почему отзывают, — жаловался Мехлис. — Так хотелось повоевать... Товарищу Сталину сверху виднее...

Жуков не ответил.

— Смотри, не наломай здесь дров, — поучал Мехлис. — Скажи честно, как перед богом...

— Перед богом... — хотел резко ответить Жуков, но потом решил, ну его к черту, еще спорить с ним.

— Я так и знал, ты не до конца атеист...

Жуков хотел и на это резко ответить, но опять подумал, да ну его к черту, пусть отваливает поскорей.

— Скажи честно, ты по-прежнему хочешь бить противника, нарушая границу?

— Я человек военный, мое дело не хотеть, а выполнять приказ, — строго ответил Жуков. — И все же, не буду скрывать, сил у меня сейчас достаточно. И если объединиться с Мао-Цзедунгом и Чан-Кайши, с Народно-освободительной армией Китая, мы могли бы освободить Маньчжоу-Го, Китай, уничтожить всю Квантунскую армию. Очистить Азию от их посягательств.

— Совершенно неграмотный человек. Революция не имеет права распространяться вооруженным путем, — поучал Мехлис.

— Так точно, — козырнул Жуков. — И все же я прошу доложить мои соображения товарищу Сталину.

Они холодно козырнули друг другу. Мехлис пошел к самолету.

Жуков приехал на Хамар-Дабу, прошел в большой блиндаж заседаний Военного совета, где его ожидали все члены Военного совета армейской группы и приглашенные командиры крупных подразделений.

Жуков осмотрел всех, все боевые товарищи, каждый стоит не одного.

— Ну что, испортим господам офицерам воскресное развлечение в Хайларе?

— Ну, это уже эгоизм, Георгий Константинович, — подхватил Никишев.

— Прекратить смех, — не дав засмеяться, обрезал Жуков. — Относитесь к делу серьезно!.. Богданов, у тебя все готово?

— Все, товарищ комкор, — доложил Богданов.

— Смушкевич?

— Все, — доложил Смушкевич.

— Воронов?

— Все, — доложил Воронов.

— Павлов?

— Все, — доложил Павлов.

— Потапов?

— Все, — доложил Потапов.

— Терехин?

— Все, — доложил Терехин.

— Лхагвасурэн?

— Все, — доложил Лхагвасурэн.

— Цэрэн?

— Все, — доложил комдив МНР Цэрэн.

— Алексеенко?

— Все, — доложил Алексеенко.

— Петров?

— Все, — доложил Петров.

— Все ли части провели разведку боем линии обороны противника?

— Судя по тем донесениям, которые мы имеем, все, — доложил Богданов.

— Наступление назначаю на завтра, воскресенье, 20-е августа. Действовать точно по плану — минута в минуту. Делегатам связи развести пакеты командирам подразделений. Все! Я иду спать.

Уснуть Жукову не удалось. Ночью, в темноте, он сел на коня и в сопровождении верного Воротничкова поскакал вдоль Халхин-Гола.

Звуковые установки по-прежнему имитировали забивание свай. Под их грохот саперы завершали строительство последних мостов. По-прежнему грохотали по восточному берегу танки со снятыми глушителями. Японцы привыкли к шуму и не реагировали на него.

Под этот грохот, послушные воле командующего и необходимости общего и великого дела танковые, кавалерийские и стрелковые подразделения выходили на исходные рубежи. Все было уже в основном готово, и это были последние подразделения.

На аэродромах последние бомбардировщи-

ки направлялись горючим и снаряжались бомбами.

На хорошо оборудованном КП на Хамар-Дабе Жуков, Смушкевич, Штерн, Богданов, Воронов, Лхагвасурэн и другие.

Все вглядываются в поднимающийся над рекой туман, с нетерпением посматривают на часы, ожидая начала. 4 часа 45 минут утра.

Смушкевич обзвонил аэродромы.

— Товарищ комкор, на аэродромах туман, сильный туман, — с тревогой доложил Смушкевич, — летчики просят отложить вылет.

— Начать минута в минуту, — строго сказал Жуков.

— Взлет! — приказал Смушкевич.

Как в молоке, только по компасу и чутьем взлетают истребители. Один налетел на что-то в конце аэродрома, взорвался, но только один. Остальные поднялись в воздух.

На востоке запылала заря. К рубежу Халхин-Гола подходил эшелон подавления зенитной артиллерии — девятка СБ для вызова огня на себя и 46 пушечных И-16.

Пятная воздух, заколотили японские зенитки и раскрыли свои позиции. Тут же на них устремились пушечные истребители И-16 — среди них Кобанов. Утренний воздух разрежали пушечно-пулеметные трассы. Заплясали по земле цепочки взрывов.

Эшелон подавления действовал как хорошо отлаженный механизм. Девятка СБ, отбившись, легла на обратный курс. И-16 продолжали неистовствовать над землей.

Со своего КП, не успев как следует одеться, с ужасом и недоверием всматривается в происходящее генерал-лейтенант Камачубара.

А на горизонте уже появилась первая волна СБ с полной бомбовой нагрузкой. Она перекрыла собой все небо на западе. СБ было в том налете 150. Их прикрывало 144 истребителя.

Когда СБ вышли на траверз Халхин-Гола, по позициям японской зенитной артиллерии ударила советская дальнобойная артиллерия, а пушечные И-16 эшелона подавления уступили место бомбардировщикам. СБ ринулись на позиции. Поднялась стена дыма, разрывов, пожаров.

Японские солдаты жались в щелях, блиндажах. Гибли. Но не оставляли позиций.

Над японскими опорными пунктами растягивалось плотное дымное покрывало. Казалось, что горит вся земля.

— Вот это работа! — готовясь к своему часу, сказал Ваня Клочков другу Петру

Чернову, командиру танкового экипажа.

Они видели в расположении японских позиций черные дымы пожаров.

Жуков удовлетворенно посмотрел на часы — 6 часов 15 минут.

— Ну что ж, хвалиться рано, но щи лаптями уже не хлебаем, — обернулся с хитроватым прищуром на Лхагвасурэна.

В публичных домах и ночных ресторанах Хайлара не переставая звонят телефоны.

Хозяйки этих увеселительных заведений суматошно бегают по номерам, вытаскивают господ офицеров из постелей, отрывают от китайнок, японок, русских — у кого какой вкус.

Господа офицеры, одеваясь, подпоясываясь ремнями с кобурами пистолетов, выбегают из номеров, из заведений. Бегут за грузовыми машинами, прибывшими за ними. Торопятся на Халхин-Гол.

На Халхин-Голе уже третий час не переставая бьет советско-монгольская артиллерия — по огневым точкам, окопам, батареям противника.

Взлетают в воздух бревна перекрытия блиндажей, тряпье, заготовленные продукты, куски человеческих тел.

Это — ужас. Японские солдаты жмутся в щелях, в окопах, гибнут десятками, сотнями. По команде младших офицеров хором выкрикивают цитаты из наставлений Мейдзи.

За это время эскадрильи бомбардировщиков заправлены горючим, бомбами; техники проверили самолеты. И вот они опять в воздухе и наносят повторный бомбовый удар.

...Жуков стоит на командном пункте и, не отрываясь, следит за происходящим. Смотрит на часы — 8 часов 45 минут. Тут же, точно по плану, батареи переносят огонь на передний край обороны противника.

Уже почти три часа не прерываясь длится артподготовка. Артиллеристы пропотели насквозь — все будто только вылезли из воды. Но последние 15 минут было приказано вести огонь с максимальным темпом, и они ускоряют темп.

...И опять Жуков посмотрел на часы — ровно 9. И тут же над передним краем повисли зеленые ракеты. Артиллерия сразу перенесла огонь в глубину обороны.

— Даже не верится, — удовлетворенно хмыкнул Жуков.

...Чернов Петр закрыл крышку люка.

— Вперед!

Ваня Клочкив взревел отлаженным двигателем.

Танки пошли в атаку.

— Господи, сохрани, спаси и помилуй, — заволновался пожилой красноармеец Шибанов.

— Ура! — поднимая пистолет, радостно закричал юный лейтенант Музыка.

Под крики «Ура!», под звуки «Интернационала», передаваемого громкоговорящими установками, на японские позиции, следом за танками, пошла пехота.

На южном участке на части баргутской конницы полетели в атаку кавалеристы Дандара.

В разгар советско-монгольского наступления на Халхин-Голе произошло событие, которое было связано с ним, которое потрясло мир и многое изменило в предвоенном мире.

Хроника. Москва.

Прибытие министра иностранных дел фашистской Германии Риббентропа в Москву.

Торжественная встреча на Внуковском аэродроме. Ряды почетного караула. Молотов, Риббентроп. Какие-то непонятные штатские люди с флажками за загородкой.

Натянутые неестественной радостью лица.

Подписание известного договора о ненападении сроком на 10 лет.

Дикторский комментарий того времени.

Одновременно хронику комментирует Молотов. Ее показывают в маленьком просмотровом зале Сталину.

Молотов:

— И в Лондоне, и в Париже, и в Вашингтоне по этому поводу паника — они хотели сравнить нас с Германией и этим обезопасить себя... Не удалось, господа!

— Забегали негодяи, — удовлетворенно сказал Сталин. — Ну что ж, мы честно показали всему миру, что не хотим войны... Представляю, что по этому поводу происходит в Токио.

— В Токио особая паника, товарищ Сталин, — подтвердил Молотов. — Японские газеты захлеб обвиняют Гитлера в предательстве антикоминтерновских интересов. Всерьез заговорили об отставке ответственного кабинета.

— Заметьте, товарищ Молотов. Никто не должен забывать, что половиной этого мы обязаны не тому, что вы купили Чемберленов и Даладье, а в большей мере тому, что происходит сейчас в Монголии. — Сталин задумался. Сказал с непонятной робкой надеждой: — Конечно, Гитлер — большой негодяй и не откажется от борьбы с нами... но на пять-то лет хватит?

— На пять лет хватит, товарищ Сталин, — заверил Молотов. — Не следует забывать, что Гитлер — все-таки немец, а немцы большие любители соблюдать всякие правила.

На экране документальные кадры, на которых Сталин произносит тост... Звучит текст тоста:

«ПОСКОЛЬКУ НЕМЕЦКИЙ НАРОД ТАК ЛЮБИТ СВОЕГО ФЮРЕРА, ВЫПЬЕМ ЗА ЗДОРОВЬЕ ФЮРЕРА...»

На экране Сталин чокается с Риббентропом. Присутствующие на обеде члены Политбюро выпивают и аплодируют. Под их аплодисменты Сталин обменивается с Риббентропом рукопожатием.

Хроника кончилась. Сталин долго и напряженно думал. Все молчали, боясь помешать ему.

— Насчет последних кадров, — наконец сказал Сталин и опять замолчал, — ... я подумаю и решу, нужны они или не нужны в этом фильме.

Сталин повернулся к Жданову:

— Скажи операторам, не надо снимать товарища Сталина. Товарищ Сталин — не Любовь Орлова...

— Слушаюсь, товарищ Сталин.

Сталин вздохнул и обернулся туда, где на краешке стула, чувствуя себя неуверенным в таком окружении, сидел Мехлис, отвернувшись от него и спросил Берия:

— Какие анекдоты рассказывают в английском посольстве?

— «Почему русские мужики и бабы ходят с голыми задницами?.. Потому что весь холст уходит на портреты Сталина и его лозунги», — сказал по-грузински Берия.

Сталин наклонился к нему:

— Глупо... потому что у нас нет Манчестера... По языку это наш анекдот, найдите автора...

— Найдем, учитель, — ответил Берия.

— Ты был в Монголии, — спросил Сталин Мехлиса, — расскажи, что этот Жуков собой представляет? Ты привез его фотографию?

Мехлис встал.

— Сядь, что встаешь, экран загораживаешь.

Мехлис в три погубели, чтобы не загораживать в маленьком тесном зале полотно экрана, подошел к Сталину, вынимая фотографию из кожаной папки. Это фотография большой группы старших командиров. Мехлис хотел указать на Жукова.

— Подожди, сам угадаю, — возразил Сталин и тут же безошибочно указал пальцем: — Э тот... Рассказывай. Сядь, не надо стоять.

Мехлис опасливо посмотрел на затылок Берия. Сесть было некуда, Мехлис присел на корточки у ног Сталина.

— Он талантливый человек, но ему не хватает политического образования, за ним нужен острый партийный глаз, — сообщил Мехлис.

— Это мы знаем... — Сталин спросил главное для себя: — Он способен к предательству?

Мехлис видел, как напряглись острые волчьи уши Берия и заюлил:

— Это... смог бы сразу понять только товарищ Берия — как вы его справедливо назвали «совесть нашей партии»...

— Не надо нас так хвалить. Говори, что ты думаешь, ты — политический руководитель армии и флота, — спокойно остановил Сталин.

— Каждый п-п-политически необразованный человек способен к-к-к... предательству... — Здесь были еще военные, не только Берия, и они остро слушали, что скажет Мехлис о Жукове. — Но Жуков не способен к предательству, — наконец прервал паузу Мехлис.

Подумав, Сталин сказал:

— Нам нужны люди с таким размахом, как Жуков. Если ему еще что-нибудь требуется, пошлите. Как ни странно, центр мировой политики сместился сейчас туда... А теперь мы посмотрим комедию... фильм о том, что не следует прекращать борьбу с советским бюрократизмом.

Поскребишев нажал кнопку, замахал руками — на экране пошли первые кадры кинокомедии «Волга-Волга»...

Решительное наступление с одной стороны, стойкая оборона с другой не прекращались ни на минуту уже целых четыре дня.

Над 70-километровым по фронту плацдармом повис удушающий смог от горящей повсеместно травы и взвеси песка, непрерывно взметываемого разрывами бомб и снарядов. Здесь уничтожалось все живое и калечилось неживое. И только медики традиционно спасали людей.

КП Жукова на Хамар-Дабэ.

— «Коробочки!» «Коробочки!» — отдаёт приказание Жуков. — Не стучитесь им в лбы! Протыкайте оборону! Обходите с флангов! Рвитесь в тылы! Крушите тылы противника!

На КП и Штерн, и Никишев, и Богданов — все руководство армейской группой. И все осунулись, все исхудали.

Оставляя за собой не отбитые у противника сопки, манханы, танки мчатся вперед, в рейд по тылам. Навстречу японская колонна с боеприпасами, танки открывают по ней ураганный огонь, взрываются грузовики со снарядами.

Разгромили, и вперед — дальше!

В танк Чернова попадает снаряд. Осколок заклинил гусеницу. Танк волчком крутится на одном месте. Ваня давит кулисы длинными ногами, тянет рычаги то так, то эдак, выбирает режим движения, но на танке 1939 года с одной гусеницей можно было только кру-

тяться на месте. Крутятся, танк влетает в манхан. Это ловушка, отсюда и неподбитому танку не выбраться.

Японцы вытаскивают пушку на прямую наводку, с третьего выстрела попадают в моторное отделение. Танк замер. С первого выстрела Чернов Петр разнес это орудие.

— Все живы? — спросил он.

— А толку? — говорит башенный стрелок.

Они были глубоко в тылу. А рота уже далеко за барханами. К танку спешили японцы. Другие катили пушку. Застреляли танковые пулеметы, зачастило танковое орудие. И эту пушку расщепил Чернов. Они хорошо воевали. Пулеметы сложили около взвода.

Ваня Клочков скинул комбинезон.

— За бортом сорок, здесь — шестьдесят, — сказал он и полез с инструментом в моторное отделение.

— А смысл? Из такого манхана без помощи и на целом танке не выбраться, — сказал башенный стрелок.

— А смысл, Коля, всегда только один — не ныть, а бороться, — сказал Ваня, пытаясь сообразить, с какой стороны подступиться к двигателю.

Впрочем, башенный стрелок хоть и ныл, но боролся. Пулемет в его руках редко давал промахи.

Японцы шли перебежками.

КП Жукова на Хамар-Дабэ.

Перед Жуковым карта, он сам наносит оперативную обстановку.

— Что значит, взяты еще две траншеи и еще три блиндажа? — строго спрашивает Жуков по телефону. — Это значит только одно: высоту не взяли! Должны были взять вчера! Вам объяснить, почему это необходимо? Если через два часа вы не доложите о взятии высоты Фуи, я вас сниму с командования, и это будет только началом в вашей судьбе.

— Товарищ командующий, — дрожащим голосом сказал командир 601 СП, — не хочу капать на предшественника, но обязан все-таки доложить, разведанные, оставленные предшественниками, не соответствуют действительности. Фуи обороняют не две роты противника, по меньшей мере — семнадцать. Глубоко эшелонированная оборона, бетонные ДОТы, ДЗОТы, траншеи полного профиля. Ходы сообщения, по которым свободно перемещаются грузовики, танки, броневые автомобили.

— Почему раньше не доложили?!

— Не могу быть клеузником в своих глазах. Был бы жив Судак, в его присутствии доложил — он погиб.

— Правду надо говорить! — взорвался Жуков. — Только правду! Одну правду! Всег-

да — правду!.. Мозгляк! Твое кокетство людей косяками кладет! Операцию ставит, мать твою так, под удар!.. Высоту взять сегодня. Помощь пришло. К ее приходу произвести разведку боем всех огневых точек и сообщить Воронову точные координаты. И смотри у меня со своим фарисейством! Еще раз не доложишь правду... Все!

Жуков положил трубку и спросил Богданова:

— Что у вас осталось в резерве?

— Только две роты пограничников и 212-ая авиадесантная, девятьсот штыков, — доложил Богданов.

— Выкладывай всё, — сказал Жуков.

Авиация — СБ и пушечные И-16 — нанесла по Фуи мощный бомбовый удар. Артиллерия ударила точно по координатам. Около часа шла артподготовка.

Около часа японцы, все, кроме дозорных, отсиживались в подземельях. Фуи действительно хорошо подготовлена к обороне. Подземные гаражи, подземные конюшни, подземные казематы — везде сейчас люди. Везде происходит идеологическая накачка.

В одном месте выстроили солдат и, выклика по списку, дарят зубные щетки, расчески, пачки папирос, куски мыла. Говорят при этом:

— Император прислал вам подарок, интересуется, как ваше здоровье.

И таков исход массового психоза — солдаты целуют подарки, плачут, кричат «Банзай!», трясут кулаками в предполагаемую сторону русских.

...В другом месте читают из свежей хорошо иллюстрированной армейской газеты:

— «Солдат связи Никамута, хотя и был тяжело ранен и ему оторвало левую руку и правую ногу, умирая, ничего не сказал о болезненности своего состояния и своих делах. Он сказал: «Я жалею, что из-за смерти не выполню задание по поддержанию связи между тремя назначенными пунктами. И я очень беспокоюсь за здоровье начальника группы...» Кроме того, обратившись к окружающим его лицам, он поднялся, помолился вдале императорскому дворцу, провозгласил трехкратное «Банзай!» и умер»...

Трудно понять другой народ. У японских солдат от этой грубой агитки на глазах слезы.

С яростным желанием победить стойкие, мужественные, обреченные на гибель японские солдаты выбегают из траншеи и бросаются в атаку на танки.

И все-таки судьба высоты Фуи предрешена.

Чернов Петр сделал из пушки последний выстрел и объявил:

— Все. У нас пусто.

Снарядные кассеты были пусты, пулеметные диски тоже.

Однако они хорошо здесь повоевали — вокруг не менее десятка разбитых орудий, около роты уничтоженных японских солдат. Но еще человек тридцать, угадав, что в экипаже пусто, бежали к танку с минами, с мешочками горючей смеси.

— Сейчас будут жечь, — оторвавшись от смотровой щели, сказал Чернов. — Я сперва застрелюсь.

— Я тоже, — башенный стрелок тоже вытащил пистолет и проверил обойму.

Ваня Клочков, не отрываясь от двигателя, протянул свой пистолет:

— Оставьте один патрон.

— Вань, хватит тебе там ковыряться, навонял бензином, посидим перед смертью спокойно, — сказал башенный стрелок.

Японцы лазили по броне, стучали прикладами, кричали на своем языке. Чернов, угадывая момент, стрелял из пистолета в револьверные отверстия, считая использованные патроны:

— Один, два, три...

Башенный стрелок тоже стрелял и тоже считал.

Японцы обсыпали танк горючей смесью. Отбежали. Один остался, достал спички. Но экипажу была уготована другая судьба. Прибежал унтер-офицер, закричал что-то на своем языке, замахал руками. Из-за бархана появился японский тягач.

Японцы прицепили танк за задний крюк к тягачу. Тягач взревел, потащил танк из манжана. Танк скоблил заклиненной гусеницей, тащился неровно, наискосок. От скобления гусеница провернулась, осколок, заклинивший ее, выскочил, гусеница пошла нормально.

— Значит, гусеница цела... чем-то ее заклинило, — сказал Чернов, наблюдая в смотровую щель.

В щель было видно, что их уже вытащили на японские позиции.

— Ну что, будем прощаться, — вздохнул Чернов и протянул Ване его пистолет. — Ванюша, там у тебя два патрона... Ну что же, я первый. Прощайте, ребята.

Чернов взвел затвор своего пистолета, приставил ствол к сердцу. И тут взревел двигатель их БТ-7. Не вытирая рук, Ваня кинулся к рычагам, даванул кулисы. Еще громче взревел двигатель.

Туда-сюда, туда-сюда. Танк — тагач. Тягач — танк.

— Ну же, конь, ну! — кричал Ваня.

Танк оказался сильнее. Помчал, волоча тягач за собой. Японцы спрыгивали с него на ходу. Открыли по танку огонь из всех видов оружия. Тягач прикрывал, снаряды попадали в него, а пули цокали по броне,

не причиняя никакого вреда. А дружный экипаж дружно и радостно пел о «Варяге».

Танк Чернова примчался к своим — с тягачом на буксире.

— Пехота! Держи подарок! — Ваня выскочил, забыв о том, что он почти голый.

И тут его самого ожидал подарок — в знакомый, милый сердцу автофургон носили раненых. Ваня мигом нырнул в танк и через секунду выскочил оттуда в танкистском комбинезоне.

Ваня подхватил Иру на руки, уткнулся лицом в живот.

— Ну парены! — радовались за него солдаты. — Этот длинный не пропадет.

— Ванюшенька... пусти, родной, раненых много, — ласково сказала Ирина.

Ваня поставил ее, такую легонькую, маленькую, на землю и возвышался над ней каланчой. И это не выглядело безобразным. Это было красиво — мужчина и женщина, сила и материнство. И все вокруг увидели это и посерьезнели.

— Где мне потом вас найти? — спросил Ваня.

— В госпитале, 4 километра на запад от Дунгур-Обо, — она протянула руку и на секунду задержала в своей его большую пропитанную тавотом ладонь.

Над ними в сопровождении истребителей пронеслись девятки бомбардировщиков — громить тылы.

Наши танки разнесли снарядами и гусеницами штаб, батарею 75-мм пушек, походную колонну с грузом. На некоторых грузовиках везли горючую смесь — столбы воющего пламени с этих грузовиков едва ли не достигали неба.

Остальные, не имея ни одной потери, мчались вперед.

И вот в районе Номон-Хан-Бурд-Обо увидели: навстречу катят такие же танки, броневики, мчатся на конях монгольские циррики.

Западнее, в тылу у них, ни на минуту не прекращается ожесточенный бой. Но они свое дело сделали — кольцо замкнуто, и вот она государственная граница.

Их радость трудно сейчас представить. Но несомненно, это была большая радость. Началось братание, обнимались и монголы и русские. В ход пошли фляги с водой. В тени в тот день было 43°, но тени здесь не было, было обжигающее всех солнце. И все, особенно танкисты, были мокры, как сталевары у печек.

— Товарищ командующий! — кричал в микрофон рации «Двина» майор Лесовой. — Броневое кольцо, окружающее стальным

охватом самурайскую нечисть, замкнули!!! Обнимаемся с монгольскими братьями!!!

КП Жукова на Хамар-Дабэ.

— Порадовались, и хватит,— строго ответил Жуков.— Немедленно приступайте к созданию оборонительных укреплений. Ждите гостей. Они будут деблокировать окружение.— Повернулся к Богданову:— Оставь вокруг невзятых узлов сопротивления только необходимое, остальное немедленно к границе.

Отсекая узлы сопротивления на сопках «Песчаная», «Зеленая», «Ремизова», за которые не прекращается ожесточенный бой, к границе МНР и Маньчжоу-Го мчатся на автомобилях стрелковые подразделения, мчатся танки, броневые автомобили.

Этот шаг сделан вовремя. Из глубины Маньчжурии к границе подходят два стрелковых полка и после усиленной арподготовки пытаются деблокировать окружение 6-й армии Риппо.

Советско-монгольские войска дают им возможность перейти границу, оказаться на территории МНР и открывают уничтожительный, ураганный огонь из всех орудий, из всех минометов.

Танки мчатся на них в атаку.

Несутся на низкорослых, выносливых лошадях легендарные монгольские цирики.

КП Жукова на Хамар-Дабэ.

Жуков за бронированной дверью пункта связи с Москвой.

— Шифруйте. «Доложите товарищу Сталину: сегодня, 24-го августа 1939 года, окружение 6-й японской армии Огису Риппо завершено. Советско-монгольские войска вышли к государственной границе Монгольской Народной Республики. Отдаю приказ о строительстве пограничных сооружений. Приступаю к ликвидации блокированных очагов сопротивления. Жуков».

Советско-монгольские войска укрепляли свои позиции на границе. У всех было прекрасное радостное состояние победителей.

Командиры не гнушались работать вместе с красноармейцами. И даже такие высокие командиры, как Жуков, Никишев, Богданов, Штерн, Лхагвасурэн, Цэрэн, Дандар. Бегал, распоряжаясь, вездесущий и трудолюбивый интендант Готман, его портфель пришел в совершеннейшую негодность.

Приехал Смушкевич и тоже захотел принять участие в общей работе.

— Ты-то куда со своими ногами,— пожалел Жуков.

— А я буду руками,— Смушкевич расставил пошире ноги, положил палки, скинул гимнастерку, рубашку, обнаруживая могучее тело грузчика или борца, и стал копать, не нажимая на лопату ногой.

Энтузиазм был всеобщим и такой же всеобщей была радость. Гроыхала музыка. Штерн, веселясь и радуясь, подначивал Жукова:

— Слушай, Жуков, а ты ведь антисемит...

— Я?! — доверчиво изумился Жуков.— Да мне сорок три года, а я до сих пор не могу отличить, кто еврей, кто не еврей!

Розыгрыш удался.

— Э, Жуков! — захохотал Штерн и, обняв Готмана и Смушкевича, сказал вроде в шутку, а на самом деле всерьез: — Пока в Красной Армии служат такие евреи, как мы, Красная Армия непобедима.

Голос за кадром:

НИ ШТЕРНУ, НИ СМУШКЕВИЧУ НЕ ПРИШЛОСЬ ДОЛГО СЛУЖИТЬ В КРАСНОЙ АРМИИ.

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, ЧЛЕН ЦК, ДЕПУТАТ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА КОМАНДАРМ II РАНГА ШТЕРН ГРИГОРИЙ МИХАЙЛОВИЧ БЫЛ РЕПРЕССИРОВАН В 1941 ГОДУ НЕЗАДОЛГО ДО НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ. ПОСМЕРТНО РЕАБИЛИТИРОВАН В 1954 ГОДУ. ДВАЖДЫ ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, КАНДИДАТ В ЧЛЕНЫ ЦК, ДЕПУТАТ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА КОМКОР АВИАЦИИ СМУШКЕВИЧ ЯКОВ ВЛАДИМИРОВИЧ БЫЛ РЕПРЕССИРОВАН В 1941 ГОДУ ЗА НЕДЕЛЮ ДО НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ. ПОСМЕРТНО РЕАБИЛИТИРОВАН В 1953 ГОДУ...

Но пока они были живы, веселы, дело у них ладилось, работа кипела...

Район «Пески дальние». Мощно укрепленная государственная граница. Расположение танковой роты. Ваня Клочков собирается в госпиталь навестить Иру Кашину, не зная, что ее две недели уже нет в живых.

— В панаме я какой-то курортник.

— Фуражку мою надень,— предложил Чернов.

Ваня надел фуражку.

— А теперь вроде бы командир... В шлеме пойду.

— Подожди, пулемет-то зачем?

— С пулеметом я всё же поинтересней... может, начальника какого монгольского встречу, пора возвращать.

— Слушай, если у нее там в госпитале есть подружки, про товарищей, Ваня, не забывай! — наставлял Чернов.

— Ну, ребята... — огорчился Ваня, — когда я про вас забывал?.. С ворошиловским залпом!

В шлеме Ваня был абсолютный герой — длинный, окрепший за время боев, загоревший до черноты, с пулеметом за широкой спиной, да еще в шлеме.

— Подожди... Пропуск — до восьми «Диск», отклик «Днепропетровск», — прошептал Чернов. — После восьми: «Клинок» — «Курск».

— Я до восьми вернусь! — Ваня прыгнул в проходящий мимо «ЗИС-5» и поехал.

— Целоваться будет, — позавидовал башенный стрелок Гена Сорокин.

— Ты Ваню не знаешь, — непонятно возразил Чернов. — А если будет, то будет — заслужил!

Въехали на Хамар-Дабу. Здесь грузовик повернул налево. А Ваня спрыгнул и пошел к госпиталю, направо.

Сновали мотоциклы с делегатами связи. Командирские легковушки. Провели около роты пленных японских солдат.

Радостное ощущение большой, настоящей победы, к которой он был причастен, как и все вокруг веселые, довольные люди, не покидало Клочкова.

— Эй! — окликнули Ваню.

Это был младший политрук Гусев.

— А я думал, тебя убили!

— А я думал — тебя!

— А я только легко раненный!

Обнялись, порадовались этому обстоятельству.

— Слушай, я тебя в политдонесении указал, к медали представил.

— Спасибо, — обрадовался Ваня.

— Только они говорят, недействительно, ты у нас в списках не значился... Давай дернем по маленькой за победу над проклятым гадом, — здоровой рукой Гусев побултыхал почти пустой фляжкой.

— Да я удовольствием, только в госпиталь тороплюсь — вонять будет, — вздохнул Ваня.

— Не баба же там у тебя?

— Знакомая... на работе.

— Хорошо устроился — и сам жив, и со знакомой определился.

— Ну! — согласился Ваня. — Я еще и танкистом стал.

— Тогдахвати вот это, — здоровой рукой Гусев вынул из командирской сумки плитку московского шоколада. — Боевой подруге от боевых друзей!

— Спасибо.

— Пойдешь обратно, обязательно загляни, мы тут отдыхаем.

Простились. Ваня пошел.

— Эй! — крикнул Гусев. — Я в политдонесении тебя указал!

— Служу трудовому народу.

— Только они говорят, недействительно — ты у нас в списках не значился... Я еще укажу!

Еще раз, издалека, простились.

Территория военного госпиталя. Огромные брезентовые палатки. Юрты. Все это покрыто гигантской маскировочной — от самолетов — сетью.

Из перевязочной выходит уже забытый нами капитан Лацис. Его провожает врач-латыш, с которым он успел подружиться.

— Через неделю еще раз покажетесь.

Лацис подошел к мотоциклу с коляской.

— На мотоцикле бы вы не гоняли, все-таки ключица у вас была перебита.

— А, — недовольно отмахнулся Лацис. — Все воевали, а я тут.

— У каждого своя судьба, — спокойно ответил врач. — Скажите, у вас нет никаких сведений от родственников из Латвии? Говорят, Латвию скоро присоединят к СССР. А другие говорят — к Германии.

— У меня нет никаких родственников за границей, — сухо ответил Лацис, заводя мотоцикл.

В этот момент на территории госпиталя появился Клочков — улыбающийся, в счастливом состоянии духа. Он видел со спины какого-то командира, склонившегося над мотоциклом, уходящего в брезентовую палатку врача. И прошел совсем рядом с ним, не зная, то ли козырнуть ему в спину, то ли пройти, не козыряя. Прошел так.

— Стоять! — властно сказали сзади. — Руки на затылок!

Лацис выхватил пистолет.

— Думаешь, погиб Лацис и концы в воду?..

В танкисты, подлюга, пролез.

Ваня беспомощно оглянулся по сторонам.

— Не крутить головой! — Лацис сдернул с его плеча пулемет. — Я не тот дурак, которого ты обезоружил в Ундэр-Хане. В коляску, не убирать рук с затылка!

— Товарищ капитан, надо бы сперва разобрататься, — сникшим, сразу уставшим голосом сказал Клочков.

— Тамбовский волк — твой товарищ. В коляску!

Тут Ваня и побежал.

— Стоять!.. Стой! — стрелять Лацис не стал. — Догоните его!

Санитары и солдаты, кто были здесь, кинулись выполнять приказание. Догнали, скрутили Ваню, привели к Лацису. Лацис ловко, поперечной петлей, связал руки:

— В коляску!

— Все равно там разберутся, — сказал Ваня, садясь в коляску.

— Разберутся. Дернешься, пристрелю.

Над пулеметом Лацис задумался. Все-таки

вещественное доказательство. На всякий случай снял диск. Приказал санитару:

— Сдадите под расписку начальнику охраны госпиталя.

— Товарищи, вы не верьте, это ошибка, — зачем-то сказал Ваня.

— Прекратить агитацию, — прикрикнул Лацис и повез его в Тамцаг-Булак.

А кругом были свободные и в общем-то счастливые люди. И не обращали на мотоцикл никакого внимания.

Параллельной дорогой пронесся большой легкой автомобиль с Жуковым.

— Подождите... поговорить надо с одним человеком, — попросил Ваня.

— С каким человеком?

— С Жуковым, — нерешительно сказал Ваня.

Лацис презрительно усмехнулся:

— А с товарищем Сталиным тебе не надо поговорить?

— Не мешало бы, — сказал Ваня и замкнулся.

Развалины буддийского монастыря, к которым 2-го июля ошибочно вышел 124-й полк Федюнинского. Колодец.

Диверсионно-террористическая группа Токмакова и Никамуры Умывались у колодца, поили лошадей. Перекусили — каждый свое и отдельно, попили воды. Наполнили красноармейские металлические фляги с водой.

— Спасибо этому дому, пойдем к другому, — сказал Токмаков и приказал своему: — Подсласти.

Тот вспорол мешочек с ядом и щедро сыпанул в колодец. Между тем, уже дважды просвистел дозорный.

На территорию развалин въехал мотоцикл с Лацисом и Клочковым. Лацис мгновенно оценил сцену у колодца.

— Что вы туда бросили?.. Не трогать оружия! — в руках у него уже был пистолет, глаза старались увидеть все.

Дозорный навскидку выстрелил ему в спину. Лацис на долю секунды успел опередить его — слетел с мотоцикла и, переворачиваясь за нагромождение камней, двумя выстрелами убил в голову того, кто сыпанул яд в колодец, и ранил самого Токмакова. Тут же вскочил и кинулся в темноту, в развалины.

Ваня тоже не стал ждать, выкинулся из коляски. Подхватил винтовку убитого и бросился с ней в развалины — в другую, правда, от Лациса сторону. Тут он зажал винтовку ногами и стал перетирать о трехгранный штык веревку, связывающую у кистей его руки.

— Иван, — слышался голос дяди. — Там направо есть выход, я с этими поговорю.

Иди, не бойся.

Он сказал несколько слов по-японски Никамуре. Никамура ответил. Дядя еще сказал. Никамура ответил.

— Они согласны, — сказал дядя. — Ты живой?..

— Вполне, — Ваня наконец освободил руки и выстрелил на его голос.

— Как хочешь, — вздохнул дядя. — Собрание объявляю закрытым.

Начался бой.

Нет нужды описывать, как быстро менялась обстановка. Как стреляли. Прыгали через стены. Маскировались. Затаивались. Снимали врага меткими выстрелами. Наткнувшись, били в упор. Одним словом, хорошо воевали — и Ваня, и Лацис, и противник.

Ваня выстрелил в Кутикова, сиганул через стену и оказался бок о бок с Лацисом.

— Извините... Сколько у вас осталось патронов?

— Шесть. А у вас? — спросил Лацис.

— Два.

— У меня была запасная обойма. Сколько их, вы не видели?

— Когда подъезжали, видел троих в дозоре... Лошадей, кажется, десять — не больше... Тот с майорскими шпалами, мой дядя по матери — Токмаков.

Метрах в тридцати — в просвете — мелькнула фигура. Оба выстрелили и оба попали.

— Жалко, что у тебя такое темное прошлое — неплохой бы чекист получился, — сказал Лацис.

— Жалко, что ты, видать, ничего не умеешь, неплохой бы сапер вышел, — ответил Ваня.

— Возьми у того патроны и больше не подходи.

— Очень ты нужен, я случайно наткнулся.

— Не потому — уложит обоих одной гранатой, а нас всего двое, — объяснил Лацис.

Ваня побежал к убитому за патронами. Он так и не заметил в темноте, что у Лациса были перебиты обе ноги и он еле держался. Ваня подобрал оружие убитого ими молодого плечистого японца, робея, потому что подсумок был заляпан чужой свежей кровью, достал запасную обойму.

Лацис окликнул его:

— Слушай, ты сказал, что тебе не мешало бы встретиться с товарищем Сталиным — что ты сказал бы ему?

— Я бы сказал ему, что он... не человек.

— Я не слышал этого, — сказал Лацис.

— Но я это сказал, — твердо сказал Ваня.

Тогда Лацис нацелился в проем развалин из пистолета, дождался, пока Ваня, взяв оружие и патроны, встанет там, сказал:

— Повернись лицом, гадина, — и трижды выстрелил, злясь, что от слабости никак не может попасть в голову, а все попадает то в грудь, то в живот, то в шею...

Комкор Г. Жуков. Август 1939 г.

...Ваню добил родной дядя. Они столкнулись лицом к лицу, дядя с ходу, не разбираясь, выстрелил из «Льюиса». И только когда Ваня упал, увидел, что он и без того был тяжело ранен.

— Дурак, — сказал дядя над умирающим Ваней Клочковым. — Настоящий русский дурак, тебе руки нехристи вяжут, а ты служишь им.

...Ушли боль и заботы. Отсюда, из темноты развалин, было видно дневное ясное небо и несколько звезд на нем.

Голос Вани Клочкова за кадром:

«Мама... милая дорогая мама. Я уже месяц в Монголии, в саперной части — меня досрочно выпустили из училища. Бойцы в нашей роте все очень смелые, героические красноармейцы. Они говорят на политзанятиях: «Скорей бы встретить этих самурайских гадов да вспать, как следует, чтобы они полетели к чертям и больше не лезли на наших братьев-монголов». А я почему-то самый неловкий и очень боюсь умереть... потому что тогда из нас никого не останется, — я знаю, что ты умерла полгода назад от разрыва сердца, а Дмитрий повесился...»

Ване казалось, еще чуть-чуть, и он узнает не только это, но поймет самое главное в жизни. Но этого чуть-чуть дано не было, от обиды его тело дернулось, вытянулось и застыло. И он уже не слышал, как дядя сдвинул веки на его глазах.

Все еще грохотали выстрелы: пистолетные — Лациса. Прострочила длинная пулеметная очередь. Одна за другой разорвались две гранаты. И потом стало тихо.

В живых остался один капитан Никамура. Он добил Токмакова, тяжело раненного Лацисом в позвоночник, сел на коня, взял в повод запасного и поскакал назад — к конному броду, и дальше — к границе.

На следующий день мимо этого места проезжал, следуя в Тамцаг-Булак, Жуков. Увидел сгрудившихся там людей. Вышел посмотреть:

— Что там?

Пока шел, пристроившийся командир НКВД доложил, что там такое. Ваня и Лацис лежали рядом.

Остальные семеро — бок о бок — поодаль.

Жуков сразу узнал Ивана и долго смотрел на него, жалея, как сына.

— Эх, солдат-солдат... Так и остался я у тебя в долгу... — Жуков повернулся к адъютанту Воротничкову: — Оформить обоих на ордена «Красной Звезды».

Жуков пониже надвинул козырек на глаза и пошел к машине.

Дача Сталина.

К Сталину с папкой для доклада вошел Берия.

Сталин был нездоров, плохо выглядел, и сразу же обнаружилось, что это немолодой, уставший, физически немогущий и, может быть, незначительный человек.

— Учитель, не могу избавиться от сомнения, — сокрушенно объявил Берия.

— Говори, что знаешь, — настороженно и испуганно, не ожидая ни от жизни, ни от людей ничего хорошего, сказал Сталин.

— Этот Жуков обманул Ваше доверие. Подрагивающей рукой Сталин поставил чашку под самовар и открыл краник.

— Говори все, зачем тянешь?!

— Во всех анкетах пишет, что из бедной крестьянской семьи, а на самом деле его дедушка — побочный сын генерала Милорадовича!.. Вот откуда его дружба с дворянчиком Тухачевским! Человек, который врет в малом, соврет во всем!

— У тебя есть данные? — с тревогой спросил Сталин.

— Учитель, какие могут быть данные с начала прошлого века?.. В его деревне все говорят об этом!

— О тебе говорят, что ты педераст, мне тоже поверить? — желтые «рысьи» глаза Сталина уткнулись в Берия.

Берия ответил честным преданным взглядом.

— Вот здесь чую, — Берия постучал по сердцу, — только и ждет, как бы мотануть к родственничкам за границу. Теперь он дорого стоит. Англия, Германия купят его. Два миллиона не пожалеют. — Берия знал, ни во что Сталин не верит, а в предательство верит сразу. — За два миллиона сразу продается.

Подрагивающей рукой Сталин налил в чай кагор и положил малинового варенья.

— У тебя есть материал?

— Материал будет, — легкомысленно ответил Берия, и здесь он чего-то не рассчитал. — С вашего позволения хочу внести Жукова в список.

Берия развернул папку, поднял голову и увидел, что Сталин тяжело и мрачно смотрит в его глаза. Берия стало страшно.

— Слушай, почему так ненавидишь человека, который столько для нас сделал?

— Я?! Я люблю его!.. Я всех люблю! Но я — Ваш пес! Я должен охранять Вас!

— Ты объясни, — спокойным, ледяным, опасным голосом повторил Сталин. — Может быть, ты как раз за то ненавидишь его, что он столько сделал для нас?

Глаза Сталина с нарастающей яростью смотрели в пенсне Берия. Сталин впервые смотрел так на своего любимца. У Берия невольно обмякли ноги, в штанах стало мокро.

— Сними очки, — ледяным голосом сказал Сталин, — хочу видеть твои глаза.

И тут Берия осенило — он снял пенсне и запел грустную грузинскую песню. Он хорошо пел. У него был красивый голос. И песня была красивая. Сталин сразу обмяк. В этой песне был привет из далекой, давно ушедшей молодости. Из далекой, забытой за делами Грузии. Была тоска и по тому, и по другому. На глазах у Сталина показались слезы, твердые губы дрогнули.

А Берия пел, пел. Глаза у Сталина становились заплаканными и счастливыми.

— Учитель, почему ты никогда не поешь? — спросил Берия.

— Слушай, не умею, — виновато ответил Сталин и, чуть согнувшись, напевая себе под нос, пошаркал мягкими сапогами в кабинет за папиросами.

— Ну что это за грузин, который не умеет петь?

— Лаврентий, — Сталин обернулся с порога, — не забывайся, ты мне служишь, не я тебе... Тронешь, когда я захожу, не когда ты, — и стало видно, что он еще достаточно крепок и не скоро умрет. Сталин вышел из столовой, прошелся по саду, направился в кабинет.

Боец-разведчик Савченко.
Халхин-Гол. Август 1939 г.

Все это время Берия следил за ним.

Голос за кадром:

ОНИ «ТРОГАЛИ» ЖУКОВА НЕОДНОКРАТНО. СТАЛИН НЕ МОГ ПРОСТИТЬ ЕМУ ТОТ ВКЛАД, КОТОРЫЙ ЖУКОВ ВНЕС В ВЕЛИКУЮ ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ И КОТОРЫЙ БЫЛ СРАВНИМ С ЕГО ЛИЧНЫМ ВКЛАДОМ И ДАЖЕ ЗАТЕНЯЛ ЕГО, КАК НЕ МОГ ЗАБЫТЬ, ЧТО ЖУКОВ ВИДЕЛ ЕГО РАСТЕРЯННЫМ В 41-ОМ ГОДУ.

ПОДРУЧНЫЕ БЕРИЯ, НАЧИНАЯ С 42-ГО ГОДА, ВЫБИВАЛИ «КОМПРОМАТ» НА ЖУКОВА ИЗ ВСЕХ, ИЗ КОГО ТОЛЬКО МОГЛИ.

ЖУКОВ ОКОНЧИЛ ВОЙНУ ТРИЖДЫ ГЕРОЕМ СОВЕТСКОГО СОЮЗА.

А В НАЧАЛЕ 46-ГО НА ЗАСЕДАНИИ ВЫСШЕГО ВОЕННОГО СОВЕТА НАЧАЛОСЬ «РАЗВЕНЧАНИЕ» ЖУКОВА. ЕГО ОБВИНЯЛИ, ССЫЛАЯСЬ НА ПОКАЗАНИЯ АРЕСТОВАННЫХ ГЛАВНОГО МАРШАЛА АВИАЦИИ А. НОВИКОВА И ГЕНЕРАЛА К. ТЕЛЕГИНА В ТОМ, ЧТО ОН ПРИПИСЫВАЕТ СЕБЕ ВСЕ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ,

ГРУБОСТИ, БОНАПАРТИЗМЕ. В ТОМ, ЧТО ОН НЕ ПРЕДАН ПРАВИТЕЛЬСТВУ, НЕ ПРЕДАН СТРАНЕ. С ОБВИНЕНИЯМИ ВЫСТУПИЛИ СТАЛИН, БЕРИЯ, КАГАНОВИЧ, ГЕНЕРАЛ ГОЛИКОВ, БЫВШИЙ ПЕРЕД ВОЙНОЙ НАЧАЛЬНИКОМ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА И ПРЕСЛЕДОВАВШИЙ, КАК ПРОВОКАТОРОВ, СОВЕТСКИХ РАЗВЕДЧИКОВ, ДОНОСИВШИХ О ПОДГОТОВКЕ ГЕРМАНИИ К НАПАДЕНИЮ НА СССР. (УМЕР В 1980 ГОДУ, ВОСЬМИДЕСЯТИ ЛЕТ ОТ РОДУ, МАРШАЛОМ. ЗВАНИЕ ПОЛУЧИЛ В 1961 ГОДУ.)

НО ВОЕННЫЕ БЫЛИ ЕЩЕ СИЛЬНЫ, ГОРДЫ И ЕДИНЫ. МАРШАЛ БРОНЕТАНКОВЫХ ВОЙСК ПАВЕЛ СЕМЕНОВИЧ РЫБАЛКО, ЧЕЛОВЕК БЕЗУПРЕЧНОЙ, ИЗВЕСТНОЙ ВСЕМ ХРАБРОСТИ, ЗАЯВИЛ ОТКРЫТО: «ПОРА ПЕРЕСТАТЬ ДОВЕРЯТЬ ПОКАЗАНИЯМ, ВЫТЯНУТЫМ НАСИЛИЕМ В ТЮРЬМАХ. (ПАВЕЛ СЕМЕНОВИЧ УМЕР В 1946 ГОДУ ОТ РАКА.)

СТАЛИН, НЕ ОЖИДАЯ ОТПОРА, ПОПЯТИЛСЯ. УДОВЛЕТВОРИЛСЯ, ВЫСЛАВ ЖУКОВА ИЗ МОСКВЫ В ОДЕССУ, ПОТОМ В СВЕРДЛОВСК И ПОДВЕРГНУВ ОПАЛЕ.

БЕРИЯ ПРОДОЛЖАЛ СОБИРАТЬ «КОМПРОМАТ». А ЧЕРЕЗ СЕМЬ ЛЕТ ИХ ПУТИ ПО-НАСТОЯЩЕМУ ПЕРЕСЕКЛИСЬ.

В 1953 ГОДУ, УЖЕ ПОСЛЕ СМЕРТИ СТАЛИНА, БЕРИЯ НАМЕРЕВАЛСЯ ПРОИЗВЕСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ И УСТАНОВИТЬ В СТРАНЕ СВОЮ ЛИЧНУЮ ДИКТАТУРУ. С ЭТОЙ ЦЕЛЬЮ ОН СОСРЕДОТОЧИЛ В МОСКВЕ ПРЕДАННЫЕ ЕМУ ВОЙСКА КГБ.

ВЫПОЛНЯЯ ПОРУЧЕНИЕ ПАРТИИ, ЖУКОВ РАЗРАБОТАЛ И С ГРУППОЙ СТАРШИХ ОФИЦЕРОВ СОВЕТСКОЙ АРМИИ ОСУЩЕСТВИЛ ОПЕРАЦИЮ ПО АРЕСТУ БЕРИЯ.

СЛЕДСТВИЕ УСТАНОВИТ: Л. П. БЕРИЯ, НАХОДИВШИЙСЯ 14 ЛЕТ НА ПОСТУ НАРКОМА НКВД, ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КГБ, ПЕРВОГО ЗАМЕСТИТЕЛЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ, ЧЛЕНА ПОЛИТБЮРО, СТАВИШИЙ НА ЭТИХ ДОЛЖНОСТЯХ МАРШАЛОМ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, ГЕРОЕМ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, БЫЛ ВСЕ ЭТИ ГОДЫ ПЛАТНЫМ АГЕНТОМ РЯДА ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ... ВО ЧТО, ЧЕСТНО ГОВОРЯ, ТРУДНО ПОВЕРИТЬ.

БЕРИЯ — ОДНА ИЗ САМЫХ МРАЧНЫХ ФИГУР НАШЕЙ ИСТОРИИ, ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ УЖАСА, ПОДЛОСТИ, НЕДОВЕРИЯ, БЫЛ РАССТРЕЛЯН В ДЕКАБРЕ 1953 ГОДА В ПОДЗЕМНОМ БУНКЕРЕ

ШТАБА ПВО МОСКОВСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА.*

ПО КОСВЕННЫМ ДАННЫМ В ЛАГЕРЯХ СТАЛИНА-ЯГОДЫ-ЕЖОВА-БЕРИЯ БЫЛО УНИЧТОЖЕНО СТОЛЬКО СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ, СКОЛЬКО ПОГИБЛО В ВОЙНЕ С ФАШИЗМОМ. ЭТО БЫЛИ ЛУЧШИЕ ЛЮДИ — ГЕНЕТИЧЕСКИЙ ФОНД НАЦИИ.

Сталин вошел в кабинет, закурил папиросу из большой картонной коробки и позвонил Ворошилову:

— Климентий Ефремович, у меня на столе лежит список из Монголии на представление к высокому званию Героя Советского Союза... Я не вижу здесь фамилии товарища Жукова.

— Товарищ Сталин, товарищ Жуков сам составлял этот список и не включил себя,— с радостным ожиданием доложил Ворошилов.

— Вы считаете это справедливым? — спросил Сталин.

— Нет.

— Я тоже.— Сталин положил трубку, закурил новую папиросу и своей рукой внес в список следом за Штерном, Федюнинским, Яковлевым и другими под номером 31 фамилию Жукова.

Москва. Хроника.

Японский посол Того посещает здание наркомата иностранных дел на Кузнецком мосту.

Председатель Совнаркома, нарком иностранных дел Молотов на следующий день объявляет ему отношение советского правительства к японским предложениям.

Еще через несколько дней в Кремле происходит подписание соглашения о прекращении военных действий в районе Халхин-Гола.

К монгольской границе, поднимая пыль, движется длинная вереница камуфлированных японских военных грузовиков. Их много, ровно сто. В кузове каждого грузовика 10 японских солдат. У солдат — лишь тесаки, у офицеров — мечи. В ногах лопаты и кирки. Над грузовиками белые флаги.

Колонна делится на десять одинаковых групп, по десять грузовиков в каждой.

На государственной границе МНР их уже поджидают. В различных местах проделаны в колючей проволоке десять проходов. Пограничники МНР отодвигают рогатки с проволокой, открывая их.

Японские офицеры церемонно салютуют самурайскими мечами, ловко вбрасывают их обратно в лакированные деревянные ножны.

Советские и монгольские командиры козыряют в ответ.

Красноармейцы и цирики заглядывают в кузова — не припрятано ли оружие. Лицом к лицу — цирик и самурай — задержались друг на друге взглядами — победитель и побежденный.

Отмашка — можно проезжать.

Колонна прошла, в каждом из десяти мест задвигается рогатка с колючей проволокой, и встают часовые — красноармеец и цирик, лицом друг к другу.

Каждая десятка направляется по своему маршруту. Махальщики на поворотах. Вдоль маршрутов во всех удобных и неудобных местах выставлены пулеметы с советскими и монгольскими расчетами.

Вдобавок, впереди десятки движется броневтомобиль с советско-монгольскими наблюдателями — туда, где японские войска несли особенно большие потери.

Искверканная, перепаканная снарядами, бомбами, гусеницами высота Фуу, такая же искалеченная сопка «Ремизова», такие же сопки «Зеленая», «Песчаная», «Двугорбый верблю», героический Баин-Цаган...

Каждая десятка грузовиков со своей сотней копальщиков подходит к своему месту.

Японские офицеры сверяются с планами, с рисованными — часто в крови — схемами, с крестиками на картах. Некоторые, вдобавок, со своей памятью.

Указывают места погребений.

Японские солдаты становятся в строй, в положение «смирно», снимают каскетки, опускают их до земли, кланяются, снова надевают. Надевают на нос и рот просмоленные черные повязки.

Начинается страшная по своему содержанию работа откапывания трупов.

И вот снят первый слой земли, и обнаруживается, какая страшная ведется работа. Трупы, бесконечное море трупов.

И в одном месте, и во втором, и в третьем, и в четвертом... в десятом.

Начинает звучать грустная японская музыка, как прощальный привет из далеких отсюда родных островов. И начинают звучать письма погибших, не отправленные своим адресатам. И письма к погибшим, не заставшие их.

Убитые были зарыты в разное время: и совсем недавно, как на сопке «Ремизова», каких-нибудь три недели назад, и они, если можно так об этом сказать, еще на кое-что походили; и довольно давно, три месяца назад, как на героическом Баин-Цагане, и это уже была разложившаяся, кишевшая червяками и гадами каша.

И уже не спасали просмоленные черные тряпки на лицах.

И так было и в одном месте, и в сотом.

И в первый день, и в десятый.

По японскому обычаю, каждый труп должен сжигаться отдельно, чтобы в семью пошла урна именно с его прахом.

Поэтому вначале солдаты копали осторожно, чтобы не задеть тела убитых, искали на них документы. Осторожно грузили в грузовики, осторожно увозили во рвы для сжигания. Это было в первый день.

Но трупов было так неожиданно много. Работа такой нележкой, что вскоре вместе с лопатами пошли в ход и кирки, и железные крюки, которыми подцепляли тела.

Лопатами теперь уже рыли вовсю, торопясь, с маху, кроша землю и тела. Крюками поддевали, как мешки, и швыряли в машины полусгнившие лохмотья человеческих тел.

И уже не разбирали, а вдруг это не человеческое, особенно на Баин-Цагане, и швыряли в машины куски лошадей.

Бесконечные вереницы автомобилей везли и везли все это во рвы, где все это снова валилось в кучу, обливалось бензином, смрадно, обволакивая окрестности жирным дымом, горело.

Потом прах, без разбору, накладывали в печальные урны с подготовленными по штабным спискам надписями, и машины, вагоны урн отправлялись на далекую родину, чтобы служить последним утешением родным и близким.

Так было в первый день... во второй... в третий... в десятый... Десять дней шла эта работа. Могла бы идти еще двадцать, потому что была вырыта всего четвертая часть погибших.

Никто не ожидал, что было так много убитых. И постепенно уныние, неверие в несокрушимую мощь императорской армии овладело каждым.

На всем этом страшном изображении звучит печальная японская музыка. Звучат голоса погибших, написавших эти слова, звучат голоса родственников, написавших им. И слышны грохотанье орудий, уханье бомб, стрекотание пулеметов, хрипы и лягз штыков при рукопашных схватках, крики японской атаки — «Банзай!»

Голос за кадром. Читается по-японски, синхронный перевод на русский:

«...МЫ НЕДОСТАТОЧНО РАБОТАЕМ ДЛЯ РОДИНЫ, ПОЭТОМУ ТАК АКТИВНО ДЕЙСТВУЕТ ПРОТИВНИК... Я КАК ВОЕННЫЙ И КАК ПАТРИОТ СВОЕЙ ВЕЛИКОЙ ЯПОНСКОЙ ИМПЕРИИ С ЧЕСТЬЮ УМРУ ЗА РОДИНУ...»

«...ОТЕЦ МОЙ И МАТЬ МОЯ, Я ПРОШУ, ЧТОБЫ ВЫ НЕ ЗАБЫВАЛИ МЕНЯ И МОЙ ДУХ. ХОТЯ Я УМРУ, НО МОЙ ДУХ НЕ УМРЕТ, ОН БУДЕТ ПОД ОПЕКОЙ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА...» (Из письма Ивата Факуто).

«...СОЛДАТЫ! СЕЙЧАС БУДЬТЕ БОДРЫ. СТРОЙТЕ НОВУЮ АЗИЮ ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ ВСЕОБЩЕГО МИРА ВО ВСЕМ МИРЕ. ЭТО ЯВЛЯЕТСЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ПОЧЕТНЫМ ГЕРОИЧЕСКИМ ДЕЛОМ. ГЛАВА ГОРОДА ПОБЕОКА».

(Из «Письма утешения» в армию).

Слышны яростные и со слезой в голосе: «Банзай! Банзай! Банзай!» Хрипы, удары, лязг холодного оружия при штыковой атаке.

Нарастает: «Ура-а-а!!!»

Очень патристический и бодрый голос: «МОЙ СЫН СОЛДАТ ТАКАНАКА! НЕДАВНО ВАША СЕМЬЯ ПОЛУЧИЛА ДЛЯ ВАС ИМПЕРАТОРСКИЙ ПОДАРОК — ПАПИРОСЫ И ДВА КУСКА МЫЛА — И СКОРО ВЫШЛЕТ ЕГО ВАМ. ЕЩЕ РАЗ ЗАПОМНИТЕ, ЧТО ОТНЫНЕ ВЫ ПРИНАДЛЕЖИТЕ НЕ СЕБЕ И НЕ СВОЕМУ ОЦУ, А ТОЛЬКО ОДНОМУ ИМПЕРАТОРУ. УЧТИТЕ ЭТО И БЕРЕГИТЕ СВОЕ ЗДОРОВЬЕ. ЖЕЛАЮ ВАМ УСПЕХОВ. ВАШ ОТЕЦ ХИРАЦУКА».

«ОТКРОЙТЕ КОНВЕРТ ПОСЛЕ МОЕЙ СМЕРТИ...

СЫНУ ОСОВАКУ: ПОМНИТЕ, ЧТО НЕ СТРАШНО УМЕРЕТЬ ЗА РОДИНУ, А ДЛЯ СЫНА БОЛЬШАЯ ЧЕСТЬ БЫТЬ СЫНОМ УБИТОГО НА ВОЙНЕ. ЕДИНОДУШНО СТОЙТЕ ЗА ГОСУДАРСТВО И ДОБРОСОВЕСТНО РАБОТАЙТЕ НА ПОЛЬЗУ ОБЩЕСТВУ. ПОМОГАЙТЕ РОДИТЕЛЯМ. НИКОГДА НЕ ЗАБЫВАЙТЕ О СЛАБОСТИ МАТЕРИ И ПРОЯВЛЯЙТЕ О НЕЙ ЗАБОТУ. БУДЬТЕ ЗДОРОВЫ ТЕЛОМ И ДУХОМ И ЗАБОТЬТЕСЬ О МАТЕРИ. НЕ ОТСТУПАЯ, ВЫПОЛНЯЙТЕ ЭТО ЗАВЕЩАНИЕ. НЕ ПЕЧАЛЬТЕСЬ, ЧТО ОТЕЦ УМЕР, ДУША ЕГО ВСЕГДА С ВАМИ. ВАШ ОТЕЦ АРИТОСИ».

Отчаявшийся голос:

«ПРИВЕТ. ИЗВИНИТЕ ЗА МОЕ ДОЛГОЕ МОЛЧАНИЕ. Я ЧУВСТВУЮ СЕБЯ ХОРОШО, ЧЕГО И ВАМ ЖЕЛАЮ... ЖЕНА МОЯ, НЕ ЗАБЫВАЙТЕ, В ЯПОНИИ СУЩЕСТВУЕТ ПОСЛОВИЦА: «КОГДА ВОСПИТЫВАЕШЬ РЕБЕНКА, ТО ДВА РАЗА ПОХВАЛИ, ОДИН РАЗ ПОРУГАЙ»... ВОСПИТЫВАЯ НАШИХ С ВАМИ ДЕТЕЙ, НЕ ЗАБЫВАЙТЕ ОБ ЭТОМ... ВАШ МУЖ КАСАВАРА ИЗ ЧАСТИ ИСЭ, ВЫСОТА ФУИ».

Хайлар. Штаб Квантунской армии.

Сюда из Токио прибыла комиссия генерального штаба.

Уэдэ и Иосогаи с должными церемониями вручают начальнику комиссии свои самурайские палаши и знаки отличия. Со слезами на глазах, коленопреклоненно целуют знамя и покидают помещение штаба.

Голос за кадром:

КОМАНДУЮЩЕМУ КВАНТУНСКОЙ АРМИЕЙ ГЕНЕРАЛУ УЭДЭ И НАЧАЛЬНИКУ ШТАБА КВАНТУНСКОЙ АРМИИ ГЕНЕРАЛУ РЕНСУКЕ ИОСОГАИ ОБЪЯВЛЯЕТСЯ ОБ ОТСТАВКЕ.

Участь Камацубары еще суровой. Когда начальник комиссии зачитывает решение по поводу его судьбы, у Камацубары выступает пот, обвисают щеки.

Он кланяется начальнику комиссии, господам генералам, господам офицерам штаба Квантунской армии. Коленопреклоненно целует знамя.

Ему вручают самурайский палаш для совершения харакири. В сопровождении помощника совершения харакири Камацубара идет в специально подготовленное помещение.

...Тяжело, очень тяжело Камацубаре совершить обряд. Он сидит в гордой самурайской позе, лицом к востоку — туда, где Япония и императорский трон — и никак не может расстаться с жизнью.

Человек, который стоит сзади с самурайским мечом, помогает Камацубаре: одним, в две руки, ударом отсекает Камацубаре голову.

Он выходит и сообщает, что Камацубара не сумел умереть героем.

Старших офицеров штаба Квантунской армии, которые разрабатывали планы всех трех наступлений, ожидает та же участь.

Они входят в специально подготовленное для этого действия помещение, садятся в гордые самурайские позы лицом на восток, к дворцу императора и, выполняя его волю, взрезают себе кто живот, кто сонную артерию...

Хроника.

Японские матери принимают урны с прахом своих детей. Согласно обычаю, украшают урну цветами.

Стоят на коленях старые, одинокие, никому не нужные матери. Стоят у праха тех, кто был их надеждой и будущим.

...И японки.

...И немки.

...И русские.

Матери всех народов земли, несчастные и одинокие в своей старости.

Могилы земли. Огромные, в десятки гектаров, поля — с одинаковыми надгробными памятниками, одинаковыми крестами.

Голос за кадром:

НЕОБЪЯВЛЕННАЯ ВОЙНА НА ХАЛХИН-ГОЛЕ НЕ БЫЛА САМОЙ БОЛЬШОЙ ВОЙНОЙ В МИРЕ. АГРЕССОР БЫЛ ПРИМЕРНО НАКАЗАН. ЭТО ВСЕ ТАК. НО ВОТ

ЧТО НАСТОРАЖИВАЕТ. ПО ПРИЗНАНИЮ ЯПОНСКОГО ИСТОРИКА ХАЯСИ И АМЕРИКАНСКОГО — КРУКСА «ПОТЕРИ ЯПОНСКИХ ВОЙСК В ПЕРИОД, ОХВАТЫВАЮЩИЙ БОЛЬШУЮ ЧАСТЬ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ, СОСТАВЛЯЮТ В ОБЩЕМ НЕ МЕНЕЕ СЕМИДЕСЯТИ ТРЕХ ПРОЦЕНТОВ ОТ ОБЩЕГО ЧИСЛА УЧАСТВОВАВШИХ ВОЙСК».

ЭТО ЧУДОВИЩНОЕ СООТНОШЕНИЕ. КАЖЕТСЯ, ЧЕЛОВЕЧЕСТВО МОГЛО БЫ УВИДЕТЬ, К ЧЕМУ ПРИВОДЯТ АГРЕССИИ, ЗАДУМАТЬСЯ И СДЕЛАТЬ ВЫВОДЫ. ОДНАКО ТОГДА ЭТОГО НЕ СЛУЧИЛОСЬ. НЕ УСПЕЛИ ОТГРЕМЕТЬ БОИ

В МОНГОЛИИ, ЗАГРОХОТАЛИ СРАЖЕНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.

И ТАК ДО СИХ ПОР — ГДЕ-НИБУДЬ В МИРЕ ДА ПОЛЫХАЕТ ВОЙНА, КАК БУДТО ПОСЛУШНЫЕ ВОЛЕ ДЬЯВОЛА ЛЮДИ КАЖДЫЙ ДЕНЬ УБИВАЮТ ДРУГ ДРУГА, ЗАБЫВАЯ О ТОМ, ЧТО СУДЬБА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ЕДИНА, А ЖИЗНЬ — УНИКАЛЬНА...

1986—1987 гг.

Фото из архива Центрального музея
Вооруженных Сил СССР

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Наталья Рюрикова

КОНКУРСЫ НА ЛУЧШИЙ СЦЕНАРИЙ

История и проблемы

Наши читатели спрашивают, как часто проводятся конкурсы на лучший сценарий, каковы их цели и результаты, кто их проводит, какие правила участия, из кого состоит жюри!

Конкурсы кинодраматургов существуют давно и проводятся часто. Наш альманах неоднократно печатал сценарии, получившие разные премии на этих конкурсах. В этом номере, продолжая традицию, мы печатаем два сценария-призера последних конкурсов — Геннадия Бокарева «Перед рассветом» (ОТКРЫТЫЙ конкурс на лучший сценарий художественного фильма О СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ) и Рудольфа Тюрина «Предполье» (ЗАКРЫТЫЙ конкурс на лучший сценарий художественного фильма О СОВРЕМЕННОЙ СОВЕТСКОЙ АРМИИ И ВОЕННО-МОРСКОМ ФЛОТЕ), который разделил первую и вторую премии со сценарием М. Кураева «КУГ».

Что такое ЗАКРЫТЫЙ и ОТКРЫТЫЙ конкурсы?

ОТКРЫТЫЙ конкурс проходит анонимно, под девизами. В таком конкурсе участвуют до пятисот кинодраматургов, писателей, журналистов, студентов ВГИКа и Высших курсов сценаристов и режиссеров. Присланные сценарии читают два рецензента, и, если оба отзыва положительные, сценарий рекомендуется на второй этап конкурса — на эту стадию попадают до 50-ти сценариев. Из них жюри отбирает и награждает премиями 7—10 сценариев.

На ЗАКРЫТЫЙ конкурс специально приглашают только профессионалов, количество его участников значительно меньше, чем конкурса ОТКРЫТОГО, — в пределах ста человек. Их заявки на предложенную тему читают рецензенты, отбирают до 15 лучших заявок, с авторами заключают договоры написание сценария, после чего наступает завершающая стадия конкурса. Всего на ЗАКРЫТОМ конкурсе 7 премий.

ОТКРЫТЫЙ конкурс стоит от 35 до 45 тысяч рублей.

ЗАКРЫТЫЙ стоит 55-65 тысяч рублей. На ОТКРЫТОМ конкурсе премии — от 700 рублей до 3500 рублей.

На ЗАКРЫТОМ — авторам, получившим первую, вторую и третью премии, выплачивают гонорар до 8 000 рублей и премии — соответственно от 700 рублей до 3500 рублей.

В состав жюри конкурсов входят кинодраматурги, писатели, кинорежиссеры, критики, главные редакторы Госкино СССР, члены сценарно-редакционной коллегии, редакторы студий. Их кандидатуры обязательно согласовываются с Госкино СССР. Читают и рецензируют сценарии и представители тех организаций, которые приглашаются для совместного проведения конкурса, — ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ, ГлавПУРа, Союза писателей, Союза кинематографистов и др. Председателем жюри всех конкурсов неизменно назначается первый заместитель председателя Госкино СССР, он же — и распорядитель кредита. С 1974 до 1985 гг. председателем жюри по статусу был Б. Павленок.

Объявляемые конкурсы на лучший сценарий, ОТКРЫТЫЕ или ЗАКРЫТЫЕ, проводились на конкретные темы: «О современной Советской Армии и Военно-Морском Флоте», «Герои наших дней», «Земля и люди», «Сибирь и Дальний Восток», «Время, вперед», «О современной советской молодежи», «Герой жизни — герой экрана», конкурсы на сценарии детского и юношеского фильма, современного комедийного и музыкального фильма и т. д.

Традиционная цель каждого конкурса: «обогащение перспективных тематических планов киностудий, а также активизация работы над актуальными современными темами» [из приказа Госкино].

Затраты по устройству конкурсов окупались, потому что сценарии, отмеченные первыми тремя и поощрительными премиями, направлялись по рекомендации Госкино СССР на киностудии и включались в планы производства фильмов. Как правило, около 80 % награжденных сценариев реализовывались на киностудиях страны.

Конкурсы на лучшие сценарии, так же, как и советский кинематограф, имеют большую историю со своими взлетами и на-

деждами, разочарованиями и проблемами...

Шла гражданская война. На экраны кинотеатров и всюду, где были кинопередвижки, хлынули агитки, — новая форма кинематографа, родившаяся в те годы, — фильмы-плакаты, фильмы-лозунги. Была «красноармейская серия» — «Отец и сын», «Все под ружье!», «Красноармеец, кто твой враг!»; «медицинская» — «Жертва подвала» (о борьбе с туберкулезом), «Азиатская гостья» (о борьбе с холерой) и т. д. Большая часть сценариев для этих агиток приходила с конкурсов, которые устраивали московские и петроградские кинокомитеты в 1919 — 20-е годы. Это были конкурсы на сценарии, либретто, заявки, сюжеты на злободневные темы, и все то, что как-то отмечалось жюри, шло в производство. Так, в июле 1920 года проводился конкурс под девизом «ПРОДОВОЛЬСТВИЕ ДЛЯ РАБОЧИХ, СОЛДАТ, ТРУДЯЩИХСЯ» и первой премией был награжден сценарий И. Новикова «Домовой агитатор» (известный режиссер и оператор Ю. Желябужский поставил по нему агитфильм). Также проводился конкурс на САНИТАРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНУЮ ТЕМУ. Но самое удивительное то, что в разгар гражданской войны, когда речь шла о самой жизни новой власти, организовывались и совсем другие конкурсы — например, на лучшую ЭКРАНИЗАЦИЮ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И. ТУРГЕНЕВА...

30-е годы. Кино стало звуковым. Сценарий приобретал самостоятельность литературного жанра. Сложился плеяда ярких драматургов и режиссеров.

ЗАКРЫТЫЙ конкурс на лучший сценарий и пьесу, посвященный 20-ЛЕТИЮ ОКТЯБРЯ и ОБРАЗУ ЛЕНИНА В РЕВОЛЮЦИИ, был организован Наркомпросом в 1936 году. Сценарий Алексея Каплера «Восстание» и пьеса Николая Погодина «Ноябрь» получили первые премии и легли в основу фильмов «Ленин в Октябре» Михаила Ромма и «Человек с ружьем» Сергея Юткевича.

Впечатляющим по объему и организации был **ОТКРЫТЫЙ** конкурс 1938-39 гг. — прообраз сегодняшних конкурсных мероприятий, — объявленный не только на сценарии, но и на либретто, заявки, интересные замыслы для фильмов — таких материалов поступило около пяти тысяч. Первые премии получили сценарии С. Герасимова «Учитель» и М. Смирновой «Бабы». Еще 51 участник был награжден разными премиями.

Время накладывало свой отпечаток на обстановку конкурса. Илья Вениаминович Вайсфельд, известный теоретик кино, был на этом конкурсе одним из рецензентов.

«Помню, мы с писателем Ю. Либединским, который тоже участвовал рецензентом, — рассказывает Илья Вениаминович, — практически спасли одного человека от депрессий.

Мы прочитали сценарий, имя автора которого не было известно — только девиз. Видимо, он был написан очень чистым человеком. Но насколько он был чист, настолько же и наивен. Он поставил своей задачей передать тот момент, когда наша страна перейдет непосредственно к коммунизму. Рубеж ему представлялся в виде торжественного дня — победоносного для всей страны. В этот час, писал он в сценарии, происходил грандиозный митинг. Дворец Советов уже построен у Кропоткинских ворот (где сейчас бассейн «Москва»), над всем пространством возвышается скульптура Ленина. Грандиозный митинг! С трибуны выступает оратор со следующими словами: «Наступил день, к которому мы стремились всю жизнь. Пушки будут перекованы на орала!» — И с особым подъемом он закончил так: «И с этого дня ликвидируется наша славная коммунистическая партия большевиков!»

Смешанное чувство овладело мною, как и Либединским, когда мы прочитали эти слова. С одной стороны, восхищение наивной романтикой, а с другой, понимание — быть беде! Мы позаботились, чтобы сценарий вернулся к автору и никому не попал в руки...»

Перед самой войной состоялся еще один конкурс на кинокомедию, но по непонятным причинам его результаты объявлены не были.

На этом история довоенных конкурсов обрывается.

Во время войны, естественно, было не до подобных мероприятий. А в послевоенные годы конкурсы тоже не устраивались. Может быть, потому, что единственным ценителем и судьей всех искусств мог тогда быть только Сталин, а премии носили его имя, сама идея конкурса, при котором некое жюри, а не вождь или его ближайшие помощники, определяли бы лучших, казалась просто нереальной. И в самом деле, какие могли быть конкурсы в этой суровой для искусства атмосфере!

Известно, что в те времена печальная участь коснулась не только ленинградских литераторов — А. Ахматовой, М. Зощенко и других, но и кинематографистов — беспощадно была раскритикована

и положена «на полку» вторая серия фильма «Большая жизнь» (режиссер Л. Луков, 1946 год, выпущена в 1958 г.) и вторая серия «Ивана Грозного» С. Эйзенштейна (1946 г., выпущена в 1958 г.) и т. д. Наступил период малокартинья, когда выпускалось лишь до 10 фильмов в год, и почти каждый под личным и пристальным вниманием вождя...

1953-й год. Умер Сталин. В 1956 г. прошел XX съезд партии. Наступила «оттепель». В кино тоже произошли перемены. Увеличивалось количество выпускаемых фильмов. В кино начали приходить смелые молодые и не очень молодые люди и создавать свой, особого звучания кинематограф 50-х — начала 60-х годов.

В октябре 1955 года Министерством культуры СССР был объявлен ОТКРЫТЫЙ конкурс на лучший киносценарий художественного фильма В ОЗНАМЕНОВАНИЕ 40-ЛЕТИЯ ОКТЯБРЯ.

Это был очень представительный конкурс, но его отличали от всех предыдущих и последующих конкурсов не столько размеры, сколько огромный подъем, искренность, энтузиазм самих устроителей, желание сделать что-то очень важное и большое, внести настоящий вклад в обновленный советский кинематограф. Члены жюри и приглашенные со стороны квалифицированные консультанты побывали почти во всех крупных писательских организациях РСФСР: в Хабаровске, Владивостоке, Новосибирске, Иркутске, Свердловске, Сталинграде, Саратове, Воронеже и др. Начальникам всех областных управлений культуры были разосланы письма с просьбой организовать на местах помощь желающим принять участие в конкурсе. Через пресс-бюро «Правды» всем областным республиканским органам печати была направлена разъясняющая цели и условия конкурса статья зам. председателя кинокомиссии СП СССР Н. И. Родионова*. Информации о ходе конкурса появлялись на страницах «Литературной газеты», «Советской культуры», «Искусства кино». В помощь участникам конкурса издательством «Искусство» была выпущена специальная брошюра «О киносценарии», в которой были собраны интереснейшие статьи о драматургии выдающихся мастеров: А. Довженко, С. Эйзенштейна, Е. Габриловича, С. Герасимова, М. Смирновой. И — поразительно! — с 15 июня 1956 года на «Мосфильме» по пятницам для участников конкурса проводился «День открытых дверей», чтобы дать им возмож-

ность посмотреть, как работает кино, как делаются фильмы.

На конкурс было прислано 2400 сценариев. Это было много, очень много! Но сколько накопилось творческих замыслов за годы молчания, скольким хотелось высказаться!

Среди рецензентов — известные критики и драматурги: А. Каплер, Н. Рожков, М. Папава, Г. Кремлев, Л. Погожева, Н. Кладо и др. Конкурс состоял из двух туров — сначала РСФСР и потом всесоюзный. Председателем жюри 1-го тура (РСФСР) был Н. Погодин, его заместителем — С. Юткевич, членами жюри — К. Виноградская, Е. Габрилович, М. Калатозов, А. Первенцев. Председателем жюри Всесоюзного конкурса стал писатель Алексей Сурков.

Из тридцати рекомендованных сценариев на премии 22 были отменены:
ПЕРВАЯ — 100 000 руб.

«Дом, в котором я живу», И. Ольшанский.

ВТОРАЯ — 60 000 руб.

«Василий Пташкин», В. Боков и Б. Ямпольский;

«Легкая жизнь Яши Топоркова», Л. и Г. Кины;

«Огненные версты», Н. Фигуровский;
«Пока бьется сердце», П. Хорьков.

ТРЕТЬЯ — 40 000 руб. — 9 премий.

ПООЩРИТЕЛЬНЫЕ — 10 000 руб. — 8 премий.

Но при всех стараниях, при горячем желании сделать этот конкурс выдающимся событием культуры, к сожалению, не удалось. Слишком сильны были традиции затянувшегося «культовского» периода в искусстве, да и общий уровень художественный и литературно-профессиональный, был невысок. Слишком глубок был страх в людях, чтобы рассказывать о жизни правду, да и «сверху» правда еще не была сказана до конца...

Вспоминает Николай Николаевич Кладо:

«Мероприятие было организовано настолько широко, что нас рассылали по всем уголкам Союза, чтобы разъяснить, в чем же задача конкурса. Я ездил в Среднюю Азию, в Прибалтику... И вот выплыл, как удача конкурса, сценарий И. Ольшанского «Дом, в котором я живу». Впервые после войны появилась вещь, которая рассказывала о жизни тыла. Сценарий был правильно оценен. А вот одна из вторых премий досталась сценарию случайному. Малоостроумная комедия, авторы — брат и сестра, не ставшие впоследствии серьезными драматургами. Больше каких-то выдающихся или даже заметных результатов у конкурса не было. Конечно, трудно было рассчитывать на

* В те годы Союз кинематографистов СССР еще не был создан.

самородка, но главным образом мешали препятствия административные, настроение самих членов жюри. Среди членов жюри прогрессивно мыслящих людей можно посчитать по пальцам, в основном, были аппаратчики со студий и из Госкино, которые знали, что можно и что нельзя. Им нужны были не яркость открытий, не новизна, а «соответствие». Поэтому конкурс и не мог дать ожидаемых общественностью результатов. Он был счастливый только для Ольшанского, хотя в этом смысле и для кинематографа».

Да, «культурная» система и образ мысли еще работали, инерция сохранялась, психология киночиновников оставалась неизменной. Поэтому такое большое дело, на которое было затрачено столько средств и энергии многих людей, искренне стремившихся сделать что-то настоящее, серьезное,— осталось по существу нереализованным.

«Но вот история, которая не дает мне покоя до сих пор,— продолжает Н. Кладо.— Мне приходилось рецензировать много сценариев, среди них были очень интересные, хотя и несовершенные драматургически, профессионально. Но многие авторы были людьми одаренными, и что самое важное, они жили своей не придуманной, а реальной жизнью и писали о ней. А это было как раз то, чего некоторые члены жюри и тогдашняя редакция терпеть не могли.

Из Сталинграда пришел сценарий, в котором рассказывалось о том, как сорок молодых ребят организовали общество «Внуки Ленина», чтобы бороться с тем не ленинским, что происходит вокруг. Первый повод к выступлению был у них такой: американцы прислали для жителей Сталинграда много подарков, а их распределили между начальством, пустили на рынок и т. д. Это вызвало у голодной и раздетой молодежи Сталинграда страшное возмущение. Они выступили с декларацией, где обвинили руководителей области, а во второй декларации пошли дальше — обвинили руководство страны в том, что забыты ленинские заветы. В результате главного героя, как и многих других, конечно, арестовали, дали 10 лет и отправили в Воркуту.

Там, в лагере, он познакомился с девушкой родом из Западной Украины, бывшей Польши. Однажды она направилась на рынок и попала в облаву, когда всех, кто приехал на рынок с продуктами, забрали как бандеровцев. Несколько лет ее переправляли из одной тюрьмы в другую, ничего кроме тюрем она в советской стране не видела. И вот герой, сам настроен-

ный зло, непримиримо, начал ее убеждать, агитировать — мол, советская страна совсем другая, не только тюрьма.

Они полюбили друг друга. Но ему «скостили» срок, и он раньше нее вышел на свободу. И остался жить в Воркуте, рядом — ждать...

Я писал в рецензии тогда, что это современная история о Ромео и Джульетте, и, что еще очень важно по тем временам, в сценарии говорится не только о невинных жертвах репрессии, но и утверждается тема борьбы. По моему мнению, эта вещь была достойна премии. Сначала меня поддерживали, но потом дали на решение члену жюри Е. Габриловичу. Но он или сдержанничал или не понял и сказал: «Не может быть, такого не бывает». И поставил — «нет». Габрилович человек достойный, талантливый, но он, наверное, просто не понял. Но жалко не только этого. Если сценарии не премируются, то порядок таков, что конверты с рукописями уничтожаются. И все исчезает. Как я ни пытался потом найти этого автора, у меня ничего не вышло. А человек был явно способный, незаурядный...»

Николай Николаевич вспомнил об этом еще и потому, что недавно в журнале «Знамя» был опубликован документальный роман А. Жигулина «Черные камни», повествующий о подобной молодежной организации в Воронеже. Жигулин открыл миллионам сегодняшних читателей, что насилые и беззаконие тех лет порой становилось с активной борьбой. И приходится сожалеть, что общество узнало об этом с 30-летним опозданием. Как важно было уже тогда, после XX съезда партии, во всеуслышанье сказать, что путь пассивного терпения и молчания — не единственный перед лицом насилия и несправедливости и что со злом можно и нужно бороться...

В истории конкурсов снова наступил перерыв в 11 лет. Конечно, кино выросло за это время. Постсталинская «оттепель» продвинула общество к освобождению духа. Исчез тягостный страх и многие запреты. В кино пришло новое поколение мастеров. Они пережили хрущевские встречи с деятелями искусства и с некоторой надеждой встретили конец «эпохи волюнтаризма». Казалось, можно нормально работать. Но на горизонте опять появились новые тревожные тучи. Безжалостно редактировались, клались «на полку» киноленты. Запрещались книги, усердно критиковали и не выставляли художников, которые работали не так, как указывало официальное направление...

В 1967 году Госкомитетом по кинематографии был объявлен ЗАКРЫТЫЙ конкурс, посвященный сразу двум темам:

100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

В. И. ЛЕНИНА;

ИСТОРИЧЕСКИМ ДОСТИЖЕНИЯМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И НАШЕГО НАРОДА.

Участниками его стали ведущие кинодраматурги: Ю. Дунский, В. Фрид, А. Каплер, Д. Храбровицкий, С. Жгенти, Г. Шпаликов, А. Гребнев, писатели: Ю. Нагибин, В. Липатов, С. Михалков, В. Кожевников и др. На заключительном этапе конкурса было представлено 22 сценария. Решением жюри было установлено 7 премий.

ПЕРВЫЕ — «Красная площадь», Ю. Дунский, В. Фрид;

«Думы матери», С. Жгенти.

ВТОРЫЕ — «Ленин. 1903 год», Ф. Горенштейн, Ю. Карасик;

«Угрошение огня», Д. Храбровицкий.

ТРЕТЬЯ — «Черное солнце», А. Спешнев, К. Киселев.

ПООЩРИТЕЛЬНЫЕ — «Комитет 19-ти», С. Михалков, А. Шлепянов, при участии С. Кулиша;

«Город первой любви», С. Нагорный.

Результаты конкурса показали, что, в общем, «мобилизовать» фронт сценариев на любую лозунговую тему можно, и, если примут участие талантливые драматурги, то могут быть отдельные удачи. Но, разумеется, по-настоящему художников эта парадность взволновать не могла.

Невозможно подробно останавливаться на каждом из 18 конкурсов, проведенных с 1967 года. Назовем лишь их победителей, а на некоторых, наиболее характерных для того времени, задержим свой взгляд.

В 1970-71 гг. был проведен **ЗАКРЫТЫЙ** конкурс на сценарии фильмов для детей в связи с **50-ЛЕТИЕМ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ**. К участию пригласили кинодраматургов С. Лунгина, А. Зака и И. Кузнецова, И. Бондина, М. Львовского, Ю. Яковлева, Ю. Збанацкого, Л. Мери, Б. Рахманина и других, представивших 14 сценариев, из которых премировано 5.

ПЕРВАЯ — «Присвоить звание героя...» (о Саше Чекалине), В. Смирнов, Б. Медовой, И. Туманян.

ВТОРЫЕ — «Тоомас трубит тревогу», Л. Мери;

«Без трех минут ровно», С. Лунгин.

ТРЕТЬИ — «Мальчишки, мальчишки 30-х годов», И. Бондин;

«Москва — Кассиопея», А. Зак, И. Кузнецов.

В 70-е годы и в начале 80-х в нашей жизни господствовал пресловутый «вал». Так было, за некоторыми исключениями, и в кино. Довольно скоро в проведении конкурсов стал действовать отлаженный, работающий сам на себя механизм, который удовлетворял и аппарат Госкино, поскольку позволял поставить «галочку» против заданной «высокоидеологической темы», и устоявшийся круг участников конкурсов, которые неоднократно становились призерами, и по их конкурсным сценариям снимались фильмы. Конкурсы переставали быть состязаниями, превращались в обычные ежегодные мероприятия.

В ноябре 1971 года «Советская культура», «Литературная газета» и «Труд» объявили о проведении **ОТКРЫТОГО** конкурса на лучший сценарий художественного фильма **О СОВРЕМЕННОМ РАБОЧЕМ КЛАССЕ**.

Конкурс проводился Госкино совместно с ВЦСПС, Союзом кинематографистов СССР и Союзом писателей СССР. С самого начала орграбату поставили очень серьезно — студиям ежемесячно напоминали о важности конкурса, о необходимости привлекать максимальное число участников, ввели периодическую отчетность, разослали более ста персональных писем-приглашений авторам, затеяли обширную переписку с директорами и главными редакторами всех студий, с председателями республиканских кинокомитетов. Такой организационной активности, наверное, не знал ни один конкурс. На очередном заседании оргкомитета, где прозвучала очередная директива, главный редактор одной из республиканских студий резонно заметил: «Конкурс — это не принуждение, — кто хочет, тот пишет...»

Действовали не только кнутом, но и пряником — ВЦСПС, видя «слабую активность», вызвался помочь оплаченными командировками авторам для сбора материалов. И все-таки на 15 июля 1972 года оргкомитет получил только восемь сценариев. Но вот приняты «экстренные» меры, и на сентябрь было уже 92 сценария — правда, оргкомитет отмечает: «Из общего количества отцензурованных сценариев всего лишь несколько имеют положительные отзывы. Большинство сценариев не представляют интереса ни по материалу, ни по художественному решению. В сценариях нет глубины в освоении жизненного материала». Решено, учитывая постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию советского кинематографа», в котором перед киноискусством ставились «новые ответственные задачи», продлить конкурс до января 1973 го-

да, а итоги подвести в апреле следующего года.

Наконец, в результате героических усилий оргкомитет собрал около 250 работ авторов из самых разных уголков нашей страны.

Итак, два года интенсивной работы, изрядных затрат на поиски кандидатов — и каков же итог?

ПЕРВУЮ премию жюри честно решило не присуждать.

10 премий разделили следующие сценарии:

ВТОРЫЕ — «Встать и уйти», Ю. Чибряков (альманах «Киносценарии», 1973 г.);

«И будет завтра», Р. Хигерович (альманах «Киносценарии», 1973 г.).

ТРЕТЬИ — «Три четверга», Л. Чумичев;

«Никакая сила на земле», И. Бондин;

«Ксения, жена Федора», Т. Калецкая;

«Развлечение для старичков», Л. Завальнюк, С. Кулиш (альманах «Киносценарии», 1974 г.).

Это были художественно слабые, традиционно-правильные сценарии, не отмеченные знаком ярких удач. Единственным достижением этого грандиозного мероприятия оказался сценарий комедии «Про Борщова, слесаря-сантехника ЖЭК № 2». Ограничиваясь поощрительной премией молодому драматургу Александру Боромянскому, устроители конкурса даже предположить не могли, что фильм «Афоня», поставленный режиссером Г. Данелия по этому сценарию, будет иметь 50 миллионов зрителей, и, не теряя актуальности и остроты, доживет до наших дней.

Почти вслед за этим конкурсом в 1974—1975 гг. был объявлен на год и продлен на полгода ОТКРЫТЫЙ конкурс на лучший сценарий «О НАШЕМ СОВРЕМЕННОМ СТРОИТЕЛЕ КОММУНИЗМА».

Все удивительно напоминало предыдущее мероприятие. Поначалу из ста двух сценариев, присланных на конкурс, только один был рекомендован рецензентами на рассмотрение жюри. Еще полгода, еще героическая оргработа — и в портфеле конкурса 380 сценариев. Четыре пухлые папки распирались от 1000 рецензий (каждая рецензия — 20 рублей). В общей сложности из 500 сценариев около 50 найдены достойными рассмотрению жюри.

По итогам конкурса дали семь премий: ПЕРВУЮ и ТРЕТЬЮ получил Артур Макаров за сценарии «Приезжая» и «На новом месте».

ВТОРУЮ — сценарий Е. Каплинской «Шкура белого медведя».

Если судить по итогам этого конкурса, может сложиться впечатление, что сценариев ярких, значительных на нем представлено не было, что он собрал произведения, в основном, средние, слабые. Главное — было проведено очередное «нужное» мероприятие. Однако, это впечатление обманчиво. Судя по стенограмме заседания жюри, последняя стадия конкурса была исполнена драматизма, происходили резкие столкновения мнений, борьба за то, чтобы премировались и поощрялись авторы незаурядные, неприлично смелые по тому времени. И такие сценарии были.

Б. Метальников (драматург): «Я просмотрел ведомость жюри и увидел, что по сценарию под девизом «Кабона» 9 положительных отзывов. Почему он отклонен, почему не выдвигается на премию?

Б. Павленок (председатель жюри): «Я этого не скрывал, но тем не менее считаю, что ставить его на премирование нельзя».

Б. Метальников: «Вы выступаете, как начальник Главка».

Б. Павленок: «Сценарий «Кабона» не пригоден».

Б. Метальников: «Я считаю, что совершается принципиальная ошибка. Я выражаю сомнения расстановке сил по поводу этого сценария! Вы ставите нас в ложное положение. Я считаю эту вещь одной из самых человеческих и удивительно написанных. Я считаю, что сценарий абсолютно профессионален, высоко профессионален. По-моему, это один из конкурентов на первую премию. В этом сценарии не ставится вопрос — хороший или плохой. Здесь важен подход — живет человек или нет. Ведь проблема отчуждения от работы, от труда — она существует не только в капиталистическом обществе, но и у нас. И здесь идет борьба...»

Для этого обсуждения вообще были характерны резкие столкновения:

«Сценарий абсолютно профессионален, по-хорошему интеллигентен. Написан очень человечно».

«А я считаю, литературно написан бездарно. Графоманство и дурной вкус».

Сценарий под девизом «Кабона» на премию выдвинут не был.

Основные страсти разгорелись вокруг произведения под девизом «Котлован», которое через 14 лет все же получило признание — сценарий С. Коковкина «Там, вдали за рекой» (альманах «Киносценарии» № 1, 1988 г.). За его выдвижение на премию выступали И. Кокорева (директор Высших курсов сценаристов и режиссеров), Р. Юрнев (кинокритик), Л. Нехорошев (главный редактор «Мосфильма»), Е. Григорьев (драматург), Б. Метальников (драматург).

Р. Юренев: «Один из самых талантливых и оригинальных сценариев».

Е. Григорьев: «Для меня это — лучшее...»

И. Кокорева: «Это вещь очень талантливая».

Л. Нехорошев: «Как можно создать образ положительного героя современности, если он не преодолевает трудностей! Чувство любви к этим людям и огромное уважение к герою вызывает этот сценарий».

В сценарии дан образ депутата из простых людей, который живет, мыслит и ведет себя не «по-депутатски». Пытается сделать так, чтобы старые люди, отдавшие силы строительству новой жизни в 30-е годы, остаток дней своих провели в достойных условиях, а не в лачугах.

А вот высказывания другой части жюри:

Д. Орлов (главный редактор комитета по кинематографии): «Это безвкусица злого толка, какую идею он несет!!»

Е. Сурков (критик, главный редактор журнала «Искусство кино»): «Я не чувствую дарования. Мне кажется, что сценарий вторичен...»

В. Сытин (главный редактор альманаха «Киносценарии»): «Это великолепно написано, с очень ярким образом. Но я против премии. Мне кажется, там есть идея краха коммунистического прошлого, великого дела, которое творили люди».

Б. Павленок: «Это не герой! Мы показываем депутата! Он — избранник народа, а действует как истинный дурак...»

Сценарий не был отмечен даже поощрительной премией. И на этом конкурсе победил дух начальствующего аппарата. Член жюри Б. Метальников, понимая, что творится несправедливость, исправить которую в этих условиях нет возможности, со словами: «мое мнение резко расходится с мнением жюри, я не могу больше здесь находиться», в знак протеста ушел с заседания.

1974-75 гг. — ОТКРЫТЫЙ конкурс на лучший сценарий ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА. Проводился совместно с ЦК ВЛКСМ, Союзом кинематографистов.

Премии присуждены:

ПЕРВАЯ — «Я, ты, мы», Д. Иванов, В. Трифонов.

ВТОРАЯ — «Запасной аэродром», Э. Дубровский.

ТРЕТЬИ — «Пропавшее лето», Э. Акопов; «На горе стоит гора», Л. Чумичев.

ПООЩРИТЕЛЬНЫЕ — 3 премии.

1976-77 гг. — ЗАКРЫТЫЙ конкурс «О МОСКВЕ И МОСКВИЧАХ».

Этот конкурс привлек серьезные силы. Среди его участников были известные кинодраматурги В. Черных, А. Червинский, В. Аксенов, А. Гребнев, Л. Агранович и другие. Но в который раз внутренняя установка на некую грандиозность в решении темы, ориентация лишь на положительных героев, на сглаженность конфликтов привела к парадоксу. Сценарий В. Черных «Москва слезам не верит», поставленный по которому режиссером В. Меньшовым фильм имел большой зрительский успех, да еще и завоевал Оскара в Америке, — получил на конкурсе только ТРЕТЬЮ премию!...

1976-77 гг. — ЗАКРЫТЫЙ конкурс на сценарий СОВРЕМЕННОГО КОМЕДИЙНОГО ФИЛЬМА.

ПЕРВУЮ премию жюри решило не присуждать.

ВТОРАЯ — «Мой друг Ваня», С. Жгенти.

ТРЕТЬЯ — «Не ходите, девки, замуж», С. Бодров, Н. Митина.

ПООЩРИТЕЛЬНЫЕ — 4 премии.

1977-78 гг. — ЗАКРЫТЫЙ конкурс на сценарий О СОВРЕМЕННОЙ СОВЕТСКОЙ АРМИИ И ВОЕННО-МОРСКОМ ФЛОТЕ.

ПЕРВАЯ премия — «Кокарда СА», В. Ежов, В. Акимов.

ВТОРАЯ — не присуждалась.

ТРЕТЬИ — «Резервисты», В. Трунин (альманах «Киносценарии» № 2, 1979 г.);

«Замполит», А. Кулешов, К. Рапопорт (альманах «Киносценарии» № 2, 1978 г.).

ПООЩРИТЕЛЬНЫЕ — 3 премии.

1977-78 гг. ЗАКРЫТЫЙ конкурс под девизом «ГЕРОИ НАШИХ ДНЕЙ» (о выборе профессии).

ПЕРВУЮ премию жюри решило не присуждать.

ВТОРАЯ — «Сестра милосердия», М. Львовский (альманах «Киносценарии» № 2, 1978 г.).

ТРЕТЬИ — «Трудовые подвиги» и похождения Датики Имнадзе, А. Чичинадзе, Н. Мамулашвили;

«Везучая Анфиса», С. Бодров.

ПООЩРИТЕЛЬНЫЕ — 3 премии.

1980-81 гг. ЗАКРЫТЫЙ конкурс: «СИБИРЬ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК. ЛЮДИ, ЖИЗНЬ, СВЕРШЕНИЯ».

Конкурс проводился в разгар пропагандистской кампании, связанной со строительством БАМа. Новые и новые отряды комсомольцев отправлялись покорять си-

бирский край. Триумфально, по-хозяйски проехал по Сибири Л. И. Брежнев. Газеты писали, телевидение показывало...

Установка конкурса формулировалась в духе времени: «Сибирь и Дальний Восток — это источники силы и процветания советского государства в XXI веке. На обширных пространствах складывались своеобразные характеры в борьбе с суровой природой, особенно ярко проявлялись могучие силы нашего народа. Еще больше впечатляет его настоящее, когда в соответствии с программой Коммунистической партии началось новое сражение за освоение этих земель; возведены и возводятся гигантские электростанции и промышленные комплексы, строятся БАМ, возникают новые научные центры, создаются десятки новых городов. Здесь проявляются типические черты новых поколений советских людей, их выносливость, целеустремленность, трудовой героизм».

Премии присуждены:

ПЕРВАЯ — «Портрет моего отца», В. Трунин (альманах «Киносценарии» № 1, 1982 г.).
ВТОРАЯ — «Тайный набег», Л. Нехорошев.
ТРЕТЬЯ — «Завещание», В. Ежов.
ПООЩРИТЕЛЬНЫЕ — 3 премии.

Интересное замечание высказал один из членов жюри драматург В. Черных: «Ни один сценарий на этом конкурсе отношения к Сибири не имеет. В сценарии В. Трунина есть отношение сына к матери, а отношения к этому краю нет. Сегодня в Сибири такие трудности, сложности! Там столько вопросов, проблем: хозяйственных, экологических, социальных... А когда читаешь эти сценарии...

В 1981-82 гг. — **ОТКРЫТЫЙ** конкурс на сценарий **СОВРЕМЕННОГО КОМЕДИЙНОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ФИЛЬМА**.

Премии присуждены:

ПЕРВАЯ — «Первое место присуждается», Л. Треер.
ВТОРАЯ — «Одиноким предоставляется общежитие», А. Инин (альманах «Киносценарии» № 2, 1983 г.).
ТРЕТЬИ — «Пляжный фотограф», Е. Кряквин;

«Сладкий сок внутри травы», С. Бодров, З. Еголиева.
ПООЩРИТЕЛЬНЫЕ — 3 премии.

1982-83 гг. — **ОТКРЫТЫЙ** конкурс на лучший сценарий **О ДЕТСКОМ И ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ**.

За 12 лет это был третий по счету конкурс, посвященный детской тематике. И надо сказать, что условие конкурса оставалось неизменным — как будто его просто механически переставляли из конкурса в конкурс: «В целях создания высококу-

ажественных произведений киноискусства для детей, воспитывающих благородные чувства любви к социалистической отчизне, преданности делу Коммунистической партии, непримиримости к врагам социализма и мира, ярко и глубоко раскрывающих героические достижения партии и народа, Ленинского комсомола и Всесоюзной пионерской организации им. В. И. Ленина».

Вот такой, ничего не выражающий набор слов призвал создавать искусство для детей!

Премии присуждены:

ПЕРВУЮ — жюри решило не присуждать.
ВТОРАЯ — «Этот горький можжевеловый», В. Халзанов.

ТРЕТЬИ — «Не я, то кто», В. Романов (альманах «Киносценарии» № 4, 1986 г.);

«Нужна рыжая фея», Г. Рудягин (альманах «Киносценарии» № 2, 1984 г.).

ПООЩРИТЕЛЬНЫЕ — 3 премии.

А ведь все эти годы на этом направлении работали — только иначе — драматурги: Г. Шпаликов, Ю. Клепиков, Г. Полонский, В. Приемыхов и другие, действительно поднимающие реальные проблемы молодежи и продвигая эту тему вперед. И все это время Динара Асанова в неустанной борьбе создавала свои честные, смелые и горькие фильмы о подростках. Но этих имен не было в списке награжденных...

Среди толщи архивных документов не удалось разыскать стенограмму заседания жюри по **ЗАКРЫТОМУ** конкурсу «**ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ**», проведенному в 1983 году, на который представили свои работы 15 профессиональных драматургов. И здесь тоже все было не просто. Но если в отношении **ПЕРВОЙ** премии, судя по отзывам членов жюри, мнение было единодушным и ее присудили Вадиму Трунину за сценарий «На своей земле», то в отношении других работ возникли разногласия и споры.

В 1987 году на экраны вышел фильм «Садовник» — сильный, глубокий, со своеобразной эстетикой. Фильм раскрывает процесс отчуждения сегодняшнего крестьянства от земли и сельского труда и рассказывает о жестокой борьбе потомственного садовника за жизнь прекрасного сада с горе-руководителями. Картина была отмечена коллективом «Ленфильма», как одна из лучших работ студии за 1987 год. Высокую оценку «Садовник» получил и в прессе.

Но вот как оценили работу В. Залотухи члены жюри.

Член редколлегии Госкино СССР И. Садчиков: «Сценарий написан грамотной по профессии рукой. Однако неприемлем по

концепции. Автор в плену своего замысла. Сценарий премии не заслуживает».

Кинодраматург В. Черных: «Сценарий опоздал на 10 лет, и сегодня, при самом пристальном внимании всей общественности к окружающей среде, уничтожение плодоносящего сада — это ЧП не районного масштаба... Руководитель любого масштаба тысячу раз подумает, прежде чем пойдет на подобное решение».

Сегодня-то мы знаем реальную силу этого пристального внимания, знаем, как мало, даже в наши дни, может общественность и как «задумывались» руководители, уничтожая сады, леса, деревни, загрязняя реки и моря!

А вот Л. Голубкина [в то время главный редактор Центральной сценарной студии] предугадала судьбу «Садовника»: «Произведение это отличает серьезность, свежесть интонации, искренняя неподдельная боль за судьбы деревни, тревога за то, чтобы в мощном поступательном движении вперед не были забыты и отодвинуты люди, которые делают свое небольшое, но важное дело. Мне кажется, что сценарий может послужить основой для создания сильного и значительного кинопроизведения».

Сценарий «Садовник» не был премирован на конкурсе ни первой, ни второй, ни третьей, ни даже поощрительной премией.

Подобная участь постигла и сценарий Е. Григорьева и О. Никича «Первый парень на деревне».

Эти сценарии более, чем другие, отвечали тематике конкурса «Земля и люди», потому что в каждом из них была боль за землю, за людей в этой земле. Но в то время говорить во всеуслышание с экрана о проблеме деревенской жизни так, как это делали авторы, было не принято. И поэтому жюри, которое состояло как из драматургов, так и из представителей Госкино, предпочло отдать премии сценариям беспроblemным, незаостренным, безобидным и даже пожертвовало количеством премий — вместо принятых семи дали только пять.

ПЕРВАЯ — «На своей земле», В. Трунин.
ВТОРАЯ — «Му-му, или чья корова мычала...», А. Инин.

ТРЕТЬИ — «На зеленых холмах», С. Бодров, А. Сулеева [альманах «Киносценарии» № 1, 1986 г.];

«Вот моя деревня», В. Трегубович.
ПООЩРИТЕЛЬНАЯ — «На дальней станции сойду», А. Мазиков.

На ЗАКРЫТЫЙ конкурс «ГЕРОЙ ЖИЗНИ — ГЕРОЙ ЭКРАНА» (1984-85 гг.) при-

влекли все молодые силы драматургии: студентов ВГИКа, слушателей Высших сценарных курсов, драматургов из молодежной секции Союза кинематографистов.

Цель конкурса: «Отразить образ сегодняшнего активного советского человека, творца и создателя жизни, хозяина своей страны, причастного к судьбам мира и времени, сознающего свою ответственность за настоящее и будущее человечества».

Несмотря на стандартно казенные слова этой установки, почти все приглашенные, а их было около ста, откликнулись и прислали свои заявки на участие. Но и этот конкурс не стремился что-либо открывать, да и не мог дать жизнь новым именам, новым работам. Не те были еще времена. Вот почему, несмотря на столько организационных усилий, столько затраченных средств, результаты получились неадекватные. Даже премий присудили всего 4, а не 7, как бы подчеркивая, что давать-то некому!

ПЕРВУЮ и ВТОРУЮ премии решили не присуждать.

ТРЕТЬЯ — «Сакман», О. Манджиев [альманах «Киносценарии» № 2, 1986 г.].

ПООЩРИТЕЛЬНЫЕ — 3 премии.

Конкурс как бы подтверждал устоявшееся тогда в стенах Госкино мнение: талантливых и способных сценаристов среди молодых нет.

И такое мнение господствовало бы еще долго, если бы не перемены в общественной жизни последних лет, отчетливо показавшие, что у нас есть и может талантливо работать интересная драматургическая молодежь. Сама жизнь выдвинула ее сегодня в кинематографе на первые роли. Работы многих из них были напечатаны в альманахе «Киносценарии» и журнале «Искусство кино». Вот их имена: И. Винниченко, А. Зинчук, Ю. Арабов, М. Коновальчук, Л. Боброва, Ю. Разыков, А. Свиридова, Е. Ласкарева, М. Шелехов, В. Зеленский, В. Залотуха, Н. Кожушаная, Е. Лобачевская, М. Хмелик, М. Шептунова и др. Почти все они были участниками предварительного этапа конкурса, прислали интересные заявки, но на главный тур не были допущены — им не представили возможность писать по ним сценарии. Мог ли такой конкурс вдохновить и мобилизовать думающую творческую молодежь!..

«ОТКРЫТЫЙ конкурс «ВРЕМЯ, ВПЕРЕД!», 1985-86 гг.

ПЕРВУЮ премию жюри решило не присуждать.

ВТОРАЯ — «Грешник», В. Гоник.

ТРЕТЬИ — «Воскресный пикник», В. Гоник;

«Тебя я прямо в губы поцелую», В. Зеленский.

ПООЩРИТЕЛЬНЫЕ — 3 премии.

Этот конкурс, можно сказать, был последним в той эпохе. Начиная его работу председатель жюри Б. Павленок, а подводил итоги вместе с другими членами жюри уже новый зам. председателя Госкино Н. Сизов. Конкурсное дело как бы умирало, исчерпав себя полностью.

Но не будем так пристрастны и несправедливы к прошлому — были тогда и качественно другие конкурсы.

Почти в параллель с упомянутым конкурсом «Герой жизни — герой экрана» по решению Секретариата Правления СК СССР в 1983 году для членов объединения молодых кинодраматургов был объявлен конкурс на лучший сценарий художественного фильма в «целях повышения творческой активности молодых кинодраматургов, выявления их профессионального мастерства и стимулирования их работы над произведениями на современную тему».

Сценарии шли под девизами, анонимно, и могли быть написаны на любую тему, в любом жанре и о любом времени — никаких ограничений. Представлялась возможность свободно проявить творческую индивидуальность. Из 40 приглашенных 27 драматургов представили сценарии. Отбором сценариев для рассмотрения жюри занимались только кинодраматурги. Из 12 лучших сценариев члены жюри решили, чтобы поощрить молодых, вместо трех работ отметить премиями пять, причем не выходя за финансовый лимит.

ПЕРВАЯ — «Все к лучшему», М. Шептунова.

ВТОРАЯ — «Семейный праздник на фоне моря», М. Хмелик; «Тройка», П. Корякин.

ТРЕТЬИ — «Победителей не судят», А. Свиридова;

«Скорый поезд», Е. Ласкарева (альманах «Киносценарии» № 2, 1987 г.).

Все эти сценарии, написанные литературно одаренными авторами, были на современную тему — острыми и серьезными. Поднимаемые в них проблемы только сегодня перестали быть запретными. Без какого-либо нажима сверху работы были разобраны разными студиями. Этот конкурс был рентабельнее и эффективнее всех конкурсов, когда-либо устроенных Госкино. Союзу кинематографистов он обошелся примерно в 5000 рублей, что в десять раз меньше самого «дешевого» конкурса прежних лет.

Еще пример. В 1974 году студия «Мосфильм» организовала конкурс на лучший сценарий по сельской тематике, пригласив четырех драматургов. В этом состязании

победил сценарий В. Черных «Человек на своем месте» и стал основой для одноименного фильма, получившего значительный резонанс.

Такого рода конкурсы, которые одновременно решали вопросы искусства и производства, периодически проводились и на республиканских студиях страны.

Последние конкурсы организовывались в новейшие времена:

1986-88 гг. **ОТКРЫТЫЙ** — «О СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ».

1987-88 гг. **ЗАКРЫТЫЙ** — «О СОВРЕМЕННОЙ СОВЕТСКОЙ АРМИИ И ВОЕННО-МОРСКОМ ФЛОТЕ».

Они проходили в период, когда кинематограф бурлил переменами. Прошел революционный V съезд СК СССР, разрабатывалась новая модель кинематографа, основанная на творческой и организационной самостоятельности и хозрасчете, конфликтная комиссия выпускала на экран лежавшие десятилетиями ленты, происходила переоценка критериев киноискусства, его задач и методов. Быстро стала выдвигаться талантливая сценарная молодежь, которая, как оказалось, писала хорошие сценарии и оставалась в неизвестности. По решению секретариата Союза кинематографистов в 1987 г. был выпущен молодежный номер альманаха «Киносценарии».

И вот в октябре 1986 года Госкино СССР, Союз кинематографистов СССР и ЦК ВЛКСМ объявляют о проведении **ОТКРЫТОГО** конкурса на лучший сценарий художественного фильма **О СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ**. Цель конкурса: «создание сценариев, отражающих жизнь советской молодежи, ее роль в развитии нашего общества, в осуществлении широких планов партии по ускорению социально-экономического развития страны. Сценарии должны раскрывать проблемы воспитания молодой личности в социалистическом обществе, показывать влияние партии и комсомола на ее формирование, утверждать преемственность революционных традиций. В них должна отражаться активная жизненная позиция советского молодого человека, его общественное, духовное и нравственное богатство».

А вскоре «в целях создания сценариев художественных фильмов, всесторонне раскрывающих жизнь, боевые традиции современной Советской Армии и Военно-Морского Флота», Госкино совместно с ГлавПУРОм объявили **ЗАКРЫТЫЙ** конкурс на лучший сценарий художественного фильма **О СОВЕТСКОЙ АРМИИ И ВОЕННО-МОРСКОМ ФЛОТЕ**. Задача конкурса: «Все-

стороннее раскрытие жизни боевых традиций, преемственности поколений советских воинов, заботы Коммунистической партии о советских вооруженных силах, высоком моральном и боевом духе ее солдат и офицеров... о традициях и новациях, о буднях и романтике...»

Эти конкурсы словно перешли из прошлого — как будто в стране во весь голос не заговорили об утрате комсомолом влияния и авторитета, о его бюрократизации, о моральном кризисе и негативных, даже страшных явлениях в молодежной среде. Как будто не шла война в Афганистане, и власти на местах не проявляли вопиющего бездушия к вернувшимся инвалидам, как будто не проявились во весь рост вовсе не славные традиции и нравы в нашей армии — дедовство, рукоприкладство, издевательство старших по званию над младшими, коррупция.

Конечно, в большинстве своем сценарии, присланные на молодежный конкурс ни по тематике, ни по тональности, ни по настроению не отвечали бодрячески фальшивым установкам. Примерно в каждом втором поднимались реальные проблемы: трудное положение на БАМе, безрадостный быт села, жестокость подростков, растерянность выпускников школы перед взрослой жизнью.

Однако талантливая драматургическая молодежь опять почти не участвовала в конкурсе, хотя, казалось, его цель должна быть близка ей. Жюри отмечало невысокий профессиональный уровень, слабую драматургию, налет неоконъюнктурности, поверхностность осмысления жизни современной молодежи. И даже премированные сценарии, по мнению членов жюри, не были свободны от этих недостатков.

Итог — из 286 сценариев члены жюри рассматривали 43, из них 17 обсуждали для премирования, 7 работ получили премии. На это мероприятие затрачено 43 000 рублей.

Были отмечены:
ПЕРВОЙ премией — «Перед рассветом», В. Бокарев.

ВТОРОЙ — «Феликс», С. Тараховский.

ТРЕТЬЕЙ — «Моя война», А. Свиридова.

ПООЩРИТЕЛЬНЫМИ — «Наш человек в Сан-Ремо», С. Бодров, А. Усов;

«Играем Корчака», С. Выгон;

«Хомо Новус», З. Кудря.

Все премированные сценарии были разосланы Госкино на разные киностудии страны. Но только сценарий В. Бокарева «Перед рассветом» был принят в производство на Свердловской киностудии.

ЗАКРЫТЫЙ конкурс, посвященный 70-ЛЕТИЮ СОВЕТСКОЙ АРМИИ И ВОЕННО-

МОРСКОГО ФЛОТА, стоил устроителям 63 000 рублей, основная часть которых пошла на оплату авторских гонораров. Конкурс получился сложный и противоречивый. Военная тематика в тех установках, в каких она была предложена, не привлекла известных кинематографистов. А работы профессиональных драматургов, на которых организаторы конкурса возлагали надежды, не прошли даже первого тура, т. е. их заявки не были одобрены ни ГлавПУРОм, ни кинематографистами. Вместо традиционных 15 договоров удалось заключить только 11. Мнения кинематографистов разошлись с мнениями политработников, участвовавших в отборе. Одни хотели видеть реальные, жизненные конфликты, другие были заинтересованы в показе образцовой армейской жизни и героев, которые могли бы служить примером солдатам и офицерам для подражания. Лучшим сценарием кинематографисты назвали «Предполье» Р. Тюриня, а военные — «КУГ» М. Кураева [«КУГ» — корабельная ударная группа].

На заседании жюри был достигнут компромисс.

«Если для Главного Политуправления, важен «КУГ», а это понятно, то, конечно, надо дать две премии, но и искусство не ставить ниже...», — сказал кинорежиссер.

«Я согласен, но не стал бы ставить выше какой-нибудь из этих двух сценариев», — заявил политработник.

На том и порешили — ПЕРВОЮ и ВТОРУЮ разделили эти два сценария. Одновременно в таком «соломоновом решении» был и практический смысл. Получив первую и вторую премию, по условиям конкурса, они становились «госзаказом», на их постановку по сравнению с обычными фильмами выделялись более значительные суммы, что обычно действовало подкупающе на студию и режиссеров. Эти два и другие премированные сценарии были направлены многим киностудиям страны. Но ни один из них пока производственной судьбы не имеет.

Вообще, конкурс о современной армии вызывает множество грустных мыслей. В армии миллионы солдат, десятки, может, и сотни тысяч офицеров, и все это — живые люди со своими человеческими, а не только военно-техническими проблемами, трагедиями, коллизиями. Сколько судеб! Сколько молодых парней каждый год уходят в армию, и какие это бывают нелегкие годы — физически и морально. А ведь, пожалуй, со времени фильма «Солдат Иван Бровкин», да и то комедии, ничего сколько-нибудь запоминающегося про современную армию сделано не было. Пишут на военную тему мало, серо, ис-

кусства в этих работах нет. Судя по рецензиям членов жюри, общий уровень договорных сценариев — средний, даже премированные произведения не выделялись ярко на этом фоне. И отмеченный, особенно кинематографистами, сценарий Р. Тюрина «Предполье» не ответил по-настоящему, в чем были правы представители ГлавПУРа, заданной теме.

Почему явно не удались эти два последние конкурса! Никто из организаторов не заметил или на захотел заметить, что открытый конкурс «ВРЕМЯ, ВПЕРЕД!», проходивший прямо перед этим, уже дал серьезный сбой. Два сценария одного автора А. Гоника получили две премии — вторую и третью. Требуя выполнить условия конкурса, автор ходил в Госкино, обращался на киностудии, настаивая на постановке своих сценариев. Но везде он встречал отказ. Автор даже обратился в прессу! В конце концов, один из сценариев все-таки получил постановку...

Что же произошло! Все очень просто. Механизм замкнутой цепи, срабатывавший все эти годы, — Госкино организует, премирует, рекомендует студиям, — в условиях новых принципов кинопроизводства перестал работать. Хозрасчет, самостоятельность студий внесли свои коррективы. А организаторы продолжали объявлять очередные конкурсы по прежней, отработанной схеме двадцатилетней давности. Все забыли, что конкурс — это творческое состязание, азарт, это награды по праву лучшим из лучших...

Так нужны все-таки конкурсы или нет!

Л. Голубкина (главный редактор объединения Центральной киностудии детских и юношеских фильмов им. Горького): «Я считаю, что конкурсы полезны, особенно открытые. Это, пожалуй, единственный способ выявления способностей. Но сегодня загонять их в строго регламентированные тематические рамки не нужно. Недостатком закрытых конкурсов было то, что они поощряли узкий круг людей, однако, в число лауреатов не попадали сценаристы, имена которых и вчера, и сегодня считаются серьезными. Сейчас принято плохо говорить о прошлом, ругать кого-то. Хочется избежать этого, но, действительно, все было построено так, что в те времена от нас зависело немного — мне, другим членам жюри нравилось одни сценарии, а у Б. Павленка и других сотрудников Госкино на эти сценарии был свой взгляд. Они нажимали — и нам приходилось сдаваться...»

В. Черных (кинодраматург, художественный руководитель объединения «Слово

на киностудии «Мосфильм»): «Мой путь в кино начался с конкурса. Это был не конкурс Госкино. И я обеими руками за конкурсы, но совершенно иные. Так, недавно в нашем объединении проводился конкурс на лучшую экранизацию по произведению И. Бабеля «Закат». Участвовали сильные авторы: драматург Павел Финн — с одной стороны, писатели Ф. Искандер и А. Попов — с другой. Победила экранизация Павла Финна. Хотя версия Ф. Искандера и А. Попова — тоже замечательная работа. Вообще для дела очень полезно, когда за одну и ту же тему берутся несколько сильных и талантливых профессионалов.

Мне не интересно участвовать в конкурсах Госкино. Я бы предпочел конкурс, в котором участвовали бы 4-5 сильных драматургов, и я был бы среди них. Потому что это как в спорте, — если партнер сильный, выкладываешься больше, чувствуешь азарт!»

П. Финн (кинодраматург): «Я выступал в трех ипостасях на этих конкурсах: как автор, как рецензент и как член жюри. И считаю, что конкурсы чрезвычайно несовершенны. Так было всегда, потому что интересы устроителей конкурсов и людей, которые оценивают работы, далеки от производства, от конъюнктуры, кинорынка. И если конкурсы развивать дальше, — то на другой основе, исходя из непосредственных заказов объединений, студий. Они не должны быть обширны, не должны растекаться тематически. Конкурс должен быть на конкретную тему, на жанр, особенно сегодня. Конкурс должен быть управляемым, не должен замыкаться в своей автономии. Конкурсы должны быть разные: широкие — для молодых, т. е. действительно выявлять новые имена, и очень локальные и конкретные для профессионалов, исходя из разумно спрограммированных интересов объединений. И посредником в этих конкурсах должно быть не Госкино, а сам сценарный цех или гильдия драматургов. На сегодня же у конкурса нет органической связи с жизнью, с реальными проблемами, ему надо быть более направленным, целеустремленным, связанным с людьми, с жизнью.

Время настолько стремительно обгоняет все эти конкурсы, которые проводятся в течение года-полтора, что их темы уже становятся неинтересными, ненужными, потому что не ставятся вечные темы. Например, никто не объявлял конкурс на лучший сценарий о любви... Конкурсы, связанные с производством, должны планироваться. Они должны быть пересмотрены, как все у нас в кинематографе. Сегодняшние и вчерашние конкурсы нерента-

бельны, оторваны от рынка. А зачем сценарии, которые никто не ставит!..»

Интересную идею высказывает драматург А. Гельман. Он предлагает проводить конкурсы на воспоминания. По его мнению, сейчас надо стимулировать самых разных людей вытаскивать все наиболее интересное из-под спуда былых запретов. Среди песка, считает он, наверняка, будут крупинцы золота осмысленного и оцененного опыта нашей истории. Так может получиться на экране история нашей страны не только через образы крупных деятелей, а через судьбы простых людей. На идеи и темы тоже можно и нужно открыть конкурс.

Н. Кладо (драматург, кинокритик): «Что такое конкурс? Наверное, проводится он для того, чтобы найти двух-трех талантливых сценаристов. Правильно. Но главная его цель в эпоху гласности — узнать народную точку зрения. Конкурсы нужны, но не на заданную тему — скажем, «о милиции» или «о рабочем классе». Конкурс — это один из каналов поиска реальных проблем современной жизни, скрытого народного голоса...»

В. Трунин (кинодраматург, главный редактор Центральной сценарной студии): «Я считаю, что конкурсы в том виде, в каком они существуют, проводиться не должны. Устраивать конкурс ради сценария, а не ради производства — нерентабельно. И не надо по каждой теме приглашать ведомства, как это было, например, с ГлавПУРОм, с которым мы сильно разошлись во мнениях. А ведь они — как бы заказчики, и поэтому влияют на рецензирование, оценки, от чего уровень конкурса порой снижается. Заказчиками надо приглашать режиссеров, художественных руководителей, редакторов объединений.

Может быть, стоит устраивать конкурсы жанровые, а не тематические. Скажем, сейчас мы готовимся к конкурсу на лучшую комедию совместно с «мосфильмовским» объединением, которым руководит Г. Даниеля. В число членов жюри, как мы предполагаем, войдут работники объединения, и, надо думать, что премированные на конкурсе сценарии будут приняты к производству. Здесь появится новый принцип: объединения будут брать сценарии не потому, что они премированы, а потому что премированы будут именно те сценарии, которые нужны производству».

Такая форма конкурсной работы совместно с объединениями, наверное, должна дать свои плоды. Это серьезный шаг в сторону качества, подлинной состязательности. Однако изменит ли радикально переориентация на производство положение с конкурсами, которое пока явно отстает от развития кинематографа? Не станут ли самодовлеющими критерии коммерческие, что может сильно обеднить сценарную палитру? На наш взгляд, конкурсное дело должно быть основано на принципе плюрализма. Конкурсы нужны и ради коммерции, и ради чистого искусства, и ради поиска нового имени, а также конкурсы профессионалов и любителей, конкурсы не только сценариев, но идей и материалов, жанровые и узко тематические. Длится им год-полтора — это просто несовременно, ведь жизнь меняется так быстро! Сегодня от них требуется мобильность, организация максимально простая и дешевая, формы разнообразные. И важно, чтобы у каждого конкурса было свое запоминающееся лицо, своя атмосфера, свой престиж. Надо искать дальше.

ВНИМАНИЮ НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ!

**С будущего 1989 года
альманах «Киносценарии» становится журналом.**

Будут выходить 6 номеров в год.

**Наши читатели,
которые подписались только на 4 номера,
имеют возможность продлить подписку до 6 номеров.**

Цена 6 номеров — 7 руб. 20 коп.

Наш индекс 70434.

ИНФОРМАЦИЯ

«ПОЛКА»

Первый номер альманаха за этот год был посвящен «полочным» сценариям. Читатели в своих письмах спрашивают, сколь велико было количество подобных сценариев и фильмов и как в дальнейшем сложилась их судьба.

Немного истории. Еще до V съезда кинематографистов, до мая 1986 г., в секции кинодраматургии была создана своя конфликтная комиссия. Возможности ее влиять на судьбу сценария были ничтожны, точнее — никакие, так как решающими правами она не обладала. Смысл ее создания заключался прежде всего в том, чтобы кинодраматурги возвысили голос в защиту своих коллег, чтобы коллеги «не умирали» в одиночку. Кинодраматурги решили утвердить солидарность как человеческую норму, нарушить «гармонию молчания», исповедуемую прежним руководством Союза кинематографистов и Госкино СССР.

На V съезде кинематографистов вопрос был поставлен однозначно: у нас не должно быть ни закрытых фильмов, ни закрытых сценариев. Обязанность покончить с «полкой» была возложена на новое руководство СК СССР.

Сразу же после съезда была создана комиссия по конфликтным творческим вопросам, в которую вошли режиссеры, сценаристы, кинокритики О. Агишев, М. Беликов, А. Габрилович, А. Герман, В. Голованов, Е. Григорьев, Н. Губенко, Г. Данелия, Г. Капралов, В. Лисакович, Л. Маматова, А. Медведев, В. Меньшов, А. Миндадзе, Н. Михалков, М. Осепьян, А. Плахов, Г. Полока, И. Рубанова, Е. Стишова, С. Фрейлих, А. Хамраев, Т. Хлопьянкина, Г. Шенгелая. Комиссия должна была прочесть и просмотреть КАЖДЫЙ «полочный» сценарий или фильм, выработать решение по КАЖДОМУ спорному вопросу. Затем КАЖДАЯ работа обсуждалась на секретариате правления союза кинематографистов. И наконец

экранная судьба КАЖДОГО «полочного» произведения решалась совместно с Госкино или с Гостелерадио СССР.

Уже на первых заседаниях секретариата СК было обращено внимание на трудную творческую судьбу режиссера А. Сокурова. Художественные фильмы «Одиноким голос человека», «Скорбное бесчувствие», документальные «Салют», «И ничего больше», «Элегия», «Терпение и труд» были рекомендованы, а затем и приняты к прокату. Судьба фильма Т. Абуладзе «Покаяние» также решалась с участием правления союза кинематографистов.

Все, что имело художественную ценность, необходимо было вернуть зрителям. Фильмы, утратившие тематическое значение, которое они имели для своего времени, комиссия рекомендовала для клубного проката или просила Госкино сделать одну-две копии, т. е. принципиально легализовать их, снять с «полки». Со сценариями дело шло быстрее — после разрешения конфликтов студии вскоре смогли включать их в свои производственные планы. Некоторые работы были опубликованы, в частности, в нашем альманахе, по многим поставлены и ставятся фильмы.

Есть ли сегодня проблема «полочных» сценариев? Пожалуй, нет. Хотя, скажем, сценарии А. Бизяка, О. Родионова «Ни к селу, ни к городу» и А. Усова «Комдив Жуков. Халхин-Гол. 1939 год», которые печатаются в этом номере альманаха, несмотря на свои художественные достоинства и общественную значимость, застряли на пути к экрану. И это вызывает тревогу, так как создается почва для новых конфликтов...

Если «полочные» сценарии надо было ДОПУСТИТЬ до студий, до производства и они были все «открыты», то фильмы надо было ВЫПУСТИТЬ — снять с «полки» каждый отдельно, персонально.

Мы приводим список фильмов, которые обсуждались конфликтной комиссией и секретариатом союза кинематографистов до начала августа нынешнего года. Сюда не вошли фильмы, рекомендованные для повторного проката, а также те, выпуск которых был решен с Госкино оперативно, в рабочем порядке.

«ДОЛГИЕ ПРОВОДЫ», 1971 г., реж. К. Муратова. Выпустить на общесоюзный экран, присвоить 1-ю категорию вместо 3-ей.

«КОРОТКИЕ ВСТРЕЧИ», 1968 г., реж. К. Муратова. Выпустить на общесоюзный экран.

«ТРИЗНА» («Кулагер»), 1972 г., реж.

Б. Мансуров. Выпустить на экран для клубных кинотеатров.

«РОДИНА ЭЛЕКТРИЧЕСТВА», 1967 г., реж. Л. Шепитко. Выпустить на общесоюзный экран для клубных кинотеатров, включив в киноальманах «Начало неведомого века».

«КОМИССАР» («Ангел»), 1967 г., реж. А. Смирнов. Выпустить на общесоюзный экран для клубных кинотеатров.

«ИВАНОВ КАТЕР», 1973 г., реж. М. Осепьян. Выпустить на всесоюзный экран в авторской редакции.

«ВТОРАЯ ПОПЫТКА ВИКТОРА КРОХИНА», 1977 г., реж. И. Шешуков. Выпустить на общесоюзный экран в авторской версии, восстановить закадровую балладу В. Высоцкого.

«ЗАЯЧИЙ ЗАПОВЕДНИК», 1973 г., реж. Н. Рашеев. Выпустить на общесоюзный экран.

«РОДНИК ДЛЯ ЖАЖДУЩИХ», 1966 г., реж. Ю. Ильенко. Выпустить на общесоюзный экран.

«ВЕЛИЧИЕ И ПАДЕНИЕ ДОМА КСИДИАС», 1967 г., реж. Г. Полока. Выпустить на экраны в авторской версии под первоначальным названием «ИНТЕРВЕНЦИЯ».

«ЛЕС», 1980 г., реж. В. Мотыль. Выпустить в прокат, дать 1-ю категорию.

«ПРОЩАНИЕ ЗА ЧЕРТОЙ», 1981 г., реж. К. Геворкян. Выпуск на экран.

«ЛЮБОВЬ С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА», 1975—78 гг., реж. Р. Эсадзе. Выпуск на экран, авторский вариант.

«СЕСТРА МОЯ ЛЮСЯ», 1986 г., реж. Е. Шинарбаев. Рекомендовать к показу по ЦТ.

«НЕУДОБНЫЙ ЧЕЛОВЕК», 1978 г., реж. В. Довгань. Рекомендовать к показу по ЦТ.

«ПЯТНО», 1985 г., реж. А. Цабадзе. Рекомендовать к показу по ЦТ.

«МИРГОРОД И ЕГО ОБИТАТЕЛИ», 1983 г., реж. М. Ильенко. Рекомендовать к показу по ЦТ.

«ГОРЬКИЙ. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ», 1967 г., реж. С. Аранович. Выпуск фильма на экран и показ по ЦТ.

«АЛЬТОВАЯ СОНАТА. Д. ШОСТАКОВИЧ», 1981 г., реж. С. Аранович, А. Сокуров. Выпуск фильма на экран.

«ПИСЬМА ДОМОЙ», 1969 г., реж. В. Беренштейн. Конфликтной ситуации не существует.

«УРА, У НАС КАНИКУЛЫ!», 1972 г., реж. В. Беренштейн. Конфликтной ситуации не существует.

«ТУГОЙ УЗЕЛ», реж. М. Швейцер, 1956 г., Восстановить, рекомендовать к показу.

«ТОЛЬКО ТРИ НОЧИ», 1969 г., реж. Г. Егизаров. Рекомендовать к показу.

«НАЙТИ ДРУГ ДРУГА» (1-я часть пятисерийного цикла «Семейный круг»), 1981 г., реж. А. Габрилович, С. Зеликин. Рекомендовать к показу по ЦТ.

«ПЫЛЕСОС», 1978 г., реж. А. Пайстик. Рекомендовать на всесоюзный экран.

«КРУГЛЫЙ ЛИ ЗЕМНОЙ ШАР?», 1977 г., реж. П. Пярн. Рекомендовать на всесоюзный экран.

«РА-НИ-НА», 1974 г., реж. М. Баханов. Рекомендовать на всесоюзный экран.

«СТУПЕНИ», 1975 г., реж. М. Саралидзе. Рекомендовать на всесоюзный экран.

«ГДЕ ТЫ, МОЯ САВАННА?», 1975 г., реж. Ю. Чикваидзе, О. Кочакидзе, А. Словинский (Самеули). Рекомендовать на всесоюзный экран.

«КОНКУРЕНЦИЯ», 1970 г., реж. Самеули. Рекомендовать выпустить в массовый прокат.

«ВОЛШЕБНЫЙ БАЛЬЗАМ», 1984 г., реж. В. Белов. Рекомендовать на всесоюзный экран.

«ДВИГАТЕЛИ», 1969 г., реж. В. Левин. Пересмотреть категорию в сторону высшей оценки.

«НАШЕ СЛОВО», 1986 г., реж. В. Левин. Повысить тираж с согласованием с ЦК ВЛКСМ.

«МОЛЬБА», 1968 г., реж. Т. Абуладзе. Повысить категорию, напечатать дополнительно тираж (не менее 250 копий), выпустить картину в повторный прокат в составе трилогии: «Мольба», «Древо желаний», «Покаяние».

«ДОРОГА ДОМОЙ», 1969 г., реж. А. Сурин. Выпустить в клубный прокат, пересмотреть категорию после года проката.

«ПЕРЕЛЕТ ВОРОБЬЕВ», 1980 г., реж. Т. Баблуани. Присвоить 1-ю категорию, выпустить в клубный общесоюзный прокат, включив в киноальманах.

«ПУТЕШЕСТВИЕ В СОПОТ», 1980 г., реж. Н. Джорджадзе. Рекомендовать к клубному общесоюзному прокату, включив в киноальманах.

«СКВЕРНЫЙ АНЕКДОТ», 1966 г., реж. А. Алов, В. Наумов. Рекомендовать к выпуску в прокат.

«ВАСИЛЬ БЫКОВ. ВОСХОЖДЕНИЕ», 1986 г., реж. В. Дашук. Выпустить на всесоюзный экран.

«ПИГМАЛИОН», 1967 г., реж. А. Буровс. Выпуск на всесоюзный экран.

«БИМИНИ», 1981 г., реж. А. Буровс. Выпуск на всесоюзный экран.

«ДВЕРЬ», 1986 г., реж. Н. Шорина. Пересмотреть категорию со 2-ой на 1-ю.

«КАК Я ЕХАЛ К ДЕВЕ СЕВЕРА», 1980 г., реж. Р. Стиebra. Показать на всесоюзном телеэкране.

«У МЕНЯ В КАРМАНЕ», 1983 г., реж. Р. Стиebra. Показать на всесоюзном экране.

«МЕДВЕДЬ-ЧУДОДЕЙ», 1985 г., реж. Р. Стиebra. Показать на всесоюзном экране.

«ПРО КОЛХОЗ», 1981 г., реж. Р. Стиebra. Показать на всесоюзном телеэкране.

«СТЕКЛЯННАЯ ГАРМОНИКА», 1968 г., реж. А. Хржановский. Тиражировать в авторской версии.

«УРАЛЬСК В ОГНЕ», 1976 г., реж. М. Бегалин. Тиражировать в количестве 2-3 экземпляров для киноархива.

«НЕТ ХУДА БЕЗ ДОБРА», 1984 г., реж. П. Чарквиани. К выпуску в повторный прокат.

«ПРОИСШЕСТВИЕ», 1978 г., реж. Г. Канделаки. К выпуску в повторный прокат. «МЕСТО ПОД СОЛНЦЕМ», 1981 г., реж. А. Сукутс. К выпуску на экран.

«ГОЛОС», 1986 г., реж. А. Сукутс. К выпуску на экран при условии, что герой фильма не имеет претензий этического порядка. «СТРЕЛЫ РОБИН ГУДА», 1975 г., реж. С. Тарасов. Повторный прокат в авторской версии, восстановить (450 метров фильма) с фонограммой баллад (восемь) В. Высоцкого в авторском исполнении.

«АСИНО СЧАСТЬЕ», 1966 г., реж. А. Михалков-Кончаловский. Восстановить авторскую версию и выпустить в прокат.

«ИНТЕРВАЛ», реж. С. Азимов. Выпуск на всесоюзный экран.

«ГОРОД И СМОГ», реж. В. Татенко. Выпуск на всесоюзный экран.

«СЕРГЕЙ ЭЙЗЕНШТЕЙН. ПОСТСКРИПТУМ», 1975 г., реж. А. Эпперс. Выпустить на общесоюзный экран дилогию целиком, содействовать показу по телевидению, выпуску на всесоюзный видеозэкран.

«ПАВЕЛ ФИЛОНОВ В ВОСПОМИНАНИИ СОВРЕМЕННОКОВ», 1988 г., реж. В. Наумов. Завершить работу над фильмом и выпустить на всесоюзный экран.

«ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ», 1986 г., реж. В. Олендер. Выпуск на всесоюзный экран и видеозэкран.

«КРЕСТЬЯНСКОЕ ГНЕЗДО», 1981 г., реж. М. Меркель. Нуждается в сокращении, активном монтаже, переозвучивании на русском и эстонском языках.

«ТОЧКА ЗРЕНИЯ», 1978 г., реж. Л. Ефимов. Доснять и выпустить на всесоюзный экран.

«ДЛИННЫЙ ДЕНЬ», 1981 г., реж. Е. Пашкевич. Выпустить на всесоюзный экран.

«ЗЕРКАЛО», 1975 г., реж. А. Тарковский. Вернуться к пересмотру категории на высшую.

«КОМИССАР», 1967 г., реж. А. Аскольдов. Выпустить фильм на общесоюзный экран в авторской версии, тарифицировать реж. А. Аскольдова, помочь с трудоустройством.

«ОТПУСК В СЕНТЯБРЕ», 1980 г., реж. В. Мельников. К показу по ЦТ.

«И ПАДАЛ СНЕГ НАД БЕЛЫМИ САДАМИ», 1984 г., реж. Г. Левашов-Туманишвили. Показать по ЦТ.

«ДЕРЕВО ЖИЗНИ», 1984 г., реж. А. Добровольский. Показать по ЦТ.

«МОИ СОВРЕМЕННОКИ», 1985 г., реж. В. Виноградов. Показать по ЦТ.

«Я ВОЗВРАЩАЮ ВАМ ПОРТРЕТ», 1984 г., реж. В. Виноградов. Показать по ЦТ.

«ЗАСТАВА ИЛЬИЧА», 1962 г., реж. М. Хуциев. Восстановить авторскую версию, напечатать несколько копий, провести юбилейный сеанс картины в связи с 25-летием со времени ее завершения, предложить ЦТ показать фильм в юбилейном цикле «Истории немеркнущие строки», включить эту версию в ретроспективный показ вместо фильма «Мне 20 лет».

«СКАЗКА СКАЗОК», 1979 г., реж. Ю. Норштейн. Пересмотреть категорию с 1-ой на высшую.

«МОЯ РЕВОЛЮЦИЯ», 1971 г., реж. Е. Тихонов. Принять на общесоюзный экран для показа по телевидению.

«ОТСЮДА В ВЕЧНОСТЬ», 1969 г., реж. В. Голованов, А. Заболоцкий. К показу на всесоюзном экране.

«ПУТЬ К СЕБЕ», 1982 г., реж. Т. Чирков. К выпуску на экран.

«КАЖДЫЙ ВЕЧЕР ПОСЛЕ ШЕСТИ», 1984 г., реж. Л. Мкртчян. Рекомендовать для показа в кинотеатрах и по телевидению.

«МОЯ МАМА-ГЕРОЙ», 1979 г., реж. Н. Обухович. Рекомендовать студии, авторам фильма провести предварительные переговоры с героиней (Голубевой В.); в случае ее согласия на выход фильма на экран, провести необходимые досъемки; в установленном порядке провести выплату постановочного вознаграждения группе по 1-й категории оплаты, независимо от выхода фильма на экран.

«МЕЛОЧИ ЖИЗНИ», 1980 г., реж. А. Заболоцкий. К выпуску на всесоюзный экран.

«ТАЕЖНАЯ БЫЛЬ», 1986 г., реж. В. Соломин. К показу по ЦТ.

«КОГДА УХОДИТ ТУМАН», 1980 г., реж. К. Юсупжанова. К показу в прокате и на телеэкране.

«ДОМ, В КОТОРОМ МЫ», 1986 г., реж. А. Артыков. На всесоюзный экран.

«КОГДА В ДОМ ПОСТУЧАЛАСЬ ВОЙНА», 1975 г., реж. Ф. Ходжаев. Пересмотреть категорию фильма и содействовать показу по ЦТ.

«ВСЕГДА НЕПОБЕДИМ ОСТАЛСЯ», 1980 г., реж. В. Лопатин. Выпустить на всесоюзный экран в первом варианте, выплатить постановочные вознаграждения.

«ЩЕЛЧКИ», 1973 г., реж. Р. Эсадзе. К выпуску на всесоюзный экран и показу по ЦТ.

«ДВА ДНЯ В МАЕ», 1966 г., реж. В. Ефимов. Выпустить на экран и показать его по ЦТ.

«ПОЛДЕНЬ», 1967 г., реж. В. Зак. Выпустить на экраны и по ЦТ с выплатой постановочного вознаграждения.

«НА ВЕЧЕРНИХ БАРИКАДАХ», 1984 г., реж. Э. Зубавичус. К выпуску на всесоюзный экран.

«ГЕНЕРАЛ ЧЕРНЯХОВСКИЙ», 1982 г., реж. Л. Лазепас. Выпустить на всесоюзный экран,

предварительно показав специалистам по комиссии документального кино на предмет идентификации документального материала в фильме, который по дикторскому тексту свидетельствует о конкретных боевых сражениях 1944 года.

«ВЕДУЛА», 1975 г., реж. Г. Шаблявичус. Показать на всесоюзном экране.

«АПОЛИНАРАС», 1973 г., реж. Г. Шаблявичус. Выпустить на всесоюзный экран.

«ВСЕ ХОРОШО», 1986 г., реж. Г. Шаблявичус. Выпустить на всесоюзный экран.

«ДА ЗДРАВСТВУЕТ ДВИЖЕНИЕ!», 1983 г., реж. Г. Шаблявичус. К показу на всесоюзном экране не рекомендовать.

«ИЮНЬ, НАЧАЛО ЛЕТА», 1960 г., реж. Р. Вабалас. Рекомендовать для показа в киноclubs.

«AVE VITAE», 1969—1971 гг., реж. А. Грикявичус. Рекомендовать для клубного проката.

«САДУТО-ТУТО», 1974 г., реж. А. Грикявичус. Сделать копии для киноархива.

«ОТРАЖЕНИЕ», 1968 г., реж. Г. Шаблявичус. Не рекомендовать для показа по ЦТ.

«СЕГОДНЯ И ВСЕГДА», 1984 г., реж. Г. Лукшас. К показу по ЦТ.

«ВСЯ ПРАВДА О КОЛУМБЕ», 1969 г., реж. В. Жалакявичус. К показу по ЦТ.

«СМЕРТЬ И ВИШНЕВОЕ ДЕРЕВО», 1968 г., реж. А. Жебрюнас. Тираж для клубного проката.

«ТРИ ДНЯ ВИКТОРА ЧЕРНЫШЕВА», 1967 г., реж. М. Осепьян. Выпустить в прокат в авторской версии и показать по ЦТ.

«НАШ ВЕК», 1982 г., реж. А. Пелешян. Выпустить на всесоюзный экран и показать по ЦТ.

«МЫ», 1969 г., реж. А. Пелешян. Выпустить на всесоюзный экран и показать по ЦТ. Включить картины А. Пелешяна в ретроспективные программы советских фильмов, посвященных 70-летию Октября, для показа в стране и за рубежом.

«ОБЫКНОВЕННЫЙ ФАШИЗМ», 1966 г., реж. М. Ромм. Выпуск в повторный прокат на всесоюзный экран и ЦТ.

«БОЛЬШАЯ ЖИЗНЬ» (Вторая серия), 1946 г., выпуск 1958 г., реж. Л. Луков. Обратиться в ЦК КПСС с предложением отменить постановление ЦК ВКП(б) от 4 сентября 1946 г. «О кинофильме «Большая жизнь», весь дух и содержание которого представляют собой пример грубого искажения ленинских принципов художественной политики (принято единогласно).

«МОЙ ДОМ — ТЕАТР», 1975 г., реж. Б. Ермолаев. Оставить для киноархива.

«ЗОВ ПЕЛАГОНЕ», 1986 г., реж. Б. Чхендзе. Нет оснований для выпуска на всесоюзный экран.

«РЕШАЮЩИЙ ЗАБЕГ», 1987 г., реж. Э. Зубавичус. Рекомендовать к показу по ЦТ.

«ПОЗДНИЙ ВОСХОД», 1971 г., реж. В. Орехов. Выплатить постановочные вознаграждения, т. к. фильм был принят на всесоюзный экран, тиражирован, закуплен рядом стран, получил международную премию.

«ОГЛЯНИСЬ, ТОВАРИЩ!», 1966 г., реж. И. Моргачев. Создать вторую редакцию фильма.

«ГРУППА ТОВАРИЩЕЙ», 1987 г., реж. М. Ляховецкий. Принять, выпустить в прокат и показать по телевидению.

«СТРЕЛЬБА ВЛЕТ», 1980 г., реж. Г. Чирадзе. Выпуск на всесоюзный телеэкран.

«ОБОРОНА ЦАРИЦЫНА» (Вторая серия), 1942 г., реж. бр. Васильевы. Сохранить картину в архиве, официально легализовать.

«ИЗОБРЕТАТЕЛИ», 1976 г., реж. Е. Абдрахманов. Представление на всесоюзный экран не поддерживается.

«ДЫМ», 1976 г., реж. Л. Айдаров. Представление на всесоюзный экран не поддерживается.

«ПЕРЕД СУДОМ ИСТОРИИ», 1965 г., реж. Ф. Эрмлер. Восстановить в полном объеме версии, выпустить в прокат и показать по ЦТ.

«ВТОРЖЕНИЕ», 1980 г., реж. В. Новак. Восстановить авторский вариант, пересмотреть присвоенную фильму ранее 3-ю группу оплаты, т. к. она была утверждена по искаженному, несоответствующему авторскому замыслу варианту фильма.

«ПАМЯТИ ДОСТОЕВСКОГО», 1971 г., реж. В. Гуркаленко-Никифорова. Выпустить на всесоюзный экран с пересмотром группы оплаты постановочного вознаграждения.

«КЛАД», 1970 г., реж. Г. Кистауов. Рекомендовать к выпуску на всесоюзный экран.

«ДЕНЬ АНГЕЛА», 1982 г., реж. С. Сельянов, Н. Макаров, И. Минаев. Выделить необходимые средства для доведения до прокатного варианта.

«ГОРЕ ЛУКОВОЕ ПО СВЕТУ ШЛЯЛОСЬ», 1985 г., реж. В. Эйсер. Оставить для архива ВГИКа.

«ПОСЕТИТЕЛИ», 1985 г., реж. В. Грунин. Выпустить на всесоюзный экран.

«ЖИЛИ-БЫЛИ», 1987 г., реж. Г. Габелия, Д. Габуня. Дать возможность закончить работу, перевести на одну пленку, показать по телевидению.

«МИНА—22», 1986 г., реж. А. Слесаренко. Отрицательное отношение к фильму, как явлению кинематографа.

«ПРИГОВОРЕННЫЙ К РАССТРЕЛУ», 1985 г., реж. А. Слесаренко. Отрицательное отношение к фильму, как явлению кинематографа.

- «ВОЗВРАЩЕНИЕ К СЕБЕ», 1986 г., реж. А. Павлович. В связи с профессиональными вопросами выпуск фильма на экран зависит от решения медицинских органов.
- «ДЕТИ ГАЛАКТИКИ», 1986 г., реж. А. Герасимов. Госкино — «за», не выпускает ведомство, связанное с космосом.
- «СМЕРТЬ КОМИССАРА», 1966 г., реж. Р. Кармен. Рекомендован на экран.
- «ИГЛА» («Колеса»), 1987 г., реж. Ю. Захаров. Рекомендован на экран.
- «ПЛОВЕЦ», 1981 г., реж. И. Квирикадзе. Повторный прокат фильма в авторской версии и датировкой 1986 г.
- «МОТИВ», 1987 г., реж. М. Юсупова. Рекомендован на экран.
- «ГРУППА РИСКА», 1987 г., реж. А. Никишин. Просить Госкино СССР о переводе на видео.
- «ПРАЗДНИКИ РЕВОЛЮЦИИ», 1971 г., реж. И. Григорьев. Рекомендован на экран.
- «ПАМЯТЬ», 1987 г., реж. Н. Обухова. Рекомендован на экран.
- «ИЗ ПЕРВЫХ РУК», 1987 г., реж. П. Ахматов. Выпустить на экран.
- «МУЖИЧКИ», 1974 г., Б. Рачвелишвили. Выпустить на всесоюзный экран.
- «ПЕКАРИ», 1970 г., Б. Рачвелишвили. Выпустить на всесоюзный экран.
- «ТАМ, ГДЕ ГОРЫ БЕЛЫЕ», 1973 г., реж. В. Пусурманов. Выпустить на экран.
- «ПРИБЕЖИЩЕ», 1983 г., реж. И. Апасян. Выпустить в прокат.
- «ДУША ПОЕТ», 1985 г., реж. Б. Лиханов. Выпустить на всесоюзный экран.
- «БАРДЫ ПОКИДАЮТ ДВОРЫ», 1987 г., реж. П. Солдатенков. Создать прокатный киновариант фильма с восстановлением изъятых сцен и проведением режиссерских коррекций.
- «ХРИСТОС ПРИЗЕМЛИЛСЯ В ГРОДНО», 1968 г., реж. В. Бычков. К выпуску в авторской редакции с выплатой авторам постановочного вознаграждения.
- «ЧТО ТАМ ВНУТРИ?», 1988 г., реж. А. Марутян. Принять для выпуска на всесоюзный экран.
- «ЗА НОЧЬЮ ДЕНЬ ИДЕТ», 1966 г., реж. О. Бийма. Просить Госкино СССР о переводе на видео, показать по ЦТ.
- «ОШИБКИ ЮНОСТИ», 1978 г., реж. Б. Фрумин. Восстановить авторскую версию.
- «ПОКА БЕЗУМСТВУЕТ МЕЧТА», 1978 г., реж. Ю. Горковенко. К выпуску на всесоюзный экран и показу по телевидению.
- «МАЛЬЧИК И ПТИЦА», 1973 г., реж. Б. Пименов. Выпуск на всесоюзный экран.
- «ХАТЫНЬ, 5 км», 1968 г., реж. И. Коловский. Восстановить авторский вариант, выпустить на всесоюзный экран и телевидение.
- «КОНЕЦ ИГРЫ», 1978 г., реж. М. Паносян. Выпуск на всесоюзный экран.
- «ГРАЖДАНИН», 1978 г., реж. Х. Джураев. К выпуску на всесоюзный экран.
- «ЛЮБИТЬ», 1968 г., реж. М. Калик. Вернуть в действующий фонд.
- «ДО СВИДАНИЯ, МАЛЬЧИКИ», 1966 г., реж. М. Калик. Вернуть в действующий фонд.
- «ЧЕЛОВЕК ИДЕТ ЗА СОЛНЦЕМ», 1962 г., реж. М. Калик. Вернуть в действующий фонд.
- «ЦЕНА», 1969 г., реж. М. Калик. Показать по ЦТ.
- «РОК», 1988 г., реж. А. Учитель. Ходатайствовать о переводе с видео на телеэкран.
- «БОЛЬ», 1988 г., реж. С. Лукьянчиков. Содействовать завершению работы над фильмом.
- «ТЕАТР ВРЕМЕНИ ПЕРЕСТРОЙКИ И ГЛАСНОСТИ» («Профессия — чиновник»), 1988 г., реж. А. Рудерман. Обратиться к руководству «Беларусьфильма» с просьбой оказать всемерную помощь и поддержку авторам фильма в целях завершения картины.
- «ПУТЬ», 1983 г., реж. М. Кокошашвили. Ходатайствовать о показе по ЦТ.
- «РОЖДЕНИЕ», 1987 г., реж. Д. Худоназаров. Ходатайствовать о показе по ЦТ.
- «ЗЕМЛЯ НА ЛАДОНЯХ», 1968 г., реж. В. Логинов. Отпечатать для киноархива, рекомендовать продолжить тему, начатую в фильме, рассказать о судьбах героев спустя 20 лет.
- «АУРА», 1988 г., реж. М. Алиев. Поддержать решение Госкино СССР о выпуске в авторском варианте и выпустить на всесоюзный экран.
- «ИЛЛЮЗИОН», 1988 г., реж. Г. Емельянов. Поддержать решение Госкино СССР о выпуске в авторском варианте и выпустить на всесоюзный экран.
- «КРУГЛЫЙ СТОЛ», 1968 г., реж. Б. Баратов. Ходатайствовать перед руководством ЦТ об использовании фильма в специальных передачах по телевидению и восстановлении режиссера Б. Баратова в штате Т/О «Экран».

Конфликтная комиссия продолжает свою работу.

НАШИ АВТОРЫ

БИЗЯК АЛЕКСАНДР ГРИГОРЬЕВИЧ (родился в 1939 году). Закончил филологический факультет Ташкентского государственного университета в 1961 г. и сценарный факультет ВГИКа в 1967 г. (мастерская А. Никифорова). По сценариям А. Бизяка поставлены телевизионные художественные фильмы «Завещание старого мастера» (1972 г., в соавторстве с А. Кривошеиным, режиссер Ю. Степчук), «Надежный человек» (1974 г., в соавторстве с А. Кривошеиным, режиссер Д. Нижниковская), «Прикажи себе» (1978 г., режиссер И. Хомский), «Долгие дни, короткие недели» (1981 г., режиссеры С. Винокуров и В. Попков). Автор сценариев «Если завтра война» (1963 г.), «Человек на дороге» (1972 г.), «Из пункта А в пункт Б» (1978 г.), «Мои поэмы — «Кактус» (1981 г.), «Постельный режим» (совместно с О. Родиновым, 1987 г.) и др. Автор сценариев около 30 документальных фильмов.

БОКАРЕВ ГЕННАДИЙ КУЗЬМИЧ (родился в 1934 году). Заслуженный деятель искусств РСФСР. Закончил сценарный факультет ВГИКа в 1967 г. (мастерская проф. И. Вайсфельда и Н. Фокиной). По сценариям Г. Бокарева поставлены фильмы «Самый жаркий месяц» (1974 г., экранизация пьесы «Сталевары», режиссер Ю. Карасик), «Весь мир в глазах твоих» (1977 г., режиссеры И. Симоненко и С. Клименко), «Пуск» (1978 г., режиссер Г. Иванов), «Хочу, чтобы он пришел» (1979 г., режиссер Э. Гаврилов), «Конфликтная ситуация» (1981 г., режиссер Р. Мурадян), «Найти и обезвредить» (1982 г., режиссер Г. Кузнецов), «Здесь твой фронт» (1983 г., режиссер Э. Гаврилов). Фильм по сценарию «Перед рассветом» (1967 г.) снимает режиссер Я. Лапшин.

ВОЛЧЕНКО СЕРГЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ (родился в 1961 г.). Закончил сценарный факультет ВГИКа в 1988 г. (мастерская Л. Нехорошева и Н. Фокиной). Публикуемые в альманахе сценарии вошли в его дипломную работу.

РОДИОНОВ ОЛЕГ АЛЕКСАНДРОВИЧ (родился в 1936 году). Закончил операторский факультет ВГИКа в 1960 году (мастерская Б. Волчека). Кандидат искусствоведения. Как оператор и режиссер снял около сорока документальных телевизионных фильмов. Автор сценария «Постельный режим» (совместно с А. Бизяком, 1987 г.).

ЮРИКОВА НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА. Закончила факультет журналистики МГУ в 1971 г. Автор ряда статей и очерков о киноискусстве.

ТОЛМАЧЕВА НАТАЛЬЯ КОНСТАНТИНОВНА. Закончила сценарный факультет ВГИКа в 1988 г. (мастерская Л. Нехорошева и Н. Фокиной). Автор сценариев «Групповой портрет в сельском интерьере» (1986 г., совместно с Л. Короткевич), «Лопух» (1987 г.), «Сниму обитаемый остров» (1987 г.). Сценарий «Зяблики» — дипломная работа.

ТЮРИН РУДОЛЬФ КОНСТАНТИНОВИЧ (родился в 1938 году). Закончил сценарный факультет ВГИКа в 1965 г. (мастерская К. Парамоновой). Автор и соавтор сценариев художественных фильмов «Птицы наших надежд» (1973 г., режиссер Э. Ишмухамедов), «Кровь и пот» (1975 г., экранизация одноименного романа А. Нурпеисова, режиссеры А. Мамбетов и Ю. Мاستюгин), «Серебряный Рог Алатау» (1976 г., режиссер В. Пусурманов), «Вкус хлеба» (1979 г., режиссер А. Сахаров), «Прощание» (1980 г., совместно с Л. Шепитько и Г. Климовым, экранизация повести В. Распутина «Прощание с Матерой», режиссер Э. Климов), «Памятник» (1983 г., режиссер А. Кабулов). Автор сценариев «Малыры» (1965 г.), «Бунт на коленях» (1965 г., напечатан в альманахе «Киносценарии» № 2, 1988 г.), «Матросская Тишина» (1970 г.), «Предполье» (1972 г.), «Рахманинов» (1978 г.), «Республика Гениев» (1979 г.), «День как день» (1985 г., напечатан в альманахе «Киносценарии» № 4, 1987 г.), «Пост № 1» (1987 г.) и др.

УСОВ АНАТОЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ (родился в 1940 году). Закончил исторический факультет Горьковского государственного университета в 1964 г., Высшие сценарные курсы Госкино СССР в 1971 г. По сценариям А. Усова поставлены художественные фильмы «Про Витю, про Машу и морскую пехоту» (1973 г., режиссер М. Пташук), «Додумался, поздравляю!» (1975 г., режиссер Э. Гаврилов), «Примите телеграмму в долг» (1979 г., режиссер Л. Нечаев), «Счастливая, Женька!» (1984 г., режиссер А. Панкратов), «Ночной экипаж» (1988 г. режиссер Б. Токарев, сценарий напечатан в альманахе «Киносценарии» № 4, 1987 г.), «Мисс миллионерша» (1988 г., режиссер А. Рогожкин). Автор сценариев «Водитель-заготовитель» (1982 г.), «Жаль мне себя немного» (1982 г.), «И тогда им здорово повезло» (1983 г.), «Последняя роль Кенди Джонсон» (1984 г.), «Комдив Жуков. Халхин-Гол. 1939 год» (1986—1987 г.) и др.

Сценарий «Счастливчик» (1977 г.) снимает режиссер В. Мишаткин.

1р.20к.
70434

КИНОСЦЕНАРИИ

1988

4